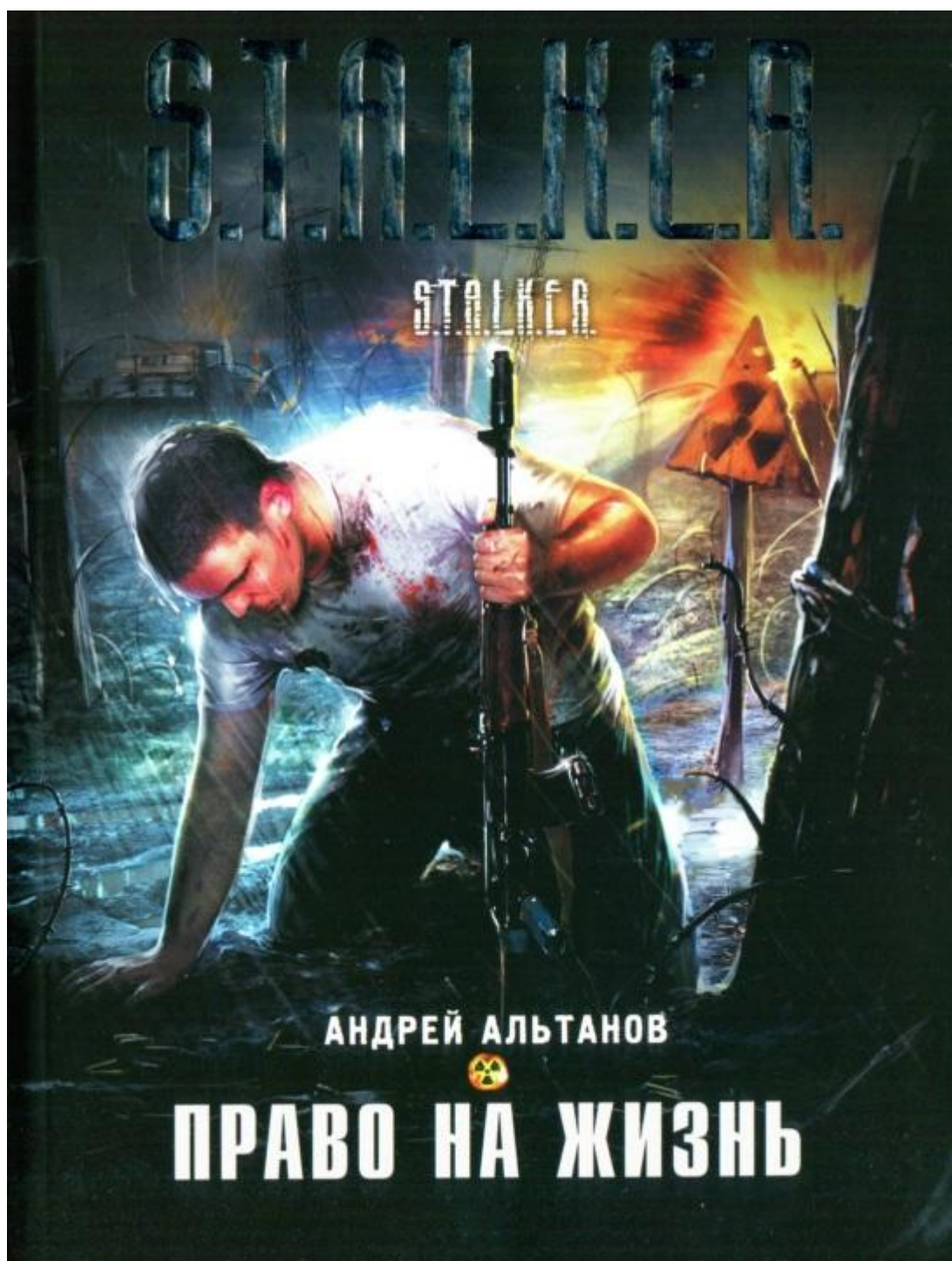

Андрей Альтанов
Право на жизнь
S.T.A.L.K.E.R. –

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (Scan - Изольда; OCR, ReadCheck - kotinet; Conv - InternetMC) <http://huge-library.org>
«Андрей Альтанов "Право на жизнь"»: АСТ; Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-074271-4; 978-5-271-35988-0

Аннотация

Кто-то желает спасти мир от Зоны, кто-то — наоборот. Кто-то спит и видит «Исполнитель желаний», а кто-то бредит «Клондайком артефактов». Бизон же, став сталкером поневоле, желает попросту убраться прочь. Прочь из Зоны. Он даже не догадывается, кто именно выкрал его из теплой квартиры и безжалостно зашвырнул в самое гиблое место на Земле. Он не одинок в своем несчастье. Участниками безумной и жестокой игры стала целая группа обычных, даже не слышавших про Зону людей.

Кто это сделал? С какой целью? Почему выбрали именно их? Ответы на все эти вопросы суждено узнать лишь одному из них — Бизону. Но для этого ему нужно сначала сбежать из самого настоящего ада, из города-призрака Припять, а затем живым дойти до Кордона.

Андрей Альтанов ПРАВО НА ЖИЗНЬ

...justice in the barrel of a loaded gun!

John Francis Bongiovi, Jr., слова из песни

...И хвастались Боги друг перед другом,
Шумно хвалились уменьями разными.
Тот, что питался душами смертных,
Брюхо шарами иллюзий.
Тот, что сминал эти души руками,
Сущность меняя, и вид, и расцветку, —
Ладони свои поглаживал, сыто икая.
Тот, что водил эти души по кругу,
Азартно игрался потирал одержимо.
И только один не шумел среди бессмертных,
Молча, с усмешкой, на братьев взирая:
Тот, кто умел создавать эти души,
Взглядом сгущая пустое пространство...

**Строки из поэмы неизвестного сетевого автора;
перевел с английского — А. А. Кудрявцев.**

ПРОЛОГ

Опять моросит дождь, тихо постукивает по плащ-накидке. Все как тогда. Как в тот самый раз, когда я впервые вдохнул воздух Зоны без страха, без чувства первобытного ужаса.

Дед Михей любил в такую погоду пыхнуть из-под краев широкого капюшона едким дымком «Примы» и проворчать себе под нос: «Зона плачет». Возможно, старик был прав...

Смотрю сейчас на капли дождя, стекающие по тертой многими ладонями, исцарапанной поверхности моего «калаша», и вижу именно их. Слезы. Немые слезы, но не Зоны. Думаю, что это плачут сгинувшие здесь души. Вернуться хотят, что ли? Сколько их там, над нами, в этом вечно сером небе?

Ха, размечтался! Даже запрокинул голову, будто и взаправду решил высмотреть толпу облачных призраков сквозь запотевшие стекла. Да еще в толпе той — различить старых знакомцев... Устал. Снял «намордник», скинул брезент капюшона. Растер ладонью холодную влагу по лицу, зудящему от постоянного контакта с дыхательной маской.

Хорошо-о-о!..

Непроизвольно отдернулись пальцы, коснувшиеся кривого шрама. Выпуклая бороздка сросшихся тканей протянулась от края правой брови через всю щеку до уголка губ.

Ну, здравствуй, я вернулся.

Вот и Зона.

Что знает о ней обычный человек? Только не понаслышке, не из слухов и сплетен. Не думаю, что многое. А значит, и о нас, живущих внутри нее, не знает почти ничего.

Картина мира здесь совсем не изменилась за полгода. Все такая же проржавевшая «колючка» на столбах, все те же навечно пожелтевшие тополя и облезлые руины. Пейзаж на секунду напомнил развалины заброшенного колхоза в украинской глубинке. Расслабился, хотел было встать в полный рост. Но та самая колючая проволока и россыпи стреляных гильз в грязи под ногами одернули, напомнили. Да, здесь только попробуй высунуть голову из кустов...

Зона не меняется. Меняемся в ней мы, люди. Главное из желаний — во что бы то ни стало выжить — властно заставляет это делать.

Хотя нет, все же что-то изменилось и здесь. В пейзаж вклинились новые рукотворные детали. У блокпоста, внутри Зоны, появилось чисто символическое ограждение вдоль дороги. И минное поле за ним, усеянное трупами сталкеров, рискнувших пойти через него. Снаружи-то давным-давно заминировано, но чтобы мины ставили уже на самой территории... это что-то новенькое.

Именно это обстоятельство сейчас и осложнило мне жизнь. А я-то думал, что все будет несложно. На брюхе прополз, обогнул военных, пролез через брешь в «колючке» и... уткнулся носом в труп с оторванными конечностями. Дальше пришлось ползти к самой дороге у блокпоста. Несколько метров обочины вдоль асфальта вояки не засеяли смертоносными «овощами».

Вот и сижу теперь в этих кустах уже восемь часов, и постоянно разминаю ноги, чтобы не затекали. Кто знает, когда из мышц понадобится выжать максимум? А выжимать придется, это без вариантов. Хорошо хоть, что дождь пошел. Никогда не любил это прохудившееся серое небо, а вот сейчас молюсь, чтобы оно разродилось ливнем.

Хм, а дождь-то всерьез разохотился... Неужели кто-то вверху расслышал мой невнятный шепот, просочившийся на небеса из этой заболоченной канавы, скрытой придорожными кустами?

Вот она, последняя группа патрульных. Военные возвратились на базу и укрылись от ливня в коробах кирпичных построек комплекса КПП. Теперь из всех препятствий осталось одно — пулеметчик в ближнем к дороге «скворечнике». Я припал к биноклю.

Так и есть. Стоит, гад, высматривает. Сейчас ему должны принести кружку кофе, чтобы не уснул боец в такую погоду.

А это — реальный шанс проскочить.

Пока солдатик меня заметит, пока решит, что для него важнее, пока начнет действовать... Все это — мое время. Конечно, военный может незамедлительно, без колебаний исполнить свой долг и расстрелять меня. То есть очередного рвущегося в Зону сталкера, одного из многих... Но думаю, что прежде он все-таки аккуратно пристроит кружку на полку, чтобы не расплескать кофе, и только потом начнет стрелять. В Зоне со временем у всех людей меняются приоритеты, зачастую в абсолютно неожиданную сторону.

Видимость плохая, ливень сделал свое дело. Побегу внаглую, по асфальту, укрываясь за тополями. Между мной и пулеметом уже метров сто пятьдесят будет или даже все двести. Должен успеть, лишь бы снайпера там у них не оказалось.

Боец, стоявший за пулеметом, зашевелился. Вот оно! Кофеек. Мой бинокль упал в сумку для сброса магазинов, нет времени его зачехлять. Я рванул. Подобно небезызвестной субстанции, под рифленой подошвой берца смачно чавкнула раскисшая почва. Символичным получился первый шаг в сторону черноты. Слишком символичным.

Вязкое месиво под ногами задержало меня лишь на миг. В несколько прыжков я

преодолеет расстояние, отделяющее заросли кустарника от дороги. Нога ступила на твердую поверхность, и я побежал. Помчался так быстро, как только смог. Рывок на выживание. В буквальном смысле.

Пятьдесят метров... сто... сто пятьдесят... двести пятьдесят, хорошо-то как...

За спиной, на КПП, остервенело взвыла сирена. Началось! Еще три шага — и прыжок за ближайший тополь. Я ласточкой нырнул в придорожную канаву и растянулся в грязи. Тотчас же загромыхал пулемет. Первая пристрелочная очередь подняла фонтаны грязи, и какая-то из пуль звонким дятлом клюнула ствол тополя. На голову посыпались щепки и листва. А хрен вам!

Не прострелит пулеметчик слои земли и асфальта, за которыми я укрылся, но этого ему и не надо делать. Его задача — поливать пространство пулями, чтобы я лежал тут без движения, распластался и даже нос боялся высунуть. А с КПП уже выдвинулась команда, штурм пять вояк. Вот они-то по мою душу и притопают...

Я приподнял голову и осмотрелся. Канавы тянется метров сорок вдоль дороги и упирается в холм. Дальше уже все пространство отлично простреливается. Но пока что других вариантов нет — мне нужно именно туда.

Пули свистят и прошивают деревья насквозь. Я, сжав зубы, ползу на брюхе по месиву грязи, листьев, окислившихся гильз и прочего мусора, пока не наткнулся на полуразложившийся труп предшественника. Засмердело. Сталкер лежит лицом вниз, когда-то и он полз здесь, в точности так же, как я. Автоматная очередь, разорвавшая его куртку, перечеркнула бедолаге спину. И заодно жизнь.

В голове щелкнула инженерная смекалка. Биологический калькулятор приблизительной оценки выдал неутешительные результаты. Медленно ползу, очень медленно! Еще две-три минуты — и на дорожную насыпь выбегут военные. Тогда мои шансы остаться в живых уже не в полных процентах будут выражаться, а в их десятых долях. Поборов страх, я привстал и дальше полз уже на карачках. Получилось гораздо быстрее, чем прежде.

Это разум-то понимает, что высоты канавы хватает и пули не достанут, не вопьются в плоть, а тело, повинаясь естественным порывам, стремится вжаться в эту жижу и лежать в ней, пока не прекратится стрельба. В такие моменты побороть инстинкты способен лишь каленый сплав воли и разума. Девять из десяти новичков в этой ситуации погибают. Вот как сгинул тот, что остался позади меня, вычеркнутый навсегда.

До конца канавы я дополз быстро. А что же дальше?! В голове панически метались мысли в поиске ответа... Вдруг до моих ушей донеслось легкое потрескивание. «Электра». Судя по звуку, аномалия где-то совсем рядом, на дороге. Эх, была не была!

Я выпрыгнул из канавы, оттолкнулся руками от тополя, ускоряя тело, выскочил на дорогу и побежал. Вот она, «электра», прямо на асфальте, по центру разлеглась. Буквально секунды ушли на то, чтобы обогнуть ее, а за спиной уже раздались первые очереди автоматов преследующих меня вояк. Не останавливаясь, одним отработанным движением я отстегнул магазин «калаша» — первое, что попало под руку, — и швырнул его в аномалию. Между мной и моими преследователями вспыхнуло огромное ослепительное облако, пронизанное сплетением электрических разрядов.

Все, теперь для военных — видимость ноль! Зуб даю, что солдатики все как один зажмурились и отвернулись, чтобы «зайчиков» в глаза не нахватать.

Спустя пару секунд в брошенном мною магазине от электрических разрядов шарахнули первые патроны. Развороченные лоскуты корпуса магазина, еще целые патроны и уже пустые исковерканные гильзы запрыгали по асфальту внутри аномалии, провоцируя очередные разряды. Все новые и новые ослепительные сети молний вспухали за моей спиной. «Электра» бесилась до тех пор, пока полностью не испарила чужеродные объекты, угодившие в нее.

Тем временем я все бежал и бежал дальше от кордона, внутрь Зоны. Разум уговаривал: «Все, прорвался, тормози, военные не пойдут к сталкерскому поселку!», — а ноги не

слушались доводов разума. Они все несли и несли меня вперед, пока выросший передо мной дежурный не вскинул автомат и не заорал:

— Оружие убрал! Быстро!

Только в это мгновение я наконец остановился. Застыл на месте и поднял обе руки вверх.

— Тише-тише, волына без магазина, что, не видишь? — Я демонстративно поворачивал свой автомат, вскинутый над головой.

— В стволе патрон! Затвором дернул, живо!

Я безропотно исполнил команду, избегая лишних телодвижений. Не очень-то хотелось получить дурную пулю после всего, через что прошел. Главное, что я уже здесь, что сумел вернуться.

Глава первая ПОВЕСТКА В ЖИЗНЬ

Вечерело. Десятое ноября еще одного года. Вторник, блин. Гадский рабочий день окончен. Девять часов, без обеда, просидел за рабочим компом. В предчувствии праздника, вяло ковырял чертежи сто пятого проекта в Трайбоне¹ и все улыбался, предвкушая, ожидая от коллег сюрприза. Вот тебе и «сюрприз», вот тебе и праздник... Это надо же, ни одна скотина на всем этом вонючем заводе даже не вспомнила про мою днюху!!!

— Козлы! — вслух озвучив мои мысли, невольно вырвалось лаконичное определение сути всех моих корешей, сотрудников из бюро.

От моего неожиданного вскрика дернулась и шустрее стала перебирать ногами проходившая мимо старушка. Несколько парней, идущих впереди меня, синхронно обернулись, восприняв знакомые «позывные». Но, видать, спешила куда-то эта компания пацанов, наверное, потому и унеслась прочь моя бесплатная порция синяков и ушибов... Неожиданно мне в голову пришла мысль, что вовсе не в спешке тут дело. Шпана элементарно побрезговала мной. Им «в падлу» даже морду мне набить!

Неужели я выгляжу настолько жалким типом?

Проводив компанию тоскливым взглядом, я опрокинул «торпеду» светлого пива, и сделал несколько больших глотков. Старый потертый куртяк нараспашку, а вечерок-то выдался прохладный. Погода бесится. Два дня назад было тепло, и вдруг резко похолодало, причем только у нас, на юге. Синоптики привычно врут, что похолодание должно продлиться всего несколько суток. Но теплее от этих заверений почему-то не становится.

Правда, содержание спирта в крови уже достигло того предела, когда этот самый холод уже до лампочки. Последняя порция «ершика», щедро набранная за щеки, не пошла. Организм решительно отверг гремучую смесь чекушки водки с почти двумя литрами пива... Исторгнув вспенившееся пойло себе под ноги, я отдышался и осмотрелся.

Вдоль переулка, за мутными полиэтиленовыми окошками шатра крытого рынка тускло мерцают огоньки. Злоупотребляют торгаши самопальными нагревателями, вот и рубануло у них свет на подстанции от перегрузки. Теперь греют свои посиневшие пальцы над свечками в граненых стаканах и срезам пластиковых бутылок.

Рука в очередной раз рефлекторно дернулась и ощупала внутренний карман куртки. Набухший кошель на месте. Как знал, и заранее ничего не купил. Думал прежде корешей своих поспрашивать, кто и что употреблять будет за мое здоровье. Неслабо денег в этот раз взял с собой на работу, как-никак тридцатник стукнул. Юбилей, елы-палы.

— Хрен вам теперь, а не бухло! — вновь выплеснулась из меня обида.

Вместе с криком в небо взметнулась моя рука, уверенно демонстрируя первым звездам

¹ TRIBON — комплект специализированного программного обеспечения для судостроительного проектирования. — *Здесь и далее примеч. авт.*

кукиш в вязаной перчатке. Что-то внутри осадил — небо не виновато, незачем его гневить. Рука обмякла и опустилась. В голове мелькнула «трезвая» мысль, и я, отшвырнув от себя опустевшую пластиковую «торпеду», направился к рынку.

А что?! Если кто и вспомнит завтра про мой день рождения — все, кучерявые, поезд ушел! Потрачу-ка немалую сумму, выделенную на спаивание моих дружков, на себя любимого. Целиком все «бабки» на себя!

Появление моего пошатывающегося тела в рядах, протянувшихся под провисшей шатровой крышей, вызвало стандартную реакцию у очолевших торговцев.

— ...а-а-а, вот цветочки-розочки, кто забыл, покупаем! — задорно проверещала пожилая дама, почти не пошевелив своими фиолетовыми от холода губами.

В моем охмелевшем сознании шевельнулось желание ответить, заменив корень «цвет» в ее «цветочки-розочки» на культовое народное слово из трех букв. Сдержался.

— ...колбаска-колбаска, — процедила сквозь зубы еще одна тетка, сверля меня взглядом.

— ...сигар-р-ретки, апельсинчики-витаминчики, водочка-водочка, салатики-морковочка, — как под звуки фанфар ковылял я вдоль торговых рядов.

Ничего из «вкусенького» не привлекло моего внимания, потому что я знал, куда меня несут ноги, получив из бурлящего хаоса сознания единственную четкую команду: «полный вперед». Вон там, почти в самом конце, должен стоять дед-барыга, одноногий такой... Говорят, это он на этом рынке «артиками» промышляет, для виду прикрывая категорически незаконную деятельность торговлей бочковыми соленьями. Давно хотел купить себе какую-нибудь полезную штучку, да вот все денег жалел. А сейчас — вон оно как вышло... Только бы на месте застать доходягу, только бы он сегодня домой не свалил пораньше, холодрыга-то какая!

Нет, не свалил! Сидит инвалид, коленку единственную потирает-греет.

— Вечер добрый, батя! У вас товар, у нас покупатель, — сморозил я первое, что в хмельную голову взбрело.

— Добрый вечер и тебе, сына. Где ж ты так уже набрался? — Дед ухмыльнулся и достал из-за пазухи пачку сигарок без фильтра.

Один приплюснутый экземпляр содержимого пачки после стандартной процедуры разминания пристроился в его пересохших губах, под густым венчиком седых усов.

Я, считая себя человеком воспитанным и уважающим старость, тут же вытянул в район его лица свою зажигалку. Пьезокристалл дал искру с третьей попытки. Старик, ловко поймав кончиком папироски качающийся язычок голубого пламени, затаился. Белое густое облако дыма отправилось куда-то вверх, за область пространства, освещенного настольной лампадкой.

— Чего тебе, сына, огурчиков взвесить на закуску? — произнес дед, осматривая меня с некоторым пренебрежением.

— Не-е-е, батя, этим уже накушался. — Я оперся обеими руками о прилавок, тем самым сводя на нет амплитуду раскачивания своего тела. — Хочу приобрести один из твоих особых огурцов... Особых, понимаешь?

Дед цыкнул на меня и как-то странно, не ворочая головой, осмотрелся, поводя одними лишь прищуренными глазами. Не заметив в окрестностях ничего подозрительного, он продолжил разговор:

— Кто-то из наших чего сказал или ты сам глупость какую-то про деда Михея услышал?

Взгляд старика уже не бегал по мне. Дед пристально смотрел в мои глаза. Легкий озноб, а следом за ним и табун мурашек пробежали по моей спине. Наверное, нечто подобное ощущает вооруженный преступник, заметив на своем теле красную точку лазерного целеуказателя. Взгляд старика пробирал похлеще.

— Ты это, расслабься, батя, — я отстранился от прилавка и тихо продолжил: — слухами земля полнится. Вот и до меня слухок дошел, что у тебя всякие сверхъестественные

и полезные шутовины можно прикупить. И ты не думай, я не мусорская подставка. Просто сэкономить хочу. Люди говорят, что в аптеке эта фигня с сертификатом качества в разы больше стоит. А у меня вон только полторы тысячи есть.

— Полторы штуки?! И наверняка нашенских? Хм! — Дед расплылся в улыбке и несколько расслабился. — Сына, реальная экономия выходит на вещах, цена которых начинается от двух-трех килобаксов. А на полторушке наших денег ты от силы пару сотен сэкономишь.

— А пускай и так. — Я кивнул и решительно извлек кошелек. — Мне о-о-очень нужно, батя! Понимаешь, дняха у меня сегодня юбилейная, а меня вот обидели...

Я прикусил губу, давясь обидой.

— Что так? Кто ж такой бессовестный отыскался? — Глаза деда опять забегали по мне.

— А-а-а, кто-кто... Да все. — Я отмахнулся. — Жизнь такая, батя! Только-только из лужи говна вылезешь и думаешь: «Вот оно, море». Бац! А это море говна. Думал, люди вокруг нормальные, а нет, та же субстанция. Вот так и живем, е-мое.

— Ой, сына, ты бы лучше не на жизнь и на людей жалился, а из своей башки дерьмо-то повыбивал. — Дед пыхнул дымком и сокрушенно покачал головой.

— Не лечи меня, батя. — Я угрожающе потряс бумажником перед его лицом. — Ты на себя со стороны глянь. Инвалид преклонного возраста, а вынужден свой зад отмораживать и наторговывать себе на лекарства. Если жизнь не дерьмо, то что же ты сейчас тут делаешь?

— Хм, вопрос и взаправду хороший, — дед загадочно улыбнулся, — но нет у меня сейчас для тебя ответа. Давай, сколько там у тебя есть. Сделаю тебе в честь праздника скидочку, отдам неплохую вещь, как говорится, по себестоимости.

Я достал из бумажника и протянул деду стянутые резинкой купюры. Он принял их и скрупулезно пересчитал.

— На проезд хоть осталось, сына? — вдруг поинтересовался старый.

— Я тут рядом живу, пешком дойду.

— Все равно, на вот. — Дед вытащил из пачки и вернул мне две полусотенные бумажки. — Думаю, похмелье тебя завтра ждет еще то, матерое.

— Ха! А нету у тебя среди всех сверхъестественных шутовин одной такой, чтобы на этот случай? Э-э, антипохмельной... Самая полезная, как по мне, была бы вещь.

Дед о чем-то задумался. С минуту помолчал. Я уже было решил, что заснул инвалид, а он вдруг дернулся, быстро затащился, выпустил облако дыма и щелчком отправил остатки сигарки за пустые прилавки.

— Найдется кое-что. — Старик поддел пальцем засаленный синтетический канатик, что виднелся на его шее, и извлек из-под телогрейки странный амулет. — Вот, возьми эту вещицу. Особенная, одна такая из сотен подобных. От себя отрываю. В свое время помогла мне сильно, а теперь, может, и тебе в чем подсобит.

Я взял грязный шнурок двумя пальцами и осмотрел то, что на нем висело. Это были два одинаковых плоских и округлых камушка сине-серого цвета, соединенные между собой странной прозрачной субстанцией. Камни на вид и на ощупь оказались гладкие, подобные морской гальке. А прозрачное вещество, напоминающее слизь, — упругое, как резина или силикон.

— И чем же она такая особенная? — Я с подозрением вертел в руках эту непонятность.

— Ну-у-у... — Дед задумался и, найдя ответ, хитро улыбнулся. — А хотя бы тем особенная, что не радиоактивная, как ее братья-сестры.

— Тьфу на тебя, батя! — Я даже слегка протрезвел от испуга. — Только рентгенов шаровых мне не хватало для полного счастья. Точно не радиоактивная?

— Точно. — Дед утвердительно кивнул.

— Ой, смотри, батя. Дома у меня дозиметр армейский есть, от дядьки достался. Как приду, сразу проверю эту ерунду. Если она «светится», будем сильно ругаться.

— Не переживай, сына, у деда Михея все честно и с гарантией. Коли не понравится чем вещица, так у тебя неделя есть, чтобы вернуть ее взад, — немного успокоил меня старик.

— Это хорошо, по-нашему. Может, черканешь на ней маркером свою подпись? Ну, чтобы потом не говорил, мол, не мое, не мое...

Все равно мне было как-то страшновато такие большие деньги отдавать за «кота в мешке».

— Хм, сына, не бойся. Я товар свой знаю, и память у меня твоей фору даст. Так что лишнее это, — отмахнулся от моей просьбы дед.

— Ладно, батя, уговорил. А как хоть эта штука называется?

Остатки подозрений окончательно растворились в коктейле крови и спирта, который сейчас гоняло мое сердечко по венам и артериям.

— «Пустышка», сына. Название такое. И не «штука», а «артефакт», привыкай называть вещи своими именами. — Дед зачем-то подмигнул мне.

— И что, она действительно от похмелья помогает? — Я рассматривал это странное образование, как будто пытался найти на нем какой-то лейбл или знак качества.

— А как же! И от похмелья тоже. А заодно тебе и нервные клеточки в головушке подлечит.

Лукавый взгляд деда мне не понравился. На секунду показалось, что он врет. Но гарантию же дал, а завтра утром и без того ясно будет, работает или нет эта... этот артефакт. Я еще раз внимательно осмотрел «пустышку». Надо же, за такую ерунду без одной сотни полторы тысячи отдал. И это еще со скидкой в честь праздника.

— ...а также ударные волны абсорбирует, но носи его под майкой, чтобы с телом соприкасался. — Дед вычитал мне целую лекцию о полезных свойствах артефакта, но большую часть наставлений я пропустил мимо ушей.

— Не парься, батя, сейчас все едино не запомню, — прервал я его словесный поток, — завтра на работе в интернете покопаюсь, инструкцию найду и распечатаю. Я же инженер, блин, самое главное понял — контакт с телом должен быть.

— Вот и молодец, сына, — произнесло раздвоившееся лицо деда.

Сколько я ни пытался свести фокусировку, но в глазах уже установилась отчетливая «алкогольная двойка». Город и все его обитатели раздвоились. Вдруг заштормило, все тело накрыла хмельная волна. И мной овладело желание быстро-быстро найти какое-нибудь укромное местечко, подальше от людских глаз.

— Ладно, батя, бывай, приятно было поболтать. — Я начал протискиваться между двоящихся прилавков, приметив за ними черный прямоугольник бокового выхода.

— Бывай, сына, легкого тебе пробуждения! — пожелал мне напоследок старик.

— Кстати, а где ногу-то потерял? — зачем-то спросил я через плечо.

— В Зоне и потерял. — Дед как-то странно засмеялся и крикнул мне вдогонку: — Но там же и приобрел, много больше!

Что именно этим хотел сказать инвалид, мне было уже совсем не интересно. Я выскочил из-под крыши рынка, нашел ошалевшим взглядом именно то удачно растущее дерево, которое собирался обнять, и быстренько побежал к нему.

Спустя минут двадцать мое тело доковыляло к родному подъезду и поднялось по ступеням на второй этаж. Самочувствие значительно улучшилось, возможно, благодаря воздействию артефакта, и я прикупил еще одну пивную «торпеду». Стоя на лестничной площадке напротив своей квартиры, я прислушался. За дверью тишина. Значит, мать уже спит. Я произвел рокировку ключей, лежавших в кармане, с артефактом, который все это время, боясь потерять, крепко сжимал в руке.

Аккуратно повернув ключ, я открыл дверь и тихонечко прошмыгнул через зал в свою комнату, мимо спящей на диване матери. Так же аккуратно, чтобы не скрипнула, я закрыл за собой дверь в комнату и, подсветив себе зажигалкой, клацнул выключателем. В треснувшем плафоне вспыхнула желтая лампа накаливания.

Журнальный столик возле старого кресла был заставлен тарелками с едой, бережно накрытыми целлофаном. Между тарелок красовалась бутылка дорогого чешского пива. На душе потеплело.

— Спасибо, мама... — прошептал я и чуть было не пустил слезу.

Только мама и помнит. Как она забыть-то может? В муках рожала, а тут такой оболтус вырос. Э-э-эх!

Я плюхнулся в кресло, кликнул пультом телевизора и взял со стола красивую бутылку. Золотистая фольга на горлышке, знакомый рисунок на этикетке. Желанный сосуд! Так давно хотел это пиво попробовать, но, к сожалению, сейчас оно не пойдет, потому как темное. Да и вкус не оценю по достоинству. Я вернул заветную бутылку на место и хрустнул крышкой принесенной торпеды. Тут же брызнула вспенившаяся жидкость, заляпав куртку и рубаху под ней. Бляха-муха!

Мокрая одежда улетела в дальний конец комнаты, за шкаф. Я откинулся на спинку кресла. Расшнуровывать армейские ботинки сейчас не было ни малейшего желания, а потому и джинсы снимать не стал, пояс лишь ослабил. Майка почти не намочила, ее я тоже оставил на себе, будет чем вытирать руки.

По телеку шли новости. Я увеличил громкость. Все то же, что и вчера. Чья-то зажавшаяся морда куда-то с каким-то визитом отправилась. Какой-то деятель премию получил. Какая-то гламурная дура удивила всех своими новыми шмотками стоимостью в годовой бюджет африканской страны. А где-то все бастуют. Кому-то уже три месяца не платят зарплату. Шахтеры дохнут пачками в своих шахтах под завалами. И, как всегда, инфляция неизменно набирает обороты... О! Я сделал звук еще громче.

На экране светилась радостью прыщавая физиономия студента.

— ...я даже не знаю, это такая неожиданность, такая радость! Ес-с-с!! — верещал пацан.

Повезло засранцу, сорвал джекпот. Три миллиона, пусть даже наших денег, — это ж путевка в жизнь! Теперь он может и на учебу забыть, и работу не искать, а жить себе просто в кайф. Вот бы мне так! Завтра пойду и куплю себе один лотерейный билетик. А вдруг? Та-а-а нет... с моим-то везением? Даже двадчатки несчастной не видать мне.

Я еще больше расстроился и переключил канал. На следующей «кнопке» транслировалась передача в стиле «беседы с умными людьми». Народ как раз обсуждал происхождение слова «артик», и сами эти аномальные образования. «Артики» — именно так называют продвинутые люди эти сверхъестественные, можно даже сказать волшебные штуковины, которые для современного человека уже не диковины и не чудо. Никого ими не удивишь, привыкли уже, и споры об их происхождении, муссируемые СМИ, начинают доставать. Но пока что продолжаются.

Вот и сейчас с экрана кто-то утверждал, что «артики» производятся в секретных правительственных лабораториях, другие люди в студии с пеной у рта доказывали, что это дары инопланетян, вступивших в контакты с правительствами разных стран. А кто-то был свято уверен, что все эти «артики» являются полезными ископаемыми из самого центра Земли. И лишь малая часть аудитории озвучивала веру в то, что «артики» — родом из Чернобыльской Зоны Отчуждения... Да уж, опять по ящику академики с домохозяйками на эту тему спорят, рвут и мечут. Ей-ей, задолбали уже своей болтовней, только голову людям морочат. Вон дед же сказал, что их тягают из Зоны, значит, так и есть! Он ими торгует, ему виднее. И слово «артик» всего-навсего от слова «артефакт» произошло! Чего тут неясно?!

Я вырубил звук.

Рука нащупала в кармане джинсов артефакт, что стоил мне всех сбережений. Достав его, я еще раз осмотрел приобретение.

— Надо же, «пустышка». Прямо как я.

Произнес я это вслух, и тут же грустная кривая улыбка растянула губы.

Пустышка — точное определение всей моей прожитой жизни. И действительно, тридцать лет и «дубль пусто». Согласившись с моими словами и мыслями, прямо в эту секунду вдруг перегорела лампа, стрельнув на прощанье.

Я сидел в темной комнате, освещенной лишь мерцанием телевизора. Подогретая хмелем, мощная волна смешанных чувств накатила и расплющила меня в кресле. Сделалось

так горько и больно, что аж зубы заскрежетали.

— Жизнь! — Я до боли в пальцах сжал артефакт и страстно взмолился: — Дай мне хоть один, хоть малюсенький шанс!! Дай показать всем, кто я на самом деле!!!

Набрав полные легкие воздуха, я шумно выдохнул. Уф-ф-ф... Вроде отпустило. Свободная рука нащупала открытую «торпеду» пива и транспортировала ее к губам. После третьего глотка я себя уже не помнил. Так и уснул в кресле, в одной руке сжимая пиво, а в другой «пустышку». Единственный сюрприз, доставшийся в этот день рождения от моей судьбы, по традиции скуповатой на подарки.

Глава вторая ЭПИЦЕНТР РЕАЛЬНОСТИ

Снилась мне Машка, та самая, пышногрудая, из отдела кадров. Эх, и позволил я себе вольностей! А чего? Давно хотел.

Приятный сон прервало ощущение холода и раздражение, вызванное светом, падающим на мои закрытые веки. Я приоткрыл один глаз и убедился, что уже светло. Судя по высоте мутного диска солнца, проступающего сквозь тучи, сейчас примерно десять утра. Небо над головой серое, низкое, перепачканное редкими грозowymi облаками. Где-то вдалеке мерцали вспышки молний. Эх, опять этот дождь, лужи и слякоть... Я захлопнул веко, обнял недопитую «торпеду» пива и повернулся в кресле на другой бок, желая досмотреть роскошный сон. Но одна противная мыслишка уже практически развеяла сладкие фантазии.

Блин, будильник опять не сработал и я проспал на работу. А, может, ну его, этот завод, куда подальше? Сбегаю в больницу к знакомому терапевту, он мне больничный нарисует. Выпьем с ним за мой прошедший день рождения. Кстати, голова-то свежа, не обманул дед — помогает эта дрянь от похмелья, без дураков. Но что ж это мне так холодно-то?..

Стоп!

Солнце и небо над головой?! В квартире на втором этаже?! Я вскочил с кресла и тут же отшатнулся назад. Ноги, повинаясь инстинкту самосохранения, вросли в пол на самом-самом краешке уцелевшего перекрытия посреди полуразрушенной комнаты. Только чудом я не улетел вниз. Передо мной была самая настоящая пропасть, которая уходила вниз, на четыре этажа здания. Балки, перекрытия, оконные и дверные рамы, обломки какой-то мебели, кирпичи стен — все это обрушилось вниз и превратилось в огромную кучу строительного мусора. Зрение еще туманилось после сна, и мне показалось, что воздух над обрушившимися конструкциями пульсирует волнами. Я пятился назад, пока снова не вернулся в кресло.

Крыши не было. Точнее, она была, но не на своем месте. Часть ее просмоленных перекрытий задержалась на проломанных этажах, а часть сползла по перекосившимся конструкциям в самый низ, вместе с другими рухнувшими плитами. Все вокруг было искореженное, облезлое и выглядело заброшенным. Самая новая и целая вещь, что здесь имелась, — потертое дедовское кресло, в котором я проснулся. Внешняя стена этого крыла здания практически отсутствовала. Снаружи шелестел молодой смешанный лесок.

Что за фигня?! Это сон? Я зажмурился, потер руками веки и вновь открыл глаза. Ничего не изменилось. Но этого просто не может быть! Это все нереально! Вот же оно, кресло, недопитая «торпеда» пива. Вот он я, в заляпанной майке, джинсах и ботинках, как и заснул вчера. Недолго думая, я размахнулся и сам себе влепил пощечину. Ай, больно! Не сплю, стало быть.

Где я, что за место?! То, что это не родная «хрущевка», я уже понял, бегло осмотрев руины. Теперь, присмотревшись, удалось идентифицировать обломки мебели, что лежали напротив, на срезе этажей. В основном это были прямоугольники столов и голубые облезлые доски парт. А из-под обвалившихся перекрытий торчал край коричневой школьной доски. Значит, школа, во как.

В голове проскочила единственная внятная мысль, и я ее принял как рабочую версию,

объяснившую происходящее. Все это лишь неудачная шутка-месть моих корешей. Скорее всего, пока я слонялся по городу и выпивал, они меня у соседа ждали. А сейчас, сообразив, что празднику не бывать, перетащили мое бесчувственное тело, прямо в кресле, на какую-то свалку. Только вот что-то не имеется в моей памяти заметки про заброшенную школу в черте города. И еще. Как это мама позволила им вынести меня из квартиры? Хотя мои товарищи вполне могли сговориться с Борькой, соседом. Мать-то ему доверяет, и ключи у него хранятся наши запасные.

Ничего-ничего, сейчас разберемся! Поборов дрожь в коленках, я встал с кресла и аккуратно, бочком-бочком, прошел вдоль стены к дверному проему, через который, видимо, меня сюда и затаскивали. У двери обернулся и глянул напоследок на рухнувший кусок здания. Глаза все еще не пришли в норму, потому что круги в воздухе перед ними продолжали пульсировать. Возможно, «плавающая картинка» — это побочный эффект действия моего артефакта. Кстати, где он? Я осмотрелся, но «пустышки» нигде не наблюдалось.

Более не раздумывая, я выскочил в школьный коридор. Здесь лежала пара сорванных с петель дверей, несколько перевернутых столов и развалившийся шкаф. Толстые слои краски на стенах потрескались и сейчас свисали рваными закрученными лоскутами. Вздувшийся линолеум был покрыт грязью, пылью и занесенной ветром листвой. Следов «копыт» моих корешей не просматривалось, тут давно никто не ходил. Но не краном же они затарабанили мое кресло на четвертый этаж! Хотя Ромке могла прийти в голову подобная «гениальная» идея, и папаша у него как раз на кране ездит.

Планировка школы оказалась до боли знакомой. Одна из старых совковых конструкций — буквой «Н». Именно в таком здании и я сам когда-то учился. «Общеобразовательная средняя школа номер шесть» — всплыло в памяти ностальгическое воспоминание.

Я решительно направился к лестничным пролетам, которые должны были располагаться в центре этого блока.

Утренняя прохлада раздражала и хватала за ребра, вся моя кожа покрылась пупырышками. Еще бы, погуляйте осенью в одной майке! Плюс ко всему сильно злил тот факт, что кореша изъяли у меня дорогостоящий подарок, который я накануне презентовал сам себе. Артефакт, как я уже убедился, отлично помогал от похмелья, и сейчас меня распирали лишь два сильных желания. Я даже не знал, в каком порядке их реализую: сразу настучу по лицам этим козлам, а потом отберу у них свою полезнейшую штуковину, или наоборот? Время покажет, а пока что я шел по коридору и сжимал кулаки. Сто пудов, внизу стоят и ждут меня эти ехидные морды. Наверное, остались довольны собой товарищи и наверняка на видео все это действо засняли, чтобы потом в «интырнетах» выложить.

Эта версия про коварный розыгрыш бродила по моему полусонному сознанию, все больше и больше склоняясь в сторону маразма. Чтобы все это вытворить, мои кореша тоже должны были на работу «забить». Да и заброшенная школа эта — странная, очень странная. Проходя мимо распахнутых дверей классов, я бегло осмотрел их. Вся мебель на местах, весь учебный инвентарь тоже, и даже чугунные батареи не утанули на металлолом. Под ногами что-то зазвенело, я глянул вниз. Это оказались стреляные гильзы, самые настоящие. Особым специалистом в оружейном деле я не был, а потому не смог понять, из какого ствола они родом, но кажется — не из «калаша»... Что-то тут не так, е-мое.

За окном раздался лай собак. Великолепно! Там еще и бездомные дворняги бегают. Теперь и от них отмахиваться придется, чтобы зубастые шавки мои единственные теплые джинсы не порвали. Не люблю собак с детства.

Пробежав несколько ступеней вниз, я встал как вкопанный перед промежуточной площадкой между этажами. Путь мне преградила... кровать. Новенькая, с фигурной «спинкой» и золоченой фурнитурой. Она стояла прямо на облупленной лестничной площадке, растянувшись во всю ее длину-ширину, и абсолютно не вписывалась в окружающую действительность.

Но сейчас мой взгляд буквально примагнитило совсем другое зрелище.

Плавные обводы женского тела под одеялом и ангельское личико спящей девушки. На минутку, совсем некстати, эта ошеломительная картинка заставила мои мысли дружной толпой выйти на перекур. Я стоял и смотрел. Просто оцепенел и смотрел не в силах оторвать взгляда. На вид ей было лет двадцать с хвостиком. Величину этого «хвостика» сейчас определить было трудно. Интересно, они все такие милые, когда спят?

Мысли опять заполнили черепушку, причем первыми вернулись самые идиотские, выдающие желаемое за действительное. Что это, кто это? Подарок друзей? Традиционная Путана на день рождения? У кого-то из корешей жутко бо́льшая фантазия или это у меня пиковая перегрузка озабоченности? Я помотал головой, вытряхивая из нее весь мыслительный мусор. Логичнее будет спросить у нее самой, кто она такая и что здесь делает.

Я шумно прочистил свое горло, пытаюсь привлечь внимание девушки. Реагируя на звуки, она лишь недовольно дернула носиком и повернулась на другой бок. Повторная попытка также не принесла успеха. Я столбом торчал у кровати, в которой лежала шикарная барышня, и мялся, не зная, что делать дальше. Ситуация из анекдота.

Схватившись одной рукой за облезлые перила, я аккуратно стал ногой на край кровати и, раскорячившись в позе «ласточка», навис над спящей. Ничего лучшего придумать не смог... баран.

— Э-эй, — я ткнул пальцем одеяло, — ты спишь? Слышишь меня?

— А-а-а-а!!!

Вместе с глазами миляшки одновременно распахнулся и ее рот, выстрелив мощнейшим, оглушающим высокочастотным импульсом.

Тут же мне в лицо пришел ее кулачок. Я даже не успел отреагировать на выпад. Внезапно перед глазами вспыхнули звезды, а рука, вцепившаяся в поручень, разжалась, инстинктивно стремясь прикрыть лицо и уже разбитый нос. Потеряв равновесие, я рухнул сверху прямо на орущую девушку. Она дернулась и в один миг выскочила из-под одеяла, оттолкнув меня своими совсем не слабыми ногами. Я отлетел к стене и ударился затылком. Звезд моментально стало на порядок больше.

— А-а-а! — теперь и я взвыл, но от боли, а не от страха. — Да что ж ты творишь, дура?!

— Сам урод! Пошел вон отсюда, извращенец!

Девушка в белой пижаме с розовыми хрюшками стояла на кровати в позе «я знаю кунг-фу» и с ужасом таранилась на незнакомца, потревожившего ее сон.

Она была настолько перепугана, что сразу даже не обратила внимания на окружающую обстановку. Ее взгляд был прочно прикован ко мне, точно так же как и мой взгляд минутами раньше примагничивался к ее соблазнительному телу.

— Тупая, блин! Нафиг ты мне нужна?! И откуда мне пойти вон?! — Я на всякий случай закрыл лицо руками. — Скажи, ты хоть знаешь, где мы находимся?!

Я лежал на боку и не спешил вставать. Провоцировать эту «Маруську» на агрессию совсем не хотелось. Девушка была крепкого телосложения, ростом не маленькая, и ноги у нее о-го-го! Ребра при желании легко проломит. На женщин я никогда в жизни рук не поднимал, даже когда они меня выводили из себя, — воспитание не позволяло. А потому оказать ей достойный отпор я бы не смог.

— А-а-а-а-а!!! — Она опять заорала, но теперь из-за того, что наконец-то углядела окружающие облезлости. — Куда ты меня притащил, урод конченный?!

Логика, как всегда, исправно работала сама по себе и делала выводы. Барышня явно не притворялась, она взаправду не знала, где находится и как сюда попала. С одной стороны — хорошо, что я не один такой, ни черта не понимающий, но с другой стороны... Что за хрень здесь происходит?!

И еще, на будущее. Если опять захочу разбудить кого-нибудь незнакомоего посреди руин, достойных служить декорациями для фильма в жанре постапокалипсиса, — то я брошу в него камень... из-за угла.

— Повторяю, ты мне даром не нужна. Я тоже только что проснулся здесь, этажом

выше, и ничего не понимаю!

Одной рукой продолжая прикрывать лицо, второй я помог себе принять сидячее положение.

Как только я попытался встать, эта коза опять испугано завопила и кинулась вниз по ступеням, но проскакала недалеко. Оказалось, что проход на следующий этаж наглухо закрыт решеткой, а секции ступеней, ведущие вниз, обрушились. Девушка оказалась в тупике.

— Где я?! Чего ты от меня хочешь?! — не унималась она.

— Ну и здорова ж ты верещать, блин. В голове звенит... — проворчал я. — Понятия не имею, что это за место. Успокойся, успокойся, я тебе не враг! — Подняв руки с раскрытыми ладонями, я сделал шаг ей навстречу.

Вся моя правая кисть была в крови, вытекшей из разбитого носа. Ну прямо кадр из дешевого фильма ужасов.

— Не подходи!!! — с новой силой завизжала девушка и подхватила с пола увесистый обломок кирпича.

— Ладно-ладно. — Я быстро отступил и укрылся за перилами.

Мой нос она уже умудрилась разбить, и теперь в ее способностях я не сомневался. Как-то не возникало желания встретиться любой из частей своего тела с летящим кирпичом. С этой резвой громкоголосой козой лучше через стенку говорить.

— Подыши-подыши, может быть, включится мозг. Если он, конечно, есть, — съязвил я из укрытия.

Тут же от сильного удара зазвенели железные стойки перил, с них осыпались и полетели вниз остатки краски и слои ржавчины.

— Типа ай! Ну что, блондинко, полегчало? — продолжил я свои издевки, пытаясь хоть на словах дать ей сдачи.

Ответом мне был еще один удар камня о перила. Вдруг откуда-то снаружи донесся низкий гулкий звук, как будто два больших судна, шедших навстречу друг другу параллельными курсами, соприкоснулись бортами и сейчас терлись ими по всей длине корпусов. Мне раньше доводилось слышать в портах подобные скрежещущие звуки, но этот был каким-то другим, каким-то пугающим. Моя голова тревожно крутилась, норовя вывернуть шею, но сквозь стены что-либо увидеть было просто невозможно. Надо срочно выбираться из этого тупикового местечка.

— Ну, и сиди там, дура. — Полой майки я подтер кровь под носом и затопал назад, на четвертый этаж. — Здесь мы явно не спустимся, я пошел искать другой путь. Когда маникюр на извилинах наведешь, присоединяйся.

Я мысленно отмахнулся от девушки и уже думал о других лестничных пролетах, что тянулись параллельно первым. Если и они обрушились, тогда дело дрянь.

— И тапки свои надень, простудишься. — Уходя, я обернулся и заметил под кроватью аккуратно пристроенную пару шлепанцев.

— Эй... не уходи... Не оставляй меня одну, — раздался снизу дрожащий жалостливый голос.

Вот ненормальная! То убить хочет, то «не уходи». При всей неопределенности ситуации от души уже немного отлегло. Не один я тут такой «интересный». А каково этой крашеной блондиночке? Я улыбнулся, на секунду представив себя на ее месте. Да уж, утречко что надо! Первый раз в жизни у меня оно до такой степени странное и нестандартное. Внутри зашевелился какой-то интерес или даже азарт разобраться и выяснить, что ж это за приключение такое и кто меня в него втравил. Кто, спрашивается?!

Со вторым пролетом повезло больше. Здесь лестница уцелела до уровня второго этажа. А через второй этаж, насколько я помню планировку своей школы, можно пройти по коридору, что соединяет две параллельные части корпуса, и спуститься на первый этаж, к столовой.

Я бодренько пробежал по ступенькам, проскочил через холл и свернул в тот самый

коридор. Но не пройдя и пяти метров я вынужденно остановился. Впереди отсутствовала большая часть конструкции здания. Наметанный инженерный глаз сразу определил одну странную деталь. Отсутствующий кусок был правильной геометрической формы. Складывалось впечатление, что кто-то зачем-то вырезал в пространстве идеальную сферу диаметром пять метров. В отверстии на потолке серело небо, а сквозь дыру в полу виднелся коридор первого этажа, заваленный разного рода мусором. Я прикинул по высоте, получится ли тут спрыгнуть, не переломав при этом ноги. В принципе, если ухватиться за торчащую арматуру и повиснуть на ней, то падать останется от силы полтора метра. Можно попробовать.

Остановило меня какое-то странноватое, неопределенное чувство. Чувство тревоги, которую иногда ощущаешь буквально кожей. Я присмотрелся. Мне показалось, что в центре этой дыры что-то было...

Так и есть! Воздух внутри отсутствующего куска конструкции едва заметно пульсировал, искажая за собой картину мира. Под ногами распростерся толстый слой пыли, серой и рыжей. Я взял щепотку и растер пальцами. Пыль очень мелкая, как цемент. Закралась нехорошая догадка. Я немного отступил, поднял с пола осколок оконного стекла и кинул его в эту дыру.

Раздался дикий свист, осколок отклонился от своей траектории и метнулся в центр «вырезанного» пространства. Показалось, что включился гигантский пылесос и начал втягивать в себя все окружающее. Меня тоже начало засасывать. Я попытался убежать, однако успел прыгнуть всего пару раз, поскользнулся и упал. Что бы я ни делал, как бы ни упирался ногами и ни пытался ухватиться за что-либо, меня медленно, но уверенно затягивало в пасть дыры.

Вдруг прямо перед моим лицом появилась скрученная в подобие каната простыня с завязанным на конце узлом. Я сразу же схватился за эту спасительную соломинку, и только потом заметил, что ведет она за угол коридора, до которого я не добежал совсем чуть-чуть. Там из-за угла выглядывало испуганное личико той самой милашки с кровати. Зря я ее «блондинкой» обозвал, соображает девка! Хотя и блондинка.

Пылесос проработал еще секунд пять и резко выключился. Но после секунды тишины пространство наполнилось грохотом взрыва. Все, что эта непонятность в себя втянула, было выплюнуто наружу, уже в виде пыли мельчайшего помола. Весь коридор наполнился густым туманом из твердых частичек. Чтобы хоть как-то дышать, я поднял край майки и закрыл им свое лицо до самых гляделок.

Как только я отпустил простынный жгут, он быстро втянулся за угол. Я встал на дрожащие ноги. За спиной адская кофемолка-пылесос, а впереди перепуганная агрессивная красавица. Выбор — так себе.

— Эй, ты там живой? — донеслось из-за угла.

— Пока еще да. И это... спасибо за помощь, — с трудом выдавил я из себя слова благодарности.

— Значит, ты мне должен. Понял?! — теперь ее голос был больше похож на командирский. — Так что веди себя хорошо, не то...

Из-за угла мелькнул другой край скрученной простыни. Узел на нем бы явно крупнее, чем тот, за который я хватался, и, судя по глухому удару о пол, внутри узла был кирпич. Я округлил глаза. Значит, эта простыня была изготовлена совсем не для моего спасения.

— Да понял, понял, — я медленно вышел к ней, — говорю же, что тоже ничего не понимаю. Заснул дома, проснулся здесь, в этом... э-э, пейзаже.

— А там что такое? Что это было?

Девушка взглядом указала на коридор, в котором я чуть не окончил свой жизненный путь.

— Не знаю, какая-то смертельная ловушка неизвестной физической природы. — Я пожал плечами и вернул майку в исходное положение, потому как пыль уже практически осела. — Ничего подобного раньше не видел и не слышал. Фантастика какая-то. Может

быть, секретные эксперименты военных физиков.

— Ой, мамочки, — блондинка округлила глаза, вспомнив что-то страшное. — Я недавно смотрела фильм «Куб», так там секретные отделы правительства людей крали и кидали их в смертельные лабиринты с ловушками. Там в конце только один выжил и то придурок. А теперь и нас выкрали! Я не хочу умирать!

Она точно ненормальная. Я дунул на чуб и закатил глаза.

— погоди, не паникуй, — я прервал ее и попытался успокоить, — я тоже смотрел этот фильм, все его части. Во-первых, то был только фильм и не более того. А во-вторых, здесь совсем другое. В фильме люди в замкнутом пространстве по ящичкам комнат ползали, как крысы в лабиринте. А мы с тобой можем хоть из окна выпрыгнуть и очутимся на улице. Как только спустимся, будем не ограничены в своих перемещениях. А там найдем ближайшую трассу и попутками домой доберемся.

— Хорошо бы домой. — Девушка насупилась и надула губки. — У меня выходной сегодня, думала, выплусь и отдохну.

— Не бойся, прорвемся, — я улыбнулся ей, — а звать-то тебя как?

— Людмила Александровна. — Девушка оценивающе осмотрела меня от макушки до подошв ботинок.

— Люся, значит. Училка, что ли? — Я едва сдержал смех от ее столь официального представления. — А я просто Костик.

— На мне написано, что я преподаватель? — нахмурилась барышня.

— Да нет. Показалось вдруг... кстати, симпатичная пижамка. — Мой взгляд притянула «сила гравитации» ее груди, форму которых не мог скрыть даже свободный покрой пижамы.

Бывают же такие размеры...

— Ты куда уставился? — Девушка напрягла руки, в которых было сжато постельно-кирпичное оружие смерти.

— Эй, там, наверху!! — вдруг как гром среди ясного неба, раздался басовитый мужской голос со стороны обвалившихся лестничных пролетов. — Живые?!

— Живые!

Я вздрогнул от неожиданности, но обрадовался еще одному человеку в этом странном месте.

Подбежав к краю уцелевшей площадки, я увидел высокого мужчину примерно моего возраста, спортивного телосложения, в немецком камуфляже. На его шевелюре резко выделялся большой клоч пепельно-белых седых волос. Сразу подумал, что это какой-то военный из контрактников — его возраст под «срочника» явно не подходил. Но почему тогда у него форма не наша и знаков различия нет? Может, на барахолке ее прикупил? Да и без оружия солдатик.

Мужик так же оценивающе осмотрел меня, стоя на обломках конструкций. Вдруг его взгляд метнулся в сторону, за мою спину, глаза слегка округлились, а губы перекосила улыбочка. Я обернулся. Из-за моего плеча выглядывала Люся.

— Значит, еще двое, — сам себе пробубнил он под нос, потом обратился к нам: — Осмотрите по-быстрому все этажи, может, тут еще кто-то есть, и спускайтесь. А я сейчас лестницу придумаю. — Уходя, он одарил масляным взглядом девушку. — Симпатичная пижамка, киса.

Я кивнул и подмигнул Люсе, мол, я был прав насчет пижамы. Девушка поджала губки и недовольно прищурилась.

— Ладно, я пробегу по четвертому и третьему, а ты проверь этот этаж. — Я отправился вверх по ступенькам и съехидничал напоследок: — Только осторожно там, простыню наготове держи. А то мало ли, вдруг еще извращенцев каких-нибудь встретишь.

Сзади донеслось сердитое рычание, поднявшее мне настроение. Хоть на словах, но отомстил за разбитый нос.

Осмотр этажей ничего не дал, кроме того, что я смог бегло осмотреть территорию

вокруг школы. Чувство тревоги возросло. Среди буйствующей растительности просматривались и другие руины. За окнами виднелись еще строения, заброшенные и пустые. Внутри на стенах кабинетов висели плакаты и портреты эпохи СССР. Да, здесь повсюду, куда ни глянь, все было из того времени. В голове проскочила очень нехорошая догадка, от которой я мысленно отмахнулся. Такого ответа на главный вопрос хотелось меньше всего.

Вдруг где-то вдали за зданиями раздалась серия выстрелов, вынудив меня отпрыгнуть подальше от окон. Потом еще и еще. В руинах за окнами шли боевые действия. До уха долетел предсмертный визг какого-то животного, потом звериный рык неизвестной твари. Что здесь творится?!

Я поспешил вернуться на второй этаж, здесь уже было все готово для нашей эвакуации. То, что соорудил мужик в камуфляже, лестницей можно было назвать лишь в первом приближении. Это была горка, собранная из дверей и столов. Причем несколькими элементами этой конструкции были живые люди. Они пытались удержать всю эту горку в одном куске. Когда я подбежал к краю площадки, Люся уже съехала вниз. Там стоял тот самый мужик и пытался помочь ей встать.

— Не хватай меня своими лапами, извращенец! — конечно же, взвизгнула наша милая блондинка.

— Ой, простите, какие мы недотроги. Если хочешь, могу тебя закинуть назад. Баба с возу... — ехидно парировал ее выпад камуфляжный и обратился ко мне: — Давай, садись на зад и съезжай, как по склону. И не бойся — мужик ты или как эта крашеная?

— Сверху никого нет, — доложил я и глянул на этот рискованный спуск.

Признаться честно, было жутковато даже смотреть на эту конструкцию, а воспользоваться ею и подавно. Но все же я пересилил свой страх, ринулся как в омут, безоглядно, и... на удивление благополучно съехал по горке вниз.

Как только мои ботинки коснулись обрушившихся перекрытий, «солдатик» подал мне руку и помог подняться.

— Вот, накиньте, прохладно здесь. — Он достал из сумки и протянул мне порванную куртку со следами крови, а Люсе белый махровый халатик.

Потом он стал раздавать команды, как настоящий боевой командир.

— Так, новенькие к стене прижались. Димон и Русик в стороны на счет три. Раз, два, три!

Все выполнили его команды молча, кроме Люси, которая тут же выстрелила вопросом: «Почему я должна тебя слушать?» Но как только те двое, что удерживали конструкцию, выполнили приказ, девушка взвизгнула и вжалась в стенку рядом со мной. Импровизированная лестница с грохотом рухнула и подняла клубы пыли.

— А теперь все шустро назад в спортзал — нас могли услышать, — мужик продолжал раздавать команды. — Димон, ты впереди, за тобой Руслан и вы двое. Я замыкаю. И топайте след в след за этим панком. Ни шагу в сторону, если жить хотите.

— Сам ты панк, — недовольно буркнул тот, который, по всей видимости, и был Дмитрием. — Панки с ирокезами ходят, а у меня хаер.

— Да какая разница, ирокез или хаер? Ну, будешь не панком, а панкером. — Мужик в камуфляже, придумав человеку «погоняло», басисто и тихо рассмеялся. — Нужно запомнить — Панкер. Гы-гы.

Этот Димка, худощавый молодой парень лет двадцати пяти, с длинными русыми волосами, изобразил недовольную гримасу, покачал головой и, пригнувшись, отправился в сторону коридора, соединяющего секции школы.

— Привет, — поздоровался с нами второй молодой человек, явно не славянских кровей, и отправился следом за первым.

Этот был более плотной комплекции, и тоже отпустил себе длинные волосы, но у него они были не распущены, как у Димы, а стянуты на затылке в хвост. С виду его национальность определить было сложно, но, как я потом узнал, родом Руслан был из

Киргизии.

— Чего встали, двигайте. Здесь вам не база отдыха, — подогнал нас замыкающий цепочку «командир».

Мы последовали за ведущими, на всякий случай пригнувшись, как они. Опять снаружи донеслись отдаленные выстрелы, заставив нас согнуться еще ниже.

— А мы, собственно, где? — спросил я шепотом, не адресуя вопрос кому-либо конкретно.

— В Чернобыльской зоне отчуждения, — сообщил через плечо Руслан. — И здесь жопа. Полная.

— Твою мать, Чернобыль, так и знал! — Я непроизвольно сжал кулаки.

— А вот и не угадал, — раздался сзади басок «командира», — еще веселее. Это Припять, чувак.

Глава третья ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

Мы продвигались «на присядках» по длинному школьному коридору мимо разбитых окон. Что там творилось снаружи, было сложно определить, но близкий лай собак и рычание каких-то животных заставляли пригнуться все ниже и ниже к потрескавшемуся линолеуму. Я от напряжения стал тихонечко насвистывать себе под нос «Jingle Bells».

— Слушай, кончай, — шикнул сзади наш командир, — реально раздражает.

Я подчинился и дальше уже продвигался молча.

Примерно в центре коридора в стене зияли широкие дверные проемы. Двери в них сейчас отсутствовали, и через эти дыры пространство коридора очень хорошо просматривалось снаружи. Ведущий свернул к остаткам раздевалки-гардеробной, что занимала тут половину площади коридора и простиралась почти до самого его конца. Над чудом уцелевшими стенками отгородки виднелись облезлые стойки с крючками. Здесь когда-то школьники вешали свою одежду. Торцевой край гардеробной у самой стены был проломан, что позволяло попасть внутрь конструкции и пройти там, не боясь попасть на глаза кому-либо или чему-либо снаружи. И мы пошли.

Крались у самой стены, Димка знаками показывал нам, что и как нужно делать. Над головой в перекрытии зияла дыра, проделанная тем непонятным физическим явлением, которое меня чуть не втянуло. Я с опаской глянул туда, вспоминая свое недавнее смертельное приключение.

Небольшой отрезок пути проходил мимо непонятной мочалки-медузы, свисающей с трубы вешалки. Ведущий попытался нам что-то объяснить жестами, но я его не понял.

— Он хотел сказать, что мимо этой ерунды нужно проходить медленно и без резких движений, — раздался сзади басистый шепот.

Димка кивнул, соглашаясь со словами «командира», и очень медленно обошел это свисающее образование. Скорее всего, это было какое-то мутировавшее растение. Его грязно-серые ветки-щупальца слегка колыхались на ветру. Странная штукавина, не знаю, почему ее все боятся, но проверять это на своей шкуре категорически не хотелось.

Пройдя через гардеробную, мы почти добрались до холла противоположного корпуса и уже видели выход из школы, как впереди со стороны спортзала раздалась женские вопли и крики мужчин.

— Стой на месте, не беги! Она кинется за тобой! — один из мужиков кричал громче всех.

Раздался животный рык и надрывно взвыл какой-то пацан. Донеслись звуки борьбы и глухих ударов. Наш ведущий тут же выхватил из широкого накладного кармана своих брюк какой-то баллончик, в другой его руке дзынькнула бензиновая зажигалка. Руслан шустро достал два грубо заточенных куска арматуры. Мужик в камуфляже растолкал нас и ринулся вперед, в руках он сжимал большой обрезок железной трубы.

Через весь холл буквально пролетел человек, я успел заметить лишь то, что это был мужчина в спортивном костюме. И еще его глаза разглядел — они были округлены безумным страхом, словно увидел он дьявола собственной персоной. Опять со стороны спортзала донесся звериный рык, и перед нами выпрыгнуло злобное и страшное существо с телом облезлого чумного волка и головой Чеширского кота. От уха до уха у зверюги красовалась клыкастая улыбища.

Тварь заметила нас и злобно зарычала, с ее безобразных зубов на пол капала слюна. Камуфляжный резко остановился и начал пятиться назад, он явно не ожидал увидеть такую «красавицу». Тварь тут же бросилась на человека, но столб пламени, выпущенный Димкой из баллона, остановил ее. Запахло паленой шерстью. Животное еще раз рыкнуло, развернулось и рвануло в ту сторону, куда умчался дядя в спортивном костюме.

Тут же из раздевалок спортзала в холл выбежал коренастый мужичок в черной форме МВД. Его руки с легкостью вертели ржавый гриф штанги.

— Я же сказал, сидеть тихо! Какого черта, Жека?! — тут же наорал на него мужик в камуфляже.

— И сидели! Так этого постоянно тошнит! — названный Жекой кивнул в сторону столовой, в которой надрывно орал «спортсмен», и побежал туда. — Баб он застеснялся, в спортзал вышел постругать! Лучше помоги мне, Санек.

Командир ринулся за ним, подхватив свободной рукой с пола обломок кирпича.

— Руслан, уведи этих в раздевалки, а я помогу, — Димка-Панкер побежал следом за парочкой «Чип и Дейл».

— Идемте быстрее, у нас там укрытие, — оставшийся с нами дернул Люсю за рукав и убежал в сторону спортзала.

Мы помчались за ним. У раздевалок нас встретили перепуганные люди с обрезками труб в руках. Вход в раздевалки был завален столами и шкапами. Остался лишь маленький узкий проход, через который сейчас невысокий мужчина лет сорока затаскивал раненого пацана. Штанина правой ноги на бедре подростка была разорвана, оттуда хлестала кровь и сквозь развороченную плоть виднелась кость. Люсю моментально стошнило. В глубине раздевалки подвывали несколько женских голосов, когда паренька затащили внутрь, их вой стал громче.

— Еще двое, — констатировал факт один из мужчин, тоже примерно моего возраста. — Заскакивайте внутрь и помогите ветеринару разобраться с Колькой.

Я застыл в ступоре на пороге, не зная, что делать. Вокруг все в крови, а лица людей, которые сейчас стояли у прохода, были смертельно бледными от страха. Со стороны столовой доносились крики и глухие удары.

— Кто-нибудь еще, сюда, быстро! — до моих ушей долетел приказ Сашки-командира.

Мужики с трубами в руках в нерешительности переглянулись и отрицательно замотали головами. Никто не желал идти туда, к этой твари. Люся посмотрела на них с презрением, потом вопросительно глянула на меня. Конечно, я же по жизни крайний!

Возможно, потому, что я был в состоянии шока, но колебался я недолго. Училка уже протискивалась через узкий проход в убежище, когда я дернул ее за край пижамы.

— Погоди, дай мне это, ребятам помогу, — я вцепился в ее скрученную простыню с кирпичом на конце.

Блондинка не возражала, она кивнула в знак согласия и отпустила свое оружие. В голове появилась идея, и я первым делом развязал узел на «неударном» конце простыни, а потом побежал к ребятам. Сердце в груди било кувалдой, эти удары гулко отдавались в висках. На бегу я сделал несколько очень глубоких вдохов-выдохов, как перед погружением в воду. Потом, перехватив импровизированный боевой цеп поудобнее, обогнул железную решетку, ограждающую ступени, перепрыгнул сами ступени и влетел в столовую.

А там застал полнейший дурдом. Остатки столов были перевернуты, под ногами, как в коридоре и в холле, валялись какие-то ящики и старые противогазы. У квадратной колонны в лужи крови лежал «спортсмен». Вместо пальцев на его кистях сейчас торчали

окровавленные огрызки, живот его, казалось, взорвался изнутри, а вокруг валялись внутренности. Он был явно мертв, но вдруг его тело последний раз конвульсивно дернулось, заставив меня содрогнуться. Я ходил как-то на экскурсию в морг, но данное зрелище было на порядок хуже. Желудок дернуло спазмом. Захотелось развернуться и стремглав убежать, но было уже поздно.

Когда я вбежал, тварь почти зажали в угол и Панкер пытался огнем оттеснить ее к Женьке и Саньку. А эти двое так слаженно орудовали своими железяками, что мне показалось, они всю жизнь работали в паре. На боку животного уже кровоточили две рваные раны от их ударов. Уродина, воспользовавшись секундным замешательством мужчин, вызванным моим появлением, вырвалась из окружения и кинулась на самого слабого. Понятное дело, на меня.

Я раскачал узелок с кирпичом и обрушил его на тварь. Промазал! Кирпич гулко ударил плиты перед самым грызлом зверя. В следующую секунду монстр впился зубами в простыню и стал ее рвать. Видимо, ткань пахла человечиною, и зверь решил, что это моя рука. Вот тупая скотина, разве бывают у кого-то такие длинные руки?

Я распахнул свободный край простыни на всю ширину и накинул его на тварь. Животное замешкалось на пару секунд от такого поворота событий. Этого времени как раз хватило, чтобы подскочивший ко мне Женька со всего размаху перетянул этого маленького злобного «Каспера» грифом штанги. Раздался характерный хруст, тварь взвыла. На простыне в месте удара проступило пятно крови. Но Женька не успокоился, он вновь и вновь обрушивал свою булаву, мяся холмик на простыне, пока тот не стал совсем плоским.

— Боец, отбой! — гаркнул Сашка. — Оно уже сдохло.

Женька остановился, безумным взглядом зыркнул на нас и криво улыбнулся.

— Шустрая гадина, хэ! Куда проворнее тех песиков... хэ, и кучи говна на ножках, которых мы... хэ, в спортзале приложили, — эмвэдэшник стоял, держа в руках окровавленный гриф, и пытался отдышаться.

— А вы здесь давно? — спросил я.

— От силы час-полтора, но уже успели насмотреться такого... — ответил Димка Панкер, потом кивнул в сторону мертвого мужика в спортивном костюме. — Этот уже третий, кто протух.

— А вы знаете, как сюда попали? — спросил я без особого энтузиазма, догадываясь, что мне ответят.

— Нас здесь было семнадцать человек... теперь шестнадцать, если вместе с вами. И все как один либо заснули и проснулись уже здесь, либо потеряли сознание и также очнулись здесь, — «успокоил» меня Санек. — Лично я во дворе дома кухню под заказ докручивал и уснул на верстаке после бутылки коньяка. Панкер в аварию попал и вырубился от удара. Жеке тупо сзади по голове настучали, прямо в подъезде его дома. Короче, все по-разному глазки захлопнули и в разных городах, а очнулись в этом здании в самой заднице зоны отчуждения. Я скажу так — все это пахнет спецурой. Подобное могла организовать лишь большая и серьезная организация. Но с какой целью?

— А ты молодцом, хорошо с простыней придумал, — похлопал меня по плечу эмвэдэшник. — Я Женька Парнак, фамилия такая. За командира у нас Седой, а пироман-белоснежка — Димон.

— Теперь он Панкером будет, — вмешался командир. — А тебя как звать, боец? И кем ты на гражданке был?

— Костиком звать, — я медленно приходил в себя. — И чего это был? Я и есть инженер, типа подводник. То есть учился подводные корабли проектировать, а...

— Угу, подводник, значит, — перебил меня камуфлированный Сашка. — Очень полезная профессия. Осталось только подлодку в степях Украины отыскать, ты ее подлатаешь, и мы смоемся отсюда, — как-то совсем грустно пошутил командир и, потеряв ко мне интерес, обратился к мужчине в черной униформе: — Жека, глянь, что у банкира из одежды можно взять, тапки там, штаны. И сразу за нами к раздевалке. Нужно уже что-то

решать.

Командир развернулся и потопал к выходу. Женька Парнак без всяких возражений отправился к разорванному телу в спортивном костюме, положил на пол гриф штанги и стал расшнуровывать кроссовки покойника. Эмвэдэшник был спокоен, как слон. Как он мог так спокойно смотреть на это изувеченное тело? Я вздрогнул, еще раз глянув на труп, и отправился следом за Седым и Панкером.

— А как эту грудастую в пижамке зовут? — вдруг спросил через плечо Седой.

— Людмила Александровна, преподаватель по специальности, — ответил я.

— Гы-гы, Люся, значит. А она ничего себе, да? — выдал Сашка с пошловатой ухмылкой на лице.

Я оставил его слова без комментариев, лишь рефлекторно прикоснулся к разбитому носу и про себя согласился с «командиром».

Еще не успел пройти шок от встречи с тварью, а уже очередная неожиданность впрыснула мне в кровь новую дозу адреналина. Как только мы поднялись по ступеням столовой, в холл через парадный вход влетели два спецназовца в полном боевом обвесе, бронежилетах и прочих милитаристических наворотах, которые только можно было себе представить. Стволы винтовки и автомата смотрели на нас своими мертвыми черными зрачками.

— Оружие на землю! На колени! Руки за головы, живо! — орали спецназовцы наперебой.

Мы втроем быстро выполнили их команды, пулю получить никто не хотел.

— Мужики, спокойно, мы гражданские, у нас нет оружия, — тут же заговорил Седой.

— Кому ты трешь, «Свобода»! — один из бойцов быстро оказался за нашими спинами и приставил дульный срез своей снайперской винтовки к затылку Сашки. — Только ваши притырки по Зоне флектарн таскают. И как ты только до Припяти дополз? Может, грохнуть этого сразу?

— погоди, сержант, успеется. И хватит орать, монолитовцев тут как грязи, — остепенил своего напарника второй; он, видимо, был старшим по званию. — Кто такие и что здесь делаете?

— Да, и где эти хреновы вертушки? — добавил первый военный.

Спецназовцы явно были на взводе.

— Повторяю, мы гражданские, — спокойным голосом продолжил Седой, — все без какого-либо оружия. Как сюда попали, не помним. Кто нас сюда мог десантировать, не знаем. Мы просто хотим убраться отсюда и просим вашей помощи.

— Хрень какая-то! Выбраться он отсюда хочет. В очередь становись! — опять задержался сержант. — Это все трюки монолитовцев, они профи по промыванию мозгов. Ловушка это, командир, как пить дать, очередная ловушка «Монолита». Ложим их всех тут, а Ковальскому в отчете укажем, что наткнулись на отряд зомби.

— погоди, сержант. — В голосе старшего прозвучали нотки сомнения, и он обратился к Седому: — Много вас тут?

— Пятнадцать человек и все без оружия, — ответил Сашка, делая акцент на словах «без оружия».

— Где все остальные?! — нервно дернулся сержант и стал озираться по сторонам.

— Остальные в укрытии, нас ждут, — расплывчато ответил Сашка.

— Сержант, успокойся на минуту! И как ты вообще попал в нашу группу?! — крикнул на своего бойца другой военный.

— Снайпер оступился и ногу сломал, придурок, когда на вертушку садился, вот и выдернули меня, первого, кто под руку... Лучше бы я в казарме остался, лейтенант, — злобно прошипел сержант и замолчал.

— Ладно, на чем мы там остановились? — продолжил нас допрашивать старший военный. — Что вы помните до того, как потеряли память? ЧАЭС помните? Голос «Монолита» помните?

— Какой голос? Какая ЧАЭС? — Самообладание Седого поражало, он оставался невозмутим. — Командир, ты слышал, что я тебе говорил? Мы гражданские из разных городов Украины и России. О Зоне если что-то и знаем, то противоречивые слухи из интернета и желтой прессы. И память нам не отшибало. Мы просто заснули у себя дома, а очнулись здесь, и ровным счетом ничего не понимаем.

— Хорошо поёшь. — Сержант толкнул стволом затылок Сашки. — Врет он все, командир. Монолитовцы перед выбросом наш десант перебили и вертушки захватили. А этим мозги стерилизовали и... Кто там?! Выходи, живо! Чтоб я руки видел! Выходи, сказал! Гранату брошу!

Со стороны спортзала донеслось шуршание, и нервный вояка молниеносно отреагировал на него.

— Командир, уйми бойца, пока он безоружных пацанов и девчонок не перебил, — быстро обратился Седой к старшему спецназеру.

— Девчонок? — глаза командира округлились. — Сержант, не стрелять! Все это очень странно... как и все вокруг. А ну, все встали и без резких движений у стены построились.

Мы переглянулись, но все же выполнили эту стремную команду. Сержант держал на прицеле дверной проем выхода из спортзала, в котором сейчас стоял с поднятыми руками один из тех, кто охранял баррикаду. А его командир направил ствол своего автомата на нас.

— Я так понял, ты здесь за главного, — обратился к Седому старший из военных. — Тогда выводите всех своих и строй здесь. Сейчас посмотрим, какие вы гражданские.

Сашка подчинился — и через минуту все, кто был в раздевалках, уже стояли возле стены рядом со мной. Теперь я смог рассмотреть всю группу. Не считая меня, Сашки Седого, Димки Панкера, Руслана и Люси, которых я уже знал, присутствовали еще более разношерстные представители городского социума.

Рядом с Панкером стояла и все норвила за него спрятаться худенькая девчушка с длинными, наверное, накладными ресницами, одетая в стандартную униформу официантки. Сразу за ней подпирал стену высокий пожилой мужик с физиономией «заслуженного» алкоголика. По его белому замызганному больничному халату я понял, что это и был тот самый ветеринар. Следующими в ряду были две дамы, наружностью и одеждой похожие на представительниц древнейшей женской профессии. Но позже я понял, что таковой была лишь одна из них, а у другой попросту был дурной вкус. За дамами стоял невысокий мужчина средних лет в черных джинсах и такой же куртке, с выражением полного пофигизма на лице. Рядом с Русланом примостилась низенькая пышнотелая девушка. Круглые черненькие глазки и выражение лица делали ее чем-то похожей на серую мышку. Строй замыкали: совсем молодой парень, лет шестнадцати, в черных кедах и черном молодежном прикиде, девушка в спортивном костюме, крепкого телосложения, и худошавый парень постарше, ничем на первый взгляд не выделяющийся из таких состоит серая безлика городская толпа.

— Это все? — спросил вояка.

— Так точно, все!

Седой поспешил ответить, скрывая факт присутствия эмвэдэшника в столовой.

Но несколько произвольных вопросительных взглядов членов нашей группы в сторону столовой на секунду заставили вояку усомниться.

— Но ты же говорил пятнадцать, а тут четырнадцать, — спокойно произнес лейтенант и поднял свой ствол.

— В раздевалках Колька помер, — мрачно произнес ветеринар.

— Там еще в столовой банкир, — Седой быстро исправил положение, — но он тоже мертвый уже. Его тварь порвала на лоскуты. Второй труп в спортзале, собаки загрызли. И еще один тут рядом, возле школьной теплицы, его на куски разорвала аномалия. Аномалия же, так вы называете эти участки?

— Сержант, проверь столовку, — отдал приказ лейтенант, засомневавшись в словах Седого.

Вояка быстро и четко выполнил команду.

— Есть труп, — сержант вернулся и сейчас стоял и смотрел на простых перепуганных людей в обычной повседневной одежде. — Дурдом какой-то. Но как вы все сюда попали?

— Вы говорили про вертушки. Может быть, они нас сюда сбросили? — осторожно спросил Седой.

— Вполне возможно, — старший прибывал в смятении, — машины кружили над школой перед самым выбросом, как мухи над дерьмом, а потом вдруг исчезли. Мы решили, что они приземлились здесь, хотели проверить. Но начался этот хренов выброс и загнал нас назад в укрытие. А после выброса — нигде никаких вертушек. Не улетели же они во время самого выброса? А если и улетели, в чем я сомневаюсь, каким образом тогда вы выжили во время этого ада? Если уже были здесь во время выброса...

— Командир, я слышал краем уха разговор Ковальского и того сталкера, который нас сюда привел, — подал голос сержант. — Так этот странный тип показывал полковнику какое-то экспериментальное средство и говорил, что оно позволяет выжить во время выброса вне укрытия. Может быть, это наши проводят тестовые испытания лекарства? А что, отловил спецотдел кого не жалко, накачал этой дрянью и скинул сюда, в самую задницу, поближе к эпицентру выбросов.

— Эх, жаль, связь нашу глушат... Но хорошо если так, хотя и бесчеловечно все это. Значит, они должны вернуться, чтобы подопытные тушки на анализы отловить. И тогда будет шанс выбраться отсюда или хоть связаться через них с генералом. А то в штабе даже не знают, что мы здесь. — Старший вояка несколько успокоился и опустил ствол. — В любом случае, так это или не так, если мы пойдем, как вы сюда попали, то, возможно, найдем способ, как самим выбраться из этого проклятого места.

— И что будем делать, командир? На базу этих? Так вдвоем мы их и двух кварталов не проведем. — Сержант говорил, а сам голодным взглядом осматривал женщин нашей группы.

— Сейчас запрошу поддержку, а там пусть полковник решает, что с вами делать... Эй, сержант, не тычь стволом в людей, тебе не их бояться нужно, лучше в окошко да по сторонам посматривай, — лейтенант отдал приказ подчиненному, а потом обратился ко всем нам: — Руки можете опустить, но дергаться все равно не советую. Вы хоть и гражданские, но у нас нервишки уже разболтаны до предела и патронов лишних много.

Военный отошел в сторону и достал странную кустарную рацию, явно не стандартную. Видимо, только такие экземпляры в этом месте и работали.

— Полковник Ковальский, это лейтенант Тарасюк, как слышите?

— Слышу тебя, лейтенант, — рация шикнула, и раздался голос, сильно искаженный треском помех, — докладывай, что там у вас.

— У нас ситуация, — лейтенант глянул на нас, — в указанном районе ни вертушек, ни подкрепления не оказалось. Но была обнаружена группа гражданских, четырнадцать человек, мужчины и женщины, преимущественно молодые. Утверждают, что не знают, как сюда попали. Прошу выслать еще троих бойцов для сопровождения группы на базу. Есть предположение...

— Лейтенант, ты совсем сдурел?! — гаркнул голос из рации. — Мы здесьдохнем, как мухи, а ты еще людей просишь? Слушай сюда внимательно! Код «Факел»! И прошвырнитесь еще по округе! Не могли же эти чертовы вертушки попросту испариться! А дальше действуй по обстоятельствам. Конец связи.

Голос умолк, лейтенант спрятал рацию и как-то странно переглянулся с сержантом.

— Так что, вы нам поможете? — спросил Седой.

— Сам же слышал, приказано действовать по обстоятельствам, — мрачно процедил сквозь зубы лейтенант, внимательно осматривая нашу группу, потом обратился к подчиненному: — Сержант, на пару слов отойдем.

Военные спустились по ступеням столовой вниз, стали в проеме дверей так, чтобы мы находились в их поле зрения, и принялись перешептываться. Сержант то и дело кивал в нашу сторону и пожимал плечами, лейтенант ему что-то отвечал. Наша группа все это время

затаив дыхание ждала, что решат эти двое. Через несколько минут спецназовцы пришли к единому мнению и вернулись к нам.

— Значит, ситуация следующая, — начал лейтенант, — по большому счету, нам приказано бросить вас тут на растерзание Зоны. И поверьте, она вас растерзает. Если кто случайно и доживет до вечера, то к утру свихнется однозначно. Мы можем рискнуть своими шкурами и вас к убежищу вывести за несколько ходок. Но это нам и нафиг не нужно... В смысле, услуга эта будет платная.

— И сколько вы хотите? — спросил кто-то из наших.

— У меня есть деньги, но только дома, — стала причитать одна из девушек.

— Деньги нас не интересуют, и предложить вам нечего, — оборвал лейтенант поднявшийся гомон. — Ну, почти нечего...

Военный замолчал и выдержал настоящую театральную паузу в попытке найти нужные слова. При этом он постоянно пялился на пижаму Люси. Училка это заметила и в свою очередь вприщур осматривала лейтенанта. В моей голове проскочила неприятная догадка. Знал, что люди в погонах сволочи, но чтобы до такой степени...

— Говори, лейтенант, — нарушил молчание Седой, — что вам нужно?

— А что нужно солдату, который на гражданке не был очень давно? — ответил вопросом на вопрос сержант, и тут же озвучил правильный ответ: — Бабу, ясный перец. Молодую и упругую.

Лейтенант кивнул, соглашаясь со словами подчиненного. Мужики нашей группы переглянулись, а все девушки, кроме Люси и профессиональной «короткой юбки», начали скулить и прятаться за мужскими спинами. Причем та мелкая с длинными ресницами вцепилась в Панкера, а низенькая пышная в Руслана, тем самым неосознанно выдавая свои симпатии. Внутри меня вскипала ненависть. Эх, если бы у этих уродов не было стволов, я бы... отгреб от них «звездюлин» при любом раскладе. Нужно быть реалистом — они обученные военные, а я «пустышка».

Тем временем Люся переглянулась с той дамой, которую я сразу определил в разряд путан, и повела себя крайне неестественно, исходя из всего того, что я о ней уже успел узнать за время, прошедшее с момента нашего бурного знакомства.

— Ну что, этот мой, — «училка» взглядом указала на лейтенанта, который от ее выбора буквально расцвел.

Остальные девушки после этих ее слов умолкли. У меня проскочила мысль, что тут явно что-то нечисто.

— А мне, как всегда, солдатик... — «короткая юбка» удрученно вздохнула, подошла к перепуганному сержанту и взяла его под ручку. — Пойдем на второй этаж?

Сержант несколько раз «гыгыкнул», осматривая дамские прелести, виднеющиеся через блузку девушки. Получив одобрительный кивок от командира, он отправился вверх по лестнице, которая была напротив столовой и вела к актовому залу.

— Люся, это... там, в столовке, где кухня, я заметил удобный матрасик, — вдруг подсказал Седой, и когда лейтенант отвернул голову, смотря в том направлении, быстро подмигнул девушке. — Если, конечно, вас не смутит тело банкира.

— Не смутит. В общем, ждите нас тут, никуда не разбегайтесь. Мы быстро, — отдал последний приказ военный и утащил Люсю в столовую.

Как только военные скрылись, Седой быстро обернулся к нам и приставил палец к губам, дескать — тихо, ни слова. Потом жестами велел нам отступать в спортзал. Ничего не понимая, мы подчинились. В раскуроченном зале лежали трупы каких-то мутантов и один человек, накрытый куском прогнившего мата. Мы перебежали через все помещение к запасному выходу. Здесь Седой стал раздавать приказы.

— Значит так, чтобы все сразу поняли, — негромко начал Сашка, — как только вояки получают что хотят, они всех нас порешат. Им приказали «действовать по обстоятельствам» после того как они выполнят инструкции по коду «Факел». А как бывший военный я вам скажу, что хорошее дело кодом «Факел» не обзовут.

Женщины тут же заскулили, а мужики испуганно загалдели.

— Да тихо вы, — цыкнул Седой. — Панкер, уводи всех через двор в подвал, тот, что сверху лестницами привален. Там отсидитесь, пока все не утихнет. Только ноги в руки — и быстро через двор скачите, чтобы вас живность не учуяла.

Димка кивнул, быстро раздал группе команды и повел людей в указанное место. Седой не пошел с группой. Я и мужик в черной джинсовой одежде, тот, который раненого пацана в раздевалку затаскивал, тоже остались.

— Правильно, девчонкам нужно помочь, — одобрительно кивнул я, сделав свои выводы.

— Девчонки, считай, уже трупы, а вот если Женька сообразит, что к чему, его нужно будет поддержать, — охладил мой рыцарский пыл Седой.

— Шкет, ты с нами? — спросил Сашка второго мужика.

— А хуле неясно? — ответил тот и выдал «простонародную» пословицу: — Мы засунем член им в... спины, и подохнут те скотины.

Седой расцвел от подобной рифмованной пошлости и крепко пожал руку Шкету.

— А ты, подводник, лучше чеши за остальными, — Седой подхватил за ручку шестнадцатикилограммовую гирьку, валявшуюся у стены, и глянул на меня хитрым взглядом. — А если все же решил, что ты настоящий мужик, то просто будь рядом на подхвате, под ногами не путайся и четко выполняй команды. И не дрейфь, прорвемся.

Вот засранец! И кем я буду себя считать после этих его слов, если уйду?

Глава четвертая ПРОИЗВОДНАЯ ЧЕРНОЙ ПОЛОСЫ

Я затаился в углу возле окон, за стеной у выхода из помещений спортзала. Руки сжимали заточенное копье из арматуры. Дверная створка была прикрыта, но через щели и пулевые отверстия в ней я хорошо обозревал все пространство холла, включая обе лестницы — ведущие в столовую и на второй этаж. От меня требовалось тихо сидеть здесь и ждать, когда один из военных, заметив исчезновение нашей группы, решит проверить раздевалки. Как только он сюда войдет, я должен буду проткнуть его своей пикой. Затея дебильная, но коль уж назвался груздем, полезай в кузов...

Шкет сидел где-то в гардеробной, через которую мы пробирались. У него была примерно та же задача, что и у меня, но она сильно усложнялась в силу большего расстояния от него до предполагаемой цели. Мой-то коридорчик узкий, как бы ни впрыгнул в него солдат, я по любому до него дотянусь своей арматурой. А вот Шкету придется выполнить хитрый акробатический трюк или выждать, пока военный пройдет мимо, и ударить ему в спину. В любом случае, шансов выжить при этом у него мало. Однако отважный мужик, хоть и маленький.

Седой занял позицию снаружи, на парадном выходе, одну сторону которого полностью закрывали щупальца серого мутировавшего растения. Точно такое же мы недавно обходили в гардеробной. Это обстоятельство несколько облегчало Сашке жизнь. Но на его месте я бы не стоял с гирями в руках сразу за проемами дверей, а залез бы на козырек, который над ступенями, и атаковал бы выходящих сверху. Впрочем, то его дело.

Я сидел и ждал, напряжение росло. За спиной зияли дыры окон с остатками стекол, лай собак и рычание неведомых зверей за ними пугали уже меньше. Здесь были твари страшнее всех этих мутантов — люди.

В столовой грянул одиночный пистолетный выстрел, потом еще и еще. Началось! Донесся крик Люси, но это явно не был вопль испуга, больше он смахивал на боевой рев берсеркера из фильмов про викингов. А вот потом взвыл военный, от боли взвыл. Что с ним сделала эта бешеная девка, я даже боялся себе представить. Секунду спустя басисто ухнул Женька, и я услышал звук мощного глухого удара. Почти сразу зазвенел брошенный на пол гриф штанги, и воцарилась тишина. Ни крика, ни выстрела.

Я сидел и ждал, как и было приказано. Все остальные тоже замерли на своих позициях, никто и не думал ломиться в столовую. Время тянулось резиной. Со стороны ступеней, ведущих на второй этаж, донеслось шуршание ног. По ним бежал сержант без бронежилета в распахнутом кителе, с винтовкой в одной руке и пистолетом в другой. Расстегнутая ширинка говорила о том, что стрельба его застала врасплох, посреди желанного процесса.

— Лейтенант, что там у тебя?! — крикнул военный и добавил пару матов, заметив, что в холле отсутствуют люди. — Вот твари, сбежали все-таки!

Подскочив к дверному проему столовой, он присел, выглянул из-за стены и быстро убрал голову назад. Из помещения ему в подарочек пришла короткая автоматная очередь, сколов штукатурку со стены и раздробив прогнивший косяк двери. Стрелял «калаш», его характерный звук я хорошо знал.

— Сука!! — заорал сержант и, выставив на миг пистолет, выше своей головы огрызнулся двумя выстрелами.

— Что случилось? — на лестничном пролете появилась полуобнаженная испуганная барышня-профессионалка и стала спускаться вниз.

— Сдохни, мразь! — сержант в одно мгновение вернул пистолет в набедренную кобуру, резко развернулся и выстрелил из винтовки.

Я видел, как на стены брызнула кровь, девушка опрокинулась и с разmozженной головой упала на ступени. Половины черепа у нее уже не было, клоки слипшихся в крови волос свисали с завернувшегося подорванного скальпа. Я отшатнулся от двери и вжался в стену. Стало так страшно, что не пересказать. Смерть, вот она. Прямо на глазах. Мое тело самопроизвольно начало трястись. Так вот, запросто, этот скот убил безоружного человека. И не просто человека, а беззащитную слабую девушку!

Меня колотило все сильнее и сильнее. За окном началась гроза и это лишь усилило амплитуду колебания натянутых струнами нервов. Одиночные раскаты грома сотрясали пространство все чаще и чаще, пока не слились в один грозный и страшный гул. Небо за окном стало странно светиться розовыми тонами. Стрельба, гром, каждый удар сердца — как удар молота по барабанным перепонкам. Добавились еще звон в ушах, «звездочки» перед глазами и этот долбанный вой мутантов за окном. Казалось, что все эти твари сговорились и взвыли одновременно. Меня накрывала паника.

А тем временем бой не прекращался и, судя по выстрелам и матам сержанта, он уже ворвался в столовую и там поливал огнем все пространство. Ответных очередей Женьки я не слышал, но очень надеялся, что он жив и вот-вот пристрелит этого гада.

Между громохканиями выстрелов и раскатами грома я вдруг расслышал легкий хруст и шуршание шагов в холле за дверью. Дрожащие руки еще сильнее сжали арматуру. Я встал на ноги, приняв устойчивое положение, и приготовился убивать.

— Костик, отбой, это мы, — за дверью тихо прошипел Седой за секунду до того, как я чуть не проткнул его арматурой.

— Мля, чтоб вас всех... — произнес я единственные слова, что пришли на ум.

Тут же в охраняемый мной проход влетел Сашка с рюкзаком лейтенанта на плече.

— Отходим, быстро. Идешь за Люсей, — отдал мне приказ наш командир.

Следом за Седым забежала ненормально счастливая Людмила Александровна. Глаза ее сверкали, а пальцы мертвой хваткой вцепились в трофейный пистолет. Поверх ее пижамы были уже натянуты спортивные брюки покойного банкира и китель лейтенанта. На ногах белели расшнурованные кроссовки, которые снял Женька со «спортсмена». И когда она успела одеться? Я пристроился за Люсей и побежал.

Последним шел Жека, на нем уже красовался наспех натянутый армейский бронежилет, усыпанный карманами, а в руках он держал автомат Тарасюка. Эмвэдэшник задержался у входа в спортзал, опустил на одно колено и вскинул «калаш». Он держал на прицеле проход, пока мы отступали вглубь спортзала к запасному выходу. Вдруг в столовой прогремел взрыв, а после него донеслись вопли и стоны сержанта. Видимо, военный был ранен, но он все равно продолжал стрелять и материться. Причем таких выражений и

оборотов я не слышал даже в гаражах от водителей маршруток.

— Йес! — вскрикнул довольный Женька, изобразив характерный жест рукой.

Он оставил свою позицию и быстро догнал нас.

— Что это было, Жека? Неужели то, что я подумал? — Седой остановился у запасного выхода.

— Ага, лейтенант отработал на все сто, — Женька похлопал ладонью по одной из гранат, висящих на бронежилете, — «эф-один» под него успел положить. Как знал, что этот сержант-полудурок не обучен в должной степени.

— А ты, киса, молодчага, — Женька по-мужски хлопнул училку по плечу. — Не растерялась ни разу! Думал, придется одному отдуваться за вас всех. Эх, как ты сзади тому лейтехе вцепилась когтями в глаза, он даже ствол выронил. Нет, ты не киска, ты — кот! Ничего, если я тебя так буду называть?

— Кот? — Люся повела бровью. — Нормально, пойдет. Называли и похуже.

— А скажите, только меня беспокоит все это? — продолжила девушка, указав взглядом на небо. — Или вы считаете, что это нормально?

Тем временем гроза все меньше становилась похожа на явление природы. Мы выбежали наружу, ибо здание школы стало трястись, как при землетрясении. Несколько крупных осколков стекла из высоких окон спортзала, звеня, обрушились вниз и проломали доски пола.

Небо меняло цвет буквально на глазах. Розовые тона облаков сменились на красно-розовые оттенки и перемешались с серо-синими пятнами. Все вокруг то темнело, то светлело, а цвет неба постепенно «набирал сок», пока небесный купол не стал фиолетовым и огненно-рыже-желтым. Земля под ногами запрыгала ходуном. Разряды били все чаще и все ближе.

— Внимание, говорит полковник Ковальский, — вдруг зашипела рация где-то в кармане Женькиного бронежилета, — начинается выброс. Повторяю, начинается выброс. Всем срочно в укрытие.

Лично я не знал, что такое выброс, но судя по тому, что творилось вокруг, это что-то очень плохое.

— За мной, бегом! — крикнул Сашка и побежал через двор к обрушившимся лестничным пролетам.

— Шкет, отходим, живо! — через несколько шагов проорал он же в сторону «перешейка», соединяющего корпуса.

Спустя секунды невысокий мужичок из нашей команды появился напротив своей засады, в дверях коридора, и стал быстро спускаться по ступеням.

— Стой! Замри! — вдруг завопил Седой, видя это, но было уже поздно.

Какая-то невидимая и необъяснимая сила подхватила мужика словно пушинку, подняла над землей и принялась раскручивать все быстрее и быстрее. И пяти секунд не прошло, как эта адская круговерть разорвала его на куски и разбросала их по всему школьному дворику. Люся испуганно вскрикнула.

— Твою м-мать, Шкет! М-м-м! — Сашка остановился, упал на колени и, заскрежетав зубами, схватился за голову.

— Идем, быстрее! Ему ты уже ничем не поможешь, — Женька схватил Седого за руку и буквально уволок к укрытию.

Между упавших плит и лестничных блоков был едва заметный проход в подвал. Туда мы и спустились. А здесь в маленьком коридорчике нас уже ждали Панкер и Руслан с обрезками труб и заточенными арматурами в руках. Все остальные сидели на корточках по углам меленькой комнатухи, что была рядом. Кто-то тихо бубнил какую-то молитву, кто-то просто скулил, а кто-то пустым взглядом втыкал в пространство перед собой. Все вокруг содрогалось, сверху до нас долетал оглушающий грохот громовых раскатов и треск молний, бьющих где-то совсем рядом. Видимо, от нервного напряжения в моих глазах свет и темнота циклично сменяли друг друга.

— А где Маринка и Андрюха Шкет?! — спросил Панкер, но ответа не понадобилось, он все смог прочитать по нашим глазам. — Черт! Сколько людей уже потеряли!

Из-за несусветного грохота всем приходилось говорить на повышенных тонах.

— Немного на оружие разжились! — Женька похлопал ладонью по трофейному «калашу». — Есть еще гранаты, «глок» у Люси и в рюкзаке что-нибудь по любому должно быть! Эй, Седой, очнись!

Сашка все еще был мрачнее тучи, он стоял посреди подвала, сжимал лямку рюкзака и о чем-то думал. Почему-то смерть Шкета на него подействовала не так, как гибель остальных членов группы до этого.

— Да, сейчас гляну. — Наш командир поставил рюкзак на дрожащий пол. — Блин, когда же это все прекратится?!

И словно повинувшись его словам, интенсивность раскатов грома стала быстро уменьшаться, а вместе с ними стихла и дрожь земли. Спустя десять секунд все прекратилось и странная, нереальная тишина заполнила пространство. О недавнем «Армагеддоне» напоминали лишь наши бледные испуганные лица.

— Внимание, говорит полковник Ковальский, — опять ожила рация в Женькином кармане, — выброс закончился.

— Спасибо, Господи, — тоненьким голосочком произнесла та маленькая черноглазая девушка, которая недавно пряталась за широкой спиной Руслана.

— Бог на тебя забил, дура! На всех нас забил! — озлобленно гаркнул Сашка и расстегнул рюкзак.

У него внутри явно что-то надломилось. Я стоял за спиной командира и с любопытством смотрел на аккуратно сложенное лейтенантское добро. Может быть, и мне что-то перепадет. Из всего содержимого глаза сразу выхватили шерстяную водолазку. Совершенно не грела меня порванная куртка, которую мне подогнал Седой, и я попросил себе этот свитерок.

Пока мы рылись в рюкзаке покойника, Панкер вдруг решил, что ему нужен Люсин «глок».

— Солнышко, отдай, пожалуйста, мне пистолет, — Димка протянул руку и сделал несколько шагов в сторону девушки. — Я найду ему лучшее применение.

Я и Седой, каждый по своим соображениям, резко обернулись и успели только рты открыть, чтобы уберечь Панкера от необдуманного шага, но опоздали.

— Это мое-е-о!!! — Люся вскрикнула так, что все в подвале вздрогнули, и направила ствол в лицо Диме. — Пока ты тут отсиживался, я за него своей задницей рисковала...

«Причем не только в переносном, но и в прямом смысле», — невольно подумал я. Хорошо хоть вслух не вырвалось.

— ...так что если хочешь забрать, выкопай себе сначала могилу, потому что я этого делать не буду! Я доходчиво материал излагаю?! — риторическим вопросом закончила свою «лекцию» наша училка.

— Предельно доходчиво. — Панкер поднял руки и отступил на несколько шагов.

— Надеюсь, остальным повторять этого не надо?! — Людмила Александровна, похожая сейчас на разгневанную фурию, поводила пистолетом перед лицами забившихся в угол людей.

Все испуганно закивали или закачали головами, в зависимости от того, что хотели сказать. Но ответы их явно были бы или «да, не надо повторять», или «нет, не надо повторять».

— Тише, Кот, никто у тебя ничего не заберет. Я сказал! — Женька успокоил девушку, приняв ее сторону, а потом обратился к Панкеру: — И это, Димон, она его реально заслужила, так что не лезь. Лучше давай прошвырнемся по школе еще разок. Если сержанта этот выброс не убил, мы его добьем, и еще на стволы разживемся.

— Сейчас пробежимся, погодите немного, — Седой вывалил на пол все содержимое рюкзака и быстро разделил его на три части.

Магазины с патронами, гранаты и пара каких-то приборов вернулись назад в рюкзак. Разноцветные аптечки, бинты, таблетки и прочее, хоть отдаленно напоминающее медицинские принадлежности или лекарства, отошло нашему доктору-ветеринару. Остальные вещи, в основном одежда, консервы и другая еда, остались лежать на полу.

— Так, народ! — крикнул своим командирским голосом Седой. — Пересмотрите все шмотки, кому чего не хватает, одевайтесь. Ответственным за жратву будет... Мышка, ты!

— А почему я? — прозвучал из угла слабый голосок той самой девушки, которую Сашка незадолго до этого обозвал дурой.

— А потому что я так сказал! — У Сашки были какие-то свои соображения на этот счет, но, пребывая в озлобленном состоянии, он не спешил делиться ими с кем-либо. — Пересчитаешь все, в уголок сложишь и продумаешь, какие калории и когда мы будем употреблять. Ну, там, по своим общепитовским соображениям. Не мне тебя учить. И чтобы жратву никто не трогал до нашего возвращения! Ясно?!

Все одобрительно закивали, хоть наши желудки уже начинали петь заунывные песни.

— Панкер, ты ведешь, у тебя нюх на эту аномальную дрянь. Парнак — сразу за тобой. Только, Жека, клювом не щелкаешь, гасишь все, что пошевелится. Я буду замыкать, — начал раздавать приказы наш командир. — Руслан, Костик и Люся, вы отвечаете за оставшуюся группу. И Люся, пушка у тебя, а значит, если сюда что-то прилетит — тебе это и убивать. Не прятаться и в угол забиваться, а именно убивать. Тебе все ясно?!

— Мужики, блин, — девушка недовольно поморщилась, — если у вас висюлька между ног, то думаете, одни вы у нас такие крутые, решительные и незаменимые? Я знаю, что такое ответственность, не понаслышке, и не тебе меня учить. Понял?

— Хм, а ты реально ничего себе, — Седой ухмыльнулся и слегка растянул свои губы в кривой улыбке. — Держи, это тебе пригодится.

Командир вытащил из кармана рюкзака и поочередно бросил девушке два полных магазина к ее пистолету. Она их сцапала прямо на лету, как настоящий матерый кот.

— Седой, а можно мне пару гранат? — подал голос Руслан. — Я имел с ними дело, да и взрывчатку щупал и прочее подобное добро, так что обращаться умею.

— Держи, — Сашка достал из рюкзака несколько гранат разного вида и передал киргизу. — Я даже не буду спрашивать, где и какая нужда тебя заставила во всем этом разбираться. Все эти «яблочки» тебе знакомы? Знаешь, какое что умеет?

— Обижаешь, командир, — хмыкнул Руслан, рассовывая по карманам гранаты.

— Ну что, с Богом! — Сашка присоединился к Жеке и Панкеру, они уже стояли на лестнице и были готовы к вылазке.

Отряд ушел, и я остался вместе с группой испуганных и ничего не понимающих людей. Мышка, которую, как выяснилось, звали Катя, попросила Руслана помочь ей. Они быстро развернули оставленную плащ-накидку, сложили на нее провизию и унесли в дальний угол. Остальные стали рыться в трофейной одежде и утепляться.

Я поднял с пола ржавый обрезок трубы, чтобы хоть как-то вооружиться, и сел рядом с Люсей на кирпичи, сложенные кем-то в импровизированную лавочку. Девушка продолжала крепко сжимать пистолет, но на мое появление рядом с ней отреагировала спокойно.

— А ты и вправду молодчина, — попытался я завести разговор, — до сих пор не понимаю, как ты отважилась? Как ты поняла, что они нас по любому прикончат?

— Я не поняла, — девушка посмотрела на меня как-то странно и улыбнулась, — я услышала. Седому уже обмолвилась, теперь тебе тайну открою. У меня от природы обостренный слух и я просто слышала, как те двое извращенцев между собой договаривались. Сержанту по фигу, он чмо болотное, а лейтенант не насильник по природе. Вот он и хотел сначала получить добровольную благодарность от девочек, а потом всех построить и утилизировать.

— Вот сволочи! Знал ведь, что военные ничем не лучше животных, но чтобы до такой степени, — к нам подсел Руслан. — И у тебя хватило смелости, зная все это, так рискнуть?

По-русски он говорил совсем без акцента, и если не смотреть на его скуластое смуглое

лицо, то по разговору ни за что не догадаешься, что не славянин.

— А что я? Не дура, поняла, что тот крепыш в столовке прячется и поможет мне, если что. Ну, или я ему помогу. — Люся встала и застегнула китель под горло, заметив, что мы с Русланом постоянно пялимся на ее груди, которые виднелись из-под пижамы ввиду отсутствия на ней двух верхних пуговиц. — К тому же, как говорил наш старый препод «Производная самой черной полосы в жизни всегда будет полоса белая. Нужно только уметь эту производную найти». Вот я и попыталась.

— Дай догадаюсь, ты математи чка? — вдруг мелькнула в моей голове мысль.

— Ага, «вышку» преподаю в нашей местной академии, — подтвердила девушка. — И это... слушай, прости за нос, то получилось рефлекторно. Живя в городе в окружении всяких извращенцев и уродов, надо уметь за себя постоять.

— Ладно, проехали, — я махнул рукой, — меня больше волнует вопрос, почему мы здесь. Версия вояк, что мы лабораторные крысы, на которых испытывают экспериментальное лекарство, явно слабая. Я так понял, что нас всех из разных городов выкрали в один день и сюда десантировали. А зачем так напрягаться и ресурсами разбрасываться? Можно было подопытных кроликов и в одном городе насобирать.

— А может быть, мы прошли некий кастинг и нас специально отобрали по каким-то физическим данным, — пожал плечами Люся.

Слово «кастинг» из ее уст прозвучало как-то странновато.

— Тогда это больше на тотализатор похоже, — произнес Руслан и тяжело вздохнул, — случилось мне видеть нечто подобное. У нас в Киргизии те, кто у власти и при деньгах, говорят, что еще при Акаеве организовывали «гонки на выживание». За обычными, ничего не подозревающими людьми устраивали слежку. Видео там всякое, фото, данные полные, короче говоря, всю информацию на сайт с ограниченным доступом сбрасывали и в течение месяца шло голосование. Разного рода «хозяева жизни» ставки на людей как на лошадей делали, а спецслужбы всевозможные полигон в это время готовили. И потом всех, кто «в лотерею выиграл», цап — и в горы. Я лично растяжки и мины устанавливал на подобных «беговых дорожках». Это было уже при Бакиеве, перед самым переворотом. Но вы не думайте, все это не по своей воле! Родителей моих они могли на тот свет отправить, если бы я отказался.

Руслан опустил взгляд, вспоминая тяжелые моменты своей прошлой жизни.

— А кто же в это поверит, что не по своей воле?! — Мужик решил до конца выложить все, что наболело. — В общем, раскрылось все, и я бежал в Россию, у меня мама наполовину русская... Да, и еще я слышал краем уха от тех, кто давно в этой теме, что и в Украине подобные игры проводят давно. Но говорят, что здесь они на порядок круче, интереснее и полигон гораздо жестче по условиям. Так что делайте выводы. Где ж еще, как не в Зоне... А лично я в этом вижу грустную иронию. Участвовал в организации этих бесчеловечных отморозенных игр и в результате сам стал ее участником. Поделом.

От слов Руслана мне стало как-то не по себе, но я промолчал. Люся тоже молчала. А что сказать? У нас у всех, наверное, есть «уважительные причины», по которым мы такие, какие есть. Вот только остался открытым вопрос: почему именно мы оказались здесь? Если и был «кастинг», то почему не выбрать лошадок, полных здоровья, чтобы шоу подольше длилось? А так, за редким исключением, тут сплошь «слабые звенья» подобались.

Оставшееся время до возвращения нашего отряда мы трое просто сидели молча у входа и слушали пение ветра. Чтобы несколько ослабить нервное напряжение, я насвистывал мелодию из сериала «The X-Files». Кто-то за нашими спинами тихонечко разговаривал друг с другом, а мы сидели на кирпичках, держа наготове каждый свое оружие, и сверлили взглядами спуск в подвал. Вдруг Люся встала, быстро подошла к проходу, глянула наверх и тут же вернулась к нам.

— Возвращаются, — лаконично ответила она на наши вопросительные взгляды.

Мы с Русланом подскочили и на всякий случай заняли позиции по обеим сторонам лестницы.

— Да не дергайтесь, это наши, и все у них хорошо. Бубнят своим шепотом так, что за

километр слышно, — Люся немного успокоила нас и присела на кирпичную лавочку.

Но мои нервишки все равно пошаливали, я стал громче насвистывать свою мелодию.

Спустя секунды по ступеням быстро спустились довольные Седой, Женька и Панкер.

— А ты все поёшь? Как говорится, «Легче остановить бегущего бизона, чем остановить поющего Кобзона», — с лету выдал Сашка, услышав мой свист, и сам же рассмеялся. — Будешь ты теперь Кобзон!

Прогулка по руинам подняла командиру настроение и добавила некоторого оптимизма, что было сразу заметно по его голосу и поведению.

— Ну спасибо, — я недовольно скривился, — давай уж лучше Бизоном буду.

— Не-е-е, какой же ты бизон? Себя давно в зеркале видел, задохлик? И к тому же командир сказал Кобзон, значит Кобзон, — Седой снял с плеча под завязку набитый рюкзак и поставил его на пол.

На ремне, перекинутом через шею командира, болтался автомат, в котором я с трудом узнал «калаш» из-за навешанных на него разных примочек. На этом агрегате имелся и подствольный гранатомет, и какая-то непривычная ствольная накладка с прикрученным к ней фонарем и коллиматором. Дульный тормоз был явно не стандартного образца, как и эргономичная рукоять, и раздвижной приклад.

Димка Панкер извлек из-за спины такой же полный рюкзак и поставил его рядом с Сашкиным. На плече у Панкера висела винтовка сержанта — как именно называлась эта модель, я не знал, потому что не был особо силен в этой теме.

— Повезло нам, в некотором смысле, — радостный Женька подмигнул мне и Руслану. — Еще один свежий труп у школьной ограды нашли. Видимо, не добежал человек до укрытия. Ему горе, а у нас на два ствола больше.

— Ну что, дед Мороз принес подарки, — Сашка указал взглядом на набитые рюкзаки. — Все, кто хорошо себя вел, сейчас их получают, по полной программе.

Мы все с интересом глянули на рюкзаки. Седой извлекал содержимое и распределял среди нас по своему усмотрению.

— Так, Геймер, подь сюды, — Сашка подозвал самого молодого из нашей группы. — Ты говорил, что по компьютерам, лэптопам и прочей электронике шарить. Вот тебе эти капэашки, разрули, что здесь к чему.

— А пистолет мне или хоть гранату дайте. — Пацан взял гаджеты и с жадностью смотрел на оружие и боеприпасы, которые Панкер доставал из своего рюкзака.

— Э-э-э нет. Ствол еще не заслужил. А гранаты тебе не видать, как своих ушей. Мне не нужно, чтобы даже случайно у нас в тылу граната рванула, — огорчил его Седой и достал из рюкзака Димки достаточно крупный пистолет. — А этот «кольт» идет тебе, Кобзон, за то, что не дрейфишь.

Я не сразу понял, что Сашка обращается ко мне, потому как натурой своей не принимал свое новое прозвище. Но, недовольно поморщившись, я все же промолчал и взял из его рук ствол.

— Вот только с магазинами тебе не повезло, — Седой зачерпнул из бокового кармана рюкзака горсть патронов и протянул мне, — есть только патроны. Отстреляешь магазин, и потом ручками заряжать будешь.

И за то спасибо! Я почувствовал себя увереннее, ощутив в руке тяжесть ствола. Пистолет не был мне знаком, но логика помогла разобраться, что к чему. Я быстро нашел кнопку сброса магазина и проверил его. Магазин, кажется, полный. Я попытался всунуть еще один патрон — не лезет. Вернув магазин назад, я опустил предохранитель вниз и быстро передернул затвор.

— Так, ствол вниз, живо! — сразу же крикнул на меня Седой, потом обратился ко всем присутствующим: — Запомните на будущее, стволы друг на друга будете направлять лишь в том случае, если захотите убить. Все остальное время держать их либо вниз, либо вверх, либо в любую другую сторону, еще лучше — в кармане. Ясно?!

После того как все бодро закивали, даже Люся, Сашка продолжил раздачу подарков.

Еще один пистолет достался девушке-спортсменке, которая, как оказалось, уже умела обращаться с оружием. У нее прежде был подобный травматический пистолет.

Всю трофейную одежду справедливо распределили между всеми членами отряда. Аптечки, лекарства и прочее докторское барахло, как я и предполагал, поступили в распоряжение нашего ветеринара. Добытая провизия, соответственно, — Мышке. Большая часть гранат отошла Руслану и оставшемуся парню. Таким образом, с пустыми руками остались две девушки и пацан с КПКашками.

А тем временем этот самый обиженный тинэйджер, ковырявший в углу гаджеты, вскрикнул и стал хватать ртом воздух, пытаясь что-то сказать.

— Что такое, мелкий? — тотчас же поинтересовался Седой.

— Это не просто капэкашки! Это автономные модули шестого поколения!

Паренек дрожащими руками демонстрировал нам наладонники, как будто нам его слова о чем-то говорили.

— И? — Сашка, как и все мы, не понимал, что этим хотел сказать Геймер.

— Это и компьютеры, и рации, и GPS-навигаторы, и... — тут парень сделал паузу, акцентируя внимание на последних словах, — ...персональные маячки.

— Ёперный театр! Так значит, сейчас на их сигнал могут подтянуться сослуживцы этих двоих? — решил подтвердить свою догадку командир.

Геймер утвердительно закивал. Седой, матерясь, подскочил к нему, выхватил наладонники, кинул их на пол и при помощи кирпича очень быстро превратил в кучку дымящихся деталей.

— А вот это зря, — проямлил пацан, наблюдая уничтожение дорогих и навороченных гаджетов. — Их последние координаты сохраняются в памяти других таких же наладонников. И координаты эти теперь прямо тут, в подвале.

— Уходим, живо! — Седой быстро застегнул свой рюкзак и закинул за плечи. — Все, у кого свободные руки, помогите Мышке и Доктору нести припасы! Панкер вперед, спортсменка-комсомолка сразу за ним. Женька и Люся, идете в центре и отвечаете за всех, кто без стволов. Кобзон и я замыкаем. Остальные все по парам разбились и в этот гребаный центр! Бегом марш!

Все бодро вскочили и выстроились в указанном порядке.

— Внимание всем, — Панкер остановился на ступенях, — идете след в след за мной. Во внутреннем дворе всего две аномальные зоны — на ступенях и в самом центре площадки, но за забором их просто немеряно. Так что, как выйдем наружу, будьте предельно внимательны. И даже если на вас нападут мутанты, отстреливайтесь, оставаясь на месте, либо отступайте по той же тропе, что и пришли к тому месту. Если вдруг отстанете или отобьетесь от отряда, то смотрите в оба, все, что покажется хоть капельку подозрительным, обходите стороной. Стреляйте только в случае крайней необходимости — на звуки могут сбежаться твари всех мастей. Теперь пошли.

Наш отряд резво поднялся по ступеням и уже пересек половину школьного дворика, как вдруг из-за угла одного из корпусов школы нам навстречу выбежал перепуганный мужик в джинсах и серой куртке с капюшоном. Глаза его были округлены, как у испражняющейся мышки в анекдоте. На перекинутом через плечо ремне болтался дробовик, точь-в-точь как у американских полицейских в голливудских фильмах. В руках он держал две гранаты.

Мы направили свое оружие на него. Женька что-то угрожающее выкрикнул. А мужик, не обращая на нас внимания, развернулся спиной к отряду, выдернул кольца обеих гранат и метнул их за угол.

— Тикайте!!! — завопил он и пронесся мимо нас как ураган, держа в руке какую-то странную штуку с дисплеем.

За углом поочередно гроыхнули два взрыва, и оттуда сразу же выгребла «домина на курьих ножках». Это была гора безобразно исковерканной радиацией плоти, перемещавшаяся на двух огромных лапах, как тираннозавр.

У меня и у всех без исключения в нашем отряде попросто отвисли челюсти.

Глава пятая НИКОГДА НЕ ЗНАЕШЬ...

Монстр, узрев наш достаточно многочисленный отряд, даже и не подумал отступить. Из его безобразного тела, кроме двух огромнейших ног, торчали еще какие-то недоразвитые конечности. Сколько их было, сразу и не понять, как и не определить количество глаз и прочих органов уродливого создания. Единственное, что я понял сразу, — большая клыкастая пасть у него была одна.

Грозно хрюкнув, «тираннозавр» медленно поднял вверх одну из своих огромных лап, качнулся всей своей тушей и обрушил поднятую конечность на потрескавшийся асфальт. Земля у нас под ногами задрожала. Но кроме этого мини-землетрясения мутант изверг еще какой-то невидимый психокинетический импульс, поразивший некоторые органы чувств. Лично у меня в глазах все зарябило, а в ушах появился странный свист. Судя по выражениям лиц членов нашей группы, все остальные тоже почувствовали нечто подобное.

Почти все девушки завопили от страха, и наш «центр» во главе с Люсей табуном ломанулся назад в подвал. Только Женька и остался. Он отпрыгнул в сторону, чтобы случайно не задеть ведущих, стал на колени и выпустил две короткие очереди в тушу твари. Близкие звуки выстрелов ударили по моим ушам, перебивая сверлящий в них свист.

Пули клюнули плоть мутанта и исчезли в ней, как окатыши, брошенные в море. И вред, видимо, причинили не больший, чем упомянутые камушки самому морю. Но боль это создание явно ощутило.

Тварь рыкнула и стремглав кинулась на Женьку, абсолютно не замечая спортсменку и Димку. Эти двое, буквально перед носом зверюги, разбежались в разные стороны и оказались за ее спиной.

Женька вскочил и, огибая пылевой вихрь, поднятый аномалией, которая разорвала Шкета, забежал по ступеням в перешеек-коридор, соединяющий два корпуса. А здесь уже из проема окна выглядывал тот тип в куртке, а вместе с ним я и Седой. Причем я сам даже не помнил, как сюда попал. Вот только что стоял посреди школьного двора, а как тварь ножкой топнула, бац — я уже в укрытии.

Мутант неся прямо на нас, и, казалось, сейчас с легкостью проломит стены школы, как обычную фанерку. Мы стали затравленно озираться, отыскивая пути к отступлению. Но тут громыхнули выстрелы снайперской винтовки Панкера.

Тварь резко остановилась, рыкнула на нас, заляпав слизью слюны все пространство перед собой, развернулась и побежала на Димку, забыв о предыдущем обидчике. А наш «снайпер» еще раз пальнул в эту уродину и, взлетев по ступеням запасного выхода, скрылся в спортзале.

Спустя десяток секунд спортсменка, стоявшая у торца противоположного корпуса школы, открыла огонь из своего пистолета. Пули вонзились в спину мутанта, когда он своими лапами уже начал крошить ступени, по которым только что пробежал Димка. Зверь опять рыкнул, развернулся и, пробуксовывая лапищами, кинулся на девушку. Из-под огромных конечностей чудовища вылетали фонтаны грязи и дробленой отделочной плитки, которая от времени обвалилась со стен школы.

— Оно агрится² на тех, кто в него стреляет! — раздался крик Геймера из прохода, что вел в убежище.

Он все это время наблюдал за происходящим, высунув голову из-под перекрытий.

— Стреляйте по очереди и драпайте, тогда этот рейд-босс будет по кругу бегать, пока

² Агрить — заставлять себя атаковать. Термин применяется в сленге MMORPG. Пример: «Я мобов сагрил и умер». Агриться — быть под властью неудержимого и неконтролируемого желания «выписать квитанцию» конкретной персоне.

вы его не завалите! — поделился с нами своим игровым опытом пацан.

А мысль и вправду хороша! Надо же, при помощи компьютерных игр можно убить не только время. Я выскочил из укрытия, аккуратно, чтобы не влететь в аномалию, спустился вниз по ступеням и шарахнул из своего «кольта» в спину твари. Пистолет сильно дернула отдача, а в ушах зазвенело. Я еще два раза пальнул в мутанта с большими паузами между выстрелами, потому что каждый раз мне приходилось заново направлять брыкающийся ствол на цель. Звон в моих ушах усилился. А тварь все-таки остановилась у самого угла корпуса, за который секундой раньше юркнула спортсменка. Но, как я понял, это случилось не от моих косых залпов — левее меня стоял на одном колене Женька и методично бил мутанта одиночными выстрелами.

Кто-то схватил меня сзади за шкуру и уволок назад в укрытие. Это оказался наш командир.

— Ты что, оглох?! — орал он на меня. — Я же дал тебе отбой! Сиди здесь и жди моей команды!

Оставив меня, Сашка выбежал наружу и взялся координировать стрельбу.

— Панкер, теперь ты! Алина, готовься! Жека, займи позицию у подвала! — раздавал приказы Седой. — Один выстрел в тело, второй в коленный сустав левой ноги или что там у него вместо этих ног!

Я притаился за окнами и наблюдал весь этот цирк. Наша команда слаженно гоняла тварь по кругу. Мутант даже несколько раз вступил в аномалию, но она не смогла даже качнуть эту тушу, не то что оторвать ее от земли, раскрутить и разорвать, как Андриюху Шкета.

На пятом кругу у Алины-спортсменки закончились патроны. Ее место занял Седой, и теперь монстр бегал уже между тремя обидчиками. К тому моменту «дом на ножках» уже еле-еле волочил свое тело по школьному дворику и сильно хромал на левую лапу.

— Граната! — выкрикнул Седой из-за угла здания и метнул ту самую гранату.

До того как укрыться за стеной, я успел заметить, что «лимонка» упала весьма удачно, прямо под лапы ползущего чудовища.

Сильно гроыхнуло, и один осколок, пролетев через проем окна надо мной, звонко клюнул железную стойку гардеробной. Я выглянул наружу. Тварь валялась на боку и уцелевшей лапой вращала свою тушу по кругу. Коленный сустав ее левой «ноги» был сейчас разворочен розочкой, через лоскуты плоти белела кость, а «ступня» и «голень» болтались на уцелевших канатах сухожилий.

— Гм, классно они его развели! Как ребенка! — подал голос тот тип в куртке, что притаился за собой эту тварь.

— Панкер, перезаряди Алину! Жека, выводите отряд. Уходим! — все не унимался Сашка.

Собственно, он был прав. Возможный визит еще одной группы военных в это гиблое местечко никто не отменял.

Седой с суровым выражением на лице вбежал к нам в коридор. Здесь его с распростертыми объятиями уже поджидал тот мужик в куртке с помповиком.

— Ну вы дали мастер-класс! Ну вы и молодцы... — начал было мужик.

Седой, не со всего размаху, но очень жестко ударил его прикладом «калаша» в челюсть. Владелец помповика упал на пол и застонал, потом хотел было схватиться за свое оружие, но ствол Сашкиного «калаша», смотрящий ему прямо в глаза, остановил незнакомца от необдуманного шага.

— У-у-у, мля! Какого?! Тфу... Ты мне зуб выбил, епта! — Мужик сел на линолеум, потирая ушибленную челюсть.

— Кобзон, заberi у него ствол! — крикнул Седой, держа незваного гостя на прицеле. — И по карманам простучи, у него пистолет еще должен быть.

Я выполнил приказ командира. Свой «кольт» поставил на предохранитель и засунул за пояс. Найденный в кармане куртки ПМ передал Сашке, а трофейное ружье взял в руки и тоже направил на этого типа.

— Знаю, виноват! — стал оправдываться мужик. — Но я же не западла ради! Эти два долбанных выброса почти подряд шарахнули! Не ожидал я такого, никто не ожидал! Я едва успел укрыться в первом встречном подвале, а там гнездо тушканов. Вон всю куртку мне разодрали, суки. Отстреливался от этих выпердышей, пока снаружи гроыхало, а потом на ноги. Ну, вот и подцепил вагончиком псевдогиганта. Думал, оторвусь от него в здании школы. Откуда же я знал, что здесь еще кто-то есть?!

— Ты кто вообще такой?! — грозно рыкнул Сашка, а потом, видя, что мужичок на вид простоват и не проявляет особой агрессии, мягче добавил: — Ну, кроме того, что «конь в пальто».

— Сталкер я, из вольных и абсолютно нейтральных, — начал объясняться мужик. — Зовут Максюха, погоняло Поллитренко, в смысле, норму свою всегда знаю. Да вон, на «Янове» или под Лиманском у любого спросите, я нормальный пацан.

— Седой, что ты там сопли жуешь?! Кончай его и к нам давай! — раздался крик Женьки за окном. — Мы только вас с Кобзоном и ждем.

Я выглянул наружу. Вся наша группа уже была построена в прежний «боевой» порядок и ожидала своих замыкающих.

— Э-э-э, вы че, ребята? — Испуганные гляделки сталкера забегали между черных дыр направленных на него стволов. — Че значит «кончайте»? Я же не зонная тварь какая. Я ж человек, как и вы!

Палец Седого нервно поглаживал триггер, на его лице непроизвольно подергивались мышцы. Командир сомневался, и я его понимал. С одной стороны — нужно срочно уходить и некогда разбираться с этим типом, а с другой — это единственный человек, который потенциально способен нам хоть чем-то помочь. Человек, знакомый с реалиями Зоны не понаслышке, как мы... до сегодняшнего сумасшедшего дня.

— ...и потом, куда это вы собрались? — заметив смятение на физиономии Сашки, сталкер попытался доказать, что он может быть нам полезен. — К дому быта «Юбилейный»? Под пули «Монолита» или к зомби на хавчик? Хм, там вам однозначные кранты.

— Говоришь, хорошо округу знаешь? — Седой повел бровью, передумав убивать мужика прямо здесь и сейчас.

— Хорошо-нехорошо, но судя по тому, куда вы сейчас прямиком собрались, — Поллитренко кивнул в сторону нашего отряда, — то я в Припяти старожил.

— Слушай внимательно, сейчас сюда отряд военных нагрянет. Будет зачистка, — быстро затараторил Сашка, тревожно оглядываясь по сторонам, — и выяснять, что к чему, времени нет. Ты знаешь, где можно укрыться и спокойно переговорить?

— Ну ясен пень, знаю, — сталкер вздохнул с облегчением и медленно, чтобы нас не провоцировать, достал из внутреннего кармана куртки свой наладонник, — тут рядом есть подвальчик проверенный. Там терки и перетрем. Только это совсем в другую сторону.

— Считай, что тебе повезло. Веди нас. — Сашка протянул руку и помог сталкеру встать. — Но знай, твой череп с моего ствола не слезет. Дернешься нехорошо, и твои глаза наперегонки с мозгами по асфальту запрыгают. Понял?

— Ой, вот только давай без этих понтов обойдемся. — Максюха окинул взглядом Сашку и криво улыбнулся. — Я среди бандюков одно время тусовался и все эти приколы высекаю на раз. Доходим до схрона, а там продолжаем беседу. Разворачивай своих и дуй за мной.

Седой, держа на мушке сталкера, отступил на два шага назад к окнам и лихо свистнул, привлекая к себе внимание группы.

— Так, народ, у нас проводник появился. Как стоите цепочкой, разворачивайтесь и, не нарушая строя, сюда, живо. Осторожно — аномалия! Идите по самому краю лестницы, — Седой кивком указал на едва заметный пылевой смерч у самых ступеней. — Панкер и Алинка, теперь вы замыкаете.

Отряд молча и слаженно подтянулся к нам и отправился следом за проводником. Похоже, у нас уже как-то получается выживать в этом аду. Ну, хоть чуть-чуть, однако

получается.

Мы пересекли коридор и выпрыгнули наружу через ближайший проем окна у гардеробной. Сталкер шел впереди, под Сашкиным стволом. Поллитренко достал тот прибор с дисплеем, который я ранее заметил у него в руках, и, следуя показаниям его датчиков, провел нас через школьный дворик. След в след, друг за другом мы перебежали к школьной теплице и замерли в кустах за стенами ее кирпичной пристройки.

Пока мы пересекали двор, я успел бегло осмотреть окружающее пространство. Все вокруг ржавело и гнетуще пустовало. Слева от теплицы, за забором школы, стояли две мрачные многоэтажки. Эти здания, подобно паутине гигантского насекомого, оплетали толстые корявые лианы. Их щупальца тянулись к верхним этажам обоих домов и высоко над землей образовывали нечто похожее на навесной мост через пропасть. Причем растения те были искорежены радиацией до такой степени, что больше напоминали застывшие слизистые наросты инопланетного происхождения в логове «чужих», типа как в одноименном фильме. А по «канатам» этого «моста» бегал какой-то зеленоватый сгусток облака.

На секунду показалось, что мы сейчас не на Земле, а среди построек какой-то инопланетной колонии, затерянной в глубинах космоса. Но, как только я перевел взгляд на пространство правее теплицы, все стало на свои места. «ЗДОРОВ'Я НАРОДУ — БАГАТСТВО КРАЇНИ» — гласили огромные буквы на крыше невысокого здания, видневшегося в просвете между жилых домов. Планета Земля это, без вариантов. А то здание с лозунгом — не что иное, как старый «совковый» госпиталь.

— Теперь всем тихо. Идите четко за мной и держитесь ближе к стенам, — дождавшись, когда подтянется «хвост» нашего отряда, еще раз настраивал нас сталкер, — здесь не только аномалии, здесь еще полно мин и мутантов. Если кто испугается и побежит, сам сдохнет через десять шагов и отряд выдаст. А теперь погнались, только тихонечко, на цыплах, чтоб комар носу не...

Пробравшись через заросли кустарника, мы наконец-то выбрались с территории школы через отсутствующую секцию забора. Слева, из-за угла ближайшей многоэтажки, донеслось сиплое рычание неизвестного нам монстра. Мы все кинулись к дому, вжались в стену и, взяв правее, в направлении госпиталя, прокрались к противоположному углу здания. К тому времени я уже стал замечать легкие колебания воздуха и летающую кругами листву, которые обозначали наличие некоторых аномальных зон.

Отряд свернул за угол и, пройдя пять-шесть метров от него, остановился у небольшого углового выступа рядом с лестницей, что вела в подвал. Сталкер обернулся, приставил указательный палец к губам, осторожно спустился по ступеням вниз, к приоткрытой двери, и прислушался.

— Сталкеры, есть кто живой? — негромко произнес наш проводник после минутного прослушивания тишины за дверью.

Ответа не последовало. Наш проводник быстро выхватил из внутренностей куртки гранату, выдернул чеку и отправил «лимонку» через щель приоткрытой двери в подвал. Потом он взлетел вверх по ступеням и растянулся на земле, накрыв руками голову. Все мы инстинктивно, кто не успел укрыться за стеной дома, тоже упали лицами вниз. За дверью гулко громынуло, несколько осколков ударили в железную дверь подвала.

— Че, не уследил, забыл про гранаты, командир? — улыбнулся сталкер и подмигнул Седому, заметив его гневный взгляд. — Ты прими к сведению: если бы я хотел вас с собой на тот свет захватить, смог бы это сделать давно. Это я к тому, что людям нужно доверять.

Сталкер достал широкий обруч резинки с прикрепленным на нем налобным фонарем и призывно махнул рукой Сашке.

— Вставай за мной и гляди в оба, — Макс и наш командир заняли позицию на ступенях, — свой фонарь не включай, подсвечивать буду я. А ты следи за светом и гаси все, что пошевелится, неважно, на что оно будет похоже.

— Погнались! — Сашка поднял «калаш» и вместе с проводником ворвался в подвал.

Мы недолго стояли в ожидании, настороженно осматривая пугающие пейзажи города-призрака. Командир высунул свою голову наружу и призывно свистнул, после чего весь наш отряд быстро укрылся в новом убежище.

Внизу, в свете самодельной диодной лампы сталкера моим глазам открылось просторное помещение подвала и аппендикс почти полностью заваленного коридора. Трубы, горка какого-то мусора, пара деревянных ящиков и старый ватный матрас на полу — это все, что здесь было.

— Ребятки, не хочу показаться излишне любопытным, — внимательно изучив состав нашей команды, высказался сталкер, — но кто вы, собственно, такие? И что делаете здесь, в Припяти? То, что вы не из нашего брата, я уже понял. По вам и слепому видно.

Сашка и Женька молча переглянулись, не зная, стоит ли говорить всю правду этому человеку. Но, видимо, сыграл роль тот факт, что теперь уже мы говорили с позиции силы, и наш командир кратко поведал обо всех наших злоключениях.

— Очень странно. Абсолютно все странно. — Сталкер снял свой капюшон, и на его лбу стали видны морщины — следы мысленных потуг. — И вояки как-то неадекватно себя повели. Конечно, по всей Зоне от них, кроме пули, ничего не дождешься, но в Припяти и ее округе они весьма сдержанны и нашего брата не трогают. Тут столько всего разного нехорошего, что им любой человек в помощь сгодится. И хреново, что вы грохнули их бойцов, — теперь про вас знают, и путь к военным вам закрыт. Если где в Припяти и можно выхватить проводника, который вас отсюда смог бы вывести, то только у них на базе. И то не факт, что в ближайшее время туда кто-то явится.

— Но должны же быть варианты? Ты-то как сюда добрался? — спросил нашего проводника Сашка. — Только не говори, что на трамвае.

— Я в ходке был, пытался к Припяти прорваться. Ну и на химеру случайно набрел, — стал рассказывать свою печальную историю сталкер. — Я бежать, она за мной. Думал, все, капец, вот тогда-то на отряд военных и выскочил. Они ту гадину и порешили...

— Химеру там какую-то воякам привел, а нам — этот мясной домик, — хмыкнул и прервал его речь Женька, — ты сам кто по специальности — западлист-затейник?

— А вот и не смешно, — обиженно скривился сталкер, — ну, не везет мне почему-то в этом. И напарники как мухидохнут...

— Ты не отвлекайся, продолжай. Причем тут военные? — вернул разговор в нужное русло командир.

— Военные как раз и ни при чем. Только вел их, я так понял, Проводник, — Поллитренко округлил глаза, многозначительно поднял палец вверх и выдержал театральную паузу, как будто это имя должно было для нас что-то означать.

Все присутствующие переглянулись и пожали плечами. Мне лично были знакомы лишь «р-» и «п-проводники».

— Ой, е-мое, и кому это я все рассказываю? — Сталкер поморщился и пренебрежительно оглядел нас всех. — Это же легенда Зоны! Ну, я и упал им на хвост, узнав, что они сюда топают. А что? Бесплатно, с охраной в саму Припять попасть — такая шара раз в жизни может случиться. Проводник мне на моем КПК несколько пометок по доброте душевной сделал с координатами убежищ, «телепортов» и прочих мест, довел нас сюда и смылся по своим делам. Вот я с тех пор и промышляю здесь. Только урожай совсем слабый пока собрал. Монолитовцев и мутантов тут, как в термитнике термитов.

— Хорошо, ну а как ты выбираться отсюда думал? — задал наводящий вопрос Седой.

— Ну, думал, собираю тут артефактов и дождусь у вояк проводника на «Янов», — пожал плечами сталкер.

Огорченный его словами, Сашка уселся на ржавые трубы, проложенные вдоль стен подвала, и стал чесать свою репу. Я так и не понял, кто и когда его командиром назначил, но до этого момента он справлялся со своими обязанностями на «отлично» и всегда знал, что нужно делать. А сейчас положение стало, мягко говоря, безвыходным. Единственный, по словам Поллитренко, путь, ведущий отсюда, для нас был напрочь закрыт.

— Только, чувствую, если дела и дальше так пойдут, то даже на проводника денег не насобираю, — тяжело вздохнул Макс, — и придется аварийным выходом воспользоваться.

— А вот с этого места поподробнее, — подскочил с труб Седой, уловив в словосочетании «аварийный выход» слабую искру надежды.

— Так это, проводник мне пометки на карте оставил, — Поллитренко криво улыбнулся и продолжил на своем сталкерском диалекте, — я же уже говорил. Тут недалеко «телепорт» к найденным тропам есть. К каким именно тропам, я забыл спросить, но раз проводник сказал, что к найденным, значит так и есть. Проблема только в том, что эти «проколы» всегда в одну сторону ведут, и я туда без хорошего хабара не сунусь. Когда еще получится в Припяти с обновленным детектором побегать, ништяков поискать?

— «Телепорт», говоришь? — поморщился наш командир, услышав слово, не воспринимаемое его сознанием как нечто реально существующее. — Звучит как-то не очень, м-м-м... нормально. Ты мне мозги не пудришь случайно?

— А зачем мне это надо, мозги тебе пудрить? — искренне удивился сталкер. — И потом, вы что, фильмы не смотрите? Там вон в каждом третьем сейчас такие штуковины есть. В Зоне, конечно, они немного другие. Это не какая-то там навороченная наукоемкая калитка, по типу «открыл-закрыл и бегай куда хошь». Это простой прокол пространства, ведущий в какую-нибудь другую случайную точку пространства. Кстати, мой детектор подобные аномалии не фиксирует, к сожалению. А было бы прикольно!

— Ладно-ладно, убедил. Допустим, дыры в пространстве реально существуют. Проведешь нас туда? — Седой устал слушать весь этот бред. — А мы тебя, так и быть, не уьем и стволы вернем.

— Не-е-е, так дело не пойдет, — насупился Поллитренко и сложил руки в замок на груди, — и не смотри на мой детектор, не смотри, я его залочил,³ как и КПК. Не для того я за дурные бабки апгрейдил⁴ свои вещи, чтобы всякий смог ими воспользоваться. Любая услуга в Зоне чего-то стоит. Давайте договариваться...

— С одними уже пытались договориться! — вдруг вспыхнула Люся и, подскочив к сталкеру, ткнула его в нос своим пистолетом. — Хоть слово скажи про дамские услуги, и я тебе этот пистолет в жо...

— Тише-тише, Кот, давай без интимных подробностей, — остановил эту вспышку гнева Женька, а потом обратился к сталкеру: — Ты говорил, что артефакты какие-то тут ищешь. А что это такое и как выглядит?

— Это аномальные образования с необычными свойствами, — не сводя глаз с дула пистолета у самого своего носа, промямлил сталкер, — на вид странные и все разные... сразу и не объяснить. Вы их «артиками» называете. А что?

Женька загадочно взглянул на Седого, потом они оба повернули головы в сторону Димки.

— Покажи ему, Панкер, — одобрительно кивнул наш командир, и пока Димка из своего рюкзака извлекал какие-то капсулы-контейнеры, добавил: — Вот эти штуки мы нашли в рюкзаке покойника, тут недалеко. Может, что и сгодится в качестве оплаты за твои услуги.

Выложив на пол три цилиндрические капсулы из серого металла и два брезентовых свертка, Панкер стал открывать их, желая показать содержимое. Как только первая крышка была открыта, подвал заполнил золотистый свет, исходящий из контейнера. Сталкер округлил глаза и шумно вобрал в себя воздух, издав при этом звук крайнего изумления. Подобный звук мог бы вырваться из глубин души Робинзона Крузо после долгих лет одиночества, если бы он увидел обнаженную женщину, загорающую на песочке его острова.

³ Залочить — от *англ.* locked. В данном случае — заблокировать, закодировать.

⁴ Апгрейдить — от *англ.* upgrade. В данном случае — усовершенствовать, модернизировать.

Поллитренко, забыв про направленное на него оружие, подскочил к капсулам и сверткам, оттолкнул Панкера и дальше сам их вскрывал, издавая при этом звуки не менее экзотические.

— Охренеть! Это нирвана какая-то, — окосевшие от счастья и изумления глаза сталкера осматривали содержимое, а его дрожащие руки поглаживали сами контейнеры.

Всем нам сразу стало ясно, что мужика не на шутку заинтересовали эти аномальные образования и теперь он станет более сговорчив.

— «Рыбка», а тут «светляк»! Блин, да это же... «Г-г-глаз д-дра-кона»! — вскрыв последний контейнер, наш проводник даже начал заикаться и только минуту спустя, когда он вновь обрел способность соображать, стал разворачивать свертки брезентовой ткани. — А что у нас тут? Ага, «пузырек» и, м-м-м... прикольная непонятка.

— Так что скажешь? — подмигнув нам, довольный Седой задал Максу вопрос, прервав поток сталкерских вожделений. — Одной «рыбки» хватит, чтобы ты нас до телепорта довел? А на том конце, думаю, найдутся желающие вывести нас из Зоны за остальные эти ерундовины.

— Э-э-э, слушайте, ребята, — мужик безумными глазами посмотрел на нас, сгреб в охапку все эти штуки и обнял их, как любимую женщину. — А может, отдадите все это мне, а я вас к самому кордону проведу? С таким-то хабаром не стыдно к самому Сидоровичу идти!

— Ну, не знаю, — Седой, сдерживая смех, почесал бороду, — твоя профпригодность вызывает у меня очень сильные сомнения.

— Ты мне зуб выбил, помнишь? Так что уже должен! — Сталкер оторвал свой взгляд от артефактов и стал явно нервничать.

Я не знаю, что больше его задело — подозрение Седого в его несостоятельности как проводника или тот факт, что большая часть этой добычи отойдет кому-то другому.

— Значит так, мое предложение следующее, — сталкер сам начал договариваться, чего, собственно, и добивался Сашка. — Вы мне отдаете все эти артефакты, возвращаете стволы, а я вас вывожу к самому кордону, причем самыми безопасными тропами, какие только знаю. Еда и ночлег входят в стоимость «экскурсии». На кордоне каждый получит по штуке на рыло, на проезд домой. Как вам?

— Считай, что договорились. — Седой пожал протянутую к нему нервно подрагивающую руку сталкера.

— Только оплата авансом, здесь и сейчас, — все еще нервничал наш проводник, и бегал жадным взглядом по открытым контейнерам и сверткам.

— Аванс, конечно, здесь и сейчас, — Сашка поднял с пола артефакт, который сталкер определил как «прикольная непонятка», и протянул его бывалому обитателю Зоны, — а оплата по факту финиша. И если я сказал, что все эти штуковины твои, значит, так тому и быть. Надувать тебя я не собираюсь. Нам все это на фиг не нужно, понимаешь? Мы просто хотим домой.

Глава шестая ВЫПАВ ИЗ ОБОИМЫ

Помповик пришлось вернуть Максу, и я опять взял в руки свой «кольт», предварительно перезарядив его обойму. Пока мы все чесали языками с проводником и друг с другом, Мышка, которую на самом деле звали Катя, быстро приготовила нам «завтрак туриста Зоны». Такой дрянной «солянки» из разного рода продуктов я еще никогда в жизни ни ел. Но Мышка утверждала, что все это, включая мерзкую карамельку, нужно съесть, для того чтобы наши тела прибывали в должной форме.

После этого запоздалого завтрака, перевалившего далеко за полдень, и кратких наставлений сталкера наша группа выдвинулась в путь. Возвращаться в школу уже было

крайне рискованно, но наша цель — старый КБО⁵ находился в непосредственной близости к ней. Пришлось двигать в обход.

Отряд вышел из подвала и двинул прямо, до конца дома, а там, свернув налево, прошел вдоль стенок до следующего угла. Мои глаза постоянно шарили по сторонам в попытках определить аномальные зоны по каким-нибудь характерным признакам. И, в принципе, я достиг некоторых успехов в этом занятии. При свете дня, если идти медленно и быть предельно внимательным, то можно заметить разные визуальные и звуковые ненормальности, которыми окружены аномалии. Некоторые из них, как я позже понял, можно было определить даже по характерному запаху.

Я шел, пригнувшись, как наш проводник, высматривал аномалии и «любовался» пейзажами. Это запустение и заброшенность все еще пугали, а к фоновым звукам отдаленной стрельбы, лаю собак и рычанию мутантов мои нервы понемногу привыкали. Справа сквозь кусты просматривался ржавый остов городского автобуса, а чуть в отдалении — фасад кафе. «ПРИПЯТЬ» — виднелись большие буквы на крыше заведения.

Отряд остановился. Дальше, за ржавыми гаражами, шло открытое пространство двора. Сталкер замер и подал нам характерный знак рукой. Мы сели на корточки и прижались к земле. Я шел третий в строю, сразу за нашим командиром, а потому слышал, о чем он перешептывался с проводником.

— ...вот он, видишь? — Поллитренко указывал куда-то на заросли кустов за противоположным домом.

— Ага, на человека похож, — Седой, прищурившись, смотрел в ту сторону.

Я на четвереньках подполз к ним поближе и присмотрелся.

Там, среди кустов, действительно бродил кто-то, отдаленно напоминающий человека. Его сиплое рычащее дыхание было слышно даже здесь.

— Это кровосос, — продолжил сталкер шепотом, — если он нас заметит, то потерь в отряде не избежать. И вся пакость ситуации в том, что нам нужно именно туда, другого пути нет. Справа открытое пространство, там я вас не проведу, никто не проведет. А теперь смотри налево, за угол. Видишь, в школе уже вояки мелькают. Угадай, кого они ищут? Так что лучше не шуметь особо. Есть, конечно, у меня пара зонных дум-думов⁶ с «каруселью». Их пульки кровососу с первого попадания «ласты склеят», но, боюсь, что тварь меня учует раньше, чем я на дистанцию выстрела выйду. Где там ваш снайпер? Пусть лучше он ему чердак снесет прямо отсюда.

— Дум-дум с «каруселью»? Это как? Ладно, потом, — наш командир заинтересовался упомянутым боеприпасом, но потом отмахнулся от своего вопроса, обернулся ко мне и прошептал: — Панкера сюда, передай дальше.

Я передал приказ дальше по цепочке. Тут же на корточках к нам притаился Димка и одарил нас вопросительным взглядом.

— Там чудо одно в кустах ходит, и твоя эсвэуха нужна. Дай, я разок пальну, — Седой было протянул руку к винтовке, но шепот Панкера его остановил.

— Не вопрос, но только у нее оптика немного сбита, налево и вверх пули ложатся, — предупредил Димка, — я пристрелялся немного, когда мы того псевдогиганта гоняли. Может быть, давай лучше я попробую?

— Блин! — Сашка засомневался, но другого выхода у нас не было. — Слушай внимательно: у тебя будет только один выстрел, а потому не спеши, прицелься как следует. Если сомневаешься — жди. И еще, глубоко вдохни и веди цель на выдохе, в конце выдоха —

⁵ КБО — «комбинат бытового обслуживания», то же самое, что и «дом быта».

⁶ «Дум-дум» — пуля с неполным или надпиленным сердечником или оболочкой, легко разрывающаяся (сильно деформирующаяся) либо экспансивная (сплюсчивающаяся при попадании в мягкие ткани тела человека или животного).

огонь. Ну, с Богом.

— Мне упор какой-то нужен, — вскинув винтовку, прошептал Панкер, — пуха в руках плавает.

— Вот тебе упор, — Сашка лег набок перед Димкой и поставил свой «калаш» прикладом на землю, — падай рядом и ложи ствол на что удобнее, можешь на автомат, можешь на меня.

Димка лег и припал глазом к оптике. А я в ожидании выстрела вжался в стену и наблюдал за мелькающим в кустах сгорбленным телом. И чем оно такое ужасное, что может представлять угрозу толпе вооруженных людей?

Выстрел громыхнул неожиданно быстро. Тварь опрокинулась и упала в кусты, но я успел заметить, что из ее головы брызнул густой фонтан содержимого черепа.

Сталкер, изобразив рукой характерный жест «Yes!», облегченно вздохнул. Потом он выглянул за угол, проверяя, не привлек ли наш одиночный выстрел внимание военных и, вскочив с корточек, резво пробежал мимо гаражей к углу следующего здания. Там он остановился и призывно замахал нам. Мы, так же быстро, друг за дружкой перебежали туда и гуськом прокрались до конца многоэтажки.

Наш проводник оставил отряд на минуту и, прокравшись к телу убитого мутанта, срезал ножом с его лица какие-то безобразные отростки-щупальца. Потом, довольный, продемонстрировал Седому трофей и прошептал, что в охотничьих угодьях кровососа других тварей быть не должно. Это обстоятельство добавило нам немного оптимизма, к тому же почти все пространство между следующими домами густо поросло кустарником, и мы прошли его без малейшего риска быть замеченными.

Оказавшись у следующего дома, сталкер остановился за его углом и дождался, пока подтянется наш «хвост» и выстроится за ним в обратном порядке. А внимание всех членов отряда в это время привлекли те самые гигантские лианы, оплетающие этажи над нашими головами, и сгусток зеленой «протоплазмы», летающий по ним.

Это гигантское мутировавшее растение произрастало из большой воронки, что образовалась посреди двора. Вокруг все пространство дворика было затянуто зеленоватым туманом. А из земли под этими едкими испарениями, щиплющими глаза и колющими нос, доносились странные булькающие звуки.

— За этим домом кинотеатр «Прометей», логово «Монолита». Туда нам нельзя, — шепотом объяснил проводник, — поэтому идем вдоль стены внутреннего двора. Только чтобы все в эту стену вжались, как... я не знаю во что. Тут аномалий густо натыкано, на шаг от стены отойдете и в кислоте растворитесь нахрен. А как все дойдут до того конца, будет марш-бросок до самого КБО. Один за другим, строго за мной, след в след бежим. Там почти везде кустарник, но есть и открытое место, так что пригибаемся к земле и не тормозим. Кто чего не понял или не услышал — делай как я. Погнали!

Прочитав нам эту короткую лекцию, сталкер прижался спиной к стене и прошуршал курткой по всем ее выступам и углам до самого конца здания. Немного подождя, пока большая часть отряда проделает то же самое, Поллитренко, вцепившись в свой прибор-локатор, проскакал между кустов, как припорошенная лошадь. Седой ломанулся за ним, а следом за командиром побежал и я.

За моей спиной остались кусты и открытый кусок пространства между домами, через который виднелось здание кинотеатра. Не переводя дыхания, я пронесся между школьным забором и стеной жилого дома, и, пробежав мимо ржавых мусорных контейнеров, юркнул следом за Сашкой в заборную дыру. Через отогнутую секцию ограды рядом с этой дырой мы проникли на территорию комбината.

Окна без стекол, местами обвалившаяся отделочная плитка на стенах, горы всевозможного мусора, растрескавшийся асфальт, кое-где проступающий сквозь навалы листвы и земли, клином крыша подвала, под ней ржавые прутья ограждения и ступени — пейзаж тот же, что и везде. Веселенький, аж завить хочется.

— Держись подальше от подвала, он фонит радиацией. Передай дальше, — прошептал

сталкер, подождав, пока его догонят несколько человек.

Обогнув этот подвал, наш проводник сел на корточки у последнего окна первого этажа и стал осматриваться, водя ружьем по сторонам. Спустя минуту мы все, как грибочки, сидели вокруг него. Те из нас, кто был с оружием, изобразили подобие круговой обороны.

— Теперь нам наверх, в окошко, — начал шепотом сталкер, — только старайтесь все делать очень и очень тихо. Когда я сюда на разведку ходил, на втором этаже кто-то ножками шаркал. Я так и не глянул, кто это. Возможно, зомби, а может быть, кто и похуже. Поэтому, еще раз повторяю, двигайтесь как мышки между спящих котов. И еще, все это здание напичкано аномалиями, там «электра» на «электре». Я гаечками дорожку для вас выложу, идите строго по ней. Все уразумели?

Мы закивали головами. Седой быстро организовал живую лестницу, по которой все поочередно забрались внутрь.

Как только я оказался в здании, то сразу ощутил запах озона и услышал характерное электрическое потрескивание с гудением. Окинув взглядом облезлый, полуразрушенный холл КБО, я заметил слабое синеватое свечение, которое растекалось по всему полу комбината. Редкие вспышки света в тоненьких голубых нитях разрядов гуляли по пустующим залам.

Дорожка из ржавых гаек уходила налево к ступеням. Я осторожно отправился по ней и, стараясь не задеть подножный мусор, поднялся на второй этаж. Проходя мимо дыры в стене на промежуточной лестничной площадке, я окинул последним прощальным взглядом мрачные корпуса школы, в которую нас десантировали неизвестные люди неизвестно с какой целью. На секунду померещилось, что я услышал радостный гомон и смех детворы, резвящейся после уроков, а потом строгий голос мамы одного из учеников, требующий от чада идти домой сейчас же...

Вдруг вспомнил свою маму. Я здесь, в призрачном городе, посреди зоны отчуждения, а она дома одна, и даже не знает, что со мной случилось. Дай Бог выбраться отсюда, иначе пропадет она без меня.

И здесь, на втором этаже, был везде разлит этот голубой свет, а тонюсенькие молнии, которые периодически испаряли пыль, казалось, так и тянулись к моим ногам. Дальше дорожка из гаек уходила круто влево и вела через холл мимо остатков ограждения какого-то отдела комбината к служебному выходу. Я проследовал туда и, как оказалось, это был вовсе не выход, а вход, ведущий в уборную.

За дверью в коридоре уже столпились все, кто передо мной запрыгивал в окно, и ожидали остальных. Седой стоял на одном колене в ответвлении коридора, что вело в соседний отдел, и держал под прицелом этот проход. Как только он меня увидел, сразу призывно махнул и шепотом попросил занять его место. Второй его приказ мне не понравился, но командир уже успел заслужить мое доверие, и я утвердительно кивнул, соглашаясь с ним. Меня назначили в арьергард. Я должен был стоять здесь и охранять проход, пока все не пройдут к этому «телепорту», и уходить мне предстояло самым последним.

Я сидел на корточках, держа двумя руками «кольт», и, слушая удары своего сердца, ждал, пока все остальные проходили к «аварийному выходу». А за стеной в соседнем отделе и вправду кто-то изредка шаркал ногами и кричал. Выяснить, кто это, желания не было. Даже вредное назойливое любопытство сейчас забило в темный уголок сознания и не подавало признаков жизни.

А в голове уже гуляли нехорошие и пугающие мысли. Надо же, я крайний, как всегда. «Повезло» же мне последним уходить из этого проклятого места. А вдруг он, этот самый «телепорт», именно на мне и не сработает, поломастся как-то? Вон сколько через него людей проходит, а если эта штука не рассчитана на такое количество? Тогда я останусь совсем один в этой глубочайшей заднице мироздания. От осознания подобной «веселой» перспективы по моему телу противно забегали мурашки. Полчища мурашек.

Тем временем вся группа уже исчезла в уборной. Из проема дверей выглянул Женька и

призывно махнул рукой. Я оставил свой пост и тихонечко юркнул в сортир. Кроме Женьки тут еще ждала своей очереди одна перепуганная девушка, та, которую я случайно определил в разряд «путан». Во время нашего запоздалого завтрака я даже успел немного с ней пообщаться, но по свойственной мне идиотской привычке забыл спросить, как ее зовут.

— Слушайте меня внимательно, — шепотом наставлял нас Женька, — вот смотрите, в правой кабинке над чашей воздух кольцами плывет. Нам туда. Анютка, ты идешь сразу за мной. Кобзон, ты замыкаешь, только стволом своим в этот «телепорт» не тычь, засунь пистолет за пояс или в карман. Макс сказал, что при контакте с этой хреню крутанет один разок, но зато очень сильно, так что из рук вырвет все, что в них будет.

— Понял. — Я пристроил «кольт» за пояс и с подозрением глянул на аномалию, образовавшуюся в нужнике. — А как оно вообще работает?

— Прыгаешь в него, и все, — Женька закинул «калаш» за спину и тихо засмеялся, обозревая сливной бак туалета под самым потолком. — Надо же, почти в буквальном смысле смываемся отсюда. Ну, помогай, Господи...

Жека глубоко вдохнул, задержал дыхание и прыгнул в аномалию. Ничего такого особенного не произошло, не было ни вспышки света, ни какого-то необычного шипения, он просто исчез в одно неуловимое взглядом мгновение.

— Давай, теперь твоя очередь, — я кивнул девушке.

— Я сейчас, мне по маленькому нужно, — пропищала эта Анютка, озираясь по сторонам, и только сейчас я заметил, что она нетерпеливо «пританцовывает», — на холоде у меня всегда такое, и я давно уже терплю. Если меня крутанет аномалия эта, то может авария случиться.

— Блин, ну давай в соседнюю кабинку зайди, только быстро, — я стал немного злиться.

Неожиданная задержка лишней раз ударила по нервам, но я собирался честно выполнить приказ командира и гордо покинуть эту преисподнюю последним... как должно поступать настоящему капитану тонущего судна. И пока я морщился от этой неприятной ассоциации, которая вдруг возникла в моей голове, Анютка, видимо, постеснявшись моего присутствия, юркнула назад в коридор. По шуршанию ее ног стало ясно, что она отправилась в тот самый проход, который я до этого охранял.

— Куда? С-с-стой... — злобно прошипел я и кинулся за ней, но было уже поздно.

Я выскочил в проход, но девушки там уже не было — она решила справить свою нужду в том отделе, где бродило неизвестное порождение Зоны. Из помещения донесся грозный гортанный рык, а следом за ним дикий крик несчастной девушки. Стало очень страшно, и я, растерянный, задержался на секунду в коридоре, не зная, что же мне делать. А тем временем за стеной раздался звук глухого удара и еще один вопль Анютки. Я выхватил «кольт» и ринулся к двери в тот отдел.

Передо мной в проем выпрыгнула перепуганная девушка, и сразу же за ней в коридор вылетел ржавый ацетиленовый баллон, благо что пустой. Железная торпеда ударила по ногам Анютки и переломала их, как спички. Проскочив по инерции чуть дальше дверного проема, я перепрыгнул через возникшее препятствие, стараясь не смотреть на два ужасных открытых перелома. Выглянув из-за края проема, я выстрелил из пистолета в единственное, что заметил в просторном зале среди пустых облупленных стоек. Это была приземистая, но очень широкая фигура в черном плаще с балахоном.

Создание, напоминающее откормленного гнома, гортанно зарычало, как только первая моя пуля задела его плечо, и подняло руки перед собой. Мне показалось, что тварь создала вокруг себя какое-то силовое поле, которое не пропускало твердые физические объекты. Каждое последующее попадание лишь заставляло слегка светиться невидимую сферу, защитившую монстра.

Мой «кольт» выплюнул последнюю пулю, затворная рама еще раз дернулась и, отведенная, застыла, оголяя трубку ствола. Эхо выстрелов стихло, уступая место нечеловеческим воплям раненой девушки. А мутант, поняв, что у противника закончились

патроны, произвел пазы руками и непостижимым образом заставил воспарить еще один валяющийся на полу газовый баллон.

Тяжеленная металлическая «торпеда», как нечто невесомое, сорвалась с места и полетела в меня. Я только и успел, что немного отклониться в сторону. Баллон глухо стукнул в стену, раздробив девушке грудную клетку и позвоночник. Анютка умолкла, ее голова безвольно повисла. Тонкая струйка крови появилась в уголке ее губ и потекла по подбородку вниз. Теперь ей уже ничто не поможет. Внутри похолодело, а в душе вдруг оборвалась какая-то тонкая нить. Это все из-за меня! Не уследил!

Прикусив губу и давась горечью подступающих слез, я кинулся к «телепорту». За спиной опять раздался злобный рык твари, и очередная тяжелая вещь ударила в стену. Я вбежал в туалет и уже почти прыгнул в аномалию, как вдруг в хаосе мыслей всплыли наставления Женьки. Нужно убрать пистолет! Попытавшись сунуть «кольт» за пояс, я сразу получил ожог в том месте, где ствол соприкоснулся с телом. Тут же вспомнились несколько матов, произнесенных раненым сержантом. Я схватился за обожженное место, запихнул пистолет вместе с дрожащей рукой в карман куртки и наконец-то прыгнул в нужник.

Это не была вспышка света, просто в глазах вдруг все побелело, и вестибулярный аппарат «включил сигнал воздушной тревоги». Резкий рывок и потеря ориентации вызвали сильные спазмы желудка. Завтрак настоятельно запросился наружу. В глазах все еще плавали белые пятна, а я уже слышал голос Сашки.

— Спокойно, Кобзон, дыши глубже, сейчас попустит, — ровный уверенный голос командира немного успокаивал.

Я сидел на земле и промаргивался, картинка окружающей реальности медленно проявлялась. Холмы, кустарник, осенний лес вдали. Но мертвый пустой взгляд девушки и ее алая кровь, капающая с подбородка, все еще стояли перед моими глазами. Внутри бурлила смесь неприемлемого сознанием чувства вины и понимания, что ничего уже не вернуть. Меня сильно трясло, этот факт нельзя было не заметить окружающим.

— Где Анютка? — неуверенно прозвучал Женькин вопрос, видимо, он уже понял, что произошло что-то плохое.

— Я не виноват! Она выбежала по нужде, а я просто не успел! — Я моментально впал в панически-истерическое состояние. — Там эта тварь баллонами в нас швыряла, как джедай какой-то! Я весь магазин в нее выпустил, а ей пофиг! Оно руками вот так сделало и каким-то силовым щитом закрылось! А потом опять баллоном! Я сделал все что смог! Все, поверьте, все что...

— Кобзон, успокойся! — Сашка хлестко ударил меня по лицу ладонью, что возымело некоторое успокаивающее действие. — С Анькой что случилось?

— Ее б-баллоны по с-стене разм-мазали... — мои губы дрожали, как и все мое тело, я стал заикаться, — н-но я н-не в-виноват!

— Это был бюрер, мать его! — сталкер сжал кулаки и сокрушенно качнул головой. — Тебе повезло, что сам жив остался. Черт, говорил же, тише надо было.

Наши вокруг загалдели, испуганно перешептываясь и смотря на меня то ли сочувствующими, то ли осуждающими взглядами.

— Так, все, что случилось, уже не вернуть, забыли и забили! — гаркнул Сашка, оборвав весь этот шум и гам. — Люся, меняешься с Кобзоном местами, пока со мной в паре будешь. Женька, рокируешься с Панкером, впредь ты будешь замыкать. Доктор, дай Кобзону что-нибудь, чтобы его не трусило. И еще: все, кому по нужде нужно, идите в те кусты, там чисто. В смысле, аномалий нет. Через пять минут выдвигаемся!

Пять минут миновали очень быстро. Все это время я сидел на земле и приходил в себя. Ветеринар дал мне какую-то таблетку, которую я тут же проглотил, запив из протянутой им же фляги. Панкер отсыпал мне жменью патронов к пистолету и вернулся на позицию. Он вместе с Женькой стоял в дозоре, охраняя наш отряд. А я занялся «кольтом», пытаясь отвлечься от дурных мыслей.

Сашка что-то активно обсуждал с нашим проводником, рассматривая карту на его

наладоннике, и махал руками в разных направлениях. Все остальные занимались каждый своим и о чем-то своем перешептывались. Но мне казалось, что все они обсуждают именно меня и обстоятельства гибели Анютки, в попытке вынести вердикт, виновен я или нет. Суд присяжных хренов! Вас бы, умных, туда, посмотрел бы я, что бы вы на моем месте смогли сделать!

А Седой между тем закончил совещаться со сталкером и подошел ко мне.

— Ну что, ты уже в норме? — как-то по-доброму спросил наш командир и даже слегка улыбнулся. — Не раскисай, Кобзон, один битый, он нескольких небитых стоит. Расскажешь мне как-нибудь про того джедая, чтобы в следующий раз мы нашли способ его завалить.

— Седой, может, все-таки не будешь меня Кобзоном звать? — Я неуверенно попытался избавиться от этого неприятнейшего для меня прозвища. — Давай уж лучше Бизон, ну или еще кто, но только не Кобзон. Не люблю я его, он у меня с Петросяном почему-то ассоциируется. А этого я вообще не воспринимаю.

— Кстати, он дело говорит, — вмешался в разговор наш проводник, — мы сейчас вдоль границы Рыжего леса топать будем, а там концентрация бандюков почти как на Свалке. Кобзон-оригинал у них традиционно в авторитете, такое погоняло может себе лишь бугор позволить. Так что бандюки могут и не въехать в такой вот неадекват.

— А хрен с тобой, — Седой хлопнул меня по плечу и обратился ко всем присутствующим: — Народ, в нашем зоопарке прибыло! Кобзон с этого момента будет Бизоном. А теперь подъем! Время вышло, дома булки расслаблять будете!

— И еще: Женька ваш пусть ментовские нашивки срежет, по тем же соображениям, — добавил сталкер, кивнув в сторону нашего эмвэдэшника, — китель из-под бронежилета не видать, а вот нашивки на рукавах... не нужны они в Зоне, ни при каких раскладах.

Седой кивнул в знак согласия и окликнул Женьку. Все засуетились, занимая свои места в строю. Я встал в середине отряда, рядом с Русланом, и стоял молча, с мрачной физиономией, стараясь не смотреть в глаза остальным. Мимо пробежала Люся и похлопала меня по плечу.

— Не расстраивайся, Бизончик, — произнесла она, теребя больную для меня тему, — я верю тебе, ты сделал все возможное и не твоя в том вина...

Все, кто был рядом, закивали, соглашаясь с ее словами. А у меня внутри все так и забурило, но я сдержал свой ненормальный порыв разбить им их кивающие головы рукоятью своего «кольта». Много вы знаете?! Какого черта киваете?!

Совесть не давала мне покоя. Если бы только я сам вышел в коридор и подождал там, пока застенчивая Анютка свои дела справит, тогда жива была бы она. А так на ровном месте, на моих глазах погибла! Из-за меня, тупого, погибла, мля! Неважно, что сама дура, все равно моя вина. И этот крест из гнилого промокшего дерева, утыканный ржавыми гвоздями «если бы да кабы», теперь мне и нести на голой спине совести. Нести до самой смерти.

Отряд выдвинулся. Шли мы тихо и аккуратно, обходили стороной скопления мутантов и аномалий. Как оказалось, детектор нашего проводника имел сканер аномальных полей, а потому большинство опасных зон мы обходили без особых проблем, затрачивая на это лишь свое время. Только несколько раз отряд остановился и сталкер, засомневавшись в чем-то, швырнул перед собой один за другим пару болтов для проверки.

Из участка земли, который, казалось, был посыпан обыкновенной известью, вверх взметнулись белые гейзеры. Вдруг повеяло настоящим зимним холодом. Болты, пролетев через эти облачные фонтаны, мгновенно побелели от осевшего на них инея и разбились, как хрустальные рюмки, как только соприкоснулись с землей. Поллитренко выдал пару ругательных фраз на сталкерском жаргоне, выразив свое недовольство неизвестной ему морозной аномалией, и повел отряд в обход.

Мы еще несколько раз останавливались. Сначала сталкер, оставив нас, отлучился к мрачным руинам какой-то фермы и вернулся, счастливый, вынеся оттуда светящуюся голубую сферу артефакта. Потом Седой, заметив очередной труп, пару раз отлучался с Максом и приносил нам то пистолет, то охотничье ружье, то патроны. И спустя несколько

часов все, кроме Геймера и Руслана, уже были вооружены огнестрельным оружием.

Вот только-только наш командир вернулся и притащил с собой перепачканный грязью АК-47. Прямо на ходу и без особых стараний Сашка прочистил шомполом ствол. Потом он снял магазин автомата, открыл его крышку, постучал магазином по корпусу, выколачивая из внутренностей сор и грязь, и опять собрал все в кучу. Но даже после этой нехитрой профилактики у командира не получилось сдвинуть рукой затвор автомата хоть на миллиметр.

«Калаш» пролежал в грязи неизвестно сколько, и вся эта жижа забила его внутренности. Но командир не растерялся и все же привел его в состояние боеготовности. Сделал он это довольно-таки грутально — поставил автомат прикладом на землю, придержал за ствол и, как заводят байк, ногой передернул непослушный затвор.

— Держи, Русик, — Седой протянул автомат киргизу, — стрелять будет, но как долго, хрен его знает. Не дай Бог, конечно, чтобы тебе пришлось из него стрелять вообще.

— А мне когда-то хоть что-нибудь дадут? — недовольный, загундосил Геймер. — У всех уже стволы есть, а у Алины вон вообще их два — пистолет и двустволка. Я что, самый рыжий?

— Ты самый молодой и самый неуправляемый, — охладил его Сашка, — команды мои выполняешь плохо, постоянно споришь. А дай тебе ствол, так ты начнешь играть им, и в спину подстрелишь кого-нибудь из наших.

После короткой словесной перепалки командира и строптивого пацана отряд оправился дальше. Но Геймер на этом не успокоился, он топал и что-то недовольно бубнил себе под нос, пока не заметил невдалеке труп в темно-синем комбинезоне. Тело лежало на краю ямы, рядом с потрескивающей аномалией «электра», и сжимало в руках винтовку, чем-то похожую на американский карабин. Я шел в авангарде нашего «центра» и видел, что Сашка уже обшарил покойника, но почему-то не взял его ствол. Геймер же, заметив беспризорное оружие, злобно глянул на командира и шустро побежал к трупу — подбирать винтовку.

— Эту «эмку» можно реанимировать только в мастерской, — Седой окликнул тинэйджера и негромко засмеялся, когда тот уже вцепился в карабин, — стрелять она не будет, так что можешь взять ее себе и использовать как ударно-прикладный инструмент.

— Да пошел ты в жопу! — Геймер отшвырнул в сторону винтовку и, выставив средний палец руки, ткнул в сторону Сашки «fuck».

— Вернись в строй! — властно гаркнул командир. — Будешь слушаться, дам тебе «пээмку».

Еще раз заслав командира в места не столь отдаленные, пацан демонстративно повернулся к нам спиной, расстегнул ширинку и вознамерился помочиться в яму, рядом с которой растянулся труп безымянного бойца Зоны.

То, что произошло в следующую секунду, заставило наши волосы на головах зашевелиться. Посреди фоновых звуков — лая собак, хрюканья кабанов, рыка неизвестных мне мутантов и отдаленных громыханий выстрелов — вдруг шарахнул разряд в честный десяток гигаватт. Мы все инстинктивно упали лицом вниз и растянулись в грязи.

Там, где только что стоял Геймер, вспухло огромное, яркое, бело-голубое облако молний. Сокращенные электрическим током, мышцы ног Геймера выстрелили сжатыми пружинами и подбросили его тело вверх на несколько метров. Бедняга плюхнулся в грязь рядом со мной. Запах горелой плоти ударил в нос, заставив меня скривиться. Я вскочил, отпрыгнул, бегло глянул на дымящийся труп и отвернулся. Потрескавшаяся кожа на лице, вытекшие глаза и обугленные скрюченные пальцы — зрелище не из приятных.

— Да что ж это такое! — разгневанный Сашка подскочил к нам, глянул на обгорелое туловище и зарычал зверем, затем вдруг вскинул свой «калаш» и заорал на нас: — Как вы меня все уже достали, «гражданка» долбаная! Не хотел я вас строить, как привык в своем полку, да видать, иначе не получится! Теперь будете дышать, если я разрешу! Нужду справлять по расписанию и когда я позволю! Пердеть и то будете после того, как я команду дам! А если еще хоть кто-то без спросу отойдет на шаг в сторону, пристрелю самолично!

Всем все ясно?!

— Седой, успокойся, — к командиру подошел Женька и немного умерил его пыл, — никто же из них не виноват. А пацана нам тоже жалко. Глупая смерть. Но чего уж после драки кулаками-то махать.

— Блин, как же это его? — к нам подбежал сталкер и осмотрел труп. — Это что же получается, его «электра» по струе достала, что ли? М-да, вот тебе и естественный отбор в действии.

Командир еще раз гавкнул на нас, потом на нашего проводника, и отряд отправился дальше. Больше проблем с дисциплиной не было. Все шли аккуратно и тихо, в строгом порядке, действовали слаженно, а приказы командира выполнялись быстро и четко.

Несколько раз наш отряд атаковали мутанты, а несколько раз мы их били на упреждение. Сначала стая слепых псов, как их назвал сталкер, учуяла запах человечины и была расстреляна нами. Потом исковерканная радиацией свинья выпрыгнула из озера грязи и была тут же застрелена Женькой. Три раза пришлось останавливаться и ждать, пока Панкер прикончит с большого расстояния каких-то тварей. Какие именно это были создания, я не видел, но наш проводник был всерьез озабочен их присутствием в окрестностях нашей тропы.

Пару раз вдали мы замечали небольшие группы людей, но все они, глянув в нашу сторону через бинокли, уходили дальше по своим делам. Солнце приближалось к горизонту и сталкер, настраивая нас тем, что ночью наступает время активности мутантов, повел отряд к очередному отмеченному на его карте убежищу.

Уже совсем стемнело, когда мы вышли к скале, на теле которой чернела арка какого-то туннеля. Женька, Седой и сталкер зашли в него первыми, мы втянулись следом. В свете фонарей всплывали мрачные картины. Какие-то вагонетки стояли и ржавели на узких колеях рельсов. Стены, покрытые плесенью и пылью, сходились аркой над головой, и казалось, что вот-вот обрушатся от времени. Вдоль стен чернели пустые металлические бочки и остатки какой-то техники. Место было обшарпанным, но абсолютно заброшенным не выглядело. Здесь кое-где под стенами лежали матрасы, были заметны следы нескольких костров, а рядом с углями виднелись горки пустых бутылок, жестяных банок и смятых пачек «Примы». Все пространство было усеяно окурками и прочими следами деятельности человека.

Туннель резко сворачивал влево, почти на девяносто градусов. Преодолев этот поворот, мы заметили в дальнем конце мерцание костра. Нора заканчивалась глухой просторной комнатой. Несколько фигур в плащах сидели вокруг костра и грелись у огня.

— Оба-на! Ваще улет! Лохи сами к нам на огонек чапают?

Из-за горы железных бочек и емкостей из-под смазки выдвинулись два типа в черных плащах, с оружием в руках.

Глава седьмая ЦЕНА ДОВЕРИЯ

— И эта, слышь, валынами не машем! Так, так! Пукалки быренько опустили, а грабли подняли!

Двое, судя по говору, очень «тяжелых» и «реальных» пацанов направили на нас свои стволы.

В свете фонарей Седого и сталкера я узнал их оружие. Это были специальные автоматы «Вал», бесшумные и беспламенные. Когда-то я мечтал с таким вот стволом пробежать по корпусу нашего конструкторского бюро и наведаться в кабинеты ко всем своим директорам-начальникам и к начальникам начальников. Но мечты остались лишь мечтами, и видел я подобные автоматы лишь на картинках в интернете и по телевизору в руках бойцов МВД. А вот теперь эти стволы устали на меня самого совсем не с голубых экранов.

Сталкер быстро и четко выполнил требования братвы, а Женька и Седой — нет. Они продолжали стоять, не опуская свои «калаши».

— Шо, ваще борзые нарисовались или контуженые?! Слыхали, шо Клепа сказал? — из темноты вышел еще один мужик. — Валыны убрали, или мы ваще тут всех положим!

— А это мы сейчас посмотрим. Русик, гранаты! Панкер, взял башку правого на ствол! Остальным — цель на усмотрение и ждать команду!

Седой раздал приказы четким командирским голосом.

Народ, сидевший у костра, переполошился, схватился за оружие и живенько подтянулся к дозорным. К этому моменту уже все из нашего отряда рассыпались по туннелю и, заняв случайную огневую позицию, целились в головы обитателей подземки.

Шестеро бандитов застыли и тарасились на толпу вооруженных людей, а мы в свою очередь глазели на них. Нас было вдвое больше, но огневая мощь была все-таки на стороне противника. Хотя какая к черту огневая мощь? Расстояние-то между нами — всего ничего! Если каждый хоть по одному разу выстрелит, кто одиночкой, кто очередью, то помрут все. А кто от пуля не погибнет, того гранаты Руслана добьют.

Наш сталкер-проводник, видя, что Седой не собирается плясать под дудку братвы, опустил руки и тоже схватился за свой помповик. Руслан стоял за Женькой и Седым с двумя сжатыми в руках «Ф-1» и, продев в кольца каждой из них средние пальцы, резким рывком развел свои руки в противоположные стороны, демонстративно выдернув обе чеки.

— Э-э-э, вы шо, ваще оборзели?! — заверещал пожилой и худощавый мужичок. — Завалились к нам в хату, ни здрастье, ни пожалста! Валынами, как рипидами⁷ гребаными, размахались! Шо мы, мухи вам какие-то? А ну, пацаны, вали...

— Доцент, погоди! Смотри на окружность туннеля. Две «эфки» всех рикошетом... — вдруг заговорил один из братков вполне нормальным человеческим языком, но спохватился и дальше продолжил «по-пацански»: — ...эта, я шо базарю, ща бзданет кто-нить, шмалять зачем и поляжем, мля, усе! И ваще, тут одних тока «лимонов» хватит, шоб всем под завяз железа нахаваться. Зарикошетит всех нахер, ни одна падла живой отсюдова не свалит!

Все застыли, никто не решался открыть огонь. Риск, конечно, удел отважных, но ничего общего с глупостью обыкновенной, как в данном случае, не имеет. Зловещая тишина завладела пространством, и лишь в дальнем углу туннеля тихонечко потрескивал костер.

— Та-ак, брателлы, и хто тута бугор? В стороночку отойти надобно побазарить, а то херовина выходит какая-то! — вдруг нарушил тишину Женька. — Хе-ех, и входит херовина, и выходит она же ж...

Я сразу и не понял, что это говорит он. Жека кардинально сменил свой говор и теперь «базарил сурово и конкретно», ничем не отличаясь от братвы. Наверное, даже лучше их. Его голос вдруг стал хриплым, прокуренным, а таких блатных интонаций, которые он выдавал, — захочешь не найдешь.

— Бугор в Лиманске рулит, а бригадир тут я. — Один из мужиков, тот, что был в самом черном и понтовитом плаще, вышел вперед. — Побазарить — это можно, тока Рэмбов своих попридержи. Нехрен тут пацанскую кровь лить. Добазариться реально всегда возможно, даже с чертом хреновым.

Женька пристроил свой «калаш» на плечо, разболтанной походочкой приблизился к главному бандюку и ушел с ним вглубь убежища, к костру. А мы, продолжая сжимать оружие, остались ждать. Сейчас все наши жизни зависели от «красноречия» Женьки. В голове мелькали мыслишки о том, что все должно быть хорошо — Женька эмвэдэшник наверняка знает, как общаться с разного рода братками и, скорее всего, сможет найти подход и к местным бандитам. Но с другой стороны, доверять кому-либо в Зоне, как мы уже убедились, на «все сто» нельзя, и даже если Женька договорится с братками, то ночью может произойти все что угодно.

О чем говорил эмвэдэшник с бандитом, мне было не слышно, но жестикуляция у обоих

⁷ Рипида (греч. — веер, небольшое опахало) — одна из принадлежностей ритуала богослужения в православной церкви. В древности делалась из тонких кож, полотна, павлиньих перьев и т. п. Назначение — отгонять летающих насекомых от святых даров.

собеседников была лихая и шикарно распальцованная. В свете костра все это действо отлично просматривалось. Жека вел себя уверенно и что-то втирал собеседнику, а вот бригадир то и дело округлял глаза и косо посматривал на своих бойцов. Через несколько минут оба вернулись к нам.

— Короче, пацаны, отбой, — окликнул братков бригадир, — сегодня у нас реальные ребята ночлега просят. Так шо принимаем как своих, поим, кормим, крышуем. Но, ясен хрен, не задаром! Так шо там с оплатой?

Последние слова были адресованы Женьке.

— Ща будет, один момент, — ответил Жека, поводя растопыренными пальцами левой руки, и потом шепотом обратился к Седому и нашему проводнику: — Короче, наверное, придется один из артефактов браткам отдать. Вам решать, какой. Может, «рыбку» или «пузырь»?

— Ага, шазз! — вдруг вскрикнул и тут же перешел на шепот Поллитренко. — Я лучше один из своих отдам бандюкам, а ваши, как и было договорено, отойдут мне.

— Да не вопрос, — Седой пожал плечами, — делай, как знаешь.

Сталкер тяжело вздохнул, снял свой рюкзак и принялся там копошиться. Потом достал из него металлический бокс в форме сферы и подошел к бандитам.

— Вот, это ваше, — Максик открыл контейнер, и сразу же голубой свет залил пространство туннеля, — думаю, этого больше чем достаточно.

Это был тот самый шар, который сталкер нашел сегодня в руинах, когда отлучался от отряда.

— Оба-на, ништяг, браток! Давненько у нас «лунный свет» не проскакивал, — тот, которого до этого называли Доцентом, похлопал нашего проводника по плечу, взял артефакт и передал его другому «пацану». — Держи, Плюшевый, будет чем заняться на до суге!

— Круто, теперь можно патроны с «электрой» намутить, — коротко стриженный и на вид молодой браток, который через раз говорил то по-человечески, то «по-пацански», схватил артефакт и, донельзя довольный, убежал в ту часть убежища, где стоял верстак и хранились ящики с инструментами.

Братки убрали за спины оружие, и все наши последовали их примеру. Руслан аккуратно вернул обе чеки на место и рассовал гранаты по карманам.

— Ну шо, милости прошу к нашему шалашу. — Бригадир призывно кивнул и потопал к костру.

Двое дозорных братков вновь заняли свои места за навалами железных бочек и с интересом рассматривали всех наших, проходящих мимо них.

— Оп-паньки, баба! — восторженно вскрикнул один из дозорных, когда мимо него проходила Люся. — И по ходу не одна!

— Как ты меня назвал, ушлепок?! — Наша училка сорвала одну из висящих на кармашках Руслана гранат и, смело подскочив к бандюку, ткнула РГД ему в нос. — Что-то еще мне хочешь сказать?! Нет? Так я тебе скажу! Только пальцем до меня дотронься, я тебе это в рот засуну и сожрать заставлю. Понял, нет?!

На крики обернулись все, кто уже миновал баррикаду из бочек. Седой схватился за «калаш», но направлять его на братков не спешил. Я сунул руку в карман и обхватил пальцами рукоять своего «кольта».

— Люся, держи ее крепко! — Руслан протянул обе дрожащие руки к училке, с ужасом глядя на гранату. — Кольцо на лямке осталось!

— Ты сатри, реальная волчица! — браток абсолютно хладнокровно отреагировал на Люсин выпад и даже не коснулся своего автомата. — Не бзди, подруга, мы нормальные пацаны или где? Телок не обижаем и в обиду не даем. А тех, кто девок портит, так ваще петушим.

— Шо за хипеш?! — грозно крикнул бригадир, уже стоявший у костра, и уставился на дозорного.

— Усе нормальна, Стиллет! Манерно с дамами общаемся! — ответил ему боец.

Люся, несмотря на поток далеко не гламурных слов, как-то странно повела бровью, и, успокоившись, опустила руку с гранатой. Руслан аккуратно перехватил ее кисть, вернул чеку на место и забрал РГД.

— Слышь, больше так не делай, — пробурчал побагровевший от волнения киргиз, вздохнул с облегчением и потопал к костру.

Я последовал за ним, а довольные дозорные продолжали лыбиться и масляными глазами осматривать проходящих мимо них девушек. Один из них даже выразительно и мелодично насвистел мелодию блатной «Мурки».

Большинство народа расположилось у костра, и каждый занялся своим делом. Седой, раздав приказания, принялся осматривать и перебирать наше оружие. Мышка запрягала себе в помощь Руслана и уже копошилась в рюкзаке с провизией, придумывая нам ужин. Панкер почему-то сразу уединился в дальнем углу комнаты, видимо, решил отдохнуть от нас всех. Но и минуты не прошло, как туда к нему юркнула та девчушка с длинными ресницами, которая все это время не сводила с него глаз. Там, в темноте угла, они и просидели все оставшееся время.

Женька сел у костра рядом с бригадиром и продолжил играть роль «реального пацана». Все остальные, кроме меня, тоже расположились у огня и еще пытались как-то общаться, то и дело поклеывая носом от усталости. Этот самый безумный и самый напряженный день в моей жизни подходил к концу. Я заметил подобие скамейки у стены, рядом с верстаком братвы, и потопал туда. Почему-то тоже захотелось уединиться и посидеть в сторонке, подальше от всех наших.

— Не помешаю? — спросил я у троих «пацанов», которые копошились вокруг верстака, и указал взглядом на деревянную лавочку.

— Падай, брателла, не стесняйся! — махнул рукой Доцент и продолжил колдовать над артефактом, зажатым в тиски.

Я плюхнулся на сиденье и оперся спиной о стену туннеля. Усталость в теле и в голове от перенасыщенного событиями дня полностью вытеснила все мысли и вопросы, которые до этого меня терзали. Осталась лишь горечь сожаления от того, что из-за меня погибла Анютка. Передо мной все стояло ее лицо, эти пустые глаза, эта струйка крови. Кап-кап — срывались капли с ее подбородка и падали мне на извилины, постепенно пробивая в них дыру, как вода в камне. Даже когда мои веки сомкнулись, видение не исчезло. И, весь в этом горьком соусе, замешанном на чувстве вины, я погрузился в полусон.

Но дремота не была долгой — кто-то дернул меня за плечо. Я вскочил и панически зашарил по карманам, нащупывая «кольт».

— Не спи, замерзнешь, — рядом стоял Сашка и протягивал мне алюминиевый солдатский котелок, сплюснутый в форме полумесяца. — На вот, пожри и подтягивайся к костру, если спать охота.

Я принял котелок с ложкой и стал жадно уплетать ароматную наваристую солянку, которую нам сообразила Катя. Свежего хлеба не было, но мелко наломанные сухарики, которые плавали сверху, были сейчас гораздо лучше любой горячей буханки или лаваша. Супчик оказался просто божественным, в наших барах, где мы с корешами постоянно зависали, готовили хуже.

— А Мышка-то наша в хавчике шарит, да? — улыбнулся Седой, наблюдая, как я работаю ложкой, а потом сел на лавочку рядом со мной и ненавязчиво поинтересовался: — Ну как, ты уже пришел в себя немного? Я уже могу на тебя рассчитывать как на полноценного бойца?

Я молча кивнул в знак согласия и продолжил наминать за обе щеки. Командир улыбнулся, потрепал мою шевелюру и устало откинулся назад, прислонившись к стене убежища, как к спинке кресла.

— Эт хорошо-о-о... потому как с братками уговор был, что ночью в дозоре стоит один их боец, а один наш, — Сашка вдруг превратился из заботливого «папы» в расчетливого вожака. — Братки тренированные, каждый из них может хоть всю ночь полноценно

отстоять. Не то что вы, «гражданка» хилая. Вас менять нужно каждые два часа, чтобы на посту не уснули. Девки в дозоре — не вариант. Панкер и Жека должны выспаться, им завтра нас вести. Да и мне не помешает свеженьким наутро быть. Так что остаются четыре человека. Но не бойся, Бизон, я тебя аж под утро в дозор поставлю. Так что отдохнуть еще успеешь. И сам, думаю, подменю кого-то, если уж совсем не вмоготу вам станет.

Перспектива стоять с одним из бандюков в дозоре, пусть даже всего два часа, меня далеко не обрадовала, сон быстро улетучился. Доедая свою порцию солянки, я бегло осмотрелся. У костра уже сидел один из дозорных братков, наш доктор сменил его на посту.

Раздался искристый смех Люси, и только сейчас я обратил внимание, что училка сидит в окружении бригадира, его бойца и Женьки и мило беседует с ними, пытаясь постичь азы фени.

Воистину, эти женщины существа загадочные! Кого-кого, но учительницу, человека образованного и культурного, я никак не ожидал увидеть приятно проводящей время в компании братков. Хотя что я знаю о женщинах? Эх, такая видная девка и кокетничает с бандюками, а мне, нормальному мужику, в нос заехала. Вот она — несправедливость жизни!

Я еще раз с некоторой завистью глянул на братков, которые так и стелились перед Людмилой Александровной, и продолжил зыркать по сторонам.

Руслан с Катей вертелись у большого котла, висящего над костром. В котле бурлила ароматная сборная солянка. Вот только-только киргиз ополоснул два освободившихся котелка и протянул Мышке, а она, налив в них супа и накрошив сухариков, понесла их дозорным. Двое наших — спортсменка-комсомолка, как ее называл командир, и серый невзрачный мужичок, имени которого я так и не узнал, уже сопели в обе дырочки, растянувшись на грязных ватных матрасах у костра.

— Ты уже доел? — Передо мной появился Руслан и указал на мой котелок.

— Да, спасибо, держи. — Я протянул ему тару.

— Кто-то еще будет кушать? — громко спросил киргиз у всех присутствующих и, не услышав ничего в ответ, отправился к бочонку с водой. — Тогда все! Я умываю свои руки!

— Хех, слышали, шо чел ляпнул? — Доцент вдруг оторвался от верстака, кивнул в сторону Руслана и обратился к двум другим браткам, что были рядом: — Грит: «Я умываю свои руки». Гы, ну Понтий Пилат ваще!

— Пилат? А что? Прикольное прозвище, — вдруг оживился Сашка, все еще сидевший рядом со мной.

Командир встал с лавочки и вразвалочку подошел к трем бандитам, колдующим над артефактом.

— Пацаны, я же слышу, что вы не из братвы, а только пытаетесь под них косить, — начал Седой разговор. — Кто вы, мужики?

— Ты че, ваще попух, лошок? В нашей хате и на нас же гонишь, — сразу выстрелил Доцент заготовленной на подобные случаи фразой.

— Не верю! — Сашка сложил руки на груди и заулыбался.

— Ёперный Станиславский, так шо мне тебе тут, сплясать или «Мурку» сбачать? — все не унимался пожилой «браток».

— Ну, вот опять! — Командир стал откровенно смеяться. — Сначала рипиды упомянул, потом Понтия Пилата вспомнил, а сейчас Станиславского, причем все это сделал в тему. Да тут из наших городских мало кто знает, что это или кто это. Короче, колитесь, мужики, что вы за птицы?

Трое мужчин, косивших под братков, переглянулись, оставили в покое артефакт и заговорили вполне нормальным русским языком. Я остался сидеть на лавке, делая вид, что почти сплю, но ни одно слово мимо ушей не пропускал. Мне тоже сразу стали подозрительны эти трое. Они хоть и были внешне похожи на братков, но что-то в их глазах и взглядах явно не соответствовало их внешнему образу бандитов.

— Если честно, то мы двое, я и Алхимик, действительно без пяти минут эки. — Доцент прикурил и присел на край верстака. — Я физик-теоретик, не так давно работал в

солидной правительственной лаборатории над внедрением зонных аномальных образований в оружейное дело. Слишком успешно работал... Так успешно, что убрать меня захотели, без шума и пыли. Сообразили утечку информации из моего отдела, и на меня все навесили. Благо что ассистент мой успел позвонить и предупредить, за несколько минут до того, как ко мне домой «маски-шоу» нагрянули. Методы работы нашей спецтуры во всех новостях освещены. Вспомните, сколько людишек в камерах вешается и сколько с лавочек падает головой вниз по несколько раз. А мне пожить еще охота... Так что бежал я в ужасе и с голым задом, в том, в чем был. За границу мне прорваться нереально было, вот я в Зоне и спрятался. Старые друзья помогли, провезли через кордон в чемодане с очередной научной экспедицией.

Доцент еще разок пыхнул папироской и передал ее мужчине средних лет, которого до этого называл Алхимиком.

— А я химик по образованию. И рассказывать мне особо нечего. — Мужчина присел на корточки и задумался, вспоминая былые времена. — Надоело копейки получать и балбесов в универах учить, вот и прибил к школьному товарищу. Наркотой занимался. Хорошо все было до поры. Что случилось, я так и не понял, но всю бригаду моего кореша слили. Я успел прихватить общак и к «браткам» пришел за помощью. Вот они меня и спрятали здесь, провели по своим каналам. С тех пор так и живу, хлеб и протекцию отрабатываю знаниями и навыками по прикладной химии.

Алхимик закончил свой короткий рассказ и опять принялся копошиться в листках своих записей, раскиданных по верстаку. Найдя нужный лист под мягким местом Доцента, химик хлестко стукнул коллегу отверткой по тому самому месту и дернул за край прижатого листа. Доцент соскочил с верстака и подбежал к молодому, коротко стриженному парню.

— А это Плюшевый, наш младшенький, гений доморощенный, — Доцент обнял парнишку одной рукой за плечо и энергично потряс его, — толковый пацан, сообразительный. Соображает абсолютно во всем, но поверхностно, может найти прямую взаимосвязь между такими вещами, где ее, казалось, и близко быть не должно. Талант от Бога, а вот базы знаний не хватает... Ну, мы тут и скооперировались втроем, друг другу помогаем и делаем разные хитрые штуковины под заказ. «Дум-думы» с разрывной силой «карусели» или «трамплина» — это лишь цветочки. При таком изобилии аномального материала можно реальные чудеса творить. Жаль только, что с оборудованием совсем туго приходится. Эх, мне бы мою лабораторию сюда!

Доцент мечтательно закатил глаза и на несколько секунд отлучился в мир своих фантазий.

— А гений-то ваш как в Зону попал? Только не говори, что по своей воле, — вырвал его из несбыточных мечтаний Сашка.

— О-о-о, то вообще история, покрытая мраком, — Доцент махнул рукой и, подойдя к верстаку, стал настраивать какой-то самодельный прибор. — Парнишка жил себе не тужил в селе своем, а как-то поутру бац — и проснулся в Лиманске. Как он туда попал, кто его туда приволок — еще та загадка.

Я как сидел, так и подскочил на лавочке, услышав эти слова, потом встал и с округленными глазами подошел к Седому. Выражение Сашкиного лица в этот момент было подобно моему — ошарашенным. Этого, конечно, не могли не заметить собеседники.

— Что, что? — Доцент оставил в покое свой прибор и глянул на нас с удивлением. — Только не говорите, что и вы тоже!

— Угу, девятнадцать человек поутру в развалинах одного здания очухались. Никто ничего не помнит, не знает, и понятия не имеет, что за хрень такая случилась, — после театральной паузы выложил Сашка.

— Сумасшедший дом какой-то! — Алхимик оторвался от своих записей и стал внимательно осматривать нас двоих, как будто именно на наших лицах или на других частях тел были написаны ответы на интересующие всех вопросы. — Что, и вас в Лиманск сбросили?

— В Припять, — мрачно ответил наш командир.

— Та не гони! Вы были в Припяти и живыми оттуда выбрались?! Как это? Да не может быть!

Все трое «братков» зашумели, наперебой задавая вопросы.

— Долго рассказывать, как выжили. Повезло, наверное, — Седой оборвал этот гомон. — Лучше ты, Плюшевый, расскажи, что с тобой случилось? Тебя одного десантировали в Зону?

— Почему одного? Много нас было... — Парень почесал затылок и слегка перекривился, вспоминая те дни. — Я дома сидел, до ночи книги читал. Устал так, что и не заметил, как вырубился за столом, и даже мой «бодрящий» артефакт не помог. А проснулся в каком-то заброшенном жилом доме Лиманска. Там еще человек десять таких же, как я, было. Никто ничего не помнил и не понимал, что происходит. И не успели мы даже из здания выйти, как налетели наемники и почти всех сразу перебили. Кто выжил, те кинулись врассыпную. Трое, кажись, вместе со мной... Я чудом спасся у местной «братвы». Не любят пацаны диких гусей, и тех, которые мне на хвост сели, пристрелили, как собак. Бугор тамошний, как понял, что я в науках шарю, меня под крыло взял, и в Рыжий лес к нашей бригаде с отрядом откомандировал. Вот с тех пор и делаем для братвы ништяки всякие. Иногда и сталкеры к нам с заказами приходят, но мало кто может себе по деньгам позволить наши наукоемкие поделки. Ну, вот и все.

— Ясно, что ничего не ясно, — махнул рукой Седой. — Я думал, хоть ты свет прольешь на то, что произошло. А ты еще меньше знаешь, чем я.

— Слушай, расскажи, что с вами случилось. И про Припять. Интересно же! — насели на командира трое «зоновских» ученых.

И Сашка начал свой рассказ. С первых же слов я понял, что он не просто склонен приукрашивать события, но и любит приврать хорошенько. Да, сказочник из него получился бы великолепный, охотники и рыбаки обзавидуются! Я не стал присутствовать при «торжественном развешивании лапши» на уши этих троих благодарных слушателей и ушел к костру.

У огня я подсел к нашему проводнику. Максик устроился по-турецки, подогнув под себя ноги, и молча созерцал языки пламени. Я отвлек его от «медитации» и завел простой разговор ни о чем, чтобы как-то убить время до того момента, когда меня опять потянет в сон. Но сознание боролось с дремой и пугало разными мрачными картинками. Мне почему-то казалось, что усни мы здесь — наутро никто не проснется. Так и останемся лежать с перерезанными ножами братвы глотками. Трое тех очкариков на это не способны, похоже, но ведь есть же тут еще трое самых настоящих бандитов, которым это с нами сделать — раз плюнуть.

А тем временем Поллитренко стал мне заливать про тяготы сталкерской жизни. Я слушал его вполуха, а сам смотрел на довольную, сияющую Люсю, царившую в компании братвы. Вот она — зависть-то. «Девушки любят подонков — лишь они оставляют здоровых потомков», — вдруг мелькнула в голове затасканная фраза.

И я, чтобы отвлечься, в ответ начал рассказывать сталкеру о трудностях и лишениях жизни простого инженера. Рассказывал я увлеченно и, видимо, очень красочно излагал любопытнейшие факты из жизни судостроительного производства, потому как остановился лишь тогда, когда вдруг услышал похрапывание Поллитренко. Сталкер не выдержал и просто уснул, повалившись набок.

Я вздохнул, встал и потопал назад к верстаку. А ведь прав в чем-то наш проводник — вся моя предыдущая жизнь настолько скучна и примитивна, что рассказ о ней у нормального человека вызывает сначала дремоту, а потом погружение в здоровый и крепкий сон.

А у верстака уже бурлила целая научная конференция, в которой Седой, как ни странно, принимал самое активное участие. Я подошел и молча пристроился за спинами дискутирующих.

— Закон сохранения энергии знаешь? — Плюшевый увлеченно объяснял Сашке азы

аномальной физики артефактов. — Так вот, артефакты — та же энергия. В смысле, энергия аномалий, заключенная ими же в локальную физическую оболочку. Ну, и энергию эту, раз она там есть, можно так же и добыть из аномального образования. Если артефакт образован в аномалии гравитационной природы, то от сильного удара или резкого сжатия вся заключенная в нем энергия высвобождается. А вот сейчас нам выпал случай с хорошим и чистым артефактом родом из «электры» поработать. Здесь немного посложней будет. Разрезать «лунный свет» безопасно можно только ультразвуком. А высвободить энергию кусочка артефакта способен лишь мощный электрический импульс, придется где-то конденсаторов наковырять и придумать, как их в патроны всунуть...

— Погоди, а на кой нужны патроны с «Электрой»? — Сашка, как практик, вставил свои «пять копеек». — С «дум-думами» понятно, они, по сути, разрывные патроны. А тут что? Какого убойного эффекта вы стремитесь достичь? Вдобавок током шибануть простреленное тело?

— Ну, не знаю, — пожал плечами Плюшевый, — просто интересно с «электрой» что-то сделать. Не всему же надо быть полезным и практичным, нужно и для чистой науки место оставлять.

— Да нет, он прав, — вступился за нашего командира Доцент, — ну сам подумай, какая мощность будет у высвобождаемого разряда «электры», если в пуле почти не останется места для куска артефакта. И если даже получится сообразить схему, чтобы конденсаторы срабатывали в момент попадания в тело, то эффект все равно будет ничтожный, как от батарейки, приложенной к языку. А ты еще сделай поправку на защитные комбинезоны, в которых стоит защита от электрических разрядов. Короче, прав Санек, бесполезная эта хрень, нужно что-то другое придумать на эту тему.

— Ну почему же бесполезная, — возразил Седой, — я не говорил так. Просто боеприпас немного не тот вы за основу взяли. Что такое пуля? В лучшем случае одна пуля — один труп, ну или два, при определенной сноровке. А с этой «электрой» нужно мутить оружие массового поражения. Не думали в ручную гранату или в гранату для гранатомета всунуть эту штуку? А если в эрпэгэху вставить целый артефакт? Прикиньте — «электра», накрывшая толпу врагов или звено вертолетов в небе! Вот это будет настоящая песня!

Ученые местного разлива радостно загалдели и стали пожимать Сашке руку, настолько блестящей им показалась идея. Но тут же, перекинувшись несколькими только им понятными терминами, они смолкли и опечалились.

— Понимаешь, Седой, мы-то все на глазок сейчас делаем, — Доцент попытался перевести на человеческий общепонятный язык все сказанное коллегами, — расчеты производим примерные, а потому вынуждены работать с небольшими объемами. Понимаешь, без точного вычисления «аномального порога», в смысле «аномальной критической массы», рискованно работать с большими кусками артефактов. Никогда не угадаешь, когда у тебя прямо в руках аномалия «распакуется» и порвет на лоскуты. Эх, нам бы еще математика хорошего в команду, чтобы дифференциальные уравнения щелкал и прочие вычисления проводил, вот тогда можно и о гранатометах подумать, и о ракетах, если понадобится.

— Так это, у нас же Люська есть! — вдруг вскрикнул я за их спинами, заставив всех дернуться от неожиданности. — Она же математи чка, может быть, поможет вам в чем-то.

— А ну, давай ее сюда! — оживился Алхимик. — А вдруг?

Я подбежал к костру, вырвал Людмилу Александровну из плохой компании и бесцеремонно уволок к верстаку, чем вызвал явное недовольство братвы. А мне при этом стало даже как-то легче на душе. Пусть лучше умная и красивая девушка общается с людьми науки, чем с этими уголовниками.

Все трое ученых мужей, зачарованные естественной женской красотой Люси, наперебой стали объяснять девушке, что они здесь пытаются сделать и что конкретно требуется от нее. Будучи инженером, я понимал все произносимые ими слова, но связать их в единый осмысленный поток информации для меня было задачей нелегкой, да и ненужной.

Довольный, что увел ее от настоящих бандитов, я наблюдал, как наша училка с интересом вникает в суть проблемы, то и дело косясь на Плюшевого. Этот парнишка сам по себе был в достаточной степени симпатичен, чтобы привлечь внимание девушки, а то, что он еще и гений от природы, давало ему дополнительные шансы заполучить что-то еще кроме ее платонического интереса.

— Эх, ребятки! Так это же каждый раз заново нужно рассчитывать, если будете варьировать массу и чистоту материала, — Люся уже что-то писала на листиках, протянутых ей Алхимиком.

Я понял, что здесь мне больше делать нечего, и переместился ближе к костру. Там на старом рваном матрасе я и уснул под монотонное потрескивание дровишек.

Никаких снов я не видел. На мое сознание просто навалилась чернота, и пропало все, и какое-либо ощущение времени тоже. Проснулся я от того, что меня кто-то тормозил. Я открыл глаза, надо мной нависал... э-э, Пилат.

— Просыпайся, твоя очередь дежурить. — Киргиз подождал, пока я протру заспанные глаза, помог мне встать, а сам занял мое нагретое место на матрасе.

Достав из кармана свой пистолет, я потопал к навалам из бочек. Все вокруг спали. Я с большим удовольствием для себя отметил, что глотки нам никто из братков перерезать не собирался, а Люся сейчас мирно посапывала на плече Плюшевого. Все-таки зря я не доверял бандюкам... Они хотя бы честно придерживаются своих «понятий», не то что большинство городских серых крыс, мнящих себя во многие разы лучше бандитов, но живущих вообще без чести и совести.

Снаружи уже светало, тусклый солнечный свет слегка подсвечивал стену крутого поворота туннеля, за которым мы стояли в карауле. Мой напарник оказался неразговорчивым, и мы так молча и просидели друг напротив друга, пока все не проснулись.

Потом все опять завертелось и засуетилось. После легкого завтрака Женька попрощался с братками, поблагодарил их за теплый прием и наш отряд выдвинулся дальше.

Шли мы тихо и аккуратно. Максик оказался отличным проводником, мастером своего дела. На этот раз вообще никаких проблем и остановок не было. Никто из нас даже ни разу не выстрелил. Здешние тропы Поллитренко хорошо знал, и у него всегда получалось провести нас в обход всех встреченных опасных мест и скоплений мутантов.

Так мы вышли к каким-то «Армейским складам». Там, за холмами, ни на секунду не стихали звуки стрельбы и хлопки разрывов гранат. По словам нашего проводника, здесь шла яростная неугасающая война между группировкой «Долг», отрядами «Свободы» и вообще всеми теми, кто пытался взять под контроль эти территории. Дальше предстояло просачиваться крайне скрытно и в обход всех «горячих точек».

Почти сразу мы наткнулись на следы упомянутой войны. Прямо на нашем пути, вокруг развалин скромной хибары, распростерся на земле целый отряд расстрелянных бойцов. Их убийцы даже не тронули оружие покойников и не стали копошиться в рюкзаках, они просто уничтожили всех перекрестным огнем, видимо, из пулеметов, и отправились дальше, расправляться с очередными врагами. Комбинезоны всех убитых были буквально испещрены вставками из красной ткани. «ДОЛГ» — горделиво гласили эмблемы, нашитые на рукавах покойников.

Здесь, в руинах, мы немного задержались. Мародерство в Зоне — вовсе не постыдное занятие, а жизненная необходимость. Седой распределил трофейные «калаши» между нами, радуясь, что теперь почти у всех из нашего отряда будет оружие, пригодное под один стандарт патронов. А мы все стали раздевать покойников, меняя свою одежду, совсем неподходящую для Зоны, на поврежденные, но вполне крепкие комбинезоны бойцов «Долга».

Я сменил свою драную куртку на добротный китель и снял с ремня покойника пустой брезентовый кармашек. В такой удобно будет складывать патроны для моего пистолета. Своим джинсам я предпочел шикарные камуфляжные брюки, снабженные множеством накладных карманов. Тяжеленный и простреленный в нескольких местах бронежилет мне

надевать совсем не хотелось, я так и остался налегке, лишь взял несколько полных рожков к своему новенькому автомату и рассовал их по карманам.

Максик сразу проинформировал нас, что красные вставки с комбинезонов лучше срезать, чтобы не получить случайную пулю от «свободовцев». А Седому поверх его камуфляжа немецкого производства, соответствующей раскраски, желательно накинуть плащ-накидку. Чтобы не вызывать агрессию со стороны бойцов «Долга». Сказано — сделано.

Неожиданно от испуга вскрикнула Мышка, и мы все, резво вскинув оружие, подбежали к ней... Там, под трупами «долговцев», шевелился один еще живой человек.

— Пом-моги-и-ите... — над грудой мертвых тел поднялась дрожащая рука, перепачканная кровью и грязью.

Недолго думая мы закинули автоматы за спины и бросились разгребать тела покойников. И спустя минуту на земле остался лежать один выживший боец с простреленными ногами. Наш ветеринар тут же принялся осматривать его раны.

«Долговец» кое-как стянул своим ремнем обе ноги, чтобы не умереть от потери крови, и лишь эта экстренная мера спасла его. Наш доктор очень хорошо знал свое дело, складывалось впечатление, что и не ветеринар он вовсе, а военный врач. И когда он закончил, с раненым заговорил Седой:

— Дружище, мы, конечно, люди и не бросаем себе подобных в беде, но тащить тебя с собой не сможем. Наш путь лежит к кордону, мы уходим из Зоны. Так что если у тебя есть маячок какой-то или рация, то свяжись со своими, чтобы тебя подобрали.

— Погодите, не оставляйте меня, — захрипел «долговец», — у меня дома две дочери остались, я должен к ним вернуться живым...

— Живым? — Поллитренко смотрел на раненого с печальной ухмылкой. — Если у тебя семья есть, которую ты так любишь, то какого черта ты в Зону полез?

— Меня по контракту наняли... разобраться с опасными аномальными явлениями здесь, в Зоне... которые могут представлять угрозу всему миру, — объяснил срывающимся голосом «долговец». — Мне и охрану хорошую дали... а оно вон как вышло. Послушайте, я очень значимая персона для «Долга». Я вообще не из их бойцов. Просто был договор между правительственными структурами по вопросам Зоны и «Долгом»... и если вы донесете меня хотя бы до их укрепленного аванпоста, то я вам могу гарантировать сопровождение... усиленным отрядом до самой границы. И мимо военных смогу провести, они проинформированы, кто я такой... Так что можем выбраться отсюда вместе и без каких-либо проблем.

Неожиданная соблазнительная перспектива закончить весь этот адский рейд в ближайшие часы заставила командира согласиться. А наш сталкер-проводник был даже рад, что теперь ему работы будет меньше, при всем при том, что наш договор оставался в силе. И, получив на свой КПК координаты аванпоста «Долга», Поллитренко повел нас туда самыми безопасными из известных ему троп.

Раненого мужчину положили на импровизированные носилки и потащили в центре отряда. Первыми его несли Руслан и ветеринар, а я, поджидая своей очереди, шел рядом. Контрактник оказался жизнерадостным и оптимистично настроенным, и, несмотря на боль от своих ран, болтал с нами без умолку. Первым делом он отметил необычный состав нашего отряда, а когда Мышка обмолвилась о том, каким образом мы загадочно попали в Зону, то уцелевший «долговец» не на шутку заинтересовался этим вопросом. Он стал энергично выпрашивать все-все подробности о нас и наших злоключениях.

На небольшом привале, когда сталкер оставил отряд и выдвинулся вперед на разведку, мужик достал свой КПК и стал фотографироваться со всеми нами по очереди, говоря, что его дочери должны знать тех людей, которые спасли их отцу жизнь. Сопротивляться мы не стали, и даже согласились на один большой групповой снимок. А когда вернулся Макс, мы совершили быстрый рывок через открытое пространство по уже разведанной тропке, непосредственно к самому аванпосту «Долга».

Некогда здесь был какой-то небольшой склад, с высоким кирпичным забором, «колючкой» на нем и двумя сторожевыми вышками по углам периметра. Караульные, заметив наш отряд с импровизированным белым флагом, в качестве которого послужила майка, выдвинулись навстречу. А когда увидели, кого именно мы тащим на носилках, сами подхватили их и занесли внутрь укрепления. Не соврал мужик, для «Долга» он был очень ценным кадром, раз его сразу окружили такой заботой.

Мы устало миновали раздолбанные ворота, обложенные мешками с песком, и очутились внутри аванпоста. Несколько бойцов «Долга» сидели у костра и с любопытством рассматривали нас. Два снайпера, торчавших на вышках, лишь искоса глянули на нас и продолжили всматриваться в пейзажи Зоны.

В самом центре аванпоста было оборудовано пулеметное гнездо, также основательно обложенное мешками с песком, а по периметру расположились небольшие полуразрушенные постройки комплекса. Раненого понесли к широкому бетонному пандусу, наклонно уводящему под небольшое кирпичное здание, куда-то в подземные гаражи или склады. Мы опустили оружие и вздохнули с облегчением. Наконец-то все наши беды закончились, и скоро мы вернемся к своим нормальным жизням...

— Убить их всех! Код «Факел»! — вдруг неистово завопил тот мужик, которого мы спасли, и, приподнявшись на носилках, указал на нас дрожащей от ярости и гнева рукой.

Глава восьмая

...ПРАВОСУДИЕ ЗАКЛЮЧЕНО В СТВОЛЕ ЗАРЯЖЕННОГО РУЖЬЯ!⁸

Наш проводник шагал в авангарде цепочки отряда, и первая же очередь «долговца», сидящего у костра, превратила голову сталкера Макса в окровавленные арбузные корки. Все мы бросились врассыпную, стремясь спрятаться за ближайшими подходящими укрытиями.

Разразилась ураганная стрельба, сопровождаемая разноголосым ором.

— Не дайте им уйти!!! — вопил тот подонок, которого мы спасли.

Я хотел было его пристрелить, но два бойца, которые несли этого урода, уже исчезли за краем пандуса. Я кинулся к ближайшему укрытию и, пока бежал к примеченным бетонным коробам, успел увидеть, как на вышках опрокинулись и полетели вниз два «долговских» снайпера. Одного из них снял Панкер, а другого достала в спину короткая очередь Женьки. Так вам, сволочи!

В дыру раздолбанных ворот, через которые мы только что сюда проходили, в упор застрелив одного оставшегося здесь дозорного «Долга», наружу быстро юркнула Люся. Следом за ней к воротам мчались наш доктор и Алина. И я, не добежав до своего укрытия, притормозил и уже было хотел развернуться, последовать их примеру... Но тут загромыхал пулемет, и спортсменка с ветеринаром, навывлет прошитые десятками пуль, растянулись на грязных и заляпанных свежей кровью мешках с песком. Путь к отступлению наружу был отрезан. Я прыгнул за короба, вжался в их холодные стенки и, вцепившись в свой «калаш», затравленно осматрелся, ища какой-нибудь выход.

Панкер схватил девушек и уволок их за угол длинного одноэтажного здания, стоявшего возле ворот аванпоста. Руслан, а следом за ним и невзрачный мужик, которого я для себя уже прозвал Тихоней, побежали следом за нашим снайпером. Киргиз успел укрыться за кирпичной стеной, а вот Тихоня с простреленными ногами растянулся в грязи, не добежав до угла каких-то пары метров.

Он лежал на спине и кричал от боли, пока следующая пулеметная очередь не перечеркнула ему грудную клетку, разорвав в клочья одежду. Красные брызги разлетелись по дворику, заляпав угол здания и лицо Руслана за ним. Девушки отчаянно орали, но их крики были почти не слышны в разразившемся грохоте.

⁸ Перевод на русский язык строки текста одной из песен Джона Бон Джови.

Пилат выкрикнул что-то гневное на своем родном языке и забросал из-за угла внутреннее пространство аванпоста гранатами. Как только раздалась первые хлопки разрывов, ко мне за короб прыгнул Седой с багровым от гнева лицом.

— Суки, ну вы щаз огр-ребете! — рыкнул Сашка и тут же закричал в сторону Руслана: — Пилат, кидай эргэдэху-вторую под пулемет! И еще одну за него, в подземку! Быстро!

Киргиз четко исполнил команду, и во двор аванпоста улетели один за другим два цилиндра цвета хаки. Я заглянул в щель между коробами. Одна из цилиндрических «дымовух», попав на пандус, скатилась по нему вниз, а вторая, проскакав по мешкам с песком, упала где-то за пулеметным гнездом, а не перед ним, как того хотел Седой.

Тотчас же повалил густой-густой дым, окутывая всю территорию аванпоста. Но ветер сейчас дул от нас, и если подземную часть комплекса спустя секунды наполнил туман дымовой завесы, то пулеметное гнездо осталось практически не задымленным. Пулеметчик, тварь, знал свое дело и не позволял нам высунуть из-за укрытий и носа.

— Пилат, бросай еще одну дымовуху! — скомандовал Сашка киргизу.

— Это все, больше нет! — ответил Руслан и тут же отскочил дальше за угол здания, потому что пулеметчик переключился на него, стремясь лишить возможности метать гранаты.

— Жека, надо заткнуть пулемет, пока дым не спал, и валить отсюда! — крикнул Сашка через коробка нашему эмвэдэшнику, укывшемуся за остовом старого трактора.

— Не вопрос! На счет «три» прикрой меня! — ответил Женька, увлеченно отстреливавший «долговцев», выбегающих из пелены дыма.

— Жека, не гони! Давай я, или лучше одновременно, кто быстрее! — выкрикнул командир и, не дождавшись ответа, начал отсчет: — Раз! Два!..

На счет «два» Сашка выскочил из-за коробов. Ревя, как настоящий зверь, и поливая пулеметное гнездо свинцом из своего «калаша», он побежал к нему. Я, затаив дыхание, застыл и наблюдал все это сумасшествие через узенькие щели моего укрытия.

Не пробежав и пяти метров, Седой нырнул в яму за железные бочки. Пулеметчик быстро заметил бегущего человека и переключился на него. Пули клевали железо и пробивали бочки насквозь, наш командир вжался в грязь и продолжил орать, но уже в бессильной злобе.

— Седой, ты брехло! Договорились же на счет «три»! Хочешь себе всю славу?! — выкрикнул Женька и, пользуясь тем, что стрелок отвлекся на командира, выскочил из своего укрытия и метнулся к пулемету с гранатами в руках.

Пулеметчик тут же повернул ствол в сторону новой цели. Седой, поняв, что происходит, тоже вскочил на ноги и ломанулся в другую сторону. Я четко увидел, как Женькин бок взорвался розовым фонтаном от попадания пули. Эмвэдэшник упал на влажную землю и покатился по ней. Тут же Седой открыл шквальный огонь по гнезду. Стоящий за пулеметом «долговец» с простреленной головой опрокинулся назад, но сразу же его место занял другой боец и развернул ствол в сторону Сашки. Командир опять ласточкой прыгнул за ближайшее укрытие.

А тем временем с земли, преодолевая боль, вскочил Женька, в последнем рывке за пару прыжков добрался до гнезда и метнул в него гранаты. «Лимонки» громыхнули в ту же секунду. Не рассчитал немного Жека по времени, а может, уже и не хотел рассчитывать... и, заполучив в грудь несколько осколков, рухнул на мешки, замер. Фонтаны песка и грязи вперемишку с лоскутами одежды взметнулись вверх. Пулемет наконец-то заткнулся.

— Жека! Жека!! — заорал Седой и стал яростно палить в мельтешивших в дыму завесы «долговцев», а потом обернулся и выкрикнул в сторону выживших наших, укывшихся за зданием: — Уходите, не ждите меня!!!

Я очнулся от шока, высунулся из-за края коробов и стал так же, как и командир, безжалостно расстреливать едва проявляющиеся в тумане силуэты. Два полных рожка ушли в облако дыма и там опрокинули на землю штук пять из этих подлых тварей. Я сменил магазин и продолжил их отстрел, а в голове моей колотился и разрывал сознание адски

жгущий вопрос: «За что?!»

— Мы ушли, отступайте сами!.. — Крик Панкера донесся со стороны ворот.

— Бизон, прикрой! — Сашка побежал вдоль стены к моему укрытию.

Я припал щекой к своему «калашу» и вклинился взглядом в прорезь прицела. Бах! Бах! Бах! Мои одиночные выстрелы прицельно били по «долговцам», суесящимся в тумане дымовой завесы, и эти гады валились один за другим. Я первый раз в жизни убивал людей, но делал это с чувством праведного гнева и без капли какого-либо сомнения или сожаления. И больше чем уверен, что потом совесть меня не будет мучить за это. Эти падлы более чем заслужили моих пуль.

— Погнали! — ударил меня по плечу Седой, и мы побежали к воротам.

Но, не добежав до них нескольких метров, вынуждены были растянуться в грязи. Два «долговца» выпрыгнули из стены дыма и открыли по нам огонь.

— А вот вам, суки!!! — вдруг раздался последний крик Женьки, которого мы уже сочли мертвым, и опять громыхнули гранаты.

Даже в последний миг своей жизни Женька повел себя как настоящий мужик, как настоящий воин. Он прикрыл наши спины, напоследок захватив с собой на тот свет еще нескольких врагов.

Стрельба со стороны аванпоста смолкла, и мы выскочили наружу. Седой бежал, шатаясь на бегу, скрежетал зубами и рычал. Я бежал за ним. Панкера и остатков нашего отряда нигде не было видно, и командир отступал по той тропе, по которой мы сюда пришли. Но не успели мы удалиться и на триста метров, как с вышек по нам застрекотал автомат. Фонтаны грязи вздыбились вокруг нас, заставляя укрыться в канаве за ближайшими тополями.

Сашка загнанно дышал и молчал, вжимаясь в спасительную землю.

— А где же все наши? — попытался я нарушить гнетущее молчание.

— Это уже не важно, — красные от накативших слез глаза Сашки безумно смотрели на меня, — теперь каждый сам за себя. Доброй сказке конец! Теперь мне на все насрать! Мне нужны они! Я хочу их и достану!

Сашка взвыл раненым зверем и выпустил остатки рожка в направлении аванпоста. А стрельба оттуда лишь усилилась, на вышке уже вовсю громыхал пулемет, но бил он почему-то не точно в наши тополя, а куда-то рядом, левее. Мы глянули в ту сторону. Там, за единственной уцелевшей стенкой хатки, укрылись семь человек в таком же «немецком» камуфляже, как у Седого. Один из них, лежащий в укрытии снайпер, выстрелил по вышке. Пулеметчик, торчавший там, упал, и на ближайшие несколько минут над этим многострадальным кусочком Зоны воцарилась полная тишина. А рядом, за холмами и далекими постройками, продолжала идти война. Стрельба там не стихала ни на секунду, и ее отдаленное эхо доносилось сюда.

— Нам туда, — Сашка вскочил, поднял руки с автоматом вверх и изо всех сил рванул к бойцам, укрывшимся за стеной.

Я последовал за ним, потому как выбора особого у меня и не было. Группа бойцов, заметив расцветку Сашкиного камуфляжа, позволила нам приблизиться к их укрытию.

— Мужики, вы «Свобода»? — слету задал вопрос Сашка.

Нестройное «да, да» пробежало по бойцам, которые больше были похожи на простых пацанов в камуфляже, чем на опытных тренированных солдат.

— Хотите перемочить «долговских» ублюдков на том аванпосту? — продолжил Седой.

— Это было нашим заданием, но теперь, когда наш командир ласты склеил, — один из «свободовцев» указал на бездыханное тело, лежавшее под ногами живых и продолжавшее судорожно сжимать ручной пулемет Калашникова, — думаю, нам уже ничего не светит.

— Хрен там! Мы уже добрую половину этих козлов перебили, нажмем еще, и крышка им! — не унимался Сашка, и вдруг его голос перешел на такие нотки и интонации, что мне захотелось стать по стойке «смирно». — Бойцы, я служил в Отдельном Новороссийско-Киевском Ордена Красного Знамени Полку Президента Украины, в роте специального

назначения! Мы и не такие еще укрепления брали! И не таких еще говнюков в хлам разносили! Я в таких местах был, что вся эта Зона детским манежем покажется в сравнении! А теперь спрашиваю вас, бойцы: кто хочет со мной пойти туда и по полной вломить этим ублюдкам из «Долга»?!

Опять отряд загалдел нестройными ответами, в основном утвердительными.

— Не слышу! Хотите?!! — Седой гаркнул так, что аж в моих ушах зазвенело.

— ДА!!! — взорвался отряд дружным ответом.

У Сашки, видимо, был врожденный дар — он мог за секунды организовать разношерстных людей в единую слаженно действующую команду. И при всем при этом ни у кого даже мысли не возникало усомниться в его компетентности. Все беспрекословно признавали его командиром и подчинялись.

— Тогда слушать меня и выполнять команды четко и быстро, тогда больше никто из наших не погибнет! — Седой опять играл привычную ему роль командира и раздавал приказы. — Нас здесь девять человек, как раз на три Дудаевские тройки. Знаете, что это такое?

Из молодняка кто закачал головами, кто пожал плечами — никто не знал. Я где-то что-то подобное слышал, но сути не помнил.

— В идеале это тройка — снайпер, пулеметчик, гранатометчик, — стал объяснять Сашка и тут же начал делить нас на эти самые тройки, — но если нету РПГ, то на худой конец и подстволка сойдет, главное, чтобы каждый выполнял одну, именно ему поставленную задачу. Снайперов у нас два. Ты, боец с СВУ — лидер первой тройки. Ты, с СВД — лидер второй. Так, а ты, «Абакан» с оптикой, будешь за снайпера в моей троице. Ты, с РПГ и АКСУ — в первой тройке, а за пулеметчика у вас будет этот, с одним «калашом». Понимаю, что автомат — не пулемет, но твоей задачей будет постоянно поливать огнем в том направлении, куда движется твоя тройка. Держи еще мой «калаш», как перегреется или заклинит твой — бросай его и стреляй со второго. Ты, с «Грозой», идешь за гранатометчика с тем, у кого «эсвэдэха», ну и ты с РПК — к ним в тройку. Я возьму пулемет вашего командира. Бизон, теперь ты. А вот тебе, друг, совсем не повезло...

При этих словах у меня к горлу подкатил ком. Если сам Седой такое сказал, то ничего хорошего меня явно не ждет. Предчувствия меня не обманули. Я должен был идти по центру, впереди всех, и тащить перед собой, в качестве тактического щита, обвешанный бронежилетами труп командира отряда «Свободы». Причем никто из бывших подчиненных этого командира даже не возразил Сашке, что, мол, нельзя их боевого товарища, даже мертвого, вот так кощунственно использовать. Видимо, в Зоне годятся все методы, позволяющие выжить.

Сашка еще раздал отдельные ценные указания всем лидерам троек, определил каждому его задачу и приоритетные цели, и мы, разведя тройки на некоторое расстояние друг от друга, клином двинулись в атаку на аванпост.

Я мало что видел из происходящего. Тупо тащил перед собой здоровенную и тяжелую тушу, и, когда Седой приказывал остановиться, ставил мертвого командира на колени и, удерживая его так, пытался отдышаться до следующего рывка. Снайпер и командир в этот момент прятались за мной и вели прицельный огонь по противнику. Слаженная стрельба с нашей стороны не утихала, как и отрывистые команды Сашки. Добрый десяток раз в мой щит ударяли пули, ощутимо толкнув тело покойника, но несколько слоев бронежилетов и само тело «свободовца» оказались непробиваемы для них.

Команды Седого зачастили, мы уже приблизились к самому периметру укрепления. Слаженный залп наших гранатометчиков известил о начале штурма внутреннего двора. Но штурм как такового не случилось. Еще несколько залпов подоспевших гранатометчиков через уже знакомые раздолбанные ворота добили тех немногих, кто не успел отсюда сбежать.

Наши ворвались внутрь, и редкие одиночные выстрелы их стволов быстро пересчитали головы всех «долговских» недобитков. Я изнуренно опустил свою ношу на мешки с песком и

немного отдышался. Покойный командир «Свободы» спереди был весь изодран убийственным свинцом и жутко обезображен. Если бы не этот щит, то кто знает, может быть, все эти пули достались бы кому-нибудь из наших новых товарищей по оружию или мне лично.

Я прошел через ворота последним, окинув печальным взглядом трупы ветеринара и «спортсменки-комсомолки», оставшиеся лежать на грязных мешках. А тем временем зачистка на аванпосте «Долга» практически закончилась. Прежде чем спуститься в подземный склад, его щедро закидали гранатами. А потом туда ворвался Седой, и даже если бы там кто-то выжил, то теперь ему пришел бы однозначный капец.

Бойцы «Свободы» быстро заняли огневые позиции на вышках и воротах и уже радостно галдели, празднуя блестящую победу. Как и обещал наш командир, никто из нашего нового отряда не погиб и даже не был ранен.

А меня продолжал терзать главный вопрос: почему эта неблагодарная падла, которую мы на себе столько тащили, приказала убить нас? Что он знал, этот говнюк, чего мы не знали?

За ответом я спустился вниз и как раз успел застать Сашку, стоящего со свирепым лицом над «змеей, пригретой на груди». Этот тип лежал возле столов с каким-то оборудованием, в окружении мертвых «долговцев», и все еще был жив. Вот же действительно, говно не тонет!

— Но почему?! Почему, сука?! — Седой нависал над ним и руками, дрожащими от ненависти, ковырял тело предателя стволом своего пулемета.

А этот мерзавец в ответ харкал кровью и дико, безумно хохотал. Вдруг что-то тихо пикнуло на столе под трупом связиста, и тихий женский голос сообщил: «Data transmission complete», что означало: «передача данных завершена».

Сашка скинул со стола труп «долговца». Под связистом лежал КПК этого раненого мерзавца, и я был более чем уверен, что этот гад только что передал в свой «Центр» не что иное, как наши фотографии. Не зря же он с таким энтузиазмом устраивал нам фотосессию!

— А потому, что вы твари... — полуживой мерзавец выхватил пистолет и попытался направить его на Сашку.

Длинная пулеметная очередь командира не позволила ему ни выстрелить, ни договорить. Тело говнюка подергалось под градом пуль и замерло уже навсегда.

— Бизон, ты шаришь в этих аппаратах? — Седой взял со стола КПК, отключил от него «кишку» кабеля и протянул мне.

— Да, немного. — Я взял и бегло осмотрел аппарат. — Он требует код для доступа. Нужен хороший хакер, чтобы взломать его; не думаю, что в ближайшее время мы встретим такого.

— Ну и хрен с ним. — Командир выхватил из моих рук гаджет и смачно разбил его об стену. — Наш план, Бизон, остается в силе. Пробуем выбраться отсюда. Попросим наших новых товарищей нам в этом помочь. Так что прошвырнись по этому месту, собери себе, чего найдешь полезного, и выдвигаемся.

Я бегло окинул взглядом внутренность подземных складов. Здесь все было раскурочено и, скорее всего, из вещей мало что пригодного к использованию осталось после взрывов нескольких гранат.

— А с другой стороны, здесь все намного проще, чем дома, — вдруг произнес Седой, подумав о чем-то своем.

— Что ты имеешь в виду? — по инерции спросил я, хотя уже приблизительно сообразил, что хочет сказать командир.

— Ну, вот встретишь ты в городе последнюю мразь. И что? — Сашка явно вспоминал какой-то невеселый случай из своей жизни. — В лучшем случае ты этой падле морду набьешь. А потом может оказаться, что это сынуля депутата или уroda в погонах с немаленькими звездами. И тебе набитая морда падлы может стоять не просто многого, она тебе может стоять всего... И ты «проглотишь» это! А тут, в Зоне, наоборот, все правильно.

— Правильно? Ну, не скажи... — попробовал было я возразить, но Седой меня перебил.

— Я убедился в этом на все сто! Знаешь, где живет самое реальное правосудие из всех возможных?! — крикнул он и сверкнул глазами, пылающими гневом и огнем старой, неудовлетворенной мести. — А вот здесь!

Наш командир взметнул ствол пулемета и направил его мне прямо в лицо. Я знал, что он не выстрелит, но все равно было страшно неопишимо. Черный и бездушный глаз смерти смотрел сейчас точно в мои глаза.

— Видишь его? Мое правосудие притаилось там, на самом-самом доньшке ствола, над капсюлем и горсткой пороха, в сердечнике пули. — Седой еще несколько секунд подержал ствол перед моим лицом, потом покачал головой, опустил пулемет, развернулся и быстрым шагом ушел наверх.

Я молча проводил его взглядом и еще немного задержался здесь, пытаясь успокоить бешеный ритм своего сердца. Затем, поднявшись вверх по пандусу, прошелся по этой бойне. Горы мертвых тел остались во внутреннем дворике старого склада. Ради чего все это и зачем? Я подошел к трупам нашего проводника и, стараясь не смотреть на разможенную голову Макса, пошарил по его карманам. Вот он, его навороченный детектор. Залочен. Не соврал Поллитренко тогда, в подвале. Теперь толку от этого суперагрегата — почти никакого. Мне его не разблокировать.

Мои пальцы нащупали в кармане сталкера еще что-то. Это оказался замотанный в серую фольгу смолянисто-черный асфальтовый колобок, утыканный темными кристаллами. Именно этот артефакт Седой отдал нашему проводнику в качестве аванса. Я сунул хабар в левый карман брюк. Сам сталкер идентифицировал его как «прикольную непонятку». А вдруг эта вещь очень полезной окажется? Наверняка найдется кто-то, кто даст мне за эту штуковину денег. А уже за деньги можно будет купить все что понадобится. Так было и есть в нашем мире, и Зона не исключение.

Я еще немного побродил по двору и поднял с трупов несколько полных рожков к автомату. Что мне еще необходимо было для выживания в Зоне, я знать не мог, и просто выбрал с виду самый большой и тяжелый рюкзак. Наверняка он должен быть укомплектован соответствующим образом. Кто, как не опытный зонный вояка, знает, что необходимо для выживания в этом аномальном крае?

Сняв этот тяжеленный баул с лямками с трупа бойца «Долга», я нацепил его на себя. Еще немного пошарив по карманам и разгрузочным жилетам покойников, я нашел один незакодированный детектор. Большую часть его жидкокристаллического дисплея закрывала черная паутина подтеков. Но он еще функционировал, о чем говорили мигающие циферки и значки в уцелевшей части дисплея.

Седой в это время уже закончил сооружать братскую могилу. Он перенес тела всех наших, погибших здесь, сложил их в пулеметном гнезде и заложил их сверху мешками с песком. Несколько «свободовцев» помогли ему в этом. В вершину получившегося кургана Сашка воткнул стволом вниз тот самый проклятый пулемет «долговцев», унесший столько жизней, и ремнями прикрутил к нему «калаш», соорудив таким образом некое подобие креста.

Потом командир стал о чем-то договариваться с бойцами «Свободы», возможно, он строил какие-то планы. А меня интересовало, куда подевались наши оставшиеся спутники. Куда удрали Людмила Александровна? Куда смылись Панкер, Пилат и две оставшиеся в живых девушки? Что с ними случилось?

Подняв с земли чей-то бинокль, я вышел за периметр и стал рассматривать через оптику близлежащие окрестности. Местность была холмистой, и что-либо рассмотреть было тяжело. На глаза то и дело попадались мутанты и какие-то люди, палящие в разные стороны. Там были и «свободовцы», и «долговцы», и еще непонятные разношерстные стрелки. И все они пытались убить друг друга. А в противоположной стороне почему-то совсем никого не было, и это выглядело несколько странновато. Вот тут, чуть правее, — резня в муравейнике,

а слева — пусто, «вдоль дороги мертвые с косами стоят... и тишина».

Засмотревшись на эти унылые пейзажи, я и не заметил, как в окружающий фоновый шум вклинился свист вертолетных лопастей. Когда я понял, что дело дрянь, было уже слишком поздно. Крики Седого заглушил взрыв, огненным цветком выросший прямо по центру разгромленного аванпоста. Я успел заметить, что все бойцы «Свободы» во главе с Сашкой вылетели через противоположные ворота укрепления и растворились в ближайших зарослях кустарника. А к аванпосту уже подлетала грозная военная «вертушка». Заревел ее крупнокалиберный пулемет, и следом за ним из двух «кассет» по аванпосту ударили залпы реактивных снарядов, окончательно разнося укрепление вдребезги.

В этот момент я, подстегиваемый первобытным ужасом, сломя голову бежал прочь от этого проклятого места. И, когда я уже почти укрылся за стенами ближайших развалин, мне в плечо вдруг что-то сильно ударило, и острая боль пронзила все тело. Я прыгнул в коробку раскуроченной постройки и здесь искоса глянул на плечо.

Там красовались разлохмаченная ткань и моя кровоточащая плоть. Сделалось не просто страшно — я натурально оцепенел, впал в шок, и, видимо, поэтому не почувствовал боль в полном объеме. Пуля прошла плечо навывлет, не задев кость, но проковыряла солидную дыру в теле, из которой сейчас хлестала горячая кровь. Я растерянно пошарил по сторонам, не соображая, что мне делать... Тут же в руинах заметил труп какого-то сталкера. Я шатнулся к мертвому, сдернул его брючный ремень и крепко-крепко стянул им свое плечо. Потом достал из кармана упаковку бинта и, разорвав ее зубами, небрежно и наспех перемотал дыру в плече.

В голове царил паника. Рану нужно срочно обработать, но делать это сейчас и в этом месте было нельзя. Я выглянул через край пустого оконного проема. Там, над дымящимся аванпостом, зависла «вертушка», и по канатам в эти руины уже спускался военный десант. Еще две такие же боевые машины носились поодаль над склонами холмов и взрыхляли все окружающее пространство очередями пулеметов, реактивными снарядами, бомбами и еще черт знает чем.

И я бежал. Бежал прочь от этого месива огня, разящего свинца и враждебных людей, в которое превратилось все это пространство.

Подсознательно мое тело несло в ту сторону, где я не заметил ни одного человека. В ту сторону, за этот измятый войной холм. Тут же стал пищать мой детектор, фиксируя наличие аномалий, и дальше я уже постарался двигаться аккуратно, высматривая все аномальные зоны, которых тут оказалось превеликое множество.

Холм, взрыленный аномалиями, и жалкие остатки здания, за которыми я укрывался, остались далеко за спиной. Звуки стрельбы и свист вертолетных лопастей постепенно стихали, но я все равно шел максимально скрытно. Шел, пригнувшись к земле, от куста к кусту, от ямы к яме, короткими перебежками. Задерживался в очередном укрытии, лишь для того, чтобы слегка отдышаться и осмотреть пространство перед очередным рывком.

Навороченный детектор с разбитым дисплеем временами потрескивал, предупреждая о повышенном радиационном фоне и обо всех встреченных аномалиях, которые он способен был засечь. Впрочем, лучшим детектором все-таки оказались острый глаз и элементарная логика. Все, что выглядело хоть капельку необычно, странно, неестественно или просто не укладывалось в мое восприятие естественной физики пространства, я обходил стороной. Слава Богу, хоть мутантов на пути не повстречал. Но они-то здесь наверняка имеются. Как тот самый суслик, которого не видно — а он есть!

Сердце в груди колотило кувалдой. Левое плечо, стянутое ремнем, на части разрывало боль. И с какого-то момента это стало уже не тем фоновым ощущением, которое в состоянии шока почти не замечается. Врата ада открылись на моем плече и тянули одеяло всех мыслей и внимания на себя. В какой-то момент концентрация упала ниже допустимого предела, и я лишь чудом не влетел в аномалию. Услышал попискивание детектора и вовремя остановился, но все же задел краешек этой «ненормальности».

Хлопнула ударная волна и сильным пинком отбросила меня в сторону. Я пролетел

сквозь заросли кустов, разросшихся вокруг уродливой старой акации, и шмякнулся на землю под ствол дерева. Боль корявыми пальцами скрутила мое тело. Я выпустил «калаш», заскрежетал зубами и попытался лечь на спину. Трофейный «долговский» рюкзак помешал это сделать.

Рюкзак, аптечка, обезболивающее! Логика достучалась до моего затуманенного сознания. Пряжки-фастекс раскрылись, освобождая меня от тяжести ноши. Боль в простреленном плече моментально притухла. Черт возьми, в два раза легче стало! Как я раньше не допер его снять?! Пошарив по клапанам рюкзака, я быстро отыскал несколько квадратных аптечек оранжевого цвета. А ну-ка, глянем, что мы тут имеем...

Внутри коробочки оказалось несколько шприц-тюбиков и капсулы с таблетками. Под крышкой была бумажка с изображением содержимого и «мощной» инструкцией. Лаконичная надпись гласила: «Применять по указанию командира».

Хорошо, что хоть картинки подписаны. Глаза из всего содержимого моментально выхватили искомое. Вот оно, номер два, «Противоболевое средство». Я вколол это средство в плечо, прямо через ткань кителя. Показалось мало. Шприц-тюбик второй аптечки постигла та же участь... И спустя какое-то время боль стала отпускать.

Я осмотрел остальное содержимое аптечки. «Радиозащитное средство» — единственное, что было актуально сейчас. На всякий случай я проглотил одну таблетку этого средства, потом, подумав, принял еще две. Почему-то мелькнула мысль, что лучше заранее употребить его.

А левая рука тем временем совсем онемела и начала жить своей жизнью, игнорируя часть команд мозга. Липкая жижа из крови и грязи уже пропитала рукав кителя до локтя. Эх, только бы заражения крови не схватить. Нужно найти укромное местечко и рану обработать. Причем сделать это нужно побыстрее, иначе все это бегство — не спасение, а лишь отсрочка смерти.

Высунув голову из кустов, я бегло осмотрел пространство. Холмистая местность, деревья, кустарники, ничего примечательного. Обычная «пересеченка»... Хотя стоп! Вот оно! Практически скрытая молодой порослью, темнела грязно-серая крыша деревянного сарая. Чем не место для длительной передышки? Мне туда.

Я глянул на громадину рюкзака и понял — это чудовище останется здесь. Клапаны распахнулись, «змейки» разошлись и все содержимое ссыпалось в кучу. Кроме сменного белья, банок консервов, нескольких аптечек, упаковки бинтов и скупой кучки сугубо личных вещей бывшего хозяина в рюкзаке были только два тяжелых цинка: один вскрытый, другой — нет. Именно эти два короба и составляли практически девяносто процентов всей массы ноши. Глаза пробежали по черным надписям на темно-оливковых крышках. Сознание отфильтровало нужную информацию, выделив первые и последние цифры. «7,62... 440 шт.» Патроны?! Все это время, корчась от боли, я тащил патроны?! Да на кой хрен он с собой столько боеприпасов таскал, баран?!

Удрученный, я пнул ногой жестянки, и через щель из вскрытого цинка выпало несколько цветастых упаковок. Я отогнул крышку. Кофе, три в одном?.. Этот цинк был плотно утрамбован одноразовыми пакетиками порошка. Боец «Долга», чей рюкзак я подхватил на разгромленном аванпосте, явно был болен. Причем болезнь протекала ни где-нибудь, а прямо в его башке, бурно и с осложнениями. Неужели нет во всей Зоне вещей важнее, чем кофе и патроны?! И я тоже баран, схватил рюкзачину, что потяжелее с виду, даже не изучил, что там внутри.

Из всех трофеев я взял аптечки, бинты и две банки консервов. Распихав все это по карманам, еще раз осмотрелся. Вроде бы ничего подозрительного, но вот это как раз и настораживало.

Ох, что-то с этим местом нечисто! Нет живности, нет сталкеров, никого нет. Глаз зацепился разве что за несколько крупных аномальных образований. Корявые когтистые купола из скальной породы, деревьев и еще из черт знает чего, закрученные неведомой силой, возвышались над всем обозримым пространством.

Как их там Максик, земля ему пухом, называл? Кажется, «симбионты». Прямой угрозы вроде не видно.

Тяжко вздохнув, минуту помедлив, собираясь с силами, я сцепил зубы и побежал. Дальше.

Хочу домой.

Глава девятая ТВАРЬ ДРОЖАЩАЯ ИЛИ?

Стоило мне приблизиться к сараю, и тут же отчаянно затрещал встроенный в детектор счетчик радиоактивности. На дисплее замигало вписанное в треугольник солнышко с тремя лучами и запрыгал цифровой ряд, увеличивая свое абсолютное значение. Эта деревянная хибара «светилась», как новогодняя елка. Радиация! Ну что ж это за непруха такая?!

Я пятился назад до тех пор, пока прибор не успокоился; лишь тогда остановился и обернулся. Возвращаться назад желания не было — там натуральный «Ирак». Одному топтать дальше в неизвестном направлении — тоже невесело, но все же лучше, чем сдохнуть здесь и сейчас. Ничего, мы еще поборемся!

И я шмыгнул в заросли молодняка. Деревья и кустарник не росли здесь привычными, рукотворными рядами, а потому находить путь и пробираться сквозь эту «зеленку» было тяжело. Боль вроде окончательно утихла, но и левая рука уже практически не слушалась меня.

Ремень автомата, пристроившегося за спиной, постоянно сползал с плеча, и я перекинул его через шею. Сразу же проверил, насколько удобно и быстро у меня получится его достать из-за спины и пустить в ход, с учетом того, что я все это буду делать одной рукой. Оказалось, что доставать очень неудобно и медленно. И я даже не представлял, насколько точно можно стрелять из полноразмерного «калаша», висящего на ремне, удерживая его при этом одной рукой. То, что я подумал об этом заранее, было хорошим признаком. Все еще соображаю, а значит, шансы выжить у меня весьма велики.

Но пока автомат мешал не сильно, и выбрасывать его я не собирался. Тем более что в одном из накладных карманов штанов я тащил еще один полный «фужер» для него. Взгляд скользнул по этим карманам. Из правого торчала рукоять пистолета. Совсем забыл про него, хотя он и тяжелый, сволочь. Хорошо, что не потерял при падении. Я дернул клапан кармана, разомкнув одну из кнопок, и вытащил пистолет. С третьей попытки, зажав «кольт» между коленей, передернул затвор. Ну вот, пуля в стволе, курок взведен. Дальше все операции можно выполнять и одной рукой. Большим пальцем я поднял предохранитель вверх и вернул пистолет на место, в карман. Курок остался на боевом взводе. Как говорил Седой, «Cocked and locked». Поехали дальше.

Несколько километров я прошагал по этому лесу, но пока самое опасное, что мне встречалось, — это зоны повышенной радиации. Не знал я, сколько отхватил рентген там, у сарая, как и не имел понятия, в каких случаях и сколько нужно принимать этого волшебного радиозащитного средства из аптечек. Ё-мое, хоть бы инструкцию по дозировке какую-нибудь вложили!

Я вытащил из кармана и открыл оранжевую коробочку начатой аптечки. На глаза еще раз попала раздражающая надпись: «Применять по указанию командира». Где же его взять, этого командира?! Открыв зубами колпачок одной из красных капсул средства, я высыпал таблетки в рот. А ну его! Содержимое второй капсулы отправилось туда же. Логика подсказывала, что в одной аптечке не может быть доза препарата, которой можно отравиться. Я снял с пояса флягу и сделал несколько больших глотков. «Колеса» бодро укатились по пищеводу в желудок.

Хотелось присосаться к сосуду с живительной влагой и выпить большую часть содержимого. А нельзя! Рану промыть нечем будет. Фляга вернулась на свое место, и я побрел дальше. В пути еще несколько раз тихо пикнул детектор, показывая символы,

незнакомые мне. Радовало только одно — это была не повышенная радиация, которую нельзя увидеть. И, не ощутив никаких странных воздействий на свое тело, не разглядев вокруг ничего подозрительного, я шел дальше. В голове немного шумело, а в ушах летало эхо каких-то голосов, но думаю, что это было побочное действие обезболивающего средства или таблеток.

Через некоторое время молодой лес закончился. Дальше широко раскинулось открытое пространство с солидным комплексом зданий, а за ним уже красовался густой и взрослый сосновый лес. Я лег на землю и дополз до небольшого холмика, поросшего высокой травой. Первого же беглого взгляда хватило, чтобы понять: некогда все это скопление было животноводческой фермой. Возле длинного стойла, крыша которого практически обрушилась, было еще несколько кирпичных строений разных размеров, пребывающих в таком же плачевном состоянии.

Совсем рядом я заметил валявшийся на земле бетонный столбик с облупившимся дорожным знаком. На голубом прямоугольнике едва различалось изображение автобуса. В паре метров от него, над мелкими камнями бетонной крошки, размывая пространство, пульсировала крупная гравитационная аномалия. Когда-то здесь была остановка. Однако никаких признаков дороги я не заметил — сорвавшаяся с цепи природа уже полностью поглотила ее. Та же судьба ждет и эти частично обрушившиеся постройки.

Контрастные рыжие кирпичи зданий проявлялись на фоне осыпавшейся штукатурки. Кривые бетонные столбики обозначали некогда огражденное пространство фермы. Все мертво и заброшено. Ни единого движения в поле зрения.

Я достал «кольт», встал на ноги и быстро пересек пространство, отделяющее стойло от молодого леса. Вбежав внутрь длинного помещения, выпучив глаза и панически размахивая пистолетом из стороны в сторону, я лихорадочно осмотрелся по сторонам. Пустые ясли, прогнившие деревянные опоры и балки, навалы битого шифера. Пусто, никого. Интересно, что случилось со всеми этими животными, что были здесь брошены в тот злополучный день, когда рванул реактор?

Туман в голове мешал соображать, но я все же понял, что в таком помещении оставаться опасно. Слишком много здесь «дыр», из которых в любой момент может вылезать всякая нечисть, и укрыться от уродов просто негде будет. Нужно идти вон к тем кирпичным зданиям. Когда я перебежал сюда, на крыше одного из них приметил круглое чердачное окошко.

— Чердак! — слово непроизвольно сорвалось с моих губ.

Лучшего укрытия на данный момент не найти и не придумать. Сказано — сделано. Шустрой мышкой я прошмыгнул по развалинам, и по скрипучей ржавой лестнице поднялся в это укрытие. Пространство между потолком и крышей оказалось просторным, прямо целый ангар, а не чердак. Тут я и занялся своей раной. Срезал рукав кителя и водолазки, аккуратно промыл дыру, плотно перебинтовал все плечо и на всякий случай вколол еще одно обезболивающее.

Закончив процедуру, я сел на перекрытие и прислонился спиной к бугристой кирпичной трубе. И что же дальше?

— А дальше — старость, пенсия и могила, если твой гребаный завод не развалится еще до того! — Вдруг прямо передо мной появилась моя мама собственной персоной.

Плод моего воображения или глюк, вызванный действием лекарств, она стояла, одетая в свой выпцветший домашний халат, опираясь на свою замызганную, исцарапанную палочку, и грозно махала мне своим костлявым кулачком.

— А если сольют предприятие какому-нибудь козлу-депутату, так и в безработные сразу пойдешь! Кому ты нужен в нашей стране, инженер-подводник?! А вот сдохну я, так ты вообще засрешься по самые уши и в четырех стенах в одиночестве ласты склеишь. От цирроза печени склеишь! Сколько я тебе говорила, чтобы за ум взялся да завел себе бабу толковую! Она бы тебя вычухала! Хотя кто уже на тебя такого клюнет?

— Вот только твоих лекций мне здесь и не хватало! Давай не будем, мам, —

огрызнулся я, позабыв, что это зрелище и эта нотация мне наверняка мерещатся, — или ты не понимаешь, что я только ради тебя и пытаюсь выжить тут?! Не будет меня, долго ты на свою пенсию проживешь? Кто тебе с лекарствами поможет, кто тебе стакан воды принесет, когда здоровья совсем мало станет? А хоронить тебя кто будет — Саша Пушкин?!

Где-то глубоко внутри искорка незатуманенного снадобьями разума кричала, что это все нереальное, но крик этот был не громче, чем стон заживо похороненного глубоко под землей. Образ моей матери скорчил гневную гримасу и исчез.

— Куда же ты?! Вот сейчас пушу себе пулю в голову, — я приставил «кольт» к виску, — и пошло все на!..

— Давай-давай, туда тебе и дорога, тряпка, — из темного угла памяти выбралась и стала предо мной Светка, моя студенческая любовь. — Жил как ничтожество и сдохнешь так же. Говорили мне подружки, что и не мужик ты вовсе! Правы были, сучки. Дура я, что два года на тебя угробила! Никакого толку от тебя не было никогда, и не будет. Вон, на гитаре неплохо играл, и то забросил. Что ты вообще умеешь, что ты можешь, кроме того, что бухать? Ну да, ты же у нас с красным дипломом институт закончил! Ура! И что? Гордишься этим прямоугольником с буквами, который в туалете напротив унитаза повесил?!

— Ах ты коза! — старая незаживающая язва плюнула гноем. — Да только ты и виновата, что я сразу после учебы пошел на этот гнилой завод, а не уехал на север вместе со своим корешем! Он сейчас по забугряндиям ездит, и как специалист мирового уровня мегалавандос косит! А я говорил тебе — поехали, поехали! Так нет же, холодно там, видите ли, и деньги ей срочно понадобилось, вынь да положь. На пожениться — дай, на отдельную от мамы квартиру — дай! Я как лошадь пахал целый год, отказывал себе во всем, и что? А ты решила свою промежность подороже продать! И продала! Ну, как там твой Коля-чинуша, все сидит за взятки? А ты после конфискации имущества так с голой задницей палец и сосешь до сих пор. Хорошо если свой палец! Даже детей не завела, сука!

Глюк Светки не нашел что сказать в ответ, злобно скривился и молча растаял в воздухе, но старая боль уже всплыла из погребца памяти и кольнула глаза едкой слезой.

— Ш-ш-ш, тише, — у чердачного окошка стоял на одном колене мой покойный отец и указывал куда-то вниз, — подь сюды, только под ноги смотри, не задень ничего.

Легкая дрожь пробежала по моему телу, и я безоговорочно подчинился. Тихонечко подкрался к окошку, опустился на колени и выглянул наружу, в том направлении, куда смотрел родитель. Там, внизу, между стойлом и лесом, резвились две здоровенные твари. Издали они чем-то напоминали львов, и повадками, и внешним видом. Но когда они приблизились, я от страха вжался в пол. Два уродливых, страшных мутанта с почти треугольными мордами, игриво прыгая, проскакали по пустующей ферме и исчезли в зарослях молодняка, из которых я недавно вышел. Возможно, мне показалось, но я готов поклясться, что видел у одной из этих жутких тварей вторую голову меньшего размера, растущую рядом с первой.

— Что это было, папа?.. — невольно я перешел на шепот. Будто этот скачущий мутный кошмар мог вернуться, расслышав громко произнесенные слова.

— Ты же сам все видел. Или тебе, Костик, как прохфессору, нужно конкретное название этих хищников знать, чтобы в методичку вписать?

Отец улыбнулся. Такой знакомой улыбкой...

— Специалист я, папа, мозг сушить на профессора — это уже слишком. — Я немного расслабился, совершенно позабыв, что разговариваю с призраком.

— Ни боись, прорвемся, сынок. А что дальше делать, давай вместе подумаем. — Отец кивнул и указал взглядом куда-то наружу. — А ну, глянь туда, что видишь?

Я прищурился, наводя резкость, и заметил тонкую, едва заметную струйку дыма, поднимавшуюся над лесом.

— Дым. Горит там что-то, — констатировал я факт.

— Если бы что-то просто горело-пожарило, то был бы широкий шлейф над лесом и скорее черный. — Отец подмигнул мне. — Ты глянь, какой аккуратный столбик, и белый он.

Это дым из трубы, я полагаю.

— И точно, — я присмотрелся и радостно закивал, — если здесь живут люди, значит, они приспособились ко всему этому безумию и, наверное, смогут мне помочь. А может быть, там укрепленная база, в самом центре Зоны. Тогда они наверняка имеют вертолетное сообщение с «большой землей». Можно попробовать.

— Не можно, сын, а нужно. — Отец потрепал мою шевелюру и исчез.

— Спасибо, папа. — Я поднялся и встал на ноги.

Разгорелась сильнее искорка разума, что оставалась незатуманенной, и вдруг мне стало ужасно горько от осознания того, что любимый человек, с которым только что говорил, на самом деле был лишь моим видением... Но то, что приключилось дальше, вообще оказалось похожим на белую горячку!

Я уже продвигался между стройных хвойных рядов, а это было значительно легче, чем процарапываться через молодняк. Свечки сосен росли плотно друг к другу и потому тянулись к небу наперегонки, в борьбе за солнечный свет. Густые кроны раскинулись высоко-высоко над головой. А навалы сухих веток под ногами — это вам не плетеная изгородь из живых. Эти естественные препятствия не усложняли жизнь, куда хуже было с неестественными.

Островки с повышенным радиационным фоном и зонные аномалии я уже воспринимал как должное. В конце концов, аномалия или радиоактивная коряга не подскочит и не побежит за тобой. А вот живность, что здесь резвилась вовсю, — реальная угроза. Звук в тишине леса распространялся хорошо и предупреждал меня заранее о местонахождении мутантов. Я, стараясь не делать резких движений и не шуметь, практически на цыпочках обходил невиданных зверей стороной.

Здесь мутанты грызли мутантов, гоняли мутантов и с мутантами резвились да спаривались. Вот только что я на карачках обогнул полянку, на которой стая псевдособак рвала на куски нескольких кабанов. Визг и грозный рык разлетались по всему лесу, распугивая остальных обитателей. Мимо пробежали две мутированных свиньи, их здесь зовут «плоть», насколько я успел узнать. Одна из них искоса зыркнула на меня одним уродливым глазом и унесла свое асимметричное тело куда подальше, прочь от поляны. Я последовал их примеру. Некоторое время следовал за этими мутированными свиньями по пятам. Туши, бегущие впереди, были хорошими детекторами аномальных зон.

И все это время рядом со мной бежали, ползли и вприпрыжку скакали люди из той спокойной жизни в нормальном мире. Глюки вели себя вполне естественно, непринужденно, и проговаривали привычные слова, те, что я слышал от них не один раз. Но сейчас все их шутки, приколы и фразы казались мне лишь колкими издевками и плевками пренебрежения в мою сторону. А может, все их высказывания и интонации были изначально пропитаны презрением ко мне? Просто я отказывался это понимать в той реальности... Интересно, что такое реальность вообще? Что такое реальность в принципе?

Лес резко закончился, и я лег на землю, чтобы осмотреться, примостившись за сосной, растущей с самого края. Уродливые хрюшки поскакали дальше по пологому склону и исчезли в желтовато-зеленоватом тумане здешнего болота. Я лежал на возвышенности, и потому смог хорошо осмотреть эту лысину на густой шевелюре леса. Очень большой фрагмент пространства пустовал. Песчаные холмы, небольшой карьер с ржавой техникой, булькающая жижа болота и клубы испарений.

— Шо ты все высматриваешь? Ничего там нет, — рядышком нарисовался дядя Петя, сторож. — Идем лучше в мою сторожку, денатурата бахнем, поговорим по душам. Я вон картошечку на сале уже нажарил.

Слюна потекла потоками при воспоминании о той шикарной закуске, что обычно готовил сторож нашего завода.

— Дядь Петь, давай не сейчас. — Это был первый человек из моих глюков, которому я был рад, и потому ответил ему. — Ты мужик хороший, и я к тебе заскочу обязательно, но мне сначала нужно выбраться живым из всего этого... дурдома на прогулке.

— Ну, как хош, Костик. Эх, скучно без тебя, дурачок. — Видение сторожа растворилось.

Я попытался разглядеть над лесом ту самую струйку дыма, на которую шел. Вот она, мой ориентир, белеет на фоне чернеющего неба... Гроза, что ли, приближается?

Грянул гром, дав четкий ответ на мой вопрос. Все вокруг потемнело в считанные секунды. Сложилось впечатление, что это пришла ночь, только вот неестественно быстро. Примерно запомнив направление, в котором необходимо двигаться, я стиснул зубы и упрямо отправился дальше.

Крался я по границе леса. Медленно продвигался, все больше прислушивался к звукам детектора, нежели на свое зрение надеялся. Темно кругом, и лишь частые вспышки разрядов молний освещали пространство. Довелось мне как-то возвращаться ночью через старое деревенское кладбище, когда из осветительных приборов включены только звезды и луна. И я тогда, наивный, свято поверил, что ничего страшнее в жизни не бывает...

Граница леса пролежала в нужном направлении недолго. Через пару сотен метров она резко вильнула вбок. Дальше путь лежал через открытое пространство. Впереди по курсу, подсвеченные молниями, чернели зловещие нагромождения ржавого железа. Некогда это были танки, бронетранспортеры и военные вертолеты. Здесь их было примерно столько, как на шахматной доске фигур в начале игры. Я сильнее сжал рукоять «кольта» и движением большого пальца снял пистолет с предохранителя.

Ну что ж, другого пути у меня просто нет. Была не была, поехали!

Спустившись по склону, я добежал до первого остова боевой машины. Внутри корпуса вертолета был кто-то живой. Еле слышное, монотонное и хриплое рычание доносилось сквозь прогнившую обшивку. Выяснить, кто издает эти звуки, ни малейшего желания не было, само собой. Я перебежал к следующему ржавому корпусу. Тут вроде бы никого... Прокравшись вдоль корпуса танка, я присел и выглянул из-за его рваных гусениц.

Очередная небесная вспышка высветила что-то похожее на землянку, шагах в двадцати от меня. Подобные землянки-блиндажи наше поколение помнит лишь по старым фильмам о Великой Отечественной войне. Нестерпимо, настолько сильно захотелось укрыться в ней и переждать дождь, что я, не раздумывая, припустил к этому убежищу.

— Мужик, иди отсюда! — вдруг возник в моей голове чей-то суровый и незнакомый голос.

Да не вопрос! Я резко развернулся и побежал прочь от землянки, к следующей горе железа. Почему-то мне показалось, что голос был реальным, а не одним из тех глюков, которые даже сейчас топали рядом со мной.

— Классно идем, сейчас выскочим им в спину и точно наморщим. — Рядом, меся бercaми грязь, экипированный в пейнтбольное снаряжение, бежал мой кореш. Тот, что из богатеньких ботанов.

— Кого «их»? — не удержавшись, спросил я у глюка.

— А вон тех военных. Видишь? — Глюк ботана ткнул пальцем куда-то вперед, по ходу нашего продвижения.

— Бляха-муха!

Я незамедлительно упал лицом в грязь.

И действительно, буквально в нескольких десятках шагов от меня патрулировали территорию трое военных. То, что они были именно военными, я понял по их шлемам, бронекостюмам и оружию — по всему, что успел запечатлеть в глазах в ту секунду, когда моргнула светом очередная молния. Значит, все-таки здесь военная база. Что же делать? Поднять руки и сдаться на милость вояк? А вдруг подумают, что я монстр, и пристрелят, чтобы не заморачиваться? Те, которых мы встретили в Припяти, хотели нас грохнуть просто так, чтобы не заморачиваться... Но вдруг эти — другие?

— Эй, не дрейфь, я справа зайду и отвлеку их на себя, а ты им в спину шарахнешь. И они наши! Хватай трофеи и кайфуй с победы. — Кореш растянулся в грязи рядом со мной и озорным взглядом осматривал грозные фигуры военных.

— Грамотный? Ты себе испаришься, а мне пуля гостинцем достанется. Чтоб тебе... за советы такие, — я шепотом обругал «напарника».

— Ну, я пошел, если что, то встретимся на «мертвяке», — ботан вскочил и убежал.

Это убогое создание, с которым я дружил только из-за того, что он брал на себя все расходы, когда мы вместе с ним чудили, неуклюже запетляло в сторону вояк. Пацан зачем-то несколько раз кувыркнулся в грязи и исчез. А мне что делать? Кувыркайся хоть до посинения, мне, живому, фиг это поможет...

«Хорошая» идея возникла вдруг. Нужно подкрасться незаметно к одному из них, взять в заложники, а потом сдать... Ну и бред! Взять военного в заложники, когда рядом еще два таких же тяжеловооруженных рыла? Это все употребленные лекарства, это они безбожно раскачивают мою крышу. Но первая и последняя части плана мне показались вполне логичными. Подойду совсем близко, спрячусь за танком, поговорю с ними из укрытия и сдамся, если стрелять не начнут. В конце концов, я же гражданский, обычный человек, не сталкер какой-нибудь! С чего бы это им меня убивать?

На присядках я прокрался почти вплотную к одному из вояк. Или я оказался в достаточной мере удачлив, или военные были уставшими и невнимательными, но у меня вполне получилось остаться незамеченным. Я поставил «кольт» на предохранитель, вернул его в карман штанов и, одной рукой подняв другую вверх, осторожно высунулся из-за корпуса боевой машины.

— Эй, мужики, не стреляйте, я гражданский, мне помощь нужна! — крикнул я военным.

Двое тех, что стояли дальше от меня, никак не отреагировали. В голове мелькнула очень нехорошая мысль. Тот, что стоял ближе, обернулся. Вспыхнула молния. О Гос-с-споди!

На меня в упор сейчас уставился самый настоящий персонаж фильма «Зловещие мертвецы». Мутные глаза засекли источник звука и остановились на мне. Гнилая плоть на его... хм, лице висела лоскутами, губы отсутствовали, а потому были отлично видны два ряда кривых зубов. Зомби что-то промычал и медленно направил ствол автомата в мою сторону. Я резво бухнулся на колени, пытаюсь максимально быстро укрыться за ржавым корпусом бывшей военной машины.

Когда началась стрельба, я прополз вдоль ржавого корпуса к противоположному его краю и выглянул из-за танка. «Кольт» каким-то волшебным образом уже сам очутился в моей руке. Два остальных андэда⁹ обернулись на звуки стрельбы и уже ковыляли в мою сторону, отрезая путь к отступлению. Нужно прорываться вперед, через этого первого... Я несколько раз быстро вдохнул-выдохнул, набрал полные легкие воздуха и затаил дыхание.

Автомат того зомби, что стоял рядом, за разделяющим нас танком, на несколько секунд смолк. Оттолкнувшись от гусеницы ногой, я подпрыгнул вверх. За те пару секунд, что занял бросок над бронированным корпусом, я успел сделать три выстрела. Стрелял почти в упор, и потому одна из пуль четко легла промеж гляделок этого уродца. Из фильмов-ужастиков я помнил, что живых мертвецов нужно убивать только в мозг.

Голова зомби резко дернулась, брызнул фонтан содержимого его черепа. Тело солдата, прокрутившись вокруг вертикальной оси, сложилось пополам. Автомат, зажатый в его правой руке, крутанулся вместе с ним, и полил пространство последней очередью, вызванной предсмертными судорогами. В этот момент я уже мчался прочь от танка к бронетранспортеру, неестественно торчащему из земли передом кабины вверх. За спиной трещали автоматные очереди двух оставшихся зомби, но их залпы были явно не прицельными. Зрение нормального человека в этом мраке едва сможет отличить корягу или торчащую из земли железяку от живого существа. А что смогут различить эти создания, полуживые или полумертвые, хрен их разберешь...

⁹ Андэд (от *англ. undead*) — живой мертвец, неупокоенный, нежить.

Транспортер пришлось обходить стороной, та ямина, из которой он торчал, была похожа на кратер метеорита. Плюс ко всему она еще была испещрена зловещими разломами, внутри которых, казалось, плескалась магма. Я пробежал мимо, от греха подальше.

— Классно ты его! — рядом опять появился товарищ по пейнтбольной команде. — Давай еще кого-нибудь замочим! Ну, давай, ведь прикольно же было!

Я бежал, уже не обращая на него внимания. По идее, моя цель была уже совсем близка. Дым тянулся к небу примерно за теми высоченными деревьями, что метров на десять возвышались над всем остальным лесом. Что ж это за елки-сосны, огромные такие? Это кедры, вдруг мелькнуло в сознании.

Пробегая мимо очередного остова машины, в свете молнии я заметил два розовых пятна, прыгающих вверх-вниз. На секунду показалось, что там какая-то парочка прямо в грязи занимается любовью. Бр-р-р, бред какой! Я потопал дальше.

— Эй, погоди, я сейчас! — очень знакомый голос донесся с той стороны, где мне причудились подпрыгивающие «булки».

Я обалдел и невольно остановился как вкопанный. Кореш-глюк тоже синхронно остановился.

— Андрюха, ты?!

Голос принадлежал другому моему корешу, заядлому бабнику, который иногда выделял мне гуманитарную помощь в виде одной из своих телок, которую «не жалко». На его фоне я всегда был простачком и замухрышкой. Все-все симпатичные девушки, с которыми мы знакомились в разных местах, доставались ему. Даже та рыжая Ирка, которая на меня глаз положила и с которой у нас почти любовь случилась. И случилась бы, если бы не этот козел. Я с ним тогда вдрызг разругался, и уже больше года не видел его и видеть не желал.

— О-о-о, хорошо-то как, — обнаженный плод моего воображения, прошлепав по грязи, приблизился ко мне. — Во-от где ты шляешься, засранец. Есть дело, меня эта рыжая за тебя спрашивала. Как ты относишься к сексу втроем?

— Да пошел ты, гад! — я взметнул «кольт», направляя ствол ему в голову.

— Но-но-но, ты это, не кипятись! Что, еще злишься за последний раз? Та брось ты! Даже если бы вы снюхались и вместе за ручку ходили, она бы тебе все равно рога наставила. Я бы постарался, — физиономия Андрюхи растянулась в туповатой улыбочке.

— Ну, все! Сам напросился! — гнев вскипел во мне и окончательно сорвал крышу, и без того угрожающе раскачанную.

Я выстрелил в этого морального урода, которого раньше считал лучшим другом. Но эта проворная сволочь ловко увернулась, и пуля клюнула грязь, бесследно исчезла в размокшей почве.

— Гы-гы, промазал! Лузер, и к тому же косой. Вон и водишься с лузерами! — выкрикнул Андрюха и заржал, как конь.

Бывший кореш стал убегать, петляя между ржавыми остовами. В свете молний, как две автомобильные фары, светились оба его полупопия.

— Это кого он лузером назвал, меня, что ли? — подал голос второй мой попутный глюк и вскинул пейнтбольное ружье. — Этого по-любому нужно догнать и наморщить!

— По-любому!

Сорванная крыша так и не вернулась на свое место, и я, поддавшись яростному порыву, сорвался с места и со всех оставшихся сил рванул за голым телом.

— Ха-ха-ха, не догонишь! — орала мне через плечо мерзкая галлюцинация.

— Вот тебе! — Я еще раз пальнул в убегающего и тут же отдал команду второму глюку: — Заходи слева и отстрели ему то, чем он жизнь меряет!

— Affirmative! — утвердительно заорав, «напарник» кинулся исполнять приказ.

А я гнал дальше того гадского кобелину. Вот он, выскочил в двадцати метрах от меня из канавы и перебежал за ветвистую корягу. Присел, думает, я его не увидел. Сейчас зайду ему со спины и отстрелю его хозяйство в упор! Посмотрим, как он запоеет, когда лишится

единственного смысла своей поганой жизни! Я подкрался почти вплотную, вскарабкался на прогнивший армейский грузовик и прыгнул сверху на ненавистного экс-кореша.

Последовала вспышка света, и, вопреки своим ожиданиям, я приземлился на ноги в совсем другом месте. Тут же из-за соседнего холмика появилась довольная физиономия Андрюхи.

— Шо, плющит, да? Смирись, убогий, куда тебе до меня? Мой пистолет больше твоего! — Глюк исполнил характерное движение, потрусив своими гениталиями.

В ответ я выстрелил и побежал на него. Опять вспышка и опять. Еще несколько раз мелькнула эта мерзкая физиономия. Последний раз мне показалось, что вместо лица у него на шее была задница. И эта задница смеялась надо мной. Мерзкий смех бывшего лучшего друга заполнил все пространство. А я все метался по болоту между холмов, коряг и погибшей техники. И каждая глючная вспышка света кидала меня в какое-то новое место. Несколько раз передо мной вставали стройные ряды соснового леса, а потом очередная вспышка опять меня бросала на это болото. Голова уже совсем опухла от этой круговерти, соображалка отключилась. А тем временем к ненавистному глюку добавились еще призраки из моей жизни, те, что приходили раньше. И все как один смеялись надо мной и тыкали трясущимися пальцами в мою сторону.

А я все бежал, бежал, прыгал, падал, пока не очутился на каком-то большом холме, на вершине которого красовался упавший вертолет. Вокруг остатков летающей боевой машины собрались все те из моих друзей, знакомых и подруг, кого я уже возненавидел лютой ненавистью. Они стояли в ряд и дружно хохотали. Волна ярости захлестнула меня полностью, утопила в своей жгучей глубине. В душе, брызнув кровью, лопнули сразу несколько нитей, связывающих меня с прошлой жизнью. Ненавижу!!!

Я заорал и опрометью взбежал вверх по раскисшему склону холма. Пистолет выплевывал пулю за пулей, но все они беспрепятственно пролетали сквозь эти фигуры, не причиняя им ни малейшего вреда. Последний раз дернулся затвор и застыл, отведенный назад. В этот момент я оказался на самой вершине холма в окружении толпы галлюцинаций. Попытки разбить им головы опустевшим «кольцом» желаемого эффекта не приносили. От моих жалких потуг призраки только еще больше веселились. Они смеялись, не умолкая, и толкали меня в спину, кто руками, кто ногами.

«Калаш»! Я вдруг вспомнил про автомат, болтающийся за моей спиной. Громохання и вспышки выстрелов моментально рассеяли все это сборище уродов.

— Где же вы?! Тру сы! Выходите, суки!!

Я орал и вращал головой, пытаюсь найти хоть одну из тех мерзких физиономий, в которую хотел спустить весь остаток патронов.

Из-за корпуса вертолета появилась худощавая фигура человека, ползущего на четвереньках. Похоже, что мой пейнтбольный напарничек от настоящей, не бутафорской стрельбы в штаны наложил.

— Видал, как я их?! — крикнул я ему и лихо примостил «калаш» на плече. — Поднимайся, больше стрелять не буду. И сними с себя этот дурацкий противогаз! Он тебе не идет.

В ответ кореш зарычал, как дикий зверь... Вспышка молнии высветила его лицо. Что это за хрень?! Тварь, проскакав на четырех конечностях несколько метров, прыгнула на меня. Я едва успел увернуться.

«Калаш» прыгал в моей руке, изрыгая смертоносный свинец. Фонтаны грязи вздымались вокруг этого зверя-человека в противогазе. Несколько пуль попали ему по ногам, от чего тварь несколько убавила прыть. Но это не помешало ее сделать еще один прыжок. Я отшатнулся и прикрылся автоматом.

Удар был скользким. Мое оружие улетело в жирную грязь. Я едва устоял на ногах, но устоял, развернулся и побежал прочь, так быстро, как только мне позволяла эта жижа под ногами. Жуткая тварь бежала за мной, ее звериный рык подстегивал меня, как безжалостный кнут перепуганную лошадь. До уха долетел какой-то противный звук, и я с большим

опозданием понял, что это — предупреждающий сигнал детектора!

Что-то очень сильно бахнуло, шваркнуло, и я полетел... Небо в молниях под ногами, перевернутое пространство, коряги, холмы, кусты — все смешалось в бешеной круговерти, которую завершил еще один сильный удар. Сознание мерцало, как старая лампа при перепадах напряжения, воспринимая последние визуальные картинки.

Грязь, болото, испарения. Льет дождь, в глазах все плывет. Тварь в противогазе приближается. Тело абсолютно не слушается. Еще немного и все — конец. Сознание тухнет... Вдруг чудовище резко останавливается, замирает, смотрит куда-то в сторону и испуганно убегает прочь.

Глаза мои закрылись. Всепоглощающая тьма сглотнула сознание, но напоследок в ней высверкнули слабые огоньки последних мыслей. Что могло напугать эту мрачную тварь? Наверное, только тварь еще более мрачная. Но этого я уже никогда не узнаю.

Мозг окончательно выдернул шнур из розетки восприятия мира и выключился.

Глава десятая ОСТРОВ ДВЕНАДЦАТИ КЕДРОВ

Сначала пришла боль, но не физическая. Мощный удар света, нанесенный прямо в голову, вынудил зажмуриться мой разум, мое еще не заработавшее, но уже подключившееся к миру сознание. Тело конвульсивно дернулось и наполнилось жизнью. Наконец включились все каналы чувств, воспринимая поток ощущений. Причем большую часть «струй», составлявших этот поток, как несущие что-то приятное — было не определить, ни в каком случае.

Хорошо и приятно было только дышать, просто дышать и понимать, что жив. Еще необычайная легкость ощущалась в ступнях — они отдыхали. А вот все мышцы скрутила в узел крепатура,¹⁰ и голова болела, как с жестокого похмелья. Глаза были закрыты, но странные белые пятна постоянно вспухали перед ними. В голове еще ухало звонкое эхо издевательского, ехидного смеха бывших друзей и подруг.

Страшно чесалась вся левая рука, но эпицентр этого зуда был сверху, на плече. Правая рука рефлекторно потянулась туда. Кисть наткнулась на какое-то твердое препятствие. Тут же окончательно вернулась память, впрыснув мне в кровь изрядную дозу адреналина.

Зона, рана, человек-зверь, оружие посеял, е-мое! Все болевые ощущения мгновенно сместились на задний план. Я вскочил с неожиданной даже для себя прытью и сжался в комок. Где я?! Глаза мгновенно ощупали пространство.

Вокруг никого. Я сидел на корточках, прямо на длинном и широком столе-верстаке, в каком-то погребе. Нехитрые, сбитые из досок полки с разного рода инструментами и припасами, разложенными на них, полностью закрывали все стены. Несколько ящиков со всяким хламом примостились внизу, на грунтовом полу конуры. Единственная железная дверь в этой камерке была распахнута настежь. Вымощенные камнями ступеньки вели круто вверх. Оружия, кроме ржавого молотка и гвоздодера, глаза не отыскиали. Рядом стояла керосиновая лампа, но не она сейчас освещала мастерскую.

Взгляд переключился с периферии на верстак и непосредственно на мое тело. На серых шершавых досках вокруг меня лежали странные загадочные образования. Свет шел именно от них. «Артефакты!» — мелькнула в голове догадка. Они даже не лежали, а парили над поверхностью верстака, как будто в невесомости. Рядом с собой я заметил какой-то перемотанный синей изолентой прибор. Повинуясь первой же естественной реакции, я смел все эти странные и неестественные штуковины на пол. Они, паря над землей, плавно

¹⁰ Крепатура (забитость) — боли в мышцах, вызванные накоплением в них токсинов (молочной кислоты), которые могут вырабатываться при физической нагрузке. Обычно поводом к ее появлению служит непривычно большая для организма мышечная активность.

разлетелись по углам комнаты.

Каждая из этих фиговин светилась и пульсировала своим цветом, отчего мастерская стала похожа на нарядную новогоднюю елку, мигающую лампами гирлянд. Самыми яркими среди артефактов были две сферы — красная и голубая. Некоторые образования вообще не поддавались описанию. Большинство из тех, что здесь были, смахивали на причудливые плетения корней деревьев, пульсирующие желто-коричневым цветом. Один такой артефакт был стянут изолентой в пару вместе со странным «морским ежом», этакой чертовщиной с желтыми колючками и зеленой сердцевинкой. Под ними явно было еще какое-то образование. Рассмотреть его не позволяли те, что были сверху, и ленты бинта, которыми все это нагромождение было плотно примотано к моему плечу. Именно на эту несусветную вязанку и наткнулась моя рука, когда потянулась к зудящему месту.

Недолго думая, я освободился от нее. Помог мне в этом скальпель, лежащий в серебристой коробочке прямо на столе. И только тогда, когда я увидел свою рану, понял, что кто-то всем этим пытался мне помочь. Плечо было целым-целехонько, а на месте пулевого ранения остался едва заметный розоватый шрам, стянутый стежками черных ниток. Вот только почему всю мою руку так зверски раздражает чесотка?

Из одежды на мне были только штаны. Расшнурованные ботинки стояли сейчас внизу, у стола, именно поэтому ногам было настолько комфортно. Я не снимал берцы с того самого утра, когда, ничего не подозревая, радостный отправился на завод в свой день рождения. Окровавленные и перепачканные грязью лоскуты ткани валялись под столом. Это все, что осталось от моего кителя и водолазки; неизвестный лекарь срезал все, чтобы не тревожить рану... или раны? В голове колыхнулись воспоминания.

Кем бы ни был мой спаситель, но зла он мне явно не желал. Я несколько расслабился, прыгнул со стола и неуверенно отправился к выходу. Надевать ботинки сейчас совсем не хотелось, я наспех связал их шнурки вместе, чтобы удобно было нести обувь в руках. Погуляю пока босиком, не думаю, что успею простудиться. До ушей долетели далекие раскаты грома, а следом за ними и шум дождя. Я схватил лежавшую на полке плащ-накидку, завернулся в нее и осторожно двинулся вверх по ступенькам.

Моросил дождь, тихо постукивал по накидке. Я всеми легкими вдохнул прохладный чистый воздух. Было невыразимо хорошо и как-то... сверхъестественно спокойно. Чувство тревоги, с которым я не расставался все это время в Зоне, почему-то совершенно покинуло меня. Небо оказалось затянутым серыми тучами.

Вечереет, но еще светло. Мутный диск солнца едва просматривается над верхушками деревьев. Холмистое пространство, покрытое кустарником и сухой травой, казалось, ограждала своеобразная живая изгородь. Это были огромные стройные кедры. Они росли по периметру большой круглой поляны посреди леса. Почти на самой границе этой поляны на холме лежал тот самый вертолет, у которого я вчера устроил стрельбу. А я сам сейчас стоял в центре всего этого пространства, у обычного деревенского погреба. Рядом примостился небольшой старый домик.

Крыша хатки была крыта бледно-рыжей черепицей, из трубы тянулась вверх тонкая струйка дыма. Веранда, кривой забор, калитка, старый колодец, заготовленные на дрова стволы деревьев, колотые поленья под навесом, покосившаяся беседка, под ней — простенькие лавочки со столиком. Пейзаж из обычной жизни. Нездешний, не из Зоны...

Тут же где-то за спиной вспыхнула и зашипела «жарка», очень своевременно напоминая мне, где именно я нахожусь. Я резко обернулся и увидел мужскую фигуру в телогрейке. Это был самый обыкновенный деревенский дед, он неспешно топал прочь от ямы, со дна которой поднимался столб пламени. В руках старика болталось пустое помойное ведро, за спиной виднелся ствол винтовки. Судя по дульному тормозу и газоотводной трубке, это была СВД.

Погас и еще раз взметнулся к небу из ямы мощный столб огня, окончательно испепеляя то, что попало в аномалию. Видимо, дед использовал «жарку» в качестве утилизатора отходов своей жизнедеятельности. А почему, собственно, и нет?

— О-о-о, сына, очухался? Как раз вовремя. — Старик растянул седые усы и бороду в добродушной улыбке. — А я все жду да трапезу откладываю. Желудок вон как Сольвейг поет. Уже было решил не ждать тебя. Ты как вообще?

— Нормально, бывало и похуже.

Спокойный и приятный голос дедули располагал к себе, но почему-то по моему телу пробежали мурашки.

Ой, какой голос-то знакомый! Дед подошел ближе, и мои глаза «мутировали» в два больших арбуза.

— Д-д... дед Михей?..

Передо мной стоял и улыбался тот самый барыга-инвалид с рынка, который продал мне «пустышку».

Я так был рад видеть в этом проклятом месте хоть одно знакомое лицо, что меня совсем не смутила откровенно странная деталь — инвалид подошел ко мне на своих двух абсолютно здоровых ногах.

Или меня снова одолевают глюки?!

— Неужто мы с тобой уже встречались, сына? — Старик вприщур осматривал меня, услышав из моих уст свое имя. — Чей-то не припомню я, а память у меня — твоей фору даст.

— У вас брата нету случайно? — осторожно ответил я вопросом на вопрос. — Он такой... без одной ноги, на рынке торгует.

— А-а-а, так вот оно что! — Дед еще шире растянул губы в улыбке. — Есть такое дело, брательник-то мой близнюк, как две капли водицы со мной похожий. И прозвища потому мы взяли себе одинаковые. Я и пересылаю ему товар отсюда. Как он там, здоровый?

Уфф! Я облегченно перевел дух. Какое счастье, дедуля мне не мерещится.

— Не особо помню, батя, пьяный был вдрабадан, — я напряг извилины, пытаюсь вспомнить тот вечер моей днюхи, последний в нормальном мире, — вроде бы здоров был. Только торговля у него, видимо, не очень. Работает допоздна, мерзнет.

— Ну, то его промысел, — дед махнул рукой, — сам захотел. Я ему предлагал уже готовую наличность высылать, а он вредничать взялся. Ну ладно. Давай к столу, сына!

Дед кивнул в сторону беседки и потопал к дому. Теперь я смог рассмотреть его винтовку. Так и есть — эсвэдэшка, с родной оптикой, без всяких чудес и наворотов.

— Садись в беседку, на во здушке повечеряем. Сегодня тепло, хорошо. А я сейчас вынесу, — кинул дед через плечо и исчез, растворился за дверью веранды.

Я еще немного постоял, помесил пальцами ног грязь, переваривая информацию, и отправился к беседке. Рядом с ней стояла бочка с водой, в которой плавал деревянный ковш. На одну из опор навеса был прибит рукомойник, точно такой, как во дворе дома, в деревне моего отца. Рядом на гвозде висело выдавшее виды полотенце. Мыла нигде не наблюдалось, и я умылся одной водой. Сразу стало хорошо и свежо. Поочередно полив из ковша на ступни, смыл с них грязь и обулся. Но зашнуровывать берцы не стал — пусть ноги еще немного отдохнут.

Старая лавочка скрипнула, принимая вес моего тела. На простеньком деревянном столе стояла пустая консервная банка, исполняющая роль пепельницы. Под столиком удобно пристроилась старая тумбочка с посудой, несколькими банками консервов и тремя прозрачными бутылками без этикеток. Мутное содержимое было идентифицировано мной однозначно как денатурат. Подстольную композицию завершали два граненых стакана, стоявших сверху на тумбочке, большая надрезанная луковица и соль в треснутой фарфоровой чашке.

— Эх, с пылу-жару! — донесся со стороны дома радостный голос деда.

Я глянул туда, тотчас же подскочил с лавки и поспешил помочь старику.

— От спасибо, сына. Сразу видно, что человек культурный, воспитанный, — не замедлил отметить хозяин, передавая мне большую часть своей ноши. — Сковородку не тронь, я сам!

Я взял истрепанный рюкзак, плотную брезентовую сумку, целлофановый пакетик с лепешкой и отнес все это под крышу беседки. Дед очень шустро проследовал за мной. Шустро не по годам. Капли дождя, шикая, испарялись, попав на его горячую ношу.

— Ну что, доставай! — Хозяин взглядом указал на ту самую тумбочку и поставил закопченную посудину на стол, а винтовку, которая ему немного мешала сидеть, так и не снял с плеча.

Под крышкой в широченной сковородке с высокими бортами еще шипела и потрескивала на раскаленном металле еда. Сквозь щели до меня долетели знакомые соблазнительные запахи. Я сглотнул слюну и загнипнотизированно уставился на крышку сковороды, пропустив мимо ушей «команду» старика.

— Ладно, сиди, я сам. — Дед полез под стол, не снимая с лица своей добродушной улыбки.

Я вышел из транса и встал, чтобы помочь старому расставить на столе посуду. Гнутые с вмятинами алюминиевые миски, такие же ложки, граненые стеклянные стаканы, бутылка «мутной», соль и прочее заняли свои стартовые позиции на столе.

— Сына, а ты вообще пьешь или?.. А то я и не спросил как-то. — Кулак деда с зажатой в нем бутылкой, задержался у моего пустого стакана.

— И пью, батя, и курю, и по девкам при случае хожу, — кивнул я. — Я нормальный.

— Только смотри, сына, у меня правило одно, — старик наполнил стакан до краев, — я наливаю один раз. И все! Свой гранчак я потяну залпом, а свой ты можешь цедить хоть глоточками, хоть из блюдца, хоть через трубочку. Но знай, больше одного стакана не будет.

— Понял!

Меня передернуло от одной только мысли, что этот полный стакан можно выпить залпом.

— Ну, поехали. — Дед подхватил свою стеклянную посудину и опрокинул содержимое в себя.

Он занюхал надрезанной луковицей, довольно закрихтел и снял крышку со сковороды. Ударная волна аромата вместе с клубами пара вырвалась наружу. А под крышкой — картошка, поджаренная на сале с луком, посыпанная нарезанными дисками чеснока и накрытая одеялом яичницы. Знакомая композиция. Но откуда здесь, в Зоне, могут взяться яйца, сало и вся остальная роскошь, что сейчас открылась перед моими глазами?! Думать о том, что все это здешнее, чернобыльское, даже не хотелось. Жаль, нет под рукой дозиметра, фон замерить.

— Чего замер? Уплетай давай! — Дед метнул в рот несколько ложек прямо из сковородки, а потом отсыпал себе в миску часть этой божественной пищи. — Привозное все это, не бойсь.

На секунду показалось, что старик смог прочесть мои мысли. Я ему поверил, но для себя даже представить не смог, каким образом сюда возможно транспортировать яйца в целости и сохранности. А сколько это могло стоить, и думать не хотелось. Но если даже на глаз прикинуть, по стандартным сталкерским расценкам, о которых я слышал от покойного Поллитренко, то себестоимость этой простой еды в Зоне была на порядок выше, чем у самого изысканного блюда в самом модном ресторане столицы. Не по-детски жирует дедуля, однако!

— Ну, будьмо!

Я, последовав примеру старика, опрокинул стакан, решив сразу проглотить столько, сколько влезет, а потом неспешно допивать самогон в процессе трапезы.

Потоки раскаленного железа наполнили мой рот и потекли в желудок, сжигая все на своем пути. Показалось, что дым сгорающих тканей вырывается из всех моих естественных отверстий. Я отдернул стакан и выплюнул то, что осталось во рту. Но богатырский глоток этого пойла уже вторгся в мой организм. Горло сжал спазм, связки скукожились, отчего мой голос превратился в хриплый, сипящий шепот.

— Х-хе-е-е-е. — Я открытым ртом ловил, ловил спасительный воздух, и только когда

смог исторгнуть что-то членораздельное, захрипел: — С-сто это за х-хрень така... Спиртяга девяносто градусов?... Травануть меня удумал?

— Хорошо, да? Маешь вещь! — ехидно пробурчал дед, уплетая горячее. — Домашний первачок сорок с хвостиком. С хоро-ошим таким хвостиком. Я бы даже сказал, полтинник без носика.

— Ох, не вр-ри мне, — прохрипел я, выбрал из сковороды и накидал в рот горячих жирных шкварок. — Что ж я, батя, самогона никогда не пил?

— Ну, выходит так, что и не пил. Может, и табака настоящего не курил никогда? Попробуешь? — Старик протянул мне пачку «Примы».

— Не-е-е, спасибо, — я отрицательно мотнул головой и продолжил едой тушить пожар в желудке, — потом, после ужина.

— Ой, чего-то я забылся! — Дед оторвался от своей тарелки и указал на брезентовую сумку, которую я пристроил рядом со столом. — А ну, подай-ка.

Я выполнил его просьбу. Старик поставил брезентуху прямо на стол, расстегнул «змейку» и стал извлекать аккуратные баночки солений с красивыми этикетками. Такие посудинки стоят стройными рядами в любых продуктовых супермаркетах. Не веря своим глазам, я взял одну из них в левую руку, правой продолжая метать в рот долгожданную пищу.

Огурчики «Посольские», дата производства на этикетке — срок годности еще не вышел. Даже эта идиотская приклеенная бумажка на месте!

— «Без Гэ-Мэ-О», — прочитал я надпись на белой наклейке. — Глазам не верю! Откуда это все, батя?

— Хе-хе, тут кто как умеет, так и крутится. — Дед вымакал куском лепешки жир из своей миски и отправил хлебец в рот. — Заходят ко мне добрые молодцы по всяким вопросам. Я им помогаю, а они мне гостинцы оттудова носят. А вот с этими огурчиками накладочка вышла. Просил же оболтуса достать бочковых домашних, а он, дурачок, из магазина вот это вот «Гэ-Мэ-О», как ты говоришь, приволок. Не ем я такое, вот для гостей и держу. Кстати, а чего оно такое, это «Гэ-Мэ-О»?

— Генетически моффидици... мандифици... Тьфу, блин! — мой язык уже стал заплетаться под воздействием спиртного адской крепости. — Генетически модифицированные организмы, во как!

— Тю, так здесь в Зоне токо такие и бегают. Исключение — парочка моих кур, которых мне знакомец притащил из-за кордона.

Дед, закончив трапезу, извлек из сумки старый «совковый» термос и налил себе чаю прямо в тот стакан, из которого пил самогон.

— Я уже успел заметить — что ни тварь, то ошибка природы, — доев все из своей миски, я подложил себе еще.

Без опаски — ведь я уже узнал, откуда родом эта яичница.

— Ну, это как поглядеть, — дед улыбнулся и стал присербывать чаек, — они-то живут здесь давно и хорошо, а вот как раз подобные тебе по естественному отбору и не проходят. Так кто из вас ошибка природы?

— Хорошо тебе философ... тьфу ты... софствовать, — я уплетал еду, а в голове уже ну «такая приятная гибкость образовалась», — в нормальном-то мире нет этих мутантов, там мы хозяева. А эта территория... Все не так, все неестественно, как в фильмах ужасов. Какое-то преисподнее зазеркалье посреди реальности. И как меня сюда занесло?

— Ага, вот и меня этот вопрос интересует очень сильно. — Дед допил чай и закурил. — Чего ты тут забыл, сына? Как ты вообще смог пройти через здешнюю зону псих-активности? Как ты ко мне в «пузырь» пробрался, я уже понял, найдя у тебя вот это.

Дед извлек из кармана тот непонятный артефакт, который я подхватил с трупа нашего проводника. Ох, е! Я и забыл, что эта штука у меня была.

— Я его пока у себя оставляю. Ты не против? — старик спрятал артефакт.

— Ну, оставь. — Я пожал плечами, подумав, что должен старику гораздо больше, чем

эту непонятную фигню. — Скажи хоть, как эта штука обзывается?

— Это «компас», сына, — дед ухмыльнулся и похлопал ладонью по карману с артефактом, — вещь любопытная, у меня еще одна такая же есть. Но давай вернемся к другому вопросу. Как ты в Зону попал? Что ищешь тут? Только не говори, что Исполнитель Желаний.

Я на несколько секунд задержал ложку у рта и задумался. Из всех, кому мы рассказывали о своем загадочном появлении в Зоне, лишь наш покойный проводник не пытался убить нас, и те бандюки, что приютили в своем логове. Хотя последним явно было все пофиг. Стоит ли этому до невозможности странному старику рассказывать о своих злоключениях? Сомнения терзали меня недолго — действие алкоголя располагало к беседе, и я поведал деду про все-все события последних проклятых дней.

Дед слушал внимательно, он не перебивал и не удивлялся ничему. Просто курил одну папироску за другой и слушал. Когда я вскользь упомянул, что выжрал все таблетки от радиации из двух капсул аптечки, дед рассмеялся.

— Ну и как, сильно потом плющило? — поинтересовался он. — От шести таких таблеток нормальный человек начинает кудябликов видеть.

— Было немного, да уж... — Я покачал головой, вспоминая преследовавшие меня галлюцинации, и поделился пережитыми «впечатлениями» с дедом. Чем его изрядно повеселил.

Потом я закончил свой рассказ, а старик крикнул, как-то удрученно и тяжело вздохнул.

— Да, не позавидуешь тебе, сына, — сейчас в глазах деда читались жалость вперемежку с пониманием, — но помочь тебе я мало чем смогу. В одиночку ты сдохнешь, даже до Военных складов не доползешь. Проводником твоим я быть не могу, привязан к этому месту обстоятельствами. А те, что ко мне ходят, тебя не возьмут. И дело даже не в том, что тебе не по карману их услуги. Каждый «пассажирский вагон», который они тянут за собой, на самом деле — грузовой. Эти ребята отвечают за тех, кого ведут — это дело чести. А такую «зеленку» себе на хвост посадить — смерти подобно. Где-то сгруппишь, послушаешься или чего еще — и сгинете оба. Можешь, конечно, попытаться выйти в людное место и там найти проводника. Но на твоём месте я бы этого не делал. Зря ты сфоткался с тем недобитком. Теперь ваши рыла наверняка на каждом аванпосту «Долга» и у военных в «почетных» рамочках на стеночках висят. А в Зоне это все равно как быть популярной телезвездой в обычном мире. В толпе каждый узнает. И кто пожелает подзаработать, мигом тебе белые тапки примеряет. Обречен ты по Зоне бегать, как snork — не снимая противогаза. И людям доверять не сможешь. Не разобрать сейчас, кто есть кто, а для охотников за головами ты лишь большая жирная пачка купюр на ножках... Интересно, почему вас, залетных, так хотят к праотцам отправить?

— Не знаю, батя. Это ошибка какая-то. Я не просил меня в Зону забрасывать, никто из нас не просил. Может, ты чего знаешь? Подскажи, было что-то такое на твоей памяти? Может, это действительно тотализатор такой? На нас сделали ставки и охотятся?

Я с надеждой смотрел в глаза деда, но однозначного ответа в его взгляде не находил.

— Было и такое, — сообщил старик. — Бывало, даже сафари тут ковбои разные устраивали, отстреливали мутантов да сталкеров. Бывало, сталкеры этих самых ковбоев отстреливали. А бывали и спецоперации правительственные, «вздэшные», так в них вообще мало кто сведущ. Вот помню, один раз из-за редчайшего артефакта тут народу за неделю полегло больше, чем обычно за год. Все может быть, сына... Но узнай ты причину, по которой вас отстреливают, тебе от этого уже никак легче не станет. Увяз ты в глубоком-глубоком кизяковом озере. Причем запрыгнул в него с разбегу.

— И что же мне делать, батя?

Я понимал всю сложность своего положения, а просить старика о чем-то еще — язык не поворачивался. Он и так уже для меня сделал больше, чем кто-либо в моей жизни. Вот хотел было попросить денег на проводника, попросить в долг, но обломал меня с проводниками дедуля. Увяз я действительно крепко.

— Сейчас тебе чего делать? Одевайся, вот чего. Первачок греет, но от простуды не спасает. — Старик взглядом указал на рюкзак, который скромно примостился под ногами. — Это тебе подарочек мой. Осталось от хлопца одного. Как и ты, он ко мне раненый пришел, но... тебе больше повезло.

Я открыл рюкзак, в котором были упакованы пожитки покойного сталкера. Тонкий свитер, брюки и другая одежда были сверху. Скрученная куртка висела на рюкзаке под верхним клапаном, стянутая лямками. Я скинул плащ-накидку и надел то, что считал нужным на данный момент. На дне рюкзака лежали обрез двустволки и ПМка, рядом примостились коробка охотничьих патронов и два пистолетных магазина. В клапане бокового кармана я нащупал твердый прямоугольник. Любопытство взяло верх, я достал этот предмет. Им оказался совсем простенький на вид детектор с лампочкой и сеткой. Негусто.

— Кстати, твой модный детектор накрылся медным тазом, когда ты в аномалию попал, — поведал мне дед о судьбе моего трофейного прибора. — Так что с «Откликом» побегаешь, пока на лучшее не разживешься. Аптечками и прочими медикаментами я тебя укомплектую позже.

Я еще раз перерыл барахло, наводя в рюкзаке свои порядки, потом застегнул все клапаны, скрутил плащ-накидку и пристроил ее на то место, где до этого была куртка. А в голове уже созревала догадка, что в любом случае мне придется самостоятельно выбираться из этого ада. Дед смотрел на меня с какой-то жалостью, видимо, не верилось ему, что я смогу выжить в Зоне. Впрочем, не ему одному так казалось.

— Или, может быть, у меня останешься, сына? Тут спокойно, по хозяйству мне помогать станешь, — старик с надеждой глянул на меня. — Сам подумай, ну зачем тебе шкурой рисковать и возвращаться туда? Если, как ты думаешь, стал лошадкой в гонках на выживание, то совсем не факт, что выживешь, даже если первым к финишу придешь. Оставайся, здесь они тебя точно не достанут. Или оставил что-то хорошее за кордоном, без чего жить не можешь?

— Ничего хорошего там нету... почти ничего, — я опустил взгляд, — мать там моя, и она больная. Из родных только мы с ней друг у дружки остались. Помрет она без меня, если не от болезни, так с горя. Единственная радость в жизни, сын, был и вдруг исчез куда-то. Можешь себе представить, батя, каково ей сейчас?

— П-ф-ф, вот оно как! Скверно. — Дед нахмурился. — Давай так: я подумаю, что мне с тобой таким делать, а утром все порешаем. Утро — оно вечера помудренее будет.

— Тоже дело. А можно мне? — Я указал на пачку «Примы».

— А чего нет? Бери. — Дед хитро глянул на меня, извлек из пачки и протянул мне одну сигарку.

Я нащупал в кармане брюк свою зажигалку и прикурил. Тут же весь дым выплюнуло обратно наружу интенсивным кашлем.

— Это что за гэмэо?! — Бешено тыча сигаретой в консервную банку-пепельницу, я затушил ядерное курево.

— С тобой все ясно, сына! — Дед вдруг залился здоровым и заразительным смехом.

И я засмеялся вместе с ним, как тупой зритель в кинозале, который не понял шутки, но смеется потому, что все вокруг это сделали.

Уже смеркалось. А вокруг холма на пустыре, в центре которого стояла хатка деда, вспыхивали «Жарки» и постреливали «Электры», придавая этим спокойным посиделкам оттенок неправдоподобности. В сознании толпились и выпрыгивали один перед другим вопросы к деду, но самый буйный и будоражащий из них был один: почему здесь, на этом хуторе, настолько спокойно и безмятежно?!

Но задать его я так и не успел. Уже стемнело и дед, сменив на своей винтовке оптику, пригласил меня в свой дом. Хмель уже по полной программе гасил мое сознание, и я практически не запомнил, как добрался до старой скрипучей кровати и заснул на ней. Единственное, что осталось в памяти — это то, что дед закрыл за собой как минимум три

скрипучих железных двери.

Всю ночь я только и делал, что «мочил в сортирах» всех-всех своих бывших и нынешних корешей, сотрудников из конструкторского бюро, начальников, осточертевших соседей по подъезду, бросивших меня подруг и прочих, чьи фантомы преследовали меня накануне. Открыв глаза, я даже осмотрел руки, дабы убедиться, что уже не сплю. Во сне они были по локоть в крови.

Несмотря на то, что вид реальных смертей, крови и исковерканной живой плоти — то малое, что я успел повидать в Зоне, — вызывал у меня отвращение, в этих сладких фантазиях все было по-другому. Этих же уродов — было за что уничтожать. В моем кровавом сне не что-нибудь, а именно Добро наконец-то победило Зло, поставило его на колени и смачно растерзало. Чувство полного удовлетворения, испытанного по этому поводу, переполняло меня даже после пробуждения...

Звуками, что вырвали меня из сна, послужили скрип открывшейся двери и громкое куриное кудахтанье, раздавшееся вслед за ним. Я сразу открыл глаза, бодро вскочил и сел на краю кровати. Тело еще слегка ломило от недавних нагрузок, но голова была свежа как никогда. В дверном проеме стоял дед Михей в телогрейке, со своей неразлучной снайперской винтовочкой за спиной.

— Проснулся? Хорошо. Одевайся тепло, шнуруйся и пакуйся. Оружие проверь-заряди. — Дед кивком указал на подаренный накануне рюкзак, стоящий возле кровати. — Прогуляемся перед завтраком, аппетит нагуляем. И поторопись, жду тебя во дворе.

Старик ухмыльнулся, наблюдая, как я, хоть и спросонья, но четко и быстро кинулся исполнять его команды, развернулся и потопал прочь.

— Да, еще, — у выхода дед обернулся, — иди все время прямо, не сворачивай, до самой лестницы. Все двери за собой закрывай. Тут не проходной двор! И вот, это тебе.

Старик оставил за дверью небольшую сумку, грубо сшитую из плотного брезента, и ушел. Где-то в глубине соседней комнаты скрипнули и бахнули те самые двери. Я оделся, обулся и распахал по карманам патроны к обрезу и магазины ПМки. Проверил, полон ли магазин в самом пистолете, передернул его затвор, поставил на предохранитель и сунул в правый карман куртки. Потом накинул лямки рюкзака на плечи, в обрез вставил два толстых красных патрона и уверенным шагом вышел из комнаты.

Оставленную за дверью сумку я попытался подхватить на ходу одной левой, но не тут-то было. Торбочка оказалась тяжелой, как якорь небольшой яхты, и мне пришлось перекидывать ее лямку через шею двумя руками. Гайки, что ли, туда дедуля насыпал? Я заглянул в торбу. И действительно, брезентовые внутренности сумки были доверху набиты ржавыми железками. Значит, будем с дедом в сталкеров играть. Я вдруг вспомнил, как наш проводник доставал из подобной сумочки болтики-гаечки и швырял их перед собой, проверяя наличие аномальных зон, которые не фиксировал его детектор... Интересно, на что способно мое ламповое чудо?

Я прошел вдоль стен трех небольших проходных комнат, которые больше напоминали секции широкого коридора военного бункера или старого бомбоубежища. Коридор этот был кольцевым, и если он был наружным, то на глаз, судя по закруглению стен, в диаметре этот уровень бункера был не менее двух сотен метров.

В каждой секции коридора было еще по одной закрытой железной двери, ведущей в другие залы убежища. Балки, перекрытия, старая кирпичная кладка, герметичные двери, толстые кабели электропроводки, раритетные взрывозащищенные осветительные плафоны — все это старье здесь присутствовало вперемежку с достаточно современными вещами.

Вот только что заметил девятнадцатидюймовый лэптоп в небольшой нише и рядом запыленное, но современное эргономичное кресло. А справа от ниши серели две еввророзетки и гнездо под кабель локальной компьютерной сети. И хотя кабельные сети в обычном мире у меня уже вызывали разве что ироничную улыбку, тут, в Зоне, их использование могло быть вызвано крайней нуждой. Мало ли, может быть, тут где-то хитрый генератор притаился, забивающий все радиосигналы.

Под ногами то и дело потрескивали осколки оптических дисков. Несколько разбитых вдребезги клавиатур и компьютерных «мышек» были сметены в кучку под стену, а по углам стояли пирамиды коробок из-под разного рода офисной техники. И завершал все это разнообразие большой ЖК-монитор, подвешенный в верхнем углу одной из комнат на вполне современном крепе. На дисплее бегали какие-то цифры и светились разноцветные столбики диаграмм. Один из этих столбиков, самый толстый и, видимо, самый важный, был еле-еле заполнен зеленым цветом. «8 %» — ярко горела цифра прямо на диаграмме.

Кроме этого на глаза еще попались разнообразные припасы, какие-то непонятные ящики, мешки, армейская радиостанция и большая клетка с обыкновенными курами. Все остальное было заботливо укрыто от посторонних глаз брезентом и непрозрачной пластиковой пленкой.

Каждый раз, выходя из комнаты, я закрывал за собой все запоры железных дверей, как и просил дед. За последней дверью было наполовину заваленное помещение. Некогда это был тамбур-шлюз, но вторая его дверь, которая вела наружу, сейчас валялась в углу помещения и была выгнута полусферой. Прохода видно не было, обвалившиеся конструкции полностью закрывали его. И теперь единственным выходом отсюда был пролом сверху в железобетонном перекрытии. Ржавая лестница вела вверх, на поверхность. И как я здесь вчера спустился? Просунув обрез за лямки рюкзака на груди, я вскарабкался наверх.

Внутреннее убранство хатки деда, как и вид всех прочих строений в Зоне, вызывало тоску. Все на первый взгляд было заброшено и покрыто слоями мусора и пыли. Исключением была только печь, на которой дед готовил еду. Этот домишко был наверняка лишь своеобразной маскирующей надстройкой, скрывающей вход в бункер.

Я вышел наружу. Утренняя прохлада коснулась лица и зацепила нос. Дед стоял у калитки и осматривал через бинокль окружающее пространство. Я подошел к нему и стал рядом, молча, в ожидании дальнейших указаний. А старик, не обращая на меня внимания, все стоял и смотрел в бинокль, как будто впервые все это созерцал. Вдруг во мне колыхнулось странное чувство тревоги. Ощущение того, что все не так, как должно бы быть...

И действительно!!!

Я крутился как юла, округленными от изумления глазами шаря вокруг, по прилегающему пространству. Кроме тех высоких кедров, что я заметил накануне, вокруг не было ни единого деревца. Куда-то полностью исчез весь тот густой лес, который только вчера стоял здесь повсюду стеной. Теперь везде, до самого горизонта, простирались камыши и топи. Неизменной осталась лишь холмистая пустошь внутри огражденного кедрами пространства, даже тот холм с упавшим вертолетом остался на месте!

И я готов был поклясться, что видел, как под корпус погибшей машины юркнула та самая человекоподобная тварь в противогазе, которая недавно чуть не убила меня.

Глава одиннадцатая ПРОЕКТ «АБСОЛЮТНАЯ КРЕПОСТЬ»

— Да что ж это такое?! Что случилось?! Куда делся лес? Где мы?

Я не знал, что и как еще спросить, чтобы в голове стихла буря изумленных мыслей.

Я продолжал паниковать, осматривая окрестности, и выстреливать вопросы, некоторые вслух, а некоторые, в основном состоящие из матов, про себя. Как же это так? Что за бред? Вот же хатка, погреб, кривой забор, все как и раньше — «третья улица Строителей, дом двадцать пять, квартира двенадцать». Только это уже не «Москва» и даже не «Ленинград», а какой-то «Чукотский автономный округ»!

— Чего я еще не знаю, батя?!

Я задал последний, контрольный вопрос, после серии абсолютно идиотских, извергнутых из глубин души высоким давлением эмоций.

— Лучше скажи мне, сына, что ты вообще знаешь о Зоне, а я тебе постараюсь

растолковать все остальное. — Дед оторвался от бинокля и взглянул на меня с добродушной улыбкой на морщинистом лице. — Правда, для меня будет проще, чтоб ты позабыл все, что до этого узнал. Переучивать — оно всегда труднее, чем с белого листа учить. Ну чего, готов, орел?

— К чему именно? — Я стоял и все еще пытался дать произошедшему любое логически приемлемое объяснение, но тщетно.

— Я тут подумал, если не могу сам тебя провести к кордону, то хоть попытаюсь обучить в должной степени, чтобы ты смог до него как-то доползти самостоятельно. — Старик спрятал бинокль под свою необъятную телогрейку. — И вопросы придержи до поры. Ответы на многие из них придут сами. А чего подсказать нужно, так это я с радостью, но понемножку делать буду. Информация, она тоже может и лекарством, и ядом быть для головушки. Все зависит от дозы и последовательности ее употребления. Ну чего, поехали?

Дед моего ответа ждать не стал, спустился вниз с холма и направился к едва видневшейся тропинке. Ступил на нее, но, не пройдя по ней и десяти шагов, остановился. Я догнал его и выглянул из-за плеча старика. Впереди, прямо на протоптанной дорожке, кружилась листва, причем и малейшего ветерка не наблюдалось. Над землей знакомо пульсировал воздух, выдавая присутствие аномалии.

— Какие выводы делаем? — не оборачиваясь, спросил меня житель Зоны дед Михей, брат-близнец деда Михея с рынка.

— Впереди аномалия, ее нужно обойти, — выдал я вполне логичный ответ.

— Ну, это и бритому ежу понятно, а вот то, что она на тропе расположена, говорит о том, что ее прежде здесь не было. — Дед свернул с тропинки и обошел аномальную зону. — Ночью выброс ведь был, да ты так крепко спал, что, наверное, и не почувствовал его. А выброс в Зоне — событие ключевое, как перетасовка колоды карт. Вот была тут аномалия и вдруг исчезла или переместилась куда-то. Вот была совсем пустой «жарка», та, что на моем заднем дворе, а поутру бац, и «кристалл» в ней нарисовался. Это я к тому говорю, что нету ничего неизбывного в Зоне, все течет, все меняется. И даже хоженная тропка здесь извивается и живет своей жизнью, а потому клювом щелкать не рекомендую.

— Угу, и вся эта округа — тоже одна большая аномальная зона? — Я обвел рукой окружающее пространство, пытаясь осторожно выудить из старика ответ на терзающий меня вопрос. — Ну, если она переместилась после выброса.

— Хе-х, почти угадал, — довольный дед похлопал меня по плечу, — а ты с соображалкой дружишь, как я погляжу. Хорошо, в Зоне это прям-таки жизненно важно. Все, кто на извилинку туг, здесь лишь расходным материалом являются, не более того.

В течение часа я со своим наставником ходил по внутреннему пространству кедрового кольца. И все это время старик мне рассказывал про те аномальные зоны, которые нам встретились. Рассказывал подробно и терпеливо, как и какую аномалию нужно обходить, что они собой представляют, каким образом определяются, как называются и чем коварны. Я ходил следом, мотал все на ус и побрасывал болтики-гаечки в эти локальные зонки, активируя их, за что в свою очередь получал подзатыльники от учителя.

— Я их тут, понимаешь, вечерами сажу-скручиваю, а он ими разбрасывается почем зря! — недовольно бурчал старик после очередного хлесткого шлепка по моей головушке. — А вот закончатся железячки, будешь тогда колобки из грязи лепить или камни отколупывать?

Монотонно вместе с ним шипела активированная мной «жарка», испаряя ржавый болтик. Я слушал сердитое бурчание старика, а сам смотрел на струю мощного негасимого пламени, и думал совсем о других вещах.

Вот он, бесконечный источник энергии! И если бы не выбросы, из-за которых эти аномалии перемещаются или вовсе исчезают, то можно было бы ставить тут везде стационарные станции с генераторами, снимать тепло и переводить его в электроэнергию. Тогда Эмираты со своими далеко не бесконечными запасами нефти будут «нервно курить в сторонке» и стремительно разоряться, а Украина станет сверхдержавой с экологически

чистым, неисчерпаемым, и главное, дармовым источником энергии.

И это только «жарка», а другие аномалии, их же тоже можно как-то использовать! Я, конечно, не химик и не разбираюсь во всей этой «Менделеевской ерунде», но если в «воронку» графита накидать, вдруг он от сжатия в алмаз превратится? Ох-хо-хо, попади в Страну Чудес грамотный инженер, а не Алиса, — одним большим заводом стало бы больше, и это как минимум...

— Ты вообще слышишь, что я тут тебе втолковываю? — Дед влепил мне еще один подзатыльник, выбив из потока творческой инженерной фантазии.

Я ойкнул, почесал затылок и отправился дальше, вслед за стариком, постигать азы сталкерской жизни. Как я и предполагал, большинство аномальных зон при свете дня можно было определить без особых трудностей, по характерным звукам, запахам, виду, цвету и даже по ухудшению своего самочувствия.

Мой примитивный детектор оказался со встроенным счетчиком радиоактивности и умел фиксировать разного рода излучения и большинство из встреченных аномалий, предупреждая меня своим противным попискиванием. Его чувствительность, конечно, была не ахти, и порой сигнал вырывался из детектора уже на самой границе аномальной зоны, когда она и без того четко просматривалась или ощущалась. Но с другой стороны, ночью-то не видно всего того, что днем рассмотришь, и этот противный писк будет чуть ли не единственным ориентиром для меня. А ночь как раз была именно тем временем суток, когда дед рекомендовал мне контактировать с кем-либо из встреченных людей.

Я игрался своим детектором, открывал-закрывал его панель-сеточку, как вдруг он противно пикнул, и моргнула его газоразрядная лампочка. Потом еще и еще раз, с большим временным интервалом, все это сигнализирование повторилось.

— Чего это с ним? — спросил я у деда, который, услышав характерный сигнал моего детектора, тут же обернулся.

Дед вытащил из-за пазухи свой прибор, который выглядел гораздо солиднее, глянул на его дисплей, хитро улыбнулся и вернул детектор на место.

— А вот тебе и возможность приключилась в тепличных условиях сталкерского хлебушка вкусить, — старик взглядом указал на мой детектор. — Учуй приборчик-то артефакт поблизости, вот и дает подсказку хозяину. За артефактами сюда, в Зону, большинство народа и лезет. Их поиски и продажа и есть основное сталкерское ремесло. За них можно хорошие денежки выручить, а тебе их понадобится ого-го, если хочешь живым отсюда выбраться. Так что давай, дерзай.

— А как оно вообще работает? И где эта штука? Не под землей же она?

Я смотрел то на мигание лампы, то по сторонам, и не замечал вокруг ничего похожего на загадочные образования, порожденные аномальной реальностью Зоны, которые видел прежде.

— В игру «тепло-холодно» играл в детстве? — Дед смотрел на меня ну совсем как на малого ребенка ясельного возраста, и даже не пытался скрыть свою ехидную улыбочку. — Вот и здесь чевой-то похожее. Чем ты ближе подходишь к артефакту, тем быстрее начинает мерцать лампа. А когда совсем близко подойдешь, прибор направленным импульсом тебе его подсветит... И он твой.

Я принялся вертеть прибором по сторонам и сделал несколько шагов в разных направлениях, пока примерно не определил тот вектор, по которому у детектора случился «стояк». Лампа стала мигать чаще, но по-прежнему вокруг ничего похожего на артефакт не наблюдалось, и я отправился дальше. Старик за мной не пошел, он сел на ближайшую корягу, достал приплюснутую папироску и закурил.

Я охотился за своим первым... хабаром, так в Зоне говорят, кажется. Это занятие, показавшееся мне поначалу идиотским, втянуло меня всецело. Появился даже некоторого рода азарт. Вот только не давала мне покоя та хитрая улыбочка старика, с которой он все это время наблюдал за мной.

А тем временем лампа детектора уже практически не мерцала, а светилась постоянно, и

его писк превратился в сплошной свист. Раздалось странное шипение, и впереди в нескольких метрах от меня вдруг материализовалась какая-то прессовка мусора, коричнево-желтая с зелеными вкраплениями. Она слегка отсвечивала желтым светом и парила над землей, как в невесомости, порождая вокруг себя пульсацию воздуха, подобно гравитационным аномалиям. Я, радостный, протянул руку вперед и кинулся к артефакту. И в самый последний момент уловил периферийным зрением слева от себя несколько летающих над землей листьев.

— Йо-о-о!!!

Шарахнуло так, что уши заложило. Получив сильный удар в бок слева, я отлетел на несколько метров в противоположную сторону и растянулся на раскисшей почве. Сверху меня накрыли грязевые потоки, поднятые «трамплином». Аномалия еще несколько раз хлопнула, мстительно окатив меня болотной жижей, и успокоилась.

Я лежал, а дед, сволочь, заливался смехом до тех пор, пока не закашлялся. Знал ведь, гад, что я увлекусь поиском, забуду про аномалии и влечу в них на полном ходу, но промолчал, решил, что на эти грабли я должен наступить обязательно.

Злясь на самого себя и на своего учителя, я встал на ноги и кинул гневный взгляд на деда. Ушибленное правое плечо ныло, вся одежда от подошв до самого капюшона была сплошным «маскировочным костюмом», в котором на куче навоза меня хрен кто заметит. Детектор валялся рядом на земле и не подавал признаков жизни, а артефакт исчез так же загадочно, как и появился.

Молча, поскрипывая зубами, я поднял прибор, стер с него слой грязи и опять открыл сетчатую панель, которая захлопнулась при падении. Прибор моментально ожил, запищал, а лампа замерцала, как и прежде.

Я смотрел на едва заметную пульсацию аномалии. Совсем маленькая, зараза, но я все же умудрился в нее влететь. Артефакт опять зашипел и проявился, но на этот раз я не отрывал глаз от «трамплина». Кинув несколько гаечек, я определил границу зоны его активации и, обойдя аномалию, осторожно поднял артефакт.

Мой первый хабар.

— Ну, с почином тебя, сына, — дед докурил вонючую сигарку и встал с коряги, — надеюсь, главный урок ты уже усвоил? Самое первое правило, которое я сразу тебе озвучил и которое ты мимо ушей пропустил. Теперь понял, что самое важное в Зоне?

— Ключом не щелкать! — рявкнул я злобно, стирая с лица грязь.

— Именно! — старик довольно кивнул, поняв, что урок действительно усвоен.

— Теперь твоя очередь, батя, — я протянул ему найденный артефакт, — что это за хрень и с чем ее едят?

— Это «медуза», сына, можешь ее на поясе носить в кармашке для гранат, если перемычку внутри срежешь. — Учитель ткнул пальцем в пустую брезентовую сумочку с кожаным хлястиком, в которую я раньше складывал патроны для «кольта». — Артефакт этот поглощает радиацию и тем самым спасает тебя от лучевой болезни. Но в самый ад, где земля от излишних рентгенов светится, с ним не лезь. Для этого больше подходят другие артефакты и специальные комбинезоны.

Мы отправились дальше, и старик на ходу мне рассказывал про некоторые часто встречающиеся артефакты. Как они называются, какие на вид, чем вредны или полезны. И конечно же, он поведал про их стоимость, чтобы я не продешевил, сдавая их зонным барыгам. Также я узнал о хитрой схеме взаимодействия артефактов друг с другом.

Оказывается, что многие образования, кроме полезных своих свойств еще и радиоактивны впридачу. И для того чтобы та же «медуза» всецело поглощала излучение другого артефакта, она должна с ним соприкасаться определенной площадью поверхности, чего добиться не так уж и просто. Дед рассказал, что в Зоне есть умельцы, которые мастерят хитрые ячейки для этих целей, но делают они это, ясен пень, не из альтруистических побуждений, а за немалые деньги.

Я же в свою очередь, как инженер, выдал деду свои крайние возмущения по поводу

неудобств в использовании детектора.

Во-первых, звук выдавал окружающим мое присутствие, и я высказался в пользу его замены на вибросигнал. А дублирование звукового сигнала вспышкой лампы — вообще меня взбесило. Возможно, что лампа и нужна, как неотъемлемая деталь в схеме прибора, но ничего же не мешает ее убрать в корпус или закрыть чехлом. А то, как стемнеет, превращается она в чудесный маячок, любезно приглашающий мутантов отобедать человечинной.

Во-вторых, просто глупо было занимать одну из своих рук детектором и не иметь возможности при этом использовать основное оружие, которое явно мощнее, чем пистолет или нож, относящиеся к оружию вторичному, и требует для стрельбы двух свободных рук. Тут же я предложил простенькое решение — сделать на куртке чуть выше запястья левой руки на внутренней стороне предплечья чехол-карман для детектора. Или хотя бы пришить две лямки с пряжками, чтобы зафиксировать прибор там. Тогда и руки будут свободны, и в любой момент, переведя взгляд на детектор, можно заполучить все прелести от его использования. Да и вибросигнал тогда будет лучше ощущаться.

Выслушав все мои рационализаторские предложения, дед добродушно рассмеялся и пожелал мне удачи в их реализации, сказав, что все необходимое для этого я найду в погребе. Но, как я потом узнал, он втихаря тоже пошил себе подобный чехольчик.

Когда мы проходили мимо вертолета, из-под корпуса машины выпрыгнула и зарычала на нас та самая тварь в противогазе с болтающимся шлангом, делавшим ее чем-то похожей на чудовищно искаженного слоника. Значит, мне не привиделось, и этот урод действительно все это время был тут! Я припал на колено и вскинул обрез, но дед схватил мое оружие рукой и увел стволы вверх прежде, чем я успел прицелиться и выстрелить.

— Тише-тише, не обижай песика. Это Полкан, охраняет он меня тут. — Дед подошел к рычащей твари, достал из своей большой торбы старый алюминиевый бидон и насыпал «собаке» еды в одну из солдатских касок, лежащих рядом в грязи.

Изуродованное аномальностью создание, которое некогда было человеком и, судя по остаткам одежды, человеком военным, радостно кинулось поглощать парящую похлебку. Старик потрепал его затылок за складки противогаза и вернулся ко мне.

Все это я наблюдал в состоянии некоторого ошеломления. Еще бы! Ну ладно, аномалии, ну ладно, мутанты, такими порожденные в результате пагубного влияния аномальных факторов и радиации на генетическую структуру, но чтобы человек и «подрабатывал» собакой, такое еще поискать нужно...

Хотя в нормальном мире очень многие исполняют роль сторожевого пса или верной собаки, служащей «хозяину». Но все это они делают, конечно, в переносном смысле. И тут меня вдруг «накрыло». А в принципе, разница-то в чем?! И что лучше? Быть собакой и знать, что ты собака, или быть собакой по сути и тешить себя тем, что тебе кажется, будто бы ты живешь человеческой жизнью?!

Вдруг стало очень неприятно и за самого себя стыдно. Я понял, что именно собачья, ничем не мотивированная верность держала меня на моем «родном», но загнивающем заводе, на плохо оплачиваемой должности. Именно верность своей старой компании, всем моим «гнилым» корешам и подругам «не первой свежести», заставляла меня, тридцатилетнего взрослого мужчину, терпеть те оскорбления и насмешки в свой адрес, которые они себе позволяли на сабантуях. Это как же я сам себя ненавидел, что позволял себе жить в таком откровенном говне? Почему я раньше об этом не думал?

— Чего призадумался? Топаем дальше, у нас обширная программа на сегодня, — дед отвлек меня от неприятных мыслей и потопал прочь.

Я шел за Михеем, но постоянно оглядывался назад, на этого некогда человека с противогазным «хоботком», и все думал, думал с каким-то мазохистским наслаждением, что и сам до своего тридцатого дня рождения — был почти таким же...

— А как ты, батя, этого монстра приручил? — поинтересовался я, чтобы хоть как-то отвлечься от мучительных сравнивающих мыслей.

— А никак, — старик хмыкнул, видимо, вспоминая то время. — Случилось как-то, что выброс вон тот вертолет в полете застал. И пролетал он в аккурат над моим «пузырем». Ну, и рухнул сюда. Вот тогда я и узнал, что в самый момент выброса «пузырь» открывается. И только таким способом сюда проникнуть могут те, на кого выбросы действия особого не имеют.

Я заметил невдалеке, у подножия холма, голубое свечение «электры» и между делом швырнул в нее гаечку. Аномалия шарахнула разрядом, заставив старика нервно дернуться. На этот раз я ловко увернулся от подзатыльника учителя, чем заслужил его молчаливое, написанное на лице, одобрение.

— Батя, ты уже второй раз какой-то «пузырь» упоминаешь. Это название большой аномалии, в которой мы сейчас?

Я задал второй вопрос, не получив еще ответа на первый, чем вызвал недовольство старика.

— Вот молодежь, все вам не терпится! Ты слушай, что я говорю, и не перебивай, а как закончу, то и дальше спрашивай, — дед даже притормозил, чтобы отчитать меня. — На чем я остановился?

— На том, что «пузырь» открывается, когда выброс Зону трясет, — улыбаясь, напомнил я его последние слова.

Дед постоял, почесал маковку через шапку, вспоминая, что он хотел сказать, и продолжил:

— Так вот, весь экипаж вертолета помер, а этот один выжил, — старик махнул в сторону чавкающей и похрюкивающей от удовольствия твари. — Пожгло ему мозги знатно. Он еще осознавал себя человеком, стонал, просил меня, чтобы я ему помог. А я-то знал, что шансов у него мало, но все же попытался. Тело подлечилось, а вот головушка... Со временем все человеческое у таких отмирает. Задержалось в голове лишь то, что корни глубоко-глубоко в извилины пустило. Хороший был вояка, верный службе, вот и осталась у него лишь собачья натура да верность. Но запомнил звереныш своего спасителя, и теперь вот мне служит в благодарность. А я его подкармливаю.

Вдруг грянул гром, и с неба, затянутого тучами, стал моросить дождь. Дед извлек из своей необъятной сумы брезентовый сверток, развернул и накинул поверх телогрейки плащ-накидку.

— Зона плачет, — проворчал старик под нос, закурил и пыхнул из-под краев широкого, не стянутого капюшона едким дымком «Примы».

— О, так это! Там же где-то мой автомат остался, — глянув на свой скромный обрез, я вдруг вспомнил про потерянное в схватке с Полканом оружие. — И «кольт» мой тоже там должен валяться.

— У-у-у, вспомнил! Твой «калаш», скажем так, песик уже «погрыз». Не знаю, что он с ним делал, но стрелять из него ты уже не сможешь, — развел руками дед. — А пистолетик в той грязюке искать — так это сам, без меня.

Мы с ним еще где-то полчаса побродили и, нагуляв себе аппетит до состояния первобытного голода, вернулись к хате. Дед на этот раз не стал особо морочить себе голову, сварил макароны и перемешал их с банкой армейской тушенки. Я сразу влюбился в это блюдо и уплетал его за обе щеки, аж за ушами трещало. Под завтрак старик не стал предлагать самогон, сославшись на то, что это лекарство и принимать его можно лишь на сон грядущий, но никак не с утра. Собственно, не сильно-то мне и хотелось эту горючку употребить.

— Ты чего-то слышал о проекте «Абсолютная крепость», сына? — вдруг спросил учитель, перед тем как закинуть в рот очередную ложку горячей еды.

— Это был риторический вопрос или я действительно мог что-то об этом проекте слышать? — привычно ответил я вопросом на вопрос и продолжил чавкать.

— Это был вопрос «на авось». А вдруг чего и слышал ты на своем заводе или где в тырнэте чего читал. — Дед пожал плечами.

— Не-а, даже ничего похожего не слышал. А что?

Я продолжал жевать, но уже внимал каждому слову старика, понимая, что сейчас он выдаст очередную порцию любопытнейшей и полезнейшей информации.

— Ты про «пузыри» спрашивал, — дед отложил свою ложку и начал издали, — так вот, «пузырь» — это хитрая пространственная аномалия. Часть гнутаго пространства, свернутого в подобие замкнутой сферы. Только вот сферы эти, как бы тебе сказать, бывают выпуклые и... впуклые, что ли. Объяснить это трудно, я не силен во всех этих ерундовинах, но знаю, что бывает пузырь в форме обычного шарика, а бывает... даже не знаю, как сказать. Бывает антисфера. Внутри нормальной сферы не попасть, а выйти наружу можно просто, даже не почуяв ничего. С антисферой — все во многие разы печальнее. И не заметишь того момента, как попал в нее, а вот выйти обратно, за ее пределы, уже никак не сможешь. Ловушка страшная, многих в Зоне сгубила. Преодолеть границу «пузыря» и попасть за ее пределы практически невозможно. Это как по ленте Мебиуса бегать туды-суды, сколько ни бегай, все равно в исходную точку приведет.

— Невеселенькая перспективка. — Я воткнул свою ложку в макароны. — Так мы, получается, в такой антисфере? Я же попал сюда запросто, без напрягов каких-либо... Получается, выйти отсюда теперь нереально?

У меня вдруг засосало под ложечкой, и по спине пробежал ознобный холодок. В эту минуту до меня начало доходить, что с этой Зоной, блин, можно так попасть, что мало не покажется! Из любой тюрьмы, любой колонии, любой лагерной «зоны» можно теоретически убежать, пока живой, но вот из подобной аномальной...

— Ты кушай-кушай. Кушай да слушай. — Дед, как всегда, добродушно улыбнулся и продолжил: — Так вот, чтобы попасть или выйти из этих аномалий, необходимо нащупать самый-самый стык этого завернутого пространства и пройти по тонкому извилистому коридорчику внутрь или наружу. А помочь нам в этом может хитрый и на первый взгляд бесполезный артефакт. Я его назвал «компас». Да-да, тот самый, что у тебя за пазухой был. Я не знаю, как ты научился им пользоваться, но внутрь сферы ты все же проскочил. А может быть, это сама Зона тебя привела ко мне за ручку? Не думал об этом? А вдруг ты здесь вовсе не случайно?

— Ой, батя, вот только не нужно еще и мистику приплетать, — отмахнулся я от предположений учителя. — Зона — это лишь кусок попорченной земли, огороженный «колючкой». И не более того.

И в эту минуту я очень-очень постарался сам себя в этом убедить.

— Оно-то конечно так, но каждая земляца — она еще и душу свою имеет, — начал было старик разводить философию, но я его прервал:

— Ты, батя, о проекте каком-то начал говорить. Так уж освети эту тему в должной степени.

— Название и суть проекта в бумажных отчетах указаны. Остальное хранится в центральном блоке и закодировано, да перешифровано жутко. — Дед почесал маковку и с явной неохотой выложил остальную «совсекретную» информацию: — Этот «пузырь» не Зона породила, он искусственный, дело рук человеческих. Создал его и поддерживает в рабочем состоянии генератор в центре бункера. Еще до самого первого выброса, который и положил начало всему, здесь была лаборатория научная. Ребятки с мирозданием игрались, пространство гнули, пытаясь создать неприступный форт. Но, судя по отчетам, батареи, которые генератор питают непонятной энергией, эту самую энергию еле-еле аккумулировали, и ничего у них не получалось. А как первый выброс грянул, так и заполнились они моментально, и все заработало в точности так, как расчеты ученых предполагали... Весь персонал, что был снаружи в тот момент, погиб. А кто выжил и выходил за пределы «пузыря», вернуться назад уже не смог. Остался тут один из ученых, журнал вел, а как еда закончилась, сделал последнюю запись и ушел искать путь домой. Но скорее всего в Зоне сгинул, академик. А то, что пузырь иногда перемещается, так это, как тот ученый указал, побочный эффект. Аккумуляторы от выбросов энергию свою берут, а как

излишек ее получается, так его генератор и сжигает на холостом ходу... Вот только ход, как выяснилось, не совсем холостой получился.

— Ого, звучит как сюжет хорошего фантастического фильма. — Я слушал деда с открытым ртом, не перебивая, и подал голос, только когда он замолчал. — А глянуть можно на этот генератор?

— Ты физик по образованию? Нет? Так и нечего тебе туда лезть, — огорчил меня старик своим отказом. — Эта лаборатория, возможно, единственная подсказка, для разгадки тайны всего здесь происходящего, и человеку незнающему лучше не лезть к тому оборудованию. Пока оно работает — пусть работает, а я буду присматривать за всем этим хозяйством и ждать, когда кто-то из знакомцев сюда толкового «очкарика» приведет.

— И давно ждешь? — поинтересовался я, расслышав в голосе деда интонации разочарования.

— Давненько. — Старик совсем потерял аппетит, оставил еду и закурил. — Тех ученых, которые бегают по Зоне, сюда лучше не вести. А тепличные «очкарики» из-за кордона дохнут на полпути сюда. Конечно, ты мне дал очень хорошую наводку на ученых, зависших у братков. Но теперь нужно гонца грамотного к ним заслать, почву прощупать, так сказать... Эх, если бы хоть этот «пузырь» не прыгал, как бешеный, по Зоне! А так ищи его каждый раз в новом месте. Вон дымовые сигналы, как индеец какой-то, пускаю, чтобы ориентир имели те из мужиков, кто в тему посвящен. Одно хорошо, что ходит «пузырек» против часовой стрелки и примерно по окружности, с центром в районе ЧАЭС. Потому бывалые сталкеры находят его и заглядывают ко мне на дымок.

Я глянул на хату деда. Из ее трубы, так же как и прежде, к небу тянулась тонкая струйка белого дыма. Ориентир и вправду хороший, именно на него я, раненый, и шел.

А тем временем мной уже всецело завладело желание заняться разгадкой тайн этой лаборатории и всей Зоны. Эх, если бы только не моя мама, которая меня ждет и, наверное, уже места себе не находит после моего исчезновения...

— Ну, а теперь давай вернемся на грешную землю и займемся твоим вопросом. — Старик как почувствовал, о чем были мои последние мысли, и сменил тему разговора. — Тебе, чтобы выжить в Зоне, нужно не только научиться играть по установленным здесь правилам, но еще и собрать себе добротный инвентарь. Броню, оружие, детектор — все это можно купить и улучшить за обычные деньги у местных торговцев. А деньги эти можно заработать в Зоне несколькими способами. Лично тебе подойдут два — поиск артефактов и их продажа, а также мародерство. Патроны, оружие и снарягу разную, если они не фонят, можно с трупов снимать и тем же торговцам добычу сливать.

Старик еще долго мне рассказывал, что лучше приобрести из снаряжения, где еще больше это улучшить и во сколько примерно мне это обойдется. Он показал мне свой навороченный детектор, на котором был установлен сканер аномальных зон. С таким можно было ходить по лабиринту аномалий, как с нитью Ариадны в руке. Все-все аномалии и их границы отображались на его дисплее. Ну, разве что вдруг какая-то новая, доселе неведомая, возникнет по внезапному, так сказать, капризу Зоны, но против такой неизвестности все равно бессильны бороться.

Пока желудком усваивался завтрак, голова моя переваривала теоретическую часть обучения. Дед был щедр на пояснения и уже терпеливо отвечал на все мои уточняющие вопросы. Но теорию нужно было подкрепить практикой и я, получив строгий наказ от старика не выходить за границу, обозначенную часовыми-кедрами, отправился в ходку по «детскому манежу» Зоны, защищенному границами «пузыря» от наружных бед.

В другие дни мы предприняли с дедом вылазки за границы «пузыря» непосредственно в саму Зону. Там я получил некоторые практические навыки по скрытности, отстрелу зонной живности и стремительному убеганию от нее же. Тогда же я и научился совмещать все это действие с поиском артефактов. Потом дед опять мне талдычил теорию, потом я опять ее закреплял на практике. И так прошли две недели.

Ни одного сталкера, ни живого ни мертвого, на этих территориях мы не встретили.

За все это время произошло всего три выброса, постепенно зарядившие батареи генератора до критической отметки. Диаграмма на том дисплее, который я видел в одной из секций коридора, отражала именно этот процесс. Столбик уже значительно вырос и окрасился в красный цвет. «91 %» — светился уровень заряда на нем.

Старик проинформировал меня, что еще один выброс заставит «пузырь» произвести очередной скачок в пространстве. И следующая «остановка», по словам деда, будет где-то на окраине города Припять. А на этих территориях сталкерская жизнь уже кипела вовсю. И мне предстояло именно туда совершать свои первые самостоятельные вылазки и добыть если не все, то хотя бы часть снаряжения, причисленного Михеем к жизненно важному по здешним меркам.

Глава двенадцатая А ЗОМБИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ

Судя по ориентирам, я вышел на последнюю контрольную точку тропы, нарисованную дедом на моей карте, и, аккуратно высунув голову из кустов, огляделся.

Вдалеке виднелось здание железнодорожной станции. По соседству с моими кустами стоял облезлый домик обходчика. Ветер слегка ворошил кроны редких деревьев по обе стороны железнодорожных путей.

Какое-то движение, замеченное боковым зрением, заставило меня быстро втянуть голову назад в заросли и на всякий случай сменить позицию. Я шустро переполз под прикрытие большой горы щебня, насыпанной возле домика, и осторожно выглянул из нового укрытия.

Вокруг все спокойно. Лишь стая псов пересекла ржавые рельсы в ста метрах от меня. Один из них на мгновение задержался, поводит носом и, ничего не унюхав, двинулся вслед за стаей. Ветер сейчас загибал ветки кустов в мою сторону, так что на этот раз пронесло... «Вас бы так пронесло, да без бумажки под рукой!» — вспомнилась старая хохма.

Твари скрылись из виду. Я покинул укрытие и отправился к одной из меток на карте, где, по словам деда, можно было разжиться на снаряжение и оружие. Как именно там можно было разжиться на все это, дед не сказал. Лишь улыбнулся и буркнул, что это один из самых доступных для меня на данный момент способов.

Та станция, что виднелась вдали, на карте была обозначена как станция «Янов». Сейчас она была обжита разношерстными сталкерами и являлась одним из немногих безопасных мест в Зоне. Я вспомнил слова учителя насчет встреч с людьми, и еще раз проверил, на месте ли моя черная повязка, скрывающая лицо. Днем на станции мне появляться слишком рискованно, да и пока незачем. Проверю лучше, что там мне старик за шаровое место отметил, а потом прошвырнусь по округе. Вдруг какой-то артефакт подцеплю? А как стемнеет, отнесу все барахло, которое успею насобирать, к местному барыге, а дальше — по обстоятельствам.

Неряшливая, не совсем правильная окружность на моей карте охватывала несколько построек к северо-западу от этого места. Путь туда пролегал рядом с таким же неаккуратным квадратиком, помеченным дедом как «Бункер». Туда среди бела дня мне тоже соваться не рекомендовалось. Старик говорил, что там, вокруг ученых, выются, как мухи над кучей дерьма, разного рода наемники. А вдруг у кого-то из них фотка с моей физиономией окажется? Но зайти туда разок — все же придется: один из обитателей «Бункера» устанавливал сканеры аномальных зон на детекторы. Но сейчас у меня наличности — по нулям, да и наворачивать мое ламповое чудо незачем. Дед сказал, что сначала нужно «Велесом» разжиться, а потом только бабки во всякие улучшения вкладывать.

Прикинув по ориентирам нужное направление, я двинул через пути. Обрез перекочевал из-за спины в руки, ПМ покоился в кармане куртки и приятно колотил по бедру. Я глянул на детектор, закрепленный двумя брезентовыми ремешками на предплечье левой руки. Все индикаторы прибора дремали. Откинув его сеточку, на случай если рядом вдруг нарисуеться

артефакт, я стал пробираться через буйно разросшийся кустарник. Панель сеточки несколько мешала держать обрез, но это все же лучше, чем полностью занимать левую руку детектором. К тому же я уже немного привык к этому маленькому неудобству, когда в паре с учителем вокруг «пузыря» ходил.

Солнце не спеша двигалось к зениту. С одной стороны, хорошо — светло, аномалии четко видны и меньше всякой живности бегают, а с другой — людей-то больше шатается по округам. Уж и не знаю, что и кто для меня в Зоне опаснее.

Тихое жужжание детектора заставило меня остановиться. Вибросигнал приятно массажировал мне руку, предупреждая об опасности. Я пригляделся и прямо впереди, за следующим кустом, приметил едва опознаваемый вихрь и легкое колебание воздуха. В этих зарослях коварно притаилась «карусель», и если бы я убегал от кого-либо, то понял бы, что влетел в нее, лишь тогда, когда перед моими глазами мелькнул бы мой же разорванный в клочья зад.

Я сделал несколько шагов, обходя аномалию, но детектор все не унимался и тихонечко вибрировал на предплечье. Ага, «карусель» тут, по ходу, не одна. Вокруг нее примостились несколько «воронок».

Выходить из кустов на открытое пространство и по нему огибать это скопление не очень-то хотелось. Страх попасться кому-то на глаза крепко держал меня за «половое различие». «Карусели» и «воронки», конечно, смертельно опасны, но они мне уже хорошо знакомы, а потому не так страшны. Попробую проскочить между ними. Методично обкидав аномалии железками из подаренного дедом мешка, я обозначил границы опасных зон. Теперь можно было здесь пройти как по высланной бархатной дорожке, и неважно, что она из опавшей листвы, кривая и гайками-болтами очерчена.

Проходя мимо «карусели», я почувствовал, как меня ощутимо потянуло к ней. Аномалия большая, и даже за пределами опасной зоны чувствовалось ее притяжение.

Только-только я обогнул «карусель», как услышал треск кустов и через секунду передо мной выскочил крупный секач. Грозно хрюкнув, он закрутился на месте, оглядывая округу подслеповатыми глазками. Я замер на месте, смотря под ноги на дорожку из гаек. Красиво удрать фиг получится. Эта туша догонит меня, и хватит одного легкого толчка, чтобы меня порвало на лоскуты или смяло в маленькую фрикадельку.

Я затаил дыхание, в надежде, что кабан меня не заметит. Время тянулось, как жвачка, прилипшая к подошве в июле месяце. На лбу и спине похолодело от легкого ветерка и проступивших капель пота. На ноге заныла и задергалась мышца от той неудобной позы, в которой я застыл. И когда же эта скотина свалит?!

А кабан словно услышал мысли и повернулся в мою сторону. Мутновато-черные глазки уставились четко на меня. Секач молча рванул ко мне, только грязь брызнула из-под копыт.

— Мля-а-а-а!!! — не своим голосом закричал я и дуплетом разрядил оба ствола в несущуюся на меня тушу.

Дробь ударила мутанта по спине и, прошуршав по его толстой шкуре, рикошетом разлетелась по кустам. Мой залп для этой туши был значим не более, чем дорожные знаки для зайцев. Я перехватил обрез левой рукой сверху и, матерясь на горячий ствол, прыгнул навстречу кабану. Дробовик уперся в горб секача, и я перелетел через него, как в детстве через спины дворовых товарищей, когда играл с ними в чехарду. Правда, товарищи при этом не брыкались, подбрасывая меня на несколько метров вверх, и я потом не летел еще метров пять по инерции с последующей жесткой посадкой в кустарниковых ветках, меньше всего на свете похожих на пуховую перину или сугроб свежеевыпавшего снега.

Сорванный ветками капюшон слетел с головы, а повязка сползла с лица. Я упал и растянулся в зарослях, с забитым осенними листьями ртом. А кабан на полном скаку, воинственно задрав куцый хвостик, влетел прямехонько в «карусель». Раздался пронзительный визг, секача оторвало от земли, стремительно раскрутило и буквально взорвало. И благо что я лежал, иначе бы меня с ног до головы окатило кабаньими потрохами.

В этот момент я приподнял голову, и мне точно в лоб прилетело копыто. Перед глазами на несколько секунд среди бела дня засияли звезды.

С трудом я поднялся на ноги и, пошатываясь, убежал подальше от этого места. Предсмертный визг животного был, наверное, слышен за несколько километров, и ждать, пока что-то или кто-то наведается сюда пожевать мясной нарезки, просто глупо.

Руки уже отработанными и привычными движениями перезарядили обрез. Детектор молчал, и я немного ускорился. Впереди замаячили просветы между кустами и, обогнув еще несколько «трамплинов», я залег под крайним одиноким кустиком. Передо мной простиралась дорога, не шоссе, конечно, но и не деревенский проселок. Судя по карте, этот путь ведет точно к пометке на моей карте. Вон уже виднеются здания комплекса за забором. По словам деда, это была заброшенная база зенитчиков. Ну, глянем, что там завалюсь.

Неровное, изрытое выбоинами дорожное покрытие медленно стелилось под ноги, изредка потрескивал счетчик уровня радиации, отмечая очаги повышенного фона. Но я уже не обходил эти зонки десятой дорогой, а старался быстро пересечь зараженное пространство. На поясе висела «медуза», и если верить старику, она могла с легкостью справиться с излишком микрорентген.

Один раз на дорогу выбежали собаки. Я юркнул в придорожную канаву и лежал там, пока их отдаленный лай не стих. Потом выполз наружу и, пригнувшись, отправился дальше. Добравшись до самого забора комплекса, я глянул внутрь огороженного пространства и — обалдел... По территории части ходили люди. Это были военные. Я упал лицом вниз на землю. Ай, дед, вот удружил! Легкий способ, значит, на оружие разжиться? И как еще меня снайпер не снял на подходе к комплексу? Теперь нужно притвориться бревном и тихонечко, незаметненько отползать отсюда.

Я медленно приподнял голову и присмотрелся. Один из военных только что присел на крыло стоявшей там УАЗовской «таблетки» и достал из кармана пачку сигарет. К нему подошел второй, скорее всего пьяный, потому что его походка была уж слишком разболтанной, вразвалочку. Сидевший солдатик молча поднял руку и протянул ему пачку. Тот взял ее и так, держа в поднятой конечности сигареты, как какой-то факел, пошатываясь, отправился дальше по двору.

Стоп! Похоже, местные вояки больны уже знакомой болезнью. Это зомби, мать их! От сердца отлегло. Тупое мясо с самым навороченным автоматом не идет ни в какое сравнение с человеком разумным, вооруженным простеньким пистолетом. Я воспрянул духом. Эх, я ж так сейчас фрагов¹¹ набыю тьму-тьмущую и стволы с трупов поснимаю! А заодно и по помещениям прошвырнусь, наверняка на военной базе что-нибудь полезное завалюсь.

Решив, что лучше сначала прочесать помещения и занять удобную огневую позицию, прежде чем устраивать дезматч,¹² я просочился на территорию части.

Если не привлекать внимание этих отупевших созданий, то можно было пройти через территорию всей части без единого выстрела. Главное, вовремя падать на землю и притворяться ветошью, тогда эти вояки с выжженными мозгами могут буквально по твоей спине пройти и ничего не заметить. По крайней мере, такое мне про зомби дедуля Михей чесал долгими вечерами после утомительных тренировок, и не верить учителю причины не было.

Выждав удачный момент, когда все ближайшие зомби повернулись ко мне спинами, я пересек открытое пространство и метнулся в тень стены какой-то длинной постройки. Вероятно, это была казарма. Тихо прошуршав курткой по всей ее длине, я прополз до дверного проема на торце здания. Дверь отсутствовала, и я юркнул внутрь.

Это был какой-то кабинет. Старая карта на стене, истлевшие бумаги на единственном

¹¹ Фраг (англ. *frag*) — очко, начисляемое за убийство другого игрока в компьютерных играх.

¹² Дезматч (англ. *deathmatch*) — режим сетевой игры «все против всех» либо команда против команды.

обшарпанном столе. И тишина. Помещение ничем не отличалось от всех остальных, таких же заброшенных и облезлых. Пол был усеян мусором, какими-то бумагами и обломками мебели. Окурков, пустых консервных банок, старых матрасов и прочих следов сталкерской жизнедеятельности здесь не было. Тем лучше, возможно, здесь осталось что-то ценное.

Первая находка ждала меня именно в этом обшарпанном столике. В дальнем углу выдвижного ящика, под сгнившими старыми отчетами, в истлевшей коробочке лежала кучка патронов к ПМке. Не найдя больше ничего, я сгреб их в карман и отправился дальше.

Вскинув перед собой дробовик, я аккуратно прошел еще один кабинет и гуськом двинулся вдоль казармы. Два ствола высматривали все окна, дверные проемы и прочие места, откуда могло появиться шатающееся тело забредшего сюда андэда. В ближнем бою мой обрез давал фору всем «калашам», вместе взятым, и одного его сдвоенного выстрела должно было хватить, чтобы из зомби сделать всадника без головы. Точнее, пехотинца без головы.

Вся казарма была пуста и основательно разворочена. Сложилось впечатление, что тут резвилось стадо слонов. Судя по всему, она так же основательно была вылизана и вычищена поколениями сталкеров. М-мда, навели здесь «чистоту и икебану» задолго до меня. Что-то искать в этом мусоре было бессмысленно, но я все же прошелся до конца казармы, к решеткам каптерки. Указательный палец, лежащий на триггере, так и чесался, до того мне хотелось выстрелить. Хоть бы одно тело с автоматом завалилось бы сюда! Я бы позаимствовал у него все, что ему-то в дальнейшем будет не нужно. Вот тогда уже можно будет начинать отстрел остальных обитателей комплекса. Но, как и прежде, здесь царила тишина, и рядом с казармой не мелькнуло ни одно шатающееся тело.

Когда я оказался возле решетчатой отгородки, которая тут была от пола до потолка, у меня потекли слюнки. Там, на одном из столов, лежали несколько пистолетов, коробки с патронами и гранаты. На настенных полках красовались «калаши». Несколько автоматов валялись на полу, а на полках тумбочки аккуратными рядами лежали магазины к ним. Там же были еще какие-то армейские ящики. Что в них было, я не знал, но наверняка что-то хорошее, ценное, полезное для выживания.

И как же это сокровище осталось здесь целехоньким, нетронутым?!

Я подергал решетчатые двери и саму решетку — они даже не скрипнули. Все выглядело достаточно прочным, согнуть или сломать эти прутья было занятием как минимум бесполезным. Я перевел взгляд на маленькие окошки под потолком каптерки. И на них красовались решетки... Как же туда залезть?

Слева было еще одно малюсенькое помещение, дверь в котором также отсутствовала. Голова моя сквозь решетку не пролезала, и я отошел максимально далеко, чтобы увеличить угол обзора. То, что я увидел, меня сильно порадовало. Через дверной проем виднелся проем квадратного люка, проделанного в полу, а из него торчал край железной лестницы, ведущей вниз.

Когда я бежал к казарме, то заметил ряд ступеней, уходящих под землю с внутреннего дворика комплекса, но сразу туда сунуться не решился. Мало ли что там внизу могло поджидать.

Весь в нетерпении, я подскочил к парадному входу и выглянул наружу. Все зомби ковыляли вдаль, возле ангаров и КПП, поблизости не было никого из них. Радостный, я выбежал из казармы и, пробежав до конца здания, прыгнул вниз в узкую щель спуска.

Сразу в нос ударила резкая вонь. Там, внизу, сдохла явно не одна мышь. Ступени вели глубоко под землю, я сильнее сжал обрез, готовый снести чердак любому, кто встанет у меня на пути. Но желающих откусать «черного гороха» не оказалось. Бронированная дверь внизу была распахнута настежь, я выглянул из-за ее железного косяка. Внутри в темноте ангара стояли БТРы, бетонный пандус вел наверх, и там, на поверхности, виднелись покачивающиеся фигуры андэдов. В самом ангаре вроде бы никого из нежити не было. Темнота, конечно, могла скрывать одного или двух зомби, но ни шуршания ног, ни бессвязного бормотания, присущего им, я не услышал. И, осторожно войдя в ангар, я тенью

мелькнул вдоль стены, к проему на противоположном ее конце. Здесь повсюду смердело разлагающейся плотью.

За проемом была маленькая комнатуха и закрытые бронированные двери. На стене темнела панель старого кодового замка. Все здесь было наглухо закупорено и рассчитано на прямое попадание атомной боеголовки. Попасть внутрь было невозможно. Вот и ответ на вопрос, как все то, что в каптерке, сохранилось до сих пор. Я со злостью пнул ботинком закрытую дверь. Гулко зазвенело железо, и почти сразу же за моей спиной раздался звук выстрела.

Пуля клюнула стену на уровне моих плеч и харкнула мне в лицо осколками бетона. Отпрыгнув в сторону, я обернулся и шмальнул сразу из двух стволов в харю неизвестно откуда взявшегося в моем тылу зомби. Этот гад, оказывается, тихонечко стоял здесь в темном углу и, видимо, собирался уже окончательно разложиться и стать удобрением, как звук удара моего ботинка пробудил в его протухшей голове последний импульс к подобию жизнедеятельности.

С такого расстояния нормальному человеку промахнуться было трудно, но это тело даже нормальным зомби назвать уже было затруднительно. Вояка прогнил до костей, буквально. Мой выстрел навскидку был куда точнее, и дробь из обоих стволов кучно легла в эту сгнившую голову.

Осколки черепа и сгустки того, что когда-то было мозгом, словно сорванные ураганом, плюхнулись на стену и начали медленно сползать по ней. А тело еще несколько раз качнулось и рухнуло. Но даже лежа на земле, эта безголовая гнилушка продолжала увлеченно палить из пистолета. Я мигом вылетел из этой комнатухи, и лишь чудом не получил рикошетом одну из выпущенных нечистью пуль.

Тело за стеной продолжало стрелять, пока не опустошило весь магазин пистолета. Выстрелы стихли, и я уже было хотел пошарить по карманам зомби, как вдруг монотонное бурчание, состоящее из бессмысленных обрывков фраз, заполнило все пространство ангара.

На звуки выстрелов стягивались все зомби, что шатались снаружи. Я глянул на пандус — там маршировал уже целый отряд андэдов, в руках у них были «калаши». Первый, который меня заметил, открыл огонь, остальные, издав боевое мычание, стали палить по сторонам наугад. Я едва успел отступить к ступеням, по которым сюда спустился. А в ангаре уже воцарился сущий ад, громыхания очередей слились в один сплошной рев. Несколько пуль ударили в распахнутую бронированную дверь и, срикошетив, просвистели над самой моей головой.

Я как ошпаренный взлетел по ступеням и, задержавшись на самом верху, судорожно переломил дробовик, выцарапал отстрелянные гильзы и сунул в стволы два целых патрона. Изрядная доза адреналина, впрыснутая в кровь, заставила руки лихорадочно дрожать. Ну их на фиг, е-мое, эти фраги, набыю в другой раз и в другом месте.

Выскочив наружу, я вскинул обрез и бегло осмотрелся. Сверху почти ни одного зомби не осталось, все ломанулись в ангар, на «вечеринку». Я плюнул в сторону последнего андэда, ковыляющего вниз по пандусу, и покинул эту горячую точку, принесшую сплошные разочарования.

Теперь мне был заказан путь на юг, к следующему «халявному» месту добычи, отмеченному дедом на моей карте. «Копачи» — кажется, так были помечены квадратики домов на карте. Я двинул туда и, желая быстрее уйти от зенитного комплекса, совсем забыл об осторожности. Шел быстрым шагом, нагло и во весь рост, поглядывал на детектор и высматривал аномалии.

Руины домов виднелись невдалеке, а на их фоне отчетливо выделялся столбик с желтым треугольником. Тут же затрещал детектор, предупреждая о повышенном радиационном фоне. Я решил преодолеть этот фонащий участок, как делал до этого с другими подобными — проскакивая по ним галопом. Но счетчик радиоактивности все трещал и трещал, даже тогда, когда я поравнялся со стенами первой развалившейся хатки.

Тут же из остатков этого домика на меня выметнулись три слепых пса и кинулись в

атаку. Первого из слепышей я сразу же превратил в мясной фарш, застрелив в упор. Остальные две животинки разбежались и вознамерились заходить с разных сторон. Да пошли вы на!.. Я ломанулся через руины к дому, с виду наиболее сохранившемуся.

Твари были явно шустрее меня, и одна из них уже пристроилась за мной и собиралась вонзить свои клыки в мои улепетывающие булки. Я резко отпрыгнул в сторону, и ее зубы клацнули в считанных сантиметрах от меня. Разрядив на бегу второй ствол в эту шуструю тварь, я сделал рывок и пулей влетел в дом. Доски пола приняли массу моего тела и закрипели. Я затравленно оглянулся.

Раненый мутант бился на земле и скулил, а второй, подскочив к своему собрату, сразу же принялся его поедать. Громкий хруст костей на фоне предсмертного визга был слышен даже здесь, в доме. Ну и ладно, приятного тебе аппетита, гадина клыкастая.

Выбросив из головы слепышей, я прошвырнулся по комнатам дома. Запустение, царившее внутри, по-прежнему вызывало гнетущее чувство одиночества и тоски. Каждый мой шаг сопровождался скрипучим и потрескивающим «голосом» досок, словно дом пытался что-то сказать мне. Потревоженная мной пыль поднялась с пола, летела со стен и потолка, словно кружа в танце. Лучи солнца, проникавшие через пустые проемы окон, пронизывали ее, создавая фантастические картины. Везде валялись куски разбитой мебели, обрывки бумаг, газет. В одном из углов на истлевшей одежде лежала кукла. Ее глаза были вырваны неизвестно кем и зачем, и вид у нее был страшный... чернобыльский вид.

Совсем не верилось, что здесь когда-то жили люди. Неужели прямо вот тут некогда топилась печь, возле нее играл в куклы ребенок, а мать готовила ужин, ожидая отца с работы. Картина деревенских будней вдруг отчетливо и в красках проявилась перед глазами. Даже на секунду стал ощутим аромат готовящейся еды, идущий от печи.

Нахлынувшие фантазии оказались настолько яркими, что я застыл на месте. Казалось, что мне удалось перенестись в прошлое и заглянуть в чужую жизнь. Контраст с настоящим был настолько велик, что переход обратно в реальность словно оборвал очередную нить в душе. Что-то, связывающее меня с моим прежним «Я», с моей собственной прежней жизнью, — вдруг стало на эту нить тоньше.

Осмотрев все комнаты, я остановился у разрушенного угла дома, рядом с лестницей, ведущий на чердак. Вдруг снаружи мелькнула чья-то тень. Я стремглав взлетел вверх по ступеням и там растянулся на досках пола. Снизу доносилось несвязное бурчание и шарканье ног. Блин, опять?

Я осторожно выглянул через ближайшую брешь в настиле крыши. Вокруг дома уже шаталась парочка зомби, и еще толпа примерно в полтора десятка андэдов ковыляла к руинам. Эти гнилушки, видимо, слонялись тут недалеко и явились на звуки моей стрельбы.

Достаточно быстро вся эта компания наводнила руины. Одни были одеты в военную форму, на других красовались комбинезоны всевозможных окрасов с разными нашивками на рукавах. В руках у многих были автоматы. Слепой пес, вырвав последний кусок мяса из трупа товарища, шустро убежал прочь из деревеньки.

Я глянул на свой обрез, потом на «калаши» в руках зомби. Соблазн был велик. Рано или поздно, а нужно начинать косить эти гнилушки и шарить по их карманам. Если, конечно, я не собираюсь обитать на этой крыше до очередного выброса. Перезарядив обрез, я максимально тихо спустился по ступеням вниз и замер возле пролома в стене.

Долго ждать не пришлось. Совсем рядом появилась спина одного из зомби. В руках у него болтался АКСУ. Я сглотнул слюну, сделал несколько шагов, выставил из-за стены обрез и в упор снес голову этому бедолаге. Его тело обмякло и растянулось на земле. Я было высунулся наружу и протянул руку, чтобы затащить труп в дом, но тут же понял свою ошибку. Пока я валялся на чердаке, к руинам подтягивались новые зомбированные бойцы, и теперь их здесь было не просто много — их тут скопился, наверное, целый батальон. И все андэды, услышавшие мои выстрелы, открыли беспорядочный шквальный огонь.

Я вскарабкался назад на чердак, отполз подальше от лестницы и перезарядил обрез. Стрельба в руинах довольно быстро стихла, а поднятая пулями пыль осела. Зомби, потеряв

цель из виду, опять занялись своим привычным делом — бродить по руинам, ища вчерашний день и остатки самосознания.

Только-только я вздохнул с облегчением, как вдруг меня встряхнул новый выброс адреналина. В дальнем углу чердака темнел чей-то силуэт. Я дернулся, вскинув обрез, и лишь работающая сама по себе логика удержала указательный палец руки от рывка, вжимающего триггер. Если это тело было бы живо или полуживо, то наверняка завалило бы меня еще в первый раз, когда я сюда забирался. Я немного успокоился и подполз к темной фигуре.

Мертвец в сталкерской куртке и армейских брюках сидел тут, подпирая деревянную балку, наверное, достаточно давно. Характерный запах разлагающейся плоти почти отсутствовал, а ткани ссохлись так, что любая мумия позавидует. А рядом с телом валялся рюкзак и... винтовка! Снайперская винтовка Драгунова, с родной оптикой, точно такая же, как у деда Михея. Я чуть не запищал от восторга. Надо же, наконец и мне улыбнулась удача!

— Прости, браток, тебе она уже и даром не нужна, — прошептал я покойнику и поднял СВД.

Внешне винтовка выглядела целехонькой. На ее промасленной поверхности был совсем небольшой, от силы недельный слой пыли, что совсем не вязалось с состоянием трупа. Если не безжалостное время, то что ж тебя так иссушило, дядя?! Раздумывал на эту тему я недолго, приятные мысли о винтовке вытеснили все остальные размышления.

Я вынул магазин, выщелкнул из него все патроны и пересчитал. В магазине оказалось шесть патронов, хищно поблескивавших головками пуль. Негусто, но — и то хлеб. Я вернул боеприпасы в магазин и принялся потрошить рюкзак.

Так, и что мы тут имеем? Несколько пар запасных носков — в утиль. Бельишко — туда же. Несколько банок тушенки — уже лучше. Консервы перекечевали в мой рюкзак. Два небольших и тяжелых контейнера, подобных тем, которые показывал нашему покойному проводнику Панкер. В них, насколько я понял, хранились радиоактивные артефакты. Неужели удача решила мне не только улыбнуться, но и заняться со мной любовью? Я, боясь спугнуть это пламенное везение, отложил контейнеры в сторонку и продолжил ковыряться в рюкзаке.

Из полезного еще тут были несколько аптечек и три перевязочных пакета. А в широком боковом кармане обнаружили... еще один магазин и коробка патронов к винтовке! Пятьдесят хищных «маслят» с остроконечными головками, похожих на миниатюрные ракеты, плотненько утрамбованные, лежали в упаковке. Еще бы чуть-чуть, и у меня от радости случилась бы эякуляция. Оказывается, эта Удача — шикарная девчонка!

Сложив все ништяки в рюкзак, я вцепился в эсвэдэху и уже злобно-предвкушающе улыбался, понимая, какая участь сейчас постигнет мычащих внизу зомби. Но трезвая мысль все же достучалась до моего сознания, затуманенного счастьем. Снайперские патроны следовало поберечь. Большинство бродивших по руинам гнилушек можно и из обреза нащелкать, главное, не спешить и действовать аккуратно.

Высунувшись из ближайшего чердачного окна, я окинул взглядом поле боя. Определив тех, что были вооружены серьезнее, чем пистолетом или обрезом, я припал к оптике и плавно потянул спуск. Винтовка резво лягнула плечо, а один из зомби, получив пулю в голову, кувырнулся на землю. Толпа загудела и зашевелилась, выискивая источник угрозы. Сильные голоса наперебой монотонно гундосили одни и те же фразы.

— М-мочи-и-и к-козлов...

— Противник...

— С-солдат, в атаку...

— В-вычистим Зону от з-заразы...

— Стреляй, б-боец...

Я пристроил винтовку на доски, взял в руки обрез и передислоцировался к противоположному окошку. Прямо под ним на звуки выстрела ковыляло несколько андэдов. Я выставил руку в окно, максимально приблизив к ним обрез, и с секундной паузой

выстрелил по двоим ходакам. Один обмяк и плюхнулся с треснувшей головой на землю, а второй упал и задергался на земле. Черт, попал в тушку, а не в голову! Перезарядка, выстрел, выстрел и опять перезарядка. Словно замкнутый цикл спятившей программы.

Один зомби заметил меня и открыл ответный огонь. Я отпрыгнул от окна и пополз к винтовке. А сзади уже всюду стучали бешеные дятлы. Пули разносили трухлявое дерево рамы в щепки. Хоровое мычание зомби снаружи ширилось, мощно и сурово. Толпа нежити маршировала на звуки стрельбы и добавляла в эту какофонию свои беспорядочные залпы.

Я подполз к окошку, взял эсвэдэху и прострелил головы двум бывшим военным с «калашами» в руках. Тут же из-за углов высыпали их кореша и как-то слету определили мою огневую точку. Я вынужден был быстро отступить вглубь чердака. Спешить мне явно некуда. Теперь уже со всех сторон крышу колотили пули и облака дробы.

Я вжался в пол в самом центре чердака и, пользуясь случившейся передышкой, осмотрел те два контейнера для артефактов. Оба оказались полными. Открыв первый, я увидел комок веток, стеблей и какого-то мусора, причудливо переплетенных друг с другом и перекрученных. Поверхность комка отблескивала, словно зеркало. На этой зеркальности тут и там виднелись желтые и красные пятнышки, как битые пиксели на дисплее монитора. Зрелище завораживало, но счетчик уровня радиации начал трещать, заглушая звуки стрельбы. Я поспешно захлопнул контейнер и отложил его в сторонку. Как только я открыл второй, слабый свет растекся из-под приоткрытой крышки. Внутри лежал еще один зеркальный комок размером с кулак. Корешки, земля, все вперемешку. Счетчик снова затрещал, я захлопнул и этот контейнер. Эх, одним ухом слушал я рассказы старика про артефакты, теперь нужно будет покопаться в памяти, чтобы определить, как это все называется, и главное — сколько ж оно стоит.

А тем временем дятлы за окном совсем стихли. Нестройное ворчание и шарканье ног вновь заполнило все наружное пространство. Ну что же, «Show must go on»! И опять то же самое, по замкнутому циклу. Одно сплошное дежа-вю.

Высунуться, выбить из рядов андэдов пару-тройку бойцов, отскочить, распластаться в блин и вжаться в пол посреди чердака.

Горка моих стреляных гильз у окна продолжала расти. Ответная стрельба за окном постепенно стихала по мере того, как ряды желающих пострелять в меня редели с каждым последующим циклом.

Глава тринадцатая

LEVEL UP¹³

Руины поселка опустели. Между остовов домов и холмов, как и до моего появления здесь, гулял лишь ветер. Но вокруг дома, на крыше которого я засел, штабелями лежали трупы. Тем лучше.

Не нужно будет далеко бегать, чтобы пошарить по их рюкзакам и карманам. Последний зомби, замеченный мной, шатался аж за самыми дальними руинами. Я его давно приметил, он все время бродил там, как будто это место было помазано медом, и не кидался на звуки стрельбы, подобно всем своим «соплеменникам». Станный какой-то, а может быть, он просто глухой или контуженый, а сюда прибрел, следуя за толпой своих товарищей.

Я еще немного понаблюдал за ним через оптику СВД и нажал на спуск. Винтовка ударила плечо значительно слабее, чем в первые разы. Это по той причине, что уже через несколько выстрелов я сообразил, что нужно приклад в плечо упирать плотнее. Зомби всплеснул руками, выпустил в небо прощальную автоматную очередь и рухнул с простреленной головой на холмик, вокруг которого нарезал круги. Извини, чувак, хоть ты и не буйный, но мало ли что тебе в изуродованную башку взбрело бы в следующую секунду.

¹³ Level up (англ.) — движение на более высокие уровни.

Я оставил на чердаке свои рюкзак и винтовку, подхватил опустевший баул мертвого сталкера и спустился вниз. Пришло время пожинать заслуженные плоды этого многочасового побоища.

Спустившись вниз по лестнице, я шагнул наружу через дыру в стене дома, и склонился над ближайшими трупами. Ну и вонища сейчас от них перла! По ходу, как только в их головах воцарялось тотальное затмение, то первое, о чем они напрочь забывали — это снимать штаны, прежде чем справлять свои нужды. То ли еще будет! Вот начнут они все, друженько, по-настоящему разлагаться... здесь же без противогаза мимо невозможно будет пройти.

Первый же «калаш», который я радостно схватил, вызвал «стояк» у счетчика радиоактивности. Обидно, досадно, но ладно! Тут есть из чего выбирать. Я отбросил в сторону активно «светящийся» автомат и принялся шарить по карманам усопших. В пустые недра рюкзака опустили первые трофеи: несколько рожков к «калашу» и солидная жменя патронов к разным стволам. Рассортирую все потом, потом! Прежде чем сюда кто-то заявится, нужно успеть обшарить как можно больше этих засранцев, теперь уже окончательно усопших.

Несколько наладонников, сохранившихся у более «свежих» зомби, все еще работали. Все они были, конечно, заблокированы, но если в Зоне эти аппараты в ходу, то и «сервис-центр» по их обслуживанию обязательно должен был кто-то организовать. А чем не способ зарабатывать стабильную денежку? Я взял три гаджета и спрятал их во внутренний карман куртки; как найду умельца, попрошу подломать трофеи. Электронная карта территории намного удобнее бумажного аналога.

И так, перемещаясь от тушки к тушке, я набил свой рюкзак всевозможным полезным барахлом. А когда ноша стала почти неподъемной, я вернулся на чердак, выгрузил все трофеи, собранные внизу, и отправился на следующий заход.

Вся одежда гнилушек, включая бронежилеты, была либо повреждена, либо сильно «фонила». Но на одном из военных, который еще почти не смердел, я все же обнаружил практически новенький бронежилет, с удобными кармашками «разгрузки» на нем. Внешне этот защитный комплект не был взлохмачен пулями и клыками мутантов, как прочие, и датчик радиации в моем детекторе помалкивал. Чем не повод обновить свой гардероб?

К штанам покойных, по которым много раз стекало вниз то, что уже не было нужно их пищеварительной системе, я побрезговал даже прикасаться. Лишь снял с одного бывшего сталкера потертый наколенник и нацепил его на свое правое колено. Я постоянно становился на него и уже почти протер дыру в ткани своих брюк. Но вовсе не забота о брюках вынудила меня позаимствовать наколенник. Несколько раз я едва не прорубил себе колено острыми осколками подножного мусора, а теперь появилась возможность устранить эту постоянную угрозу.

Жаль только, что не удалось мне сменить свою лицевую повязку на противогаз или какой-нибудь шлем. Почему-то не было на головах зомби ни того, ни другого. Видимо, как снимали они в первый раз свои «намордники», решив кого-то сожрать, так и оставили их на земле в тех местах, где снимали.

После третьей ходки за трофеями на чердаке собралась немалая горка патронов всех мастей, куча автоматных и пистолетных магазинов, такая же куча пистолетов и гранат, две груды «калашей» и дробовиков и ножи в ассортименте. Все это уволочь за один раз было просто нереально, и я принял решение пересмотреть, отсортировать и выбрать из всего изобилия сокровищ то, что посчитаю наиболее ценным. Существовал, конечно, большой риск, что пока я сюда вернусь, все мое заботливо собранное добро уже кто-то подберет и наверняка даже спасибо не скажет... Потому и пришлось нагрузить себя до предела.

ПМ я сменил на потертый, но уже ставший мне родным «кольт», обрез заменил на АКСУ, а полные рожки к автомату и гранаты рассовал по кармашкам разгрузки. Лямки тяжеленного рюкзака на плечи я накинул не с первого раза, и сразу понял, что с такой ношей бежать явно не смогу. СВД примостилась за спиной, автомат лег в руки. А теперь бодренько

ползем к станции. До темноты нужно успеть еще одну ходку сделать.

Я вышел из своего убежища и потопал в сторону обжитых зданий. Несколько раз завибрировал детектор, предупреждая меня об опасности, и я вынужденно двигался в обход замеченных аномальных зон, матеря про себя каждый лишний пройденный метр пути. По раскисшей земле и сетям из бурьяна и раньше было трудно идти, а сейчас так вообще стало мучительно. И когда впереди замаячила асфальтовая дорога, я, не раздумывая, направился к ней. Справа оставалось какое-то озерцо, слева большой комплекс зданий с высоченными трубами, а впереди возвышались башни ЛЭП.

Я, посапывая от натуги, проволочил свои многострадальные ноги до самых путей и стал перебираться через рельсы... Впереди гроыхнуло выстрелы, я тут же снял автомат с предохранителя и уставился в сторону звуков. Там, в редких зарослях кустов, группа бандитов отстреливалась от снарков. Пока мутанты и братва были заняты друг другом, мне обязательно нужно было проскочить мимо них.

Я прибавил ходу и, проковыляв по асфальту еще несколько метров, свернул к железнодорожной станции. Как только поравнялся с трансформаторной будкой, из-за нее мне навстречу вышли три сталкера. На их комбинезонах не виднелось никаких клановых нашивок, это были нейтралы.

— О, дедушка мороз мешок подарков нашим тащит! — не очень весело пошутил один из них.

— Мужик, тебе помочь? — ухмыльнувшись, добавил второй.

Каких-либо оттенков агрессии или хамства в их словах я не расслышал. Мужики просто прикалывались, а потому и ответ мой был крайне дружелюбным.

— Нет, спасибо большое, я уж как-нибудь сам допру, — произнес я, тяжело дыша, и потопал дальше.

— О, ребятки, смотрите, прямо по курсу бандюки со снарками танцуют. Давайте им поможем?! — вдруг задорно воскликнул один из сталкеров, и вся троица ломанулась в сторону стрельбы.

Я остановился, чтобы немного отдышаться, и проводил их изучающим взглядом. Надо же, какая человеческая взаимопомощь в Зоне процветает! Даже бандитам тут помогают. Вот как людей беда сплотила... Но мои радужные мысли резко оборвали выстрелы и отчаянные вопли братвы. Сталкеры открыли огонь в спины бандитам, сражающимся со снарками. Раненые «пацаны» отвлеклись на атакующих людей, а мутанты не замешкались завалить их на землю и с рычанием начали разрывать на куски.

— Не добивайте этих козлов, пускай помучаются, уроды! — злорадно выкрикнул один из нейтралов, комментируя нечеловеческие вопли умирающих.

— Ага, пусть знают, как наших щемить, гопники поганые! — согласился с ним другой.

— А когда сдохнут, порешим снарков и пошарим по кармашкам покойничков, — добавил третий.

И вся троица просто ждала, наблюдая за бойней, как за спортивным шоу. И сталкеры сейчас болели явно не за людей... А я потащил свое изнемогающее тело дальше, к центральному входу на станцию «Янов». Все окна здания были закрыты ржавыми листами железа и заколочены досками. Да, неплохо вы здесь, ребятки, забаррикадировались.

— Хочешь войти, сталкер? Не вопрос, оружие только прячь! — захрипел где-то рядом громкоговоритель.

Я поводил взглядом по стенам, отыскивая источник звука.

А тут все серьезно, где-то даже дозорный засел и просматривал прилегающую территорию. Я накинул ремень на плечо, убрал за спину автомат и потянул на себя тяжелую станционную дверь. Она скрипнула, и я шагнул внутрь, рефлекторно ощупав свою повязку, скрывавшую лицо.

Я застыл на пороге, осматривая станционный зал ожидания. Облезлые стены и потолки в подтеках, огромная старая люстра под потолком, в которой горит лишь одна лампа накаливания. Несколько столиков под стенами, старый автомат «газировки» в углу, навалы

ящиков под стеной и две арки проходов, друг напротив друга, ведущие каждая в свое крыло здания. Да-а, пейзаж скупой, но все же местечко выглядело обжитым, если сравнивать его с остальными развалинами Зоны.

Людей здесь было немного. Несколько сталкеров скопились у столиков, они выпивали, выскребывали ножами содержимое своих консервных банок и болтали с набитыми ртами. Еще несколько мужиков стояли, подпирая стены, и чего-то ждали. Один из этих типов был облачен в некий скафандр, ну в точности как космонавт из свежего фантастического боевика... Кто-то толкнул меня в спину, продвигая внутрь помещения.

— Развелись тут широкоплечие, ни пройти, ни проехать, — недовольно буркнул вошедший сталкер и затопал напрямик к окошку кассы.

Я проводил его взглядом. Билеты, что ли, будет покупать на поезд? Эх, мне бы сейчас плацкартный билетик, хоть на боковой полке возле туалета. Да хотя бы и в «общий», сидячий вагон! Или в тамбуре, на крыше, на подножке, в ящике для песка под брюхом вагона...

Только бы выбраться отсюда.

А сердитый сталкер, скинув с плеч свой рюкзак, опустил его на выщербленный пол перед кассой и принялся выкладывать разные вещи. Для человека, находившегося по ту сторону перегородки с окошком... Торговались эти двое недолго, обретавшийся за окошком мужик сгреб все, выложенное перед ним, а сталкеру протянул пачку мятых купюр и коробку патронов. Бродяга недовольно буркнул и потопал под арку, в другие помещения станции. Значит, и мне к этой кассе нужно идти, свое железо обналичить.

— Подходи, брат, у меня, как в Греции, все есть! — позвал меня торговец, приметив, что я смотрю в его сторону, и поманил рукой.

Я подошел к окошку и, натужно кряхтя, стащил с плеч свой рюкзак. Он гулко стукнул о пол, а я с трудом выпрямил спину, и — обалдел от внезапно вернувшейся легкости бытия.

— Ты что там такое притащил? — Мужик с интересом глянул на мой тяжеленный мешок, набитый трофеями.

— Да вот, тут разное-всякое. — Я открыл клапан и стал выкладывать перед торговцем свой груз. — В основном оружие и боеприпасы.

— Угу, наверное, долго собирал? — Торговец сразу взялся осматривать и проверять оружие, делая пометки карандашиком на листке бумаги.

— Да не очень. Зомби меня в Копачах обложили со всех сторон, — выложив все «калаши», я уже доставал из рюкзака пистолеты, — вот, настрелял гадов...

— О, так ты суровый боец, — между делом проворчал мужик и глянул на меня искоса. — Ты здесь новенький? Что-то я тебя не видал раньше.

— Ага, прибил к отряду наемников, который ученых вел, — соврал я, выкладывая на стойку гранаты, — и сюда с ними пришел.

— Ясно, опять к бункеру новое мясо привели... Недолгий срок эксплуатации у этих очкариков, да? Ха-ха! — пошутил торговец и сам же рассмеялся своей шутке.

Рюкзак опустел на три четверти, но контейнеры с артефактами я доставать не спешил. Пока мужик оценивал стволы и делал свои калькуляции, я стоял и искоса посматривал на шастающих по залу сталкеров. Пару раз дернулись нервишки, когда в помещение входили группки людей с красными нашивками на броне. Но «долговцы», закинув оружие за спину, не проявляя какой-либо агрессии, проходили мимо бойца «Свободы», закусывавшего у столика. Правду сказал дед Михей, здесь действовали общепринятые правила «безопасного места», и совсем рядышком друг с другом на нейтральной территории могли находиться самые злейшие враги.

— Итого — шесть двести, — подвел черту своим вычислениям торговец и показал мне свой листик с записями.

— Всего шесть тысяч за эту гору оружия?! Да это же грабеж!

Естественно, я откровенно возмутился, ведь рассчитывал выручить со всего этого товара сумму куда большую.

— Ну, не хочешь — дело твое. Только сразу предупреждаю: больше чем я здесь тебе никто не отстегнет, — барыга невозмутимо смотрел на меня, будучи уверенным, что я не поташу дальше весь этот тяжкий груз.

— Ладно, уговорил, — я быстро согласился, заметив, что своими криками уже привлек внимание находившегося здесь народа.

— Тебе деньгами или что-то прикупишь у меня? — продолжал гнуть свою линию торговец. — Вот, например, к броне не хочешь шлем подобрать?

— Шлем? Мне бы лучше детектор, что-то вроде «Велеса». Такой есть в наличии? — Голову себе действительно нужно было чем-то прикрыть, но сейчас меня больше всего интересовал именно детектор.

— Ну-у ты, мужик, губу раската-а-ал! Сейчас хорошие детекторы на вес золота и в страшном дефиците. Они редко в продаже бывают, так что давай я тебе лучше шлемаки покажу. — Торговец полез куда-то вниз, достал и положил передо мной два шлема. — Вот это «Сфера М12», вещь очень хорошая. Алюминиево-титановая штукovina, бронемаска, респиратор и встроенный ПНВ. Плюс есть возможность дополнительно усилить шлем броневыми накладками и напичкать разной электроникой. Ну, а это тактический шлем, те же яйца, только в профиль. Но он импортный, а потому немного дороже. Так что тебе больше нравится?

— И сколько они стоят? — спросил я о «главных характеристиках» этих шлемов, о которых барыга пока умолчал.

— Ну, «Сфера» нулевая, только что со склада, тебе отдам за девять тысконок, а «тактика» не меньше чем на десять затянет. — Торговец нахально улыбнулся, смотря на меня в упор своими честными и невинными глазками.

— Сколько-сколько?! — Я опять вскрикнул, ошалев от озвученных цен. И, спохватившись, гораздо тише добавил: — А что-нибудь подешевле есть?..

— Эх, специально для тебя, — барыга убрал эти два шлема, еще немного порылся под прилавком и выложил на стойку третий, сильно потертый шлем. — Вот, зацени. Та же «Сфера М12», совсем немножко секонд-хенд. Единственная проблема — ПНВ накрылся с концами, но зато есть фонарик. Бери, вещь хорошая, отдам за полцены, за пять штук.

— За полцены — это четыре с половиной! — сердито гаркнул я, понимая, что даже в этом меня торговец пытается надуть.

— Хорошо, договорились. — Барыга тут же отсчитал деньги и протянул их мне вместе со «Сферой». — На вот, шлем и штука семьсот.

Я взял шлем и демонстративно, «не отходя от кассы», на виду у торговца пересчитал купюры. Все было верно, видимо, обсчитывать здесь не принято, хватало и того, что эти падлы и так все скупали по бросовым ценам. Я спрятал деньги в карман с муторным ощущением, что надо мной только что жестоко поглумились. Рыночные торговцы в моем городе просто дети в сравнении с этими мутировавшими барыгами. Сволочи, пользуются тем, что в Зоне у сталкеров почти нет альтернативы...

— Не подскажешь, где здесь можно наладонник починить? — напоследок обратился я к торговцу. — А то мой пуля задела, и он потух.

— Так это к нашему мастеру, Азоту, вон там он, в крыле, где «Долг» тусуется, — барыга кивнул на противоположную арку, а когда я уже сделал несколько шагов прочь от него, вдруг окликнул: — Эй, погоди, мужик!

— Чего тебе еще? — Я обернулся и недовольно посмотрел на торговца.

— Винтовка у тебя очень знакомая. Я смотрю, там зарубки на ствольной накладке, точь-в-точь как у одного моего кореша. — Барыга указал на мою СВД. — Он зарубки делает православными крестами, с еще одной кривой чертой... Случайно не у него перекупил?

— А если даже и у него, тебе-то что? — Меня пронзило очень нехорошее предчувствие, я невольно покосился на двери станции и прикинул, сколько секунд уйдет на то, чтобы смыться отсюда.

— Понимаешь, он должен был найти пропавший отряд очкариков и там подобрать, а

потом в бункер ученых доставить два... э-э, бракованных образца артефактов. Неделю назад он на связь вышел и сообщил, что отряд обнаружил, а потом как в воду канул. — Ушлый барыга сообразил, что я набрел на труп его товарища, и тут же ненавязчиво намекнул мне, что можно немного подзаработать. — Эти артефакты никакой пользы не приносят, они ж недеформированные. И никто в Зоне их не купит, если вдруг кому-то вздумается попытаться продать. А вот с учеными в бункере у меня договор был, и они бы прикупили... Очкарики их заждались уже, и курьеру отстегнут двадцать тысчонок. Так что если вдруг кореша моего еще раз встретишь...

Барыга не договорил, многозначительно умолк и подмигнул мне.

— Хорошо, если его увижу, то обязательно напому. — Я так же многозначительно подмигнул торговцу в ответ и зашагал к местному мастеру.

— Того человека в бункере зовут профессор Озерский, скажешь, что от Гавайца пришел! — крикнул мне вдогонку торговец, видимо, будучи уже почти уверенным, что нужные артефакты у меня.

Я не стал отвечать — пусть этот гад все-таки понервничает, теряясь в своих догадках и соображениях. Шагнув под арку, я сразу оказался в еще одном помещении, меньшем, чем главный зал. Здесь тоже было несколько столов, у которых стояли сталкеры, а вдоль стены расположились кровати.

— Мужики, где здесь Азот засел? — спросил я у сталкеров.

— В эти двери прямо до упора, там увидишь, — один из них кивнул на дверь за своей спиной.

Я поблагодарил сталкера и отправился в указанном направлении. Миновав еще одну комнату, остановился перед коротко стриженным мужиком, который, судя по окружающему его разномастному хламу, и был тем самым мастером. На его комбинезоне не было красных «долговских» нашивок, как у большинства сталкеров в этом крыле, и мне от этого стало намного спокойнее на душе.

— Хаюшки! — приветственно кивнул мне мастер и сразу перешел к сути дела. — Рассказывай.

— Мне бы это... КПК разблокировать нужно. Мой наладонник прострелили, и восстанавливать его уже нет смысла. А я тут насобирал несколько рабочих аппаратов, может быть, хоть с одним что-то выйдет. — Я достал три гаджета и протянул их мастеру.

— Не вопрос, заново залью все программное обеспечение. Это будет стоить ровно тысячу, и придется тебе часок-другой обождать, — Азот взял наладонники вместе с отсчитанными мной деньгами и кинул все это на свой стол. — Что будем в идентификатор шить? В смысле, какой никнейм указать и принадлежность к какой группировке?

— Ну, зашей прозвище... Бизон и укажи, что я нейтрал. — Я пожал плечами, думая, что эта информация не особо принципиальна.

— Заметано, — Азот записал на бумажке данные. — Что-то еще?

— Да, а вот в мой бронежилет можно какую-то ячейку для артефакта вмонтировать, а на сферу ПНВ поставить? — задал я интересующие меня вопросы. — Скажи, сколько это будет стоить?

— Хм, что тут у нас, «Берилл-5М»? — Мастер прищурился и осмотрел мой бронежилет. — Неудачная броня, я уже экспериментировал с ней. Сюда нужно сразу два контейнера ставить, и стоит это удовольствие двадцать две тысячи, но я такой «ап» не умею делать. Так что прости, друг. А вот со «Сферой» могу помочь. ПНВ второго поколения на десятку затынет, а третьего — на пятнадцать тысяч.

— Ясно, тогда зайду через два часа за наладонником. — Я развернулся и наострился прочь, обалдев от таких расценок.

Где же мне столько деньжищ наковырять?! А детектор, этот долбаный «Велес», тогда на сколько тысяч затынет? И где его искать, даже имея деньги? А еще сканер в него встроить нужно! Капец!

Да если, дай Боже, я все это насобираю, и в конце концов уж как-нибудь доползу до

кордона... там продам свое снаряжение какому-нибудь новичку, даже за полцены... то я, при своих скромных потребностях, смогу несколько лет вообще не работать!

Крайне возмущенный и озлобленный, я покинул станцию «Янов». Нужно было подобрать остаток трофеев, что остался в Копачах и, если успею, тогда еще и в бункер к ученым артефакты оттащу. А там уже и место для ночлега нужно будет подыскивать... Не заметив никого рядом, я снял свою повязку и натянул на голову свежеприобретенный шлем.

Лишь одно обстоятельство немного скрасило мрачное настроение. На станции, в этом сталкерском убежище, я оставил изрядную долю своего страха.

Я вдруг понял, что сталкеры такие же люди, как я.

Ими движут вполне понятные человеческие желания и стремления. Поэтому если я буду вести себя адекватно и не светить своей физиономией, то вполне могу прижиться в этом сообществе. Даже если тут появится охотник за головами, то вряд ли сможет отличить меня от простого зонного трудяги.

Смеркалось. Назад я возвращался в обход дороги. Большое скопление аномалий «электра», раскинувшееся под ЛЭП, я обошел стороной и по берегу озера тихонечко прокрался к деревне. Быстро пробежал «фонящий» участок руин и старый экскаватор, остановился у того самого дома, обложенного трупами... Внутри хатки скрипнули доски пола, я вжался в стену и затаил дыхание. Эх, не успел! Кто-то сюда залез раньше меня.

Я прислушался. Внутри был слышен треск костра. Там сидели люди и вели неторопливую беседу.

— ...короче, Кишка тормозит этого барыгу. Стой, говорит, не рыпайся, фраер! Куда прешь, типа, че несешь? Ну, барыга тот сразу на очко и припал, заерзал, типа я пустой гуляю тут.

— Гы-гы, гуляет! А Кишка че?

— А че? Маслину в череп и привет. По карманам пробил, рюкзак прихватил и на ноги. Барыга тот при бабках был да ништяги ходовые пер... Кишка уже неделю бухает, оттопыривается. Ты эта, плесни мне слегонца, самому захотелось...

Все ясно — нелегкая привела сюда бандитов. И что теперь? Трофеи, оставленные на чердаке, жалко, но пересекаться с братками вообще не с руки. С одной стороны, я вроде бы сам по себе, а с другой — я теперь сталкер. А значит, к бандитам должен испытывать злобу и ненависть. Они же, в свою очередь, должны смотреть на меня как на объект наживы. Денег у меня осталось совсем мало, но кто их знает, этих гопников, могут ведь и стволы отобрать. И я уже решил расстаться с остатками скарба и потихоньку смыться, как вдруг услышал то, что заставило меня резко передумать.

— Ёшкин кот, вот бы нам че-то надыбать, халяву какую... — мечтательно промямлил один из братков.

— Так это, Бык, есть одно дельце нехилое, — заговорил еще один хриплый голос у костра. — Короче, Хряк маляву притаранил, там наводка на нескольких лохов и кобыл. За каждого по сотне косарей обещают. Хряк пишет, шо бабки реальные, обещали — дадут, а фраера тепличные, городские. Они в Припяти светанулись, а потом аж на Складах под раздачу попали. Короче, они, в натуре, мечутся по Зоне, шо дурные, и к нам могут завалить, легко.

— Гы-гы, кобыл я б не сдавал заказчику! Сныкать их в подвале, и бабки потом косить с пацанов, за использование. Только бы за одну неделю тех же сто косых можно срубить, — размечтался один из бандитов, тот, что просил ему плеснуть.

— Ага, точняк, хе-хе, — негромко хохотнул другой браток, халявщик Бык, и спросил: — Ну, а че за фраера, Граб? Погоняла какие?

— Один момент, ща гляну, я записал себе, на всякий, — отозвался голос третьего, названного Грабом, видимо, старшего из братков. — Короче, погоняла фраеров... Седой, Бизон, Панкер и еще какой-то Русик, он же Пилат. Ну а с кобылами и так ясно: как только в Зоне баб чистых встретишь — это почти верняк, они и есть... Был бы ты сталкер, Бык, фраера без плаща могли б даже подпустить, а так догонять и хапать надо.

— Эх, точняк, нам бы щаз бухла ящик и хоть одну из тех телок на троих... устроили б культурно-массовые мероприятия!

Бандиты заржали так, что лошади позавидуют. Да, эти твари, гогочущие за стеной, совсем другой масти. Не такие, как те «правильные» братки в Рыжем лесу. Здесь были реальные беспредельщики, настоящие пираты Зоны. Они гоготали, а я стоял за стеной, полной грудью вдыхая прохладный и влажный воздух Зоны. Только бы не сорваться сию секунду, только бы... Погоди, погоди, нужно все обдумать, подсказывала логика, сообразив, что бойни уже не избежать.

А что тут обдумывать?! Внутри меня достигла точки кипения природная ярость. Убить меня хотите, так?! Убить человека, ни за что ни про что отнять жизнь, чтобы эти деньги потом тупо пропить?! Отобрать у подобного себе единственную истинную драгоценность — жизнь, чтобы затем, нажравшись до свинячьего визга, почувствовать себя еще большими придурками, чем вы есть на самом деле?!

Внутри натянулась и комариком тоненько запищала очередная нить души, натянутая струной. Все, козлы, кранты вам, однозначно! Пришло время выпустить свое правосудие со дна ствола. Нить в душе звонко лопнула, а крыша со звоном улетела куда-то в поднебесье.

В моих руках как бы сами собой очутились две гранаты, их кольца улетели в сгущавшийся сумрак ночи. С тихим звоном отстрелились рычаги. Раз — я встал на порог. Два — шагнул по коридору и остановился у проема двери, за которой трещал костер и бушевал хохот братвы. Три — обе гранаты улетели в комнату, глухо стукнули по доскам пола и оборвали групповое ржание этих тварей.

— Оп-па!.. — все, что успел вякнуть кто-то из братков, вмиг уразумевший всю сложность своей ситуации.

За стеной бабахнули гранаты, и я, сжав автомат, шагнул через порог. Два заляпанных собственной кровью уроды валялись на полу, не подавая каких-либо признаков жизни. Я сделал по одному контрольному выстрелу в голову, каждому из них. Третий, хрипя и держась одной рукой за продырявленный бок, другой тянулся к пистолету, лежащему рядом. Я в несколько прыжков оказался возле него и пинком ботинка отправил ПМ в дальний угол комнаты.

— Ах, ты с-с-сука, фраер поз-з-сорный... — злобно шипел недобитый пират и шарил взглядом по сторонам, выискивая что-то подходящее, чем меня можно было убить.

— А вот и не угадал, я массовик-затейник. Ты же, чмо гнилое, культурно-массовых мероприятий хотело. А зонное барбекю тебе по вкусу?! — в душе возник вроде бы совершенно не свойственный мне изуверский порыв.

Двумя сильными пинками я перевернул братка на живот, схватил его за капюшон плаща и поволок к костру. Там, уронив бандита верхней половиной туловища в огонь, я запрыгнул ему на спину и стал ногой тыкать вопящего врага мордой в языки пламени. И меня ни капельки не смущал тот факт, что на эти нечеловеческие крики могут стянуться все мутанты, находящиеся поблизости. То, что люди сюда не сунутся из элементарного страха, сомнений не было ни малейших!

Я спрыгнул с бандита лишь тогда, когда тот уже перестал дергаться, а комнату заполнили густой дым и запах горелой плоти. Гнев, получив выход, мощно выплеснулся и вдруг исчез... а я стоял и таращился на все это кошмарное зрелище, недоумевая, искренне не понимая причин своего временного затмения. Откуда во мне взялось столько жестокости?! Уже напился ею от Зоны и здешних не ведающих жалости обитателей?

Снова включилась логика — нужно поторопиться. Я порыскал по карманам и рюкзакам покойников, скинул все полезное, что обнаружил, в свой мешок. Потом взлетел на чердак, наспех накидал оставшиеся пистолеты и пару-тройку автоматов в полупустой рюкзак. Патроны не было смысла тащить к торговцу, за них он сущие копейки насчитал. Тут же остались лежать и стволы, которые с виду были сильно изношены, такие он и вовсе не возьмет, похоже.

И пяти минут не прошло, а я уже покинул этот дом и быстро зашагал назад, на

станцию. Рюкзак сейчас был намного легче, чем в первый раз, и я уже почти бежал по тропе, разведанной до этого. Темнело прямо на глазах, и голубое свечение «электр» уже было видно издалека, но в то же время все «воронки» и «карусели» сейчас мог бы засечь только детектор.

Глава четырнадцатая ХОДЫ ПЕШКИ

Без особых приключений, к счастью, я добрался до станции. И только когда уже оказался у самых ее ворот и закинул за спину автомат, вдруг зарычали и кинулись на меня из-под ближайшего вагона маленькие уродливые твари. Это были тушканы, дед Михей мне очень подробно их описывал, и потому я сразу же опознал бегущих на меня крысopodobных созданий.

Я выхватил «кольт» и не спеша застрелил этих хилых мутантов, двоих из трех. Одного точного попадания хватало, чтобы мелкие тушки разлетались на ошметки. Последний тушкан, визжа, кинулся на меня, пытаюсь вгрызться своими маленькими зубками в мою штанину, но попал под подошву берца. Я наступил на мутанта и перенес всю массу своего тела на эту ногу. Хрустнули косточки, и череп зверька сплюснулся. Из-под подошвы брызнули, будто выдавленные из тубика резким сжатием, его внутренности.

В этот момент ожил громкоговоритель станции и еще раз озвучил мне золотое правило: не размахивать стволом внутри убежища.

Я спрятал пистолет, тщательно вытер подошву об асфальт и шагнул внутрь. С наступлением темноты людей здесь значительно прибавилось. Многие из сталкеров решили не испытывать судьбу и явились пережидать ночную активность мутантов в надежном убежище. И я их теперь понимал! Если уж прямо под самым порогом обжитого здания ближе к ночи тушканы нападают, то когда совсем стемнеет, там, под стенами, можно повстречаться с мутантами и куда более опасными.

На этот раз Гаваец отстегнул мне всего-то две тысячи, я молча спрятал купюры и потопал к мастеру. Двух часов еще не прошло, но в свете последних обстоятельств я остро захотел сменить свое прозвище, внесенное в идентификатор устройства. Эти трое братанов, трупы которых остались в доме, — всего лишь первая весточка, отголосок начавшейся на меня охоты.

— А, это ты, привет-привет! — Азот оторвался от своего рабочего стола и повернулся ко мне. — Спешу тебя обрадовать, е, два наладонника уже кирдыкнулись, флеша в них выгорела с концами. Третий я поставил на профилактику и безопасную заливку, так что до утра можешь о нем забыть.

— Да хрен с ними... Я вот что хотел попросить. А можно идентификационные данные изменить? К черту прозвище, пусть будет просто Сенька, вольный сталкер, — постарался сказать я ровно, без волнения в голосе.

— Нет, на данном этапе над этим аппаратом больше нельзя издеваться. Ну, если еще насобираешь наладонников, тогда можно повторить процесс, но это будет стоить уже пять тысяч. Слишком продешевил я с этим делом, не думал, что столько геморроя будет. — Мастер недовольно скривился, услышав мою просьбу, и добавил, поняв ее суть: — А если тебе вдруг шифроваться понадобится, то просто выключи гаджет и батарею из него вытащи. Встроенная «таблетка» только данные сохраняет и не запрашивает модуль идентификации. Хочешь, я тебе всего за триста денег тумблер встрою, чтобы не нужно было каждый раз крышку открывать и батарею дергать туда-сюда?

— Ну, встрой. — Я отсчитал из тоненькой пачки купюры и протянул их Азоту. — А можно еще убрать все звуковые сигналы в настройках и перевести их на вибросигнал?

Мастер глянул на мою жиденькую наличность и на то, с каким выражением лица я расставался с деньгами, и сокрушенно покачал головой.

— Можно, конечно. А ты, Сенька, я вижу, совсем бедуешь? И зачем ты в Зону лез?

Работал бы дворником в каком-нибудь Мухосранске, елы-палы, и горя не знал бы, — судя по сказанному и по тону голоса, Азоту меня стало жаль, чисто по-человечески жаль.

— Так это, у меня мама больная дома осталась, вот, хотел о ней позаботиться, — почти не соврал я.

— Чтобы свободную койку не искать, можешь прямо здесь у меня покемарить до утра, на вон том стуле. — Мастер кивком указал на стул, возле ящика в углу комнаты. — И вот что еще, я тут подумал, если тебе свой «Берилл» не особо жалко, то отдавай его мне на эксперименты, а вдруг и получится что-то с ним сделать, в плане ячеек для артефакта.

— И во сколько мне это удовольствие выльется? — Я неуверенно глянул на оставшуюся наличность, сжимаемую в ладони.

— В этом весь и фокус, что ни во что. То есть даром! — Азот добродушно улыбнулся. — Но есть, конечно же, и подвох. Как я уже говорил, был у меня неудачный опыт с этой броней, она достаточно распространена в Зоне, а я ее так и не научился делать, и денежку теряю на заказах. Но если ничего не делать, тогда и не научишься же ничему? Короче, есть очень большая вероятность, что после моих экспериментов ты в этот «Берилл» ячейки нестроишь уже и за очень большие деньги. Тут как в русской рулетке, только патронов в барабане немного больше, чем один. Ну что, согласен?

— А ладно, валяй! — Я подумал немного, снял свою броню и передал ее обрадованному мастеру.

От шары отказываться нельзя ни при каких раскладах. Конечно, если это не сыр в мышеловке.

— На вот, надень куртку, чтобы не простыл ненароком. — Азот протянул мне одежду. — И располагайся на стуле до утра. Но смотри, будешь храпеть — я в тебя начну метать отвертки.

Я кивнул в знак согласия, уселся на стул, снял шлем и натянул на голову капюшон, а на лицо повязку. Мастер разрешил мне поужинать, используя ящик в качестве стола. Я расстегнул свой рюкзак и выложил трофейную еду, которую нашел в мешках братков. Почти свежий батон, неизвестно откуда взявшийся в Зоне, и засохшая палка колбасы были красиво нарезаны и уложены на тарелку, стоящую на ящике. Туда же, на ящик, пристроилась и бутылка водки, доставшаяся мне от бандитов.

Азот от предложенных ста граммов не отказался, но больше пить не стал, ссылаясь на то, что у него до утра еще уйма работы. Мастер занялся делами, а я, периодически опуская повязку вниз пальцем, приговорил всю оставшуюся бутылку, и под водку слопал абсолютно весь батон и сожрал всю колбасу.

Я и не заметил момента, когда отключился, и очнулся утром, когда меня растолкал Азот.

— Вставай, Зона зовет, артефакты собирать некому! — бодренько проговорил мастер, как будто он всю эту ночь дрых, а не ковырялся над своими заказами. — Вот твой наладонник, сбоку в пазу утоплен тумблер, о котором я тебе говорил. А с «Бериллом» почти все удалось. Встроил я тебе, правда, одну ячейку, но зато полнофункциональную. Следующий костюм уже смогу улучшить на совесть.

— И то дело. Спасибо, мужик. — Я поблагодарил мастера, вернул ему куртку и облачился в свою модернизированную броню. — Как насобираю еще денег, то приду винтовке апгрейд делать.

— А что ей делать? Эта винтовка у меня уже побывала как-то, я вон по зарубкам ее помню. Там единственное, что рекомендую установить, это тыльник толстый, резиновый. И еще, ты там осторожнее, ко мне забегаало ночью тело, интересовалось тобой. Ну, я и сказал, что ты Сенька, вольный сталкер, и придумал простенькую историю, не обремененную деталями и подробностями, о том, как ты сюда попал.

— Еще раз спасибо, мужик! Разживусь на наличность и вернусь. — Я надел на голову шлем и отправился дальше, искать приключений на свою бедную голову.

Худо-бедно, но пробегал я в окрестностях станции «Янов» два дня, и уже почти

запомнил расположение аномалий, но в конце вторых суток грянул выброс и перемешал, падла, все зонные карты. Похвастаться особо нечем было, результаты двух дней удручали.

В подвале железнодорожной станции я встретил охотника на мутантов, и в основном ходил к нему, сдавать охотничьи трофеи. Оказывается, здесь можно было переводить в наличность такую гадость, как глаз плоти или хвост псевдособаки. Особо мерзким трофеем, как по мне, оказались ступни снорков. Мало того, что завалить этих монстров было весьма проблематично, так потом еще нужно сидеть и ножом оттапывать им эти самые ступни. Занятие, сразу скажу, совсем не из приятных и легких.

Случилось мне и на артефакты разжиться. Свою «медузу» я сменил на «выверт», а найденный мною «глаз» оказался артефактом весьма полезным, хоть и радиоактивным. Он буквально на глазах каким-то чудесным способом затягивал любые мои боевые раны и порезы, и, естественно, сдавать его этому кровопийце-торговцу я пока что не спешил. Как и не торопился относить те два артефакта, не до конца сформировавшихся, в бункер ученых. Пусть еще немного понервничает барыга, а вдруг и цену мне предложит поинтереснее?

Ночевал я все время в комнатухе мастера, за что приносил ему на разборку все найденное оружие. На ночь, или когда хотелось немного отдохнуть от беготни, я прикидывался пьяным в стельку вольным сталкером и сидел в мастерской Азота на своем стульчике.

Но уже на следующее утро после выброса мастер с нескрываемым волнением предупредил меня, что на станции стали шастать наемники, и они интересуются несколькими сталкерами. Азот четко слышал, что прозвище одного из тех, кого ищут — Бизон. Мастер по-дружески посоветовал мне уходить с «Янова» и из окрестностей станции на «Затон», а потом и еще дальше, потому что наемники если ищут людей, то исключительно с единственной целью.

Я в который раз поблагодарил этого хорошего человека, познакомиться с которым мне так неожиданно и кстати повезло, и решил вернуться в пространственный «пузырь», к учителю. За советом. Бандюки — неорганизованные охламоны, и особых хлопот мне не доставляли. Никто из братков целенаправленно не искал меня или кого-либо из наших, просто не упустили бы шанс при случае, а вот наемники, как говорится, «отличаются умом и сообразительностью». И если эти товарищи нагло явились на станцию и принялись расспрашивать всех, невзирая на то, что их здесь не особо жалуют, то, значит, дело уже попадает керосином.

Перед тем как рвать когти с «Янова», Азот посоветовал мне скоренько прошвырнуться по руинам цементного завода, расположенного по соседству. По словам мастера, оттуда после выбросов сталкеры частенько приносили неплохой улов. И я решил воспользоваться советом бывалого жителя Зоны.

Последний раз глянув на станцию, я отправился к заводским развалинам, стараясь укрываться в зарослях кустов. Здесь везде маячили черные бандитские плащи, а пересекаться с бандитами любому сталкеру в западло. Так я и прокрался вдоль путей до самого завода. Не доходя до него метров двухсот, остановился и снес головы двум ковылявшим вдоль ограды зомби. Ничего хорошего, кроме нескольких начатых аптекчек, я в их рюкзаках не обнаружил.

А за ограждением из колючей проволоки возвышались заводские конструкции и сооружения. Одного беглого взгляда хватило, чтобы понять, что территория завода — один огромный винегрет аномалий, рассыпанных здесь щедрой рукой... С моим чудо-детектором в кавычках лезть туда — смерти подобно. Но что самое любопытное, при таком обильном скоплении аномалий мой детектор молчал и не показывал присутствия артефактов. Видимо, я сюда пришел далеко не первым, и внезапно раздавшийся голос подтвердил мое предположение.

— Привет, бродяга. Там уже пусто, можешь не ходить!

За моей спиной вдруг возник бородатый мужик средних лет, в легком бронежилете и без какой-либо защитной маски на лице.

Несмотря на простенькую одежонку, в руках сталкер держал навороченный ствол, в

котором я не смог признать ни одну из уже знакомых мне моделей. Чем-то это чудо забугорной техники отдаленно напоминало американскую эмку, но это была явно не какая-то из разновидностей легендарной винтовки.

И еще... Я зачарованно уставился на пояс бородача. Там в специальном чехле удобно примостился тот самый детектор «Велес», который я все это время безуспешно искал.

Сразу же в голову полезли нехорошие мысли... Может, напоследок изменить своим принципам и грохнуть этого дядьку? Пусть он и хороший человек, но его смерть быстро решит мою основную проблему. Без такого детектора мне до границы Зоны не добраться... Я быстро отмахнулся от этих поганых мыслишек. Чем тогда я буду лучше мутировавшего животного? Да и не факт, что этот мужик меня сам не пристрелит первым, заподозрив что-то неладное.

— И тебе не кашлять, спасибо за предупреждение. — Поблагодарив мужика, я развернулся и зашагал прочь от завода.

— Погодь, мэн, хорошо подзаработать не желаешь? — стрельнул мне в спину сталкер коварным вопросом.

Я поневоле остановился.

— А что нужно делать? — задал я встречный вопрос, не особенно понимая, что бы такое этот матерый сталкер не умел делать самостоятельно.

— Идем, покажу что. — Мужик призывно махнул рукой и отправился к деревьям, торчащим на пригорке.

Я последовал за ним, борясь с желанием вскинуть автомат и в этот удобный момент, пока мужик находится ко мне спиной, выстрелить ему в затылок.

— Вон туды глянь, только не шуми. — Сталкер остановился на пригорке и указал мне вниз, где расстелилось небольшое болотце. — Там аномалия «плавни», кислота на кислоте. Но и артефактов в ней... короче, далеко не один. Предлагаю заняться этим вопросом, а артефакты честно разделить пополам. Как ты на это смотришь?

— Спасибо, но нет. У меня не такой мощный детектор, чтобы по большим скоплениям аномалий лазить. — Я отрицательно качал головой.

— Так я тебе свой детектор на время дам, в нем сканер стоит, и ты все кислотные воронки на мониторе увидишь, — не успокаивался мужик.

— Хорошо, а в чем загвоздка-то? Ты уж прости, ничего личного, однако не верится что-то в твою человеческую доброту, — я уже был готов развернуться и уйти, поняв, что дело явно нечистое. «Бесплатного сыра» отведать совсем не хотелось.

— Погоди, я все объясню, — сталкер упорно стоял на своем. — Там внизу, в камышах, я заметил двух кровососов, и они, уроды, в этих зарослях засели и носа не показывают, так что пристрелить я их не смог. Вот и предлагаю тебе по «плавням» походить, а я тут на пригорке покараулю. Вдруг повылазят эти падлы, так я их сразу и пристрелю. Скопление аномалий вон там, левее, а мутанты засели здесь вот, почти напротив завода... если будешь себя тихо вести, то они тебя даже не заметят.

Я оценил ситуацию — предложение было в такой же степени выгодным, насколько и странным. Да, риск был, но и наличность мне была нужна как воздух. А потому я тяжело вздохнул и... согласно кивнул сталкеру-искусителю.

— Вот и ладушки. Я разблокирую детектор на полчаса, должно хватить с головой. — Мужик снял с пояса свой прибор, поколдовал над ним и протянул мне. — Держи, напарник, и смотри на дисплей очень внимательно. Твоя позиция — в самом центре радара. Ну, ни пуха!

— К чертям! — Я взял прибор и, по большой дуге обойдя болотце, вступил в скопление аномалий.

Детектор был просто чудо, насколько проще с ним передвигаться! Он засекал аномалии, прежде чем я их смог различить. Вот только что, на подходе к «плавням», я обошел две гравитационные аномалии, отображенные на дисплее детектора желтыми кольцами. А впереди уже зарябило сонмище маленьких зеленых пятен, обозначающих

кислотные воронки. Сколько их тут?! Обалдеть! Да, сюда можно было сунуться, лишь имея в распоряжении подобное навороченное устройство.

Наконец завибрировал на рукаве мой собственный детектор, запоздало предупреждая о близости аномалии. Знаю, родимый, уже знаю... Красными точками на дисплее среди всего этого зеленого лабиринта обозначались артефакты. Ну, что же, поехали!

Я ходил аккуратно, не отрывая взгляда от дисплея прибора, и старался ступать тихо, чтобы не привлечь мутантов. Все вроде бы шло по плану, я пару раз взглянул на «напарника», стоявшего на пригорке, тот мне жестами показывал, что все в порядке, мол, он следит за источником потенциальной угрозы. Спустя десять минут я подобрал последний из обнаруженных здесь артефактов и, выйдя с другой стороны скопления аномалий, остановился на небольшом островке посреди болота.

Вздохнув с облегчением, я потопал через мелкое болото к холму. Неожиданно мне показалось, что ляпающий звук моих шагов как будто раздваивается... Странное эхо вторило где-то рядом и мало-помалу приближалось. Я обернулся. Сзади никого не было, мои глаза никого не видели, однако кольца волн, расходящихся на воде, свидетельствовали совсем о другом! Одинокие стебли камышей, торчащие из воды, резко дернулись, как будто кто-то их задел ногой.

Мне стало страшно, страшно до суеверного ужаса. Как такое может быть?!

От деда Михея я слышал, что зонные кровососы способны становиться невидимыми, однако не до такой же степени! Хотя бы какое-то размытое пятно воздуха, но ведь должно быть. Здесь же — ни фиги подобного!

Вскинув автомат, я выпустил длинную очередь по следам на воде и где-то на метр выше них. Из пустоты раздался рев, от которого моя кровь превратилась в замороженный клюквенный сок, а слоны обделались от зависти в далекой Африке. В воздухе передо мной появилось создание, которое я прежде видал лишь издалека. Прямо на меня несся крупный голый мужик, полностью лысый и со щупальцами вместо рта. Оживший кошмар!!!

Я отступил на несколько шагов и отправил в этого монстра остаток патронов из магазина. Мутант метнулся в сторону и растворился в воздухе. Мля, где ж ты, хренов дозорный?! Я лихорадочно выцарапал полный магазин из кармана разгрузки и прищелкнул его к автомату. Хриплое дыхание и рев раненого монстра, казалось, доносились отовсюду. Тварь носилась вокруг меня как ужаленная. Я не стрелял, понимая, что этим лишь опустошу магазин и, когда кровосос атакует, мне просто нечем будет ему ответить...

Невероятным усилием воли я заставлял себя не сходить с места. Стоя по щиколотку в этом болоте, можно было хотя бы по всплескам воды засечь, с какой стороны решит меня атаковать мутант. Выйдя же на сухую землю, я лишусь и этого преимущества.

Наконец хриплое дыхание стало приближаться. Снова захлюпали по болоту его лапы. Я дал несколько коротких очередей. Пули наткнулись в воздухе на невидимое препятствие, брызнула кровь. Кровосос взревел и проявился, стал видимым, однако в этот раз уже не стал убегать, а кинулся на меня в отчаянной и наглой попытке порвать меня своими лапами. Живучий, гад!! Я направил ствол в голову атакующего монстра и нажал на спуск.

Автомат забился в моих руках, как только что пойманная рыба. Пули расчесали лысую башку кровососа, сорвали с нее лоскуты плоти и оторвали с подбородка щупальца. В какой-то момент от головы мутанта остались лишь кровавые арбузные корки, но его тело продолжало по инерции мчаться на меня.

Я отскочил в сторону, а промчавшийся мимо кровосос рухнул в болото, подняв облако брызг. Тело монстра еще несколько раз дернулось и затихло. Но стоило ему замереть, и в этот же момент, как эхо его хриплого дыхания, за моей спиной раздалось еще одно... Я рефлекторно отпрыгнул и растянулся в грязи, а надо мной проявился, навис и заревел второй такой же урод, натуральный «Ктулху» из рассказов Говарда Лавкрафта!

Но вдруг его башка треснула и разлетелась, как хрустальная ваза. С холма донесся звонкий звук одиночных выстрелов снайпера. Ну, лучше уж поздно, чем никогда. Я вздохнул с облегчением, встал на дрожащие ноги и, доковыляв до коряги на островке, опустил на нее

свой уцелевший зад. Меня уже начинало отпускать и сердце немного поуспокоилось, как новая неожиданность впрыснула мне в кровь очередную дозу адреналина. Мой напарничек сейчас стоял передо мной и на полном серьезе целился мне в голову из своего огнестрельного навороченного агрегата.

— Э, э, мужик, ты чего?! — обалдевший, я поднял руки вверх.

В этот момент меня пробрало похлеще, чем даже во время схватки с кровососами. Эта тварь, что сейчас направила на меня ствол, оказалась хуже всех этих монстров вместе взятых, хуже зверей. Хотя и считает себя, падла, человеком!

— Слушай сюда внимательно, повторять не буду. Жить хочешь — без резких движений положи стволы, артефакты и мой детектор на землю и отойди на десять шагов назад.

Сталкер не шутил, по его глазам я понял, что этот выродок не впервые подобный трюк проворачивал и убьет меня, глазом не моргнув.

Я выполнил его требования. Винтовка, автомат и пистолет легли на корягу сверху, туда же я положил и детектор. Все четыре артефакта, в которые была оценена моя жизнь, я кинул на землю под корягу, потом поднял руки и медленно отступил назад.

— Ничего против тебя не имею, дружище, но, понимаешь, в Зоне выживают только самые сообразительные и умеющие приспособиться. — Ужасно довольный собой, сталкер так же медленно приближался к коряге. — А теперь, дурачок, топай в «плавни», на «Янове» никому не надо знать моих трюков.

— Мужик, ты же обещал... Ты же сказал... — начал я тихо мямлить, пытаюсь хоть на минутку отдалить критическое мгновение, хотя оставалось надеяться разве что на чудо... но уже на третьей фразе сорвался на крик. Я внезапно распознал за спиной этого нелюдя уже знакомые кольцевые волны, и закричал, чтобы коварный сталкер не смог услышать всплесков, рожденных шагами крадущейся твари: — Отпусти!! Я никому не скажу! Я вообще с «Янова» свалить хотел!

— Я же говорю, ничего против тебя лично не...

Рев кровососа прервал речь мерзавца. Монстр проявился из воздуха за спиной сталкера, схватил его лапами и прыгнул, как кузнечик, унося с собой тело вопящей добычи. Эта парочка приземлилась в самых зарослях камышей и уже там продолжила свою битву. Рев монстра, вопли и стрельба сталкера — все слилось в одну сплошную какофонию. Одна тварь грызлась с другой, и я в этот миг даже не представлял, кто из них победит в этой схватке.

Но чудо уже свершилось!

Развязки я, конечно, дожидаться не стал. Подскочив к коряге, закинул за плечи автомат и винтовку, подхватил «кольт», зацепил навороченный детектор и ломанулся прочь от этого проклятого места. Артефакты я так и оставил валяться под корягой, задерживаться еще хоть на несколько секунд не решился. Да и гадко было прикасаться к комочкам, по сути, грязи, в которые едва не была оценена моя жизнь...

С таким сканером аномальных полей можно было ходить по Зоне, как в тапках по своей квартире! Абсолютно все аномалии сейчас отображались на дисплее детектора, и радиус действия у него более чем солидный. Можно было маршрут продумывать наперед, и следить лишь за мутантами, шныряющими в округе. Детектор должен был оставаться незаблокированным еще минут пятнадцать, а этого мне хватит, чтобы добежать до бункера ученых.

Детектор утянул большую часть внимания на себя, и я прощелкал появление нескольких мутантов. Двое snorkов выпрыгнули на меня из кустов, но я не стал отстреливаться, лишь увернулся от их прыжков и запетлял дальше, скользя между аномалий. За спиной дважды хлопнул «трамплин» и разрядилась «электра», исчерпывающе объяснив дальнейшую судьбу прыгучих монстров.

Небольшая стайка тушканов, выскочившая на меня в районе станции, была расстреляна мной прямо на бегу. Стаю слепых псов, маячившую рядом, взял на себя отряд «Долга». Все же неплохие они, эти ребята, когда не хотят меня убивать. Все два дня, пока я бродил по

этим территориям, «долговцы» только тем и занимались, что мочили мутантов и помогали простым сталкерам. Они пару раз даже мне прикрывали задницу. Первый раз — когда меня на камни загнали псевдособаки, а второй — когда я драпал по шпалам от стада кабанов.

Сейчас я бежал и радовался чудесно обретенному прибору. Не знаю, сколько подобное чудо реально стоит, но отработывало оно в эти минуты любые, даже самые невероятные деньги. И десятка минут не прошло, как я проскочил кусты, на бегу подняв обнаруженную детектором «вспышку», и вышел к бункеру.

Зашипел воздух в шлюзе, и дверь бункера отворилась, пропуская меня внутрь. На ослабевших, подламывающихся ногах я прошел по узкому извилистому коридору и остановился у стола, напоминающего торговый прилавок. Там, за стеклянной стеной, обнаружился некий мужчина. По виду — военизированный ученый. Выражение лица и свет недюжинного интеллекта в глазах говорили, что мужик умнейший, а бронежилет с разгрузочными карманами и остальная одежда делали его похожим на рядового военного. В общем, помесь интеллигента с воякой.

— Чего тебе? — буркнул он, заметив, что я мнусь, не зная, как начать разговор.

— Мне бы это, детектор свой разблокировать, а то код запомнил, — соврал я.

— Нет, я таким не занимаюсь, — незнакомец отрицательно покачал головой, — способствовать мародерству не в наших интересах. Так что проваливай отсюда. Убил, наверное, человека, а его хорошую вещь себе забрал? Вижу я таких, как ты, насквозь!

— Ладно, а кто здесь будет профессор Озерский? — встретив неожиданное осложнение, я вдруг вспомнил, что у меня есть два небольших козыря в запасе. Хотя кто знает, может, и не таких уж небольших. Если двадцать штук обещано.

— Это дальше по коридору и налево, — «очкарик» потерял ко мне интерес и снова уткнулся в разложенные на столе электронные платы.

Я прошел по коридору мимо комнаты отдыха и очутился в просторном зале лаборатории. Здесь вокруг камер неизвестного назначения сустились два мужика в белых халатах. Я прочистил горло, привлекая их внимание.

— Простите, мне нужен профессор Озерский... — начал я.

— К вашим услугам, молодой человек, — отозвался тот из ученых, что был старше с виду. — Чем могу быть полезен?

— Да, наверное, это больше я вам буду полезен, — я улыбнулся. — Вы же, профессор, ожидаете образцы артефактов, до конца не сформированных?

— Ну, слава Богу! Вы их принесли?! Мы готовы сию секунду заплатить все деньги и вашему хозяину Гавайцу, и вам! — ученый оживился и буквально запрыгал от радости.

— Не хозяин он мне. И деньги мне ваши не нужны, — этими своими словами я слегка озадачил профессора.

— Но тогда что же вам нужно? — ученый оценивающе глянул на меня поверх своих очков.

— Договоримся так. Вы попросите того коллегу, который у вас электроникой занимается, чтобы он мне разблокировал детектор, а я вам отдаю артефакты совершенно бесплатно, — изложил я свое предложение профессору и веско добавил: — И чтобы Гавайцу этому ни копейки не перепало! Ясно?! Скажите, что не было никакого гонца и артефактов не было.

— Как скажете, молодой человек, как скажете... Меня устраивает ваше предложение. Подождите секундочку здесь. — Ученый снова поправил очки и скрылся за дверью.

Через минуту он вышел и кивнул в сторону коридора.

— Все, я договорился, Новиков согласен пожертвовать своими принципами во имя науки. А теперь попрошу артефакты. — Профессор протянул ко мне свои руки, подрагивающие от нетерпения.

Два заветных контейнера отправились на растерзание мужам науки, а я вернулся к стойке электронщика, и молча протянул ему детектор.

— Так бы сразу и сказал, что заказы Озерского исполняешь, а то сразу «код забыл, код

забыл»... — забурчал «очкарик», вначале показавшийся мне интеллигентным человеком, и подключил к разъему детектора шлейф кабеля.

Этот Новиков поколдовал над своими приборами. И минуты не прошло, как он уже вернул мне разблокированный детектор.

— Все, там больше нет никаких кодов. Пользуйся, сколько влезет.

Стоило мне только взять детектор из его рук, мужчина с лицом доктора наук, столь контрастирующим с военной формой, демонстративно повернулся ко мне спиной.

Я тоже молча развернулся и пошел из бункера прочь.

Опять зашипел воздух в шлюзе, и я шагнул наружу. Тут же, на выходе, ко мне подскочил какой-то мужик, скорее всего из тех наемников, что здесь тусовались. На груди бойца поверх его бронежилета красовался идиотский оранжевый смайлик.

— Привет, сталкер! — начал он бодро. — Заработать не хочешь?

— Я сейчас немного занят, может быть, позже. — Я зашагал дальше, не обращая на него внимания.

— Я серьезно, дело на сто тысяч, — наемник баннным листом приклеился ко мне и шел рядом, — где сейчас такие деньги в Зоне можно заработать?

Услышав его слова, я вдруг понял, что это не пособник ученых.

Он тот самый тип, который приходил по мою душу на железнодорожную станцию. И если это наемный убийца, тогда он не отстанет от меня, пока не поймет, что я не из тех, кого он ищет, или не пристрелит меня здесь и сейчас.

Я остановился и решил ему подыграть.

— Ого, сто кусков, говоришь?! — Я старался говорить так, словно был действительно удивлен и очарован суммой вознаграждения. — А что нужно делать? Убить кого-то?

— О, вот это уже деловой разговор, — наемник и дальше хитрил. — Только я не веду дел с неизвестными личностями. Твой КПК, видимо, неисправен, и я не могу считать данные с твоего идентификатора. Может, хоть фэйс покажешь, а то не люблю разговаривать с людьми, когда не вижу их глаз.

— Тогда давай и ты снимай свой намордник, чтобы и я тебя видел, — хмыкнул я, кивком указав на противогаз наемника.

— Хорошо, как скажешь. — Мужик просунул руку под маску и потянул ее вверх.

Но снять до конца свой противогаз он не успел. Просвистел в воздухе железный приклад моего АКСУ и ударом в голову отправил наемника в нокаут. Я не стал ждать, пока он очухается или его кореша заметят отсутствие брата по оружию, и ломанулся сквозь заросли кустов подальше от бункера.

Я убежал настолько быстро, насколько это мне позволяла Зона. Мой новый детектор существенно поднял скорость перемещения, и я очень быстро вышел к пригорку, за которым виднелись высоченные свечи кедров. Как ни странно, на этом пригорке уже стоял и поджидал меня собственной персоной мой учитель. Ох, и не прост же ты, батя!

Может быть, мой учитель телепат какой-то или истинный провидец Зоны? Ей-ей, каким-то образом он в точности знал, что я возвращаюсь к «пузырю»!

Я вскарабкался наверх и наконец-то остановился рядом с Михеем.

Уф-ф, прибыл.

— Ну чего, с возвращеньцем тебя, сына. Айда за мной, только ступай четко туда, куда я свою ногу поставлю.

Старик достал «компас» и отправился вниз по склону.

Глава пятнадцатая В ТЕНИ ФЕРЗЯ

Я шел за дедом. Аккуратно, след в след. Потому и выписывал вместе с ним невероятные зигзаги, сначала по оврагам, а потом по холмам, пока мы не попали обратно внутрь «пузыря».

Преодолев границу, обозначенную свечками кедров, дед убрал «компас» в карман и затопал к своей хате уже по внутреннему пространству рукотворной, сотворенной учеными аномалии.

А там, за столом в беседке, нас уже поджидал гость деда Михея.

Это был мужик в пятнистом КЗСе, натянутом поверх основного комбинезона. Пришлый сидел за столом и курил сигарету, прямо сквозь фрагмент сетки, скрывавший его лицо. Грозного вида «винторез» висел на ремне за спиной гостя. Винтовка пристроилась поверх рюкзака, практически плоского и продолговатого, который был весь обшит лоскутками сетки, выкроенными из такого же защитного костюма.

Сидевший за столом лишь слегка повернул голову в нашу сторону, когда мы подошли к нему, и молча продолжил курить.

— А вот и «зеленка», о которой я тебе рассказывал, — обратился к гостю дед и тоже сел за стол. — Ну, вы того, поздоровайтесь... Это Бизон, а это Чупакабра.

— Очень приятно. — Я снял с головы свою «сферу» и протянул руку для рукопожатия, но... продержал ее на весу довольно долго.

Сталкер, укутанный в сетчатый защитный костюм, судя по движению его головы, сначала медленно осмотрел меня, от ботинок до капюшона, и лишь потом, не вставая, протянул мне свою руку.

— Ну, привет.

Из-под сетки, скрывающей лицо, донесся голос человека еще молодого.

— А теперь рассказывай, как твои успехи, «зеленка»?! — Дед, по моим наблюдениям, всегда пребывал в хорошем настроении, но почему-то именно сейчас просто-таки засветился радостью.

— Успехи так себе, могло быть и лучше. — Я махнул рукой и присел на лавочку напротив гостя старика, а шлем пристроил на столе. — Вот, стволами и патронами разжился. Костюмчик «Берилл» надыбал, и даже одну нормальную ячейку для артефакта в него успел вмонтировать. Детектор «Велес» подобрал, и рабочий КПК покойного сталкера. В детектор уже встроен сканер аномальных полей, а наладонник я прошил под себя... Винтовка с тюнингом перепала на халяву. Из артефактов — «глаз», «выверт» и «вспышка». Причем «глаз» этот такая классная штукавина! Вот, думал, еще денег надо бы подкопить на всякие нужды, но пришлось срочно уносить ноги из-под «Янова», аж пятки сверкали.

— Чего ж так? — Дед закурил свою мерзкую папироску.

— Сначала бандюкам тамошним малява пришла, с ориентиром на меня и всех наших. Но я еще как-то справлялся... А когда по мою душу заявился наемник, представьте себе, с таким дурацким оранжевым смайликом на всю грудину, то я уже не стал дожидаться развязки, — поведал я о своих недавних приключениях.

— Со смайликом, говоришь? — подал голос Чупакабра. — Скверно ты влип, Кабанчик.

— Бизончик, — поправил я сталкера.

— Какая разница? — Гость деда пренебрежительно махнул рукой. — Если за дело берется Смайллик, то ты уже никто и звать тебя никак. Отвяжется он, Бизончик, только тогда, когда тебя в белые тапки обует. Если ты его раньше не кончишь, что, конечно, очень и очень маловероятно.

— Ой, да ладно тебе стращать! Я уже всяких козлов успел повстречать. Тут и научился обращаться с подобного рода фруктами. — Меня слегка задело то, что сталкер засомневался в моих способностях.

— Поверь мне, таких — ты еще не встречал. Ха-ха-ха!

Чупакабра откровенно расхохотался, и неясно было, издевательский ли это смех, продиктованный завышенным самомнением и пренебрежением к моей персоне, или мужик просто вспомнил что-то сугубо личное.

— Не хочу показаться грубым, но я не люблю говорить с кем-либо, не видя его глаз, — твердо произнес я суровым тоном, потому как меня этот тип уже начал раздражать своим беспардонным поведением. — Свой шлем я снял, попрошу и вас, любезный, проявить хоть

немного уважения ко мне.

Дед Михей открыл было рот, пытаясь мне что-то сказать, но сталкер жестом остановил его.

— Ух ты, смотрите какой серьезный, — опять же с насмешкой произнес мужик и потушил в пустой жестянке свой окурок. — А не подумал, что я, скрывая свое лицо, тем самым свое уважение и проявляю?

Сталкер буквально на секунду приподнял лицевую сетку, открывая моему взгляду свою физиономию... Но и этого мгновения хватило, чтобы я в страхе отшатнулся от стола. Лицо сталкера было не просто уродливым — часть его попросту отсутствовала, а оставшаяся в наличии была настолько исковеркана шрамами, что все зомби, вместе взятые, нервно курили в сторонке.

Я прикусил язык и заткнулся.

— То-то и оно. Только ты не дуйся, это я тебя на вредность проверял. Но ты все равно молодчага, огрызаться уже научился. Те, кто свои зубы в Зоне не показывают, потом на полку эти самые зубы и складывают. — Сталкер полез в карман, достал пачку сигарет и вдруг задал мне вопрос: — А ты не думал остаться здесь, у нас? Лесник мне про тебя много интересного рассказал, и...

— Кто такой Лесник? — перебил я Чупакабру, услышав незнакомое имя.

— Та это он путает извечно! — тотчас же встрял в разговор дед Михей, пыхнув едким облачком табачного дыма. — В Рыжем лесу имеется еще один мужичок почтенного возраста, а этому сетчастому соколу все мы, старики, на одно лицо!

— Ой, Михей, прости, ты же понимаешь, голова совсем другим забита, вот и спутал имена, э-э-э... — Изуродованный Зоной сталкер замялся, сообразив, что ляпнул что-то не то, но после малой паузы продолжил: — Так что я говорю. Инженер, да еще и подводник. Не поверишь, но твоя специальность и в Зоне оказалась востребованной. Пока не буду говорить, какие из твоих навыков особенно ценны для нас. Может быть, забудешь на все и останешься? Здесь столько всего интересного можно узнать, что и не вспомнишь больше про свою прежнюю жизнь! А я самолично тебе такие чудеса покажу, что запросто обретешь новый смысл жизни.

— Я уже думал над этим вопросом. Но если тебе Михей все про меня рассказал, тогда ты должен знать, что у меня дома мать осталась больная, и некому за ней присмотреть, один я у нее.

Я решительно оборвал этот ненужный и неприятный для меня разговор.

А неприятным он был потому, что мне уже начинало нравиться тут. В некоторой степени мне уже было комфортно находиться в Зоне. Да, тут монстры и аномалии, а каждый второй встреченный человек так и норовит пристрелить тебя, но все же прав был Седой. Здесь все правильно устроено, и во много раз проще, чем в той, прежней жизни.

— Знать-то знаю, но спросить должен был, — Чупакабра тяжело вздохнул и, просунув в специальную прорезь лицевой сетки костюма фильтр, закурил сигаретку, которую все это время мям в пальцах. — Если бы ты знал, Бизон, что знаю я, и увидел хотя бы десятую долю того, что видел я, то понял бы, обязательно понял, что здесь ты появился не просто так. Случайностей в Зоне вообще не бывает, как не бывает случайно стоящих фигур на шахматной доске.

— Расскажи это тем «фигурам», которых Зона уже сожрала, — вдруг огрызнулся я, вспомнив всех погибших из нашего отряда «горожан», неведь как очутившихся в Зоне помимо собственной воли, — расскажи это тем, кого вместе со мной сюда сбросили на корм мутантам. Тем, которым повезло меньше, чем мне... Расскажи Шкету, что его не случайность завела в «карусель» и там порвала на куски. Скажи ему еще, что в этом был великий и непостижимый умысел Творца. А чего нет?! Расскажи, мертвые умеют хорошо слушать, не перебивают, даже молчат в знак согласия.

— Все с тобой ясно. Старших слушать не хочешь, и уже намерен на все-все грабли наступать самостоятельно... Возможно, оно и к лучшему. Пройди, конечно, свой путь до

конца. Не то вдруг потом еще какие-нибудь сомнения начнут терзать. — Чупакабра заговорил размыто, загадками. — Только если уж решил топать к кордону, то нужно это делать прямо сейчас, некогда у Михея чаевать.

Сталкер поднялся из-за стола и принялся разминать мышцы.

— В смысле, прямо сейчас? — Слабый лучик надежды мелькнул во тьме моего безвыходного положения. — Я пойду с тобой? Ты меня на кордон выведешь?

— Не, ну ты губу-то особо не раскатывай, — огорчил меня мужик. — Решил же сам на все грабли наступить? Изволь. Я тебя, в благодарность за «компас», который ты к Михею приволок, и за наводку на ученых, укрывшихся у братвы, выведу к самой Припяти. А дальше — сам. Только сам.

— Спасибо, блин, большое! — Я уставился на сталкера глазами, округлившимися от удивления. — А разве кордон не в противоположную сторону?

— Ой, много ты понимаешь, «зеленка»... — Чупакабра задумался, подыскивая нужные слова, чтобы изложить свои соображения. — Если тебя на «Янове» Смайлик засек, то он и его команда уже все там обложили. И на Затоне тебя наверняка ожидает тепленький прием. Так что идти через эти и прилегающие к ним территории уже небезопасно.

— А в Припяти, значит, все чудненько, как в яслях на утреннике? — все не унимался я. — Там вообще военные засели, а это тебе не группировки сбившихся в кучу олухов, это регулярная и обученная армия!

— Дослушай, Бизончик, сначала, а потом уже и выводы делай, — спокойно ответил мне сталкер и продолжил: — Ты рассказывал Михею, что люди вашего отряда через «телепорт» прошли и появились аж у самой границы Рыжего леса. А это — ни фиги себе «скорый поезд»! Его нужно обязательно использовать. К тому же эти аномалии в Зоне самые стабильные из всех существующих. «Телепорты» от выброса к выбросу лишь незначительно перемещаются, так что, думаю, найдем мы его, и в том же месте... Ну, теперь понимаешь, к чему я веду?

— Предлагаешь мне повторить путь нашего отряда? — невесело спросил я, невольно вспоминая все самые неприятные моменты этого пути.

— А почему нет? Я тебе тропки в обход людных мест нарисую и скину координаты укромных местечек, на случай выбросов. Давай свой КПК... А теперь зырь сюда! — Чупакабра выхватил из моих рук наладонник, скинул мне карту с пометками и стал показывать на ней предстоящий маршрут. — Во-от так обогнешь тихонечко Склады, по восточной границе, пройдешь по холмам пустыря, и сразу на базу «Свободы» вырулишь... Этим ребятам все равно, с кем травку курить. Там и передохнешь, расслабишься перед последним рывком... А от анархистов до кордона рукой подать. Там зайдешь в поселок сталкеров к местной легенде, Сидоровичу. Этому старому лису я время от времени таскаю эксклюзивный хабар. А он частенько гонцов с товаром за Периметр, в «большой мир» отправляет. Так что набейся в качестве охранника для очередного курьера. Но только не вздумай там мое имя вслух произносить! Лучше уж не знать барыге, что мы с тобой знакомы.

— А как же военные в Припяти? — я переваривал полученную информацию, и этот вопрос меня беспокоил больше всех других.

— А что военные? Ты их всех собираешься перебить? Хэ! — сталкер хмыкнул и успокоил меня: — Я доведу тебя до самого «телепорта», так что военные — не твоя забота. От тебя, Бизончик, требуется лишь чапать за мной след в след и команды четко исполнять. Ну и, разумеется, без самостоятельности.

— И когда выходим? — поинтересовался я, учуяв долетевший из хаты деда аромат готовящейся еды.

— А прямо сейчас! — Чупакабра развернулся и целеустремленно потопал к калитке. — И не отставай, «зеленка».

— Погоди секунду, — подал голос дед Михей, — я тут пацану гостинец приготовил.

Дед Михей полез под стол, достал длинный брезентовый чехол в форме трубы и

протянул его мне.

— На вот, притащили мне его как-то под заказ, но я смекнул, что оно мне вовсе и не надобно, — дед Михей добродушно улыбнулся, — а тебе, глядишь, вдруг и сгодится...

— «ТПП-В», — прочитал я вслух надпись на чехле. — Это чего? Дубина тактическая?

— Ну, почти, ха-ха-ха! — Дед от души рассмеялся. — Это штатный глушитель к СВД. Да, и такие чудеса есть на свете, прикинь! Если по назначению не применишь, то можно и как дубинку использовать, врежешь кому по рогам, мало не покажется... А теперь присядем на дорожку.

— Ой, Михей, вот только давай без этой ерунды! — Чупакабра недовольно махнул рукой и распахнул ногой калитку. — Топаем, Бизон, догоняй!

Я пожал плечами, взглянул на деда, кивнул ему и убежал за своим проводником, на ходу пряча «дубинку» глушителя в рюкзак. Когда мы пересекали границу, обозначенную высокими деревьями, я обернулся и в последний раз посмотрел в сторону хатки Михея.

Старик стоял, облокотившись о забор, и курил, провожая нас пристальным взглядом. Я кинул ему последнее мысленное «Спасибо!», а он, как будто расслышав мои мысли, помахал мне рукой.

Шли мы без привалов и очень быстро. Изуродованный сталкер не просто знал свое дело, он был проводником экстра-класса, и мы без единого выстрела, без каких-либо осложнений в пути вошли в Припять. Покинутый город был все так же мрачен и безлюден. Чупакабра вывел меня к реке и провел до самых ограждений из колючей проволоки.

Мы медленно прокрались вдоль этого забора, обходя стороной здание прачечной. Именно там, по имеющейся у Чупакабры информации, находилась временная база военных, обосновавшихся в Припяти. Затаившись рядом, мой проводник очень долго наблюдал за этим местом.

Никого — только псевдособака, рыча, пробежала за ограждением. Прачечная опустела, военные покинули свое убежище и могли сейчас находиться в любом другом месте. Хотя в моей душе все же теплилась надежда, что Зона свела с ними счеты, и их зомбированные туловища бродят где-то здесь, среди домов...

Продвигаясь вдоль «колючки», мы вышли к зданию госпиталя. Сталкер, поработав кусачками у забора, организовал нам проход. Проводник аккуратно юркнул в образовавшуюся дыру, умудрившись не зацепить огрызки проволоки своим КЗСом, и шустро перебежал к зданию. Я прополз следом за ним.

Вдруг Чупакабра лег и вжался прямо в ступени маленькой площадки на торце корпуса госпиталя. При этом он подал мне знак рукой. Я так же быстро распластался на влажных опавших листьях, за ветвистыми кустами и деревьями.

Тихий рык донесся со стороны внутреннего двора. Я немного приподнял голову и посмотрел туда... Там, возле монумента в виде открытой книги, сидела здоровенная тварь и когтистой лапой чесала за ухом одной из своих голов. Парочку таких мутантов я видел, когда был раненным и сидел на чердаке здания полуразрушенной фермы.

Проводник приложил указательный палец к сетке КЗСа на уровне своих губ и потом призывно поманил рукой. Я, выполняя его команду, осторожно переполз к нему. Ветер сейчас дул в нашу сторону, и мутант не должен был нас учуять.

— Это химера, — тихо-тихо прошептал мой проводник, указав движением головы в сторону твари, и добавил: — Пройдем через госпиталь, только на цыпочках. И под ноги смотри, чтобы ничего не задеть.

Я коротко кивнул головой, опасаясь даже шептать, и отправился следом за ним, через дверь внутрь помещения. Мы прокрались в облезлую комнату с выцветшим стендом расписания смен на стене и вышагнули в длинный темный коридор. Двери всех кабинетов сейчас были сорваны с петель и валялись на полу, покрытые слоями мусора и пыли. Старые медицинские плакаты, стулья, шкафы и койки — все здесь было раскурочено, перевернуто и хаотично разбросано по корпусу госпиталя.

Мы беззвучно просочились через здание к лестничным пролетам. Дальнейший путь

вдоль крыла корпуса был отрезан. Пришлось ползти на брюхе, по «перешейку», соединяющему корпуса, снизу, под дырами бывших окон. Преодолев соединительный коридор, мы замерли у ближайшего выхода из госпиталя и осмотрелись.

Впереди потрескивали «электры» и пульсировали «воронки», живности видно не было. Чупакабра закинул «винторез» за спину, достал пистолет и сканер аномальных полей.

— Ну что, кто последний, тот дурак? — прошептал он через сетку КЗСа и побежал.

Я рассмеялся, мысленно, конечно, про себя, и кинулся следом за ним. Свой АКСУ я держал перед собой и изредка посматривал на рукав левой руки, где висел мой детектор. Марш-бросок финишировал, когда мы пробежали мимо того подвала, в который нас, «горожан», привел Поллитренко, проскочили в дыру забора и укрылись за пристройкой школьной теплицы.

— Блин, какое-то дежа-вю, — шепнул я на ухо проводнику.

— В Зоне оно так постоянно, — так же тихо ответил он, а потом спросил меня: — Где этот долбанный кэбэо?

— А вон там, левее тех многоэтажек, — я указал направление, — если направимся вдоль забора, то четко выйдем к нему, а там, через отогнутую секцию, во дворик комбината и попадем.

Чупакабра мотнул головой и, пригнувшись, побежал вдоль упомянутого забора. В дальней части школьного двора мелькала горбатая фигура кровососа, и мы, не желая попадаться ему на глаза, нырнули в густые ветви растущих здесь кустов. Через их заросли мы процарапались к трансформаторной будке, а уже от нее проползли до дыры в заборе.

— Теперь нам внутрь, через вон тот проем, — я указал на последнее окно за подвалом, — там на втором этаже бюер был, так что все делаем очень тихо.

Чупакабра опять утвердительно кивнул и, подбежав к окну, сложил кисти рук в замок, готовясь подсадить меня наверх. Я запрыгнул внутрь, ухватился левой рукой за трубу батареи, уперся ногой в подоконник и протянул правую руку сталкеру. Мой проводник, схватив ее, ловко взбежал по стене и запрыгнул в зал КБО.

— Ух ты, а тут целых два артефакта между тех «электр», — сталкер глянул на свой детектор и скользнул в сторону аномалий, — я сейчас.

Я просто опешил, наблюдая, как Чупакабра, до этого передвигавшийся холмиком мусора по земле, выпрямился во весь рост и смело, вразвалочку, поперся в это жуткое скопление аномалий. «Кому поп, кому попадья», а этому — артефакты.

Настоящий сталкер!

Чупакабра зашел за угол и быстро вернулся назад, хвастаясь своим уловом.

— «Бенгальский огонек» и «пустышка», ерунда, но тоже хлеб, — Чупакабра закинул артефакты в длинный тубус экранирующего контейнера, скрытый под КЗСом, и повернулся лицом к лестничным пролетам. — Ну что, айда наверх?

Я первым поднялся по лестнице на второй этаж. Дорожка из гаек и болтов, некогда проложенная Поллитренко, и сейчас была тут. Но добрый ее отрезок уже был испарен сместившимися аномалиями. Я переступил через остатки ограждения, юркнул в узкий коридорчик и остановился у туалета.

В области сердца защемило, и я, в порыве смешанных чувств, заглянул за угол, в коридор, где погибла Анютка... Тела девушки там уже не было, остались лишь почерневшие пятна крови на стене и плитах пола. Я сжал свой автомат, борясь с желанием ворваться в соседний зал и расстрелять ненавистного мутанта. Но «поезд ушел» — за стеной уже никто не шаркал ногами и не кряхтел. Мутант покинул это место или погиб от лап более сильного монстра.

— Что замер, вон твой «телепорт», на месте, — раздался сзади тихий голос моего проводника, — только вот, на, возьми...

Чупакабра ударил ногой по наличнику дверной рамы и, отломав кусок дряхлой доски, протянул его мне.

— Держи перед собой, когда в него будешь входить, и тебя даже не качнет при

переходе, — поделился со мной опытом сталкер. — И не дрожи, как лист осенний, здесь никого нет. У меня нюх на всех этих мутантов.

Я закинул автомат за спину, в компанию к винтовке, и взял в руки кусок наличника.

— Ну что, будем прощаться? — произнес я, не найдя других слов.

— Не, не будем, — хихикнул мой проводник, — почему-то я уверен, что мы еще свидимся с тобой, Кабанчик.

— Бизончик, — я насупился, снова поправив сталкера.

— Какая нафиг разница?

Чупакабра махнул рукой и, не мешкая, убрался прочь.

Очень странный мужик. Я проводил взглядом его сгинувший за поворотом коридора силуэт, вздохнул и мысленно попрощался с Припятью. Испытывая отчаянную надежду, что теперь уж действительно вижу город-призрак в последний раз.

Как и говорил Чупакабра, меня даже не дернуло. Просто вырвало из рук деревяшку и мягко приземлило у подножия холма, на границе леса. Я сразу же прилег на землю и достал бинокль.

Вдоль границы рысачила стая кабанов, но бежали они прочь от того места, где залег я. Людей и других мутантов, более серьезных, чем секачи, — видно не было. И это хорошо.

Я достал наладонник и открыл карту местности с нанесенной на нее тропой. Первая контрольная точка — рядом с одинокими руинами деревенской хатки. Поехали.

Я шел от чекпойнта к чекпойнту, заботливо проставленным на карте Чупакаброй, и к своему удивлению замечал, что Максик Поллитренко вел нас примерно этой же тропой. А значит, и вправду был опытным проводником... Эх, земля ему пухом! Не думал, не гадал сталкер, что вот так под раздачу попадет вместе с нами, несчастными горожанами.

Пару раз мне пришлось, затаившись в зарослях, пережить по несколько долгих, черепахой ползущих минут, пока мимо проследуют псевдособаки. Теперь спешка была мне лишь во вред. А в Зоне, как нигде, актуальна старая как мир поговорка: «Тише едешь — дальше будешь».

И я, уже никуда не спеша, прокрадывался максимально аккуратно, предельно скрытно и не сжигал по пустякам свои собственные нервы. Даже когда случайно набрел на остов бронетранспортера, затерянный в кустах, и обнаружил ползающих вокруг него снорков, я не стал дергаться. Поняв, что твари меня сразу не заметили, полежал мордой вниз, не шевелясь, минут пятнадцать. А когда мутанты отвлеклись на стаю слепых псов, уполз прочь от этого опасного места...

Под конец дня я оказался около той самой пещеры, где нас в свое время приютили братки. Особой симпатией к этому сорту людей я так и не пропитался, а потому решил обойти логово стороной. Но капризная Зона, как всегда, и на этот счет имела свои собственные соображения.

Тихо пикнул в нагрудном кармане наладонник, ударив по нервам сильнее, чем неожиданное появление снорков перед самым моим носом. Ведь просил же мастера, блин, перевести все программы в беззвучный режим, а вот что-то он не перевел, засранец!

Я взглянул на дисплей и недоуменно почесал репу. Индикатор КПК показывал многоканальную радиотрансляцию. Что бы это могло быть?! Нехорошая догадка закралась в мысли, и я вывел звук на динамик.

— ...короче, эта, пацаны, тут щаз выброс, в натуре, загачит. Так шо ныкайтесь по норам и курите, пока снаружи черти шмонают. Чисто для оленей и тех, кто в танке, повторять не буду! Нехер повторять, нехай передохнут, тормоза. Усе, привет большой, с кисточкой.

На этом колоритная трансляция закончилась.

Вот тебе и «привет»! Я мысленно выругался, загнул в три этажа, не меньше, и затравленно осмотрел небо.

Оно действительно уже начало менять свой окрас, предупреждая о близости выброса. На карте в радиусе трех километров было только одно убежище — именно тот, памятный

туннель братвы... Делать нечего — я экстренно выдвинулся в ту сторону, но в душе все же надеялся, что бандиты уже покинули это место.

Глава шестнадцатая ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!

Раскаты грома почти слились в сплошной монотонный гул, а в моих глазах уже рябило, когда я наконец-то юркнул под арку туннеля.

Ничегошеньки здесь не изменилось. Все так же наплевано, все так же загажено, все те же старые вагонетки и мрачноватая обстановка. Тихонько, вдоль стенок, я прокрался к тому повороту, за которым были навалы железных бочек и где я стоял когда-то в дозоре с одним из братков.

В глубине пещеры потрескивал костер и слышались голоса. Значит, тут все же кто-то есть. Вопрос только, кто?.. Ответ не заставил себя долго ждать.

— А ну не рыпайся, лошара, — прохрипел за спиной жутко прокуренный голос, и сзади в мою шею, под шлем, уперся ствол. — Не бужить! Вольту на земельку кладем и ручками медленно шлемак сываем.

— Погодите, не стреляйте! Меня здесь, в бригаде Стилета, знают Плюшевый, Алхимик и Доцент... Это же бригада Стилета?!

Я вдруг с ужасом подумал, что это могли быть совсем не те братки, с которыми мы здесь пересекались.

— Бизончик? Приве-е-ет!!

Вдруг хриплый, прокуренный голос неожиданно стал мягким, женским и... до боли знакомым.

— Люся?..

Я медленно, не веря собственным ушам, обернулся. Сказать, что я изумился, означало ничего не сказать. Не то слово!

Сзади, в черном бандитском плаще, стояла Людмила Александровна собственной персоной. Плащ был очень широкий, лицо ее скрывала маска-«балаклава»,¹⁴ а кисти рук обтягивали черные кожаные перчатки с грозными металлическими шипами и заклепками.

И если бы я не узнал, по голосу, что это именно она, то ни в жисть не догадался бы, что стоящий передо мной браток, на вид матерый и ушлый, на самом деле — женщина!

— Ну ты дае-ошь... — единственное, что я смог выдавить, осмотрев «новую пижаму» учительницы.

А тем временем все в туннеле стало содрогаться: стены, пол, потолок, предметы... Приближался выброс.

— Погнали к огоньку, этот участок туннеля выброс краем задевает. А я, представь себе, почему-то оказалась устойчивой к воздействию этих самых выбросов! Но ты же не хочешь, чтобы тебе мозги слегка поджарило?

Я энергично замотал башкой, подтверждая, что конечно же не хочу, и брякнул невпопад:

— Ну и наловчилась же ты, с голосом и словечками... э-э, прямо настоящий браток...

Людмила ухмыльнулась, схватила меня за руку и уволокла вглубь туннеля.

Здесь меня встретили все те же знакомые лица. Доцент, Плюшевый и Алхимик до боли знакомо копошились вокруг верстака, колдуя над очередным артефактом. Силет восседал у костра в окружении троих новых, молодых братков, а «старики», с которыми мы в прошлый

¹⁴ «Балаклава» (англ. Balaclava, от названия крымского города Балаклава) — головной убор, закрывающий голову и шею, оставляя небольшую прорезь для лица или только для глаз. Фактически, соединяет в себе шапку и шарф. Традиционно изготавливается из шерсти, но в настоящее время могут использоваться различные синтетические материалы. Предназначается для защиты лица и головы от ветра, атмосферных осадков, холода, а также для затруднения визуального обнаружения.

раз виделись, так и торчали в дозоре за навалами бочек.

Я исключительно вежливо поздоровался со всеми, кого знал, и познакомился с новенькими. Затем, увлекаемый властной хваткой Люси, скрылся с ней в дальнем углу убежища. Мы оказались за стальной отгородкой, накрытой брезентом. В этой импровизированной комнатке, собранной братками из металлических листов специально для нее, девушка и обитала, как я понял.

— Ну, рассказывай, ты как вообще?

Люся сняла «балаклаву» и горящими очами уставилась на меня.

Я неспешно и в красках рассказал ей обо всем, что приключилось со мной, начиная с того момента, когда Людмила Александровна смело бросилась наутек, прочь от злополучного аванпоста «Долга».

Она слушала с огромным интересом, лишь иногда перебивала, расспрашивая о деталях. А когда я добрался до того места, где подслушал разговор братков про поступившую «ориентировку» на ликвидацию всех наших, «горожан», то училка поведала мне, что подобная же «малява» пришла и к бугру, под которым ходит Стиллет.

Но, взвесив все за и против, местные бандюки забили на неизвестного, хотя и очень щедрого заказчика. Люся со своими знаниями высшей математики приносила гораздо больше пользы в нехитром производстве аномального барахла, так что братки для себя уже давно решили помалкивать про ее существование и обеспечили шустрой училке свою полную протекцию.

После бурного, но в общем-то пустого обсуждения различных противоречащих друг другу версий о причинах нашего преследования, я продолжил свой рассказ. А закончив, спросил Люсю, не хочет ли она отправиться со мной к кордону, чтобы вернуться назад, к нормальной жизни в «большом мире».

— А что мне там? — задала сама себе вопрос девушка, и ее лицо искривила недовольная гримаса от воспоминаний прошлой жизни. — Там, дома, я просто смазливая девочка, которой так и норовят попользоваться разного рода «крутые перцы». В том мире, что остался для меня в прошлом, там же и мужиков настоящих нет. Одни лишь никчемные людишки, ни на что не способные и жалкие личности с завышенной самооценкой. Да их и личностями-то назвать трудно! Вся их личность — это наличность, гора фантиков, которые они насобирали, не брезгуя никакими способами... И все! А внутри-то они пустые и примитивные существа. Что они в жизни умеют? Кроме того, что травить себя разной хренью и эти самые фантики собирать? Обезьяны в зоопарке и то им фору дадут.

— Ну, не обобщай, Люсь. — Теперь я недовольно скривился, услышав столь нелестные высказывания по адресу мужской половины рода человеческого.

— К тебе это не относится, Бизончик. Ты нормальный пацан, хоть забитый и неуверенный в себе, но внутри ты ЧЕЛОВЕК. — На последнем слове девушка сделала особый акцент голосом и улыбнулась мне. — Так о чем это я?.. А, так вот, дома я стану максимум достойной домохозяйкой и женой нечасто изменяющего мне мужа. А тут, понимаешь, я не просто «женщина обыкновенная». Здесь я себя чувствую султаншей, если так можно выразиться... Здесь каждый из пацанов реальнее и достойнее любого городского убожества. Здесь каждый готов за меня жизнь отдать, и далеко не в переносном смысле. И ничего страшного, что говорят они далеко не на литературном языке. Ха, а если б ты знал, что каждый из них в постели вытворяет, стараясь мне угодить и заслужить следующий раз... м-м-м!

Довольная Люся в блаженстве закатила глазки, медленно покачала головой и губами беззвучно изобразила отчетливо угадывающееся восклицание восторга: «Ва-а-ау!»

— В смысле? Ты себе здесь мужской гарем организовала?!

Я даже слегка опешил и уставился на нее в упор. Наверняка мой взгляд загорелся и теперь выглядел голодным.

А чего мне стесняться-то так на нее смотреть? Она мне понравилась сразу, в первую минуту, как только я ее увидел мирно дрыхнувшей на своей кровати посреди

полуразрушенной школы. А вдруг и мне от щедрот Люсиных достанется? Должно же за все это время, проведенное в Зоне, хоть что-нибудь хорошее и со мной случиться!

— Да, именно мужской гарем! Или ты думаешь, что только вы, мужики, полигамные? — Люся улыбнулась, а потом, перехватив мой горящий взгляд, ответила на него словесно: — Но тебе я интим предлагать не буду. Нас вместе свела Зона, и успела очень сильно потрепать, а тем самым и сдружить. Так что я считаю тебя своим очень хорошим другом. А секс между друзьями портит эту самую дружбу. Согласен?

Я был вынужден утвердительно закивать, внешне соглашаясь с ее словами. А про себя подумал: «Блин, еще одна „оригинальная“ нашлась!»

«Секс между друзьями портит дружбу» — именно этими словами мне раньше отвечала далеко не одна-единственная девушка. Их было несколько, тех, что произносили это долбаное заклинание, как только замечали мое вполне понятное влечение. И если бы Людмила оказалась первой из особ женского пола, которая мне нечто подобное сказала, то я, возможно, даже и оскорбился бы. А так, чего уж там? Все женщины... эти самые, с-с... с сиськами. Ну, почти все.

Почему-то противоположному полу я был несимпатичен. Девушки почти постоянно пренебрегали простым инженером Костиком, вот как сейчас Люся. Бабам нравилось разговаривать со мной на темы, на которые их обожаемые кобели или не способны были вести осмысленный разговор, или же сами женщины не хотели обременять их, козлов, подобного рода беседами. Возможно, что за редкими исключениями почти каждый раз попросту срабатывал фактор внешности. Да, красавцем я не был и в помине. А будь я внешне симпатичен, смазлив, как, например, тот же Плюшевый, которого, по словам Людмилы Александровны, так и хочется потискать, как мягкую игрушку... Тогда, думаю, ни одна из этих «подружек» и на миг бы не задумалась о «пагубном влиянии секса на дружбу».

О том, что загвоздка могла быть не только в моей внешности, я задумывался пару раз. Все-таки я далеко не полный урод, а иногда красивые женщины почему-то балдеют и от мужиков гораздо более непритязательных, чем я... Но никаких озарений не случилось, и я остановился на первом и самом простом объяснении, что «рожей не вышел».

Будучи натурой гордой, я мягко перевел наш с Люсей разговор в другое русло, и опять же узнал очень много интересного. Оказывается, что Сашка-Седой не просто выжил в той бойне, разразившейся вокруг аванпоста «Долга», но и хорошо поднялся в рядах «Свободы». Теперь он у них рулил в качестве первого полевого командира. А сюда, в Рыжий лес, бегал уже как постоянный оптовый клиент местной научной братии.

Совместив свои смекалку и боевой опыт со знаниями и возможностями слаженной команды ученых, Седой наладил здесь производство востребованного «аномального» вооружения. И на данном этапе в серию уже пошло оружие массового поражения, основанное на разрушительных свойствах разных аномалий. Аналогов подобному оружию, по словам Доцента, еще не было.

Оказывается, что я разминутся с Сашкиным отрядом всего-то на полдня. Если бы поторопился в свое время, то добрался бы сюда раньше, и уже мог бы двигаться с ним к кордону. Эх, что такое «не везет» и как с этим бороться?!

Но на высказанное мной пламенное желание тут же сорваться с места и кинуться догонять отряд на пустоши, восточнее Армейских складов, Люся в ужасе замахала головой и руками, всячески отговаривая меня.

— Даже и не думай! — Она испуганно округлила прелестные глазки. — Там не так давно завелась какая-то злобная тварь, и никто из тех, кто отправлялся на пустоши отрядом меньше пяти человек, назад не возвращался. Мы здесь сидим все и молимся, чтобы этот мутант не двинул на соседние территории и к нам в гости не завалился.

Девушка в красках описала уже обросшую за короткое время легендами территорию, потом рассказала, сколько народа там сгинуло в течение последней недели. В общем, убедила она меня остаться в туннеле до очередного прихода Сашкиного отряда. Тот, оказывается, теперь каждые три дня сюда со своими ребятами является, за товаром.

Закончив разговор, мы с Люсей покинули каморку и подошли к бригадиру. Девушка попросила его приютить меня на время. Получив согласие Стилета, я занялся «практическим бездельем». Вся задача этой бригады заключалась в охране группы ученых и в контроле реализации их «аномальной» продукции. А потому заняться мне было особо нечем, кроме как играть у костра в «дурака» и прозябать за бочками в роли часового.

Братки, с виду махровые гопники, на поверку оказались вполне нормальными и душевными людьми. Какой-либо дискриминации или пренебрежительного отношения к моей персоне я не ощутил. Даже напротив, меня, как новичка в своем сообществе, они стали обучать разного рода фишкам.

Клепа, очень жизнерадостный и веселый парень, научил меня основам поножовщины и подарил самолично изготовленную «финку». Батон, новичок в этой бригаде, продемонстрировал мне несколько трюков на ловкость рук. И теперь, по возвращению домой, я мог бы зарабатывать себе на пропитание, подчищая карманы или гоняя наперстки по доске. Стилет же показал мне несколько забавных фокусов, и я узнал, каким образом можно обезоружить близко стоящего человека, вооруженного пистолетом. Эти приемы я, маясь от безделья, и отрабатывал днями и вечерами, пока ожидал прихода «свободовцев».

Так я и проторчал в пещере братков, занимаясь ерундой и выполняя общественно-полезную работу... целую неделю. Отряд Седого так и не появился. Я думал еще подождать немного и на завтра уйти дальше, но последняя ночь вдруг все перевернула с ног на голову.

В карауле на этот раз стояли старики, а все остальные, включая меня, мирно спали у костра. Проснулся я от явственного ощущения, что мне в лицо кто-то дышит... Полусонная фантазия моментально нарисовала желанную картинку. Почему-то подумалось, что свершилось чудо, Люся изменила свое категоричное решение «только дружить» и пришла этой ночью ко мне... Но до боли знакомый хрип этого дыхания в одночасье развеял сладкую дымку фантазии. Я распахнул глаза и чуть не сдох от страха — совсем не девичье лицо сейчас маячило передо мной!

Надо мной склонился кровосос и, шевеля своими жуткими щупальцами, торчащими из уродской морды, обнюхивал и осматривал меня, как обычный потребитель, выбирая на рынке продукты. Это был полный привет! Я оцепенел от ужаса. Буквально забыл, как дышать.

И в следующую минуту я бы наверняка помер от разрыва сердца, чтобы не достаться кровососу живьем... но вдруг в пещере взорвался и наполнил ее дикий визг!

Сзади, вцепившись скрюченными пальцами в глаза мутанта и обхватив его своими ногами, на монстра вспрыгнула Люся. Неожиданно в моей памяти промелькнуло слово из легенды. То существо, в которое сейчас превратилась девушка, можно было назвать только так — фурией. Училка неистово орала и наносила мутанту молниеносные удары клинком в шею, в торс и в прочие места, куда только смогла дотянуться ее разящая рука. Рев чудовища перемешался с воплями Люси. Кровосос метался по туннелю, пытаясь сбросить со своей спины это свирепое существо, вцепившееся в него клещом, но так и не сумел ничего поделаться с фурией. Наконец монстр рухнул ничком, мордой вниз, и задержался в предсмертных конвульсиях.

Когда хрипящее, булькающее от потоков крови дыхание кровососа окончательно стихло, училка отпустила его, встала и, в последний раз издав оглушающий вопль ярости, пнула труп ногой. К этому победному моменту никто в пещере, ясное дело, уже не спал. Все разбуженные, выскочившие из сна братки застыли безмолвно, в шоке, и тарацились на девушку, руки которой сейчас были не в переносном смысле, а реально — по локоть в крови.

Я судорожно сглотнул горький ком слюны, какие-либо комментарии были совершенно излишними. Людмила Александровна только что ножом убила «Ктулху»!!!

— Говнюки вы все! Никакие вы, за юбкой спрятались! — заорала на мужчин девушка, видимо, еще пребывая в состоянии боевой ярости. — Или хотите сказать, что я здесь одна из всех не спала?!

— Кот, не гони, — как-то сдержанно произнес Стилет в ответ на обвинения

девушки, — ты же меня знаешь. Дрейфить — это не мое. Я, в натуре, спал. И это... мой ножичек верни.

Бригадир взглядом указал на окровавленный стилет в руках девушки, но не приблизился к ней и на шаг, чтобы забрать свой клинок. Разум здраво подсказывал опытному мужику, что сейчас, наоборот, стоило отдалиться от разъяренной девушки как минимум на несколько шагов назад.

— И мы! И я! И мы спали! — загалдели все наперебой. — И мы! И я спал!

— Ладно, хрен с очкариками! Но я точно видела, что Батон не спал и трясся от страха, а ты, Алоха, испуганными зенками на меня зырил и молчал, сука! — Люся швырнула обвинение двум новичкам.

— Шо ты гонишь, сучка! — вскипел Батон. — Предъява твоя галимая! Да я за пацанов жизнь отдам, не пожалею!

— За базар отвечаешь?! — Люся подскочила к братку в два прыжка и гневно пробуравила его смертоубийственным взглядом.

— Пацаны, вы шо, поверите этой кобыле, а не мне?!

Батон пытался убедить братков в своей правоте, похоже, не соизволив правильно оценить критичное уменьшение дистанции, разделившей его и Люсю. А зря.

— За базар свой отвечаю!

Эти слова были последними, что он успел произнести.

Дождавшись произнесения именно этих слов, Люся молча вонзила стилет Батону прямо между дуг подъязычной кости по самую рукоять. Острие клинка вылезло из макушки еще ничего не понявшего братка.

— Вот и ответил, — тихо и мрачно произнесла девушка, выдергивая стилет из пронзенной ею мужской головы.

Батон разок кашлянул кровью, обмяк и мешком упал на землю.

— А теперь ты, Алоха. — Люся повернулась к еще одному дрожащему от ужаса пацану. — Что скажешь?

— Я н-не спал, я... прос-сто испугался... — едва выговорил трясущимися губами парень, — п-пацаны, простите, я больше т-так не...

Тихий хлопок выстрела «лавины» оборвал его речь. Приговор сурового закона братков исполнил сам бригадир. «Кто своей трусостью поставил под угрозу жизнь товарищей, жить больше не достоин» — примерно так звучало негласное бригадное правило, если сформулировать его на нормальном русском языке.

— А теперь вы мне растолкуйте, токо опупенно внятно, — Стиллет обратился к дозорным, которые прибежали на шум и сейчас, недоумевая, застыли возле трупа мутанта. — Как эта хрень пролезла мимо вас?!

— Не было кровососа ни хрена! Я шо ли хрипучку его не услышал бы? И не дрыхли мы ни фига! — зашумели дозорные, перебивая друг друга. — Да ты че, Стиллет, нас, в натуре, в первый раз знаешь?

— Не шумите вы так! Успокойтесь! — вдруг заговорил Плюшевый, ковыряя ножом ступни мутанта. — Смотрите, сколько свежей глины у него между пальцев. Вон и следы на полу влажные. Вокруг нашего туннеля ни одной лужи нет, и такая глина — только в северном карьере, в нескольких километрах отсюда. Но кажется, что этот кровосос только-только вступил в раскисшую породу.

— И что это значит? — Люся уже существенно успокоилась и сейчас с явной симпатией смотрела на молодого парня.

— Похоже, что после последнего выброса в том карьере появился «телепорт», и ведет он прямо сюда, — завершил свою мысль доморощенный гений.

Все молча и быстро засуетились, собирая и упаковывая шмотки. Неизвестно, что или кто именно, насколько скоро и в каком количестве зайвится сюда, в пещеру, следующим в очереди. Это укромное место перестало быть безопасным для подопечных бригады Стиллета, и братки, понятное дело, собирались отступить вглубь Рыжего леса, к своим старым

землянкам. Я наотрез отказался идти с ними и решил прорываться дальше, в обход Армейских складов, через пустоши к базе «Свободы».

До рассвета еще было далеко, мы попрощались и разошлись в разные стороны. Я пообещал при встрече рассказать Седому о перенесенном в другое место «производстве», если, конечно, выживу на пустошах. Людмила Александровна крепко обняла меня, чмокнула в щеку на прощание. Ничего не сказала, только посмотрела пристально, прикрыла свои веки, вновь подняла их, будто подмигивая обоими глазами сразу... и скрылась вместе с бригадой Стилета в чаще леса.

Я проводил тоскливым взглядом их мелькающие между деревьев светлячки-фонарики и отправился по извилистой тропке, намеченной на моей карте Чупакаброй, в обход оживленных Складов.

Полная луна достаточно хорошо подсвечивала мне путь, и я останавливался лишь тогда, когда она скрывалась за плотными облаками, а Зона погружалась в полный мрак. Светом налобного фонаря мне совсем не хотелось привлекать внимание местной фауны, и я не рискнул его включить. Ночь — не самая лучшая пора суток в Зоне, точнее, самая нелучшая.

Сканер аномальных полей отработал этой ночью все потраченные на него нервы. С большим удовольствием я для себя отметил, что подготовился к автономной ходьке «на отлично». Но все же одно обстоятельство терзало меня, и не давало покоя даже сейчас. Этот долбаный гад, наемник, слишком рано засек меня, и я не успел даже отремонтировать старый ПНВ в шлеме, не то что новый, помоднее, построить. С таким прибором я мог бы сделать ночь основным временем моей активности. Далеко не каждый отважится ходить ночью в одиночку. Этого от меня меньше всего ждут, и я бы успешно обманывал возможных врагов...

Удача сопутствовала мне. К рассвету я уже обогнул Склады и вступил на пустоши восточнее них. Эти территории остались на карте Чупакабры без каких-либо пометок или названий. Туман здесь залил абсолютно все пространство, видимость была значительно хуже. И в моей голове то и дело рисовались кадры из фильмов ужасов, где какая-нибудь ГМО-белка из секретной военной лаборатории бежит в подобном белом мареве и мочит второстепенных персонажей.

И действительно, нечеткие силуэты коряг, деревьев и всего прочего, что торчало из земли, заставляли нервы натягиваться до предела. А осознание того, что в этой местности действительно водилась хищная тварь, оставляло от моего боевого духа один лишь «душок». В Зоне у страха глаза не просто велики, они здесь действительно мутируют в арбузы.

Я только что прислонился к очередной коряге, чтобы перевести дух, как вдруг впереди, в тумане, что-то промелькнуло. Я вжался в землю и замер, жалея, что не могу вкопаться в почву, как червяк. Вот опять... из тумана появились нерезкие очертания чего-то живого, чего-то быстро перемещающегося... Потом еще одна фигура мелькнула, и еще одна. На секунду в пелене тумана, чуть просветлевшей от порыва ветерка, я четко рассмотрел троих сталкеров. Ребята выглядели матерыми бойцами и передвигались быстро и бесшумно. Я без колебаний решил двинуться за ними в кильватере, выдерживая безопасное расстояние, чтобы эти сталкеры меня ненароком не пристрелили, приняв за какую-нибудь местную тварь.

Так я и крался за мужиками, пока не очутился в каких-то основательно потрепанных временем и аномалиями руинах. Тут, на горе строительного мусора, за уцелевшей домашней печью, выложенной из кирпичей на века, я и затаился. Трое опытных сталкеров ускользнули вглубь безымянного поселка, а я, замирая от страха, оцепенел за печкой, крепко сжимая свой автомат. Вокруг меня, повсюду, из утреннего тумана проступали продолговатые холмики, в которых без труда можно было угадать человеческие тела.

Трупов в тех развалинах было не просто много. Складывалось впечатление, что по этому бывшему населенному пункту промаршировала самая настоящая война. Что-то мне подсказывало, что эта деревенька и есть логово той самой твари, которая наводит суперстрах

на всех обитателей близлежащих территорий.

Но разум все же взял верх над моим страхом, и я отправился вдогонку за сталкерами. Может быть, тварь не отважится напасть на них, и я смогу проскочить за спинами этих молодцов. Ответом на мои удрученные мысли стала разразившаяся отчаянная пальба. Стреляли внутри соседнего, более-менее хорошо сохранившегося дома.

— Вон там, за трактором, видел?! — орал один из сталкеров.

— А теперь там, на крыше дома! — возопил второй и залил упомянутую крышу пулями длинной очереди.

— Оно уже сзади! Осторожно, мужи... хр-р...

Крик одного из сталкеров оборвал характерный гортанный хрип. Этот бедолага сейчас захлебывался своей же кровью.

Крики и стрельба длились еще несколько секунд, потом все резко стихло. Воцарившаяся тишина пугала не меньше.

Я лежал на битых кирпичах совсем рядом с тем домом, где только что погибли три опытных стрелка, за полуразрушенной стеной соседней хатки. Продолжительное время страх не давал мне даже пошевелиться, но наконец-то я все же немного преодолел его цепкую хватку, робко выглянул через широкую трещину в стене дома и приставил к глазам окуляры бинокля.

Из пустого проема окна, опрокинутое навзничь, с широко распростертыми руками, торчало туловище одного из ребят. Я присмотрелся. Нет, совсем не когти или клыки зонной твари отобрали у этого сталкера жизнь. И даже не психокинетический удар оборвал его ходку. На маске противогаза, прямо на лбу покойника, красовалось аккуратное пулевое отверстие.

Тварь, которая завелась здесь, на пустырях, оказывается, родом вовсе не из Зоны. Это не мутированный монстр наводил ужас на окрестности. Здесь промышлял матерый и безжалостный снайпер.

Я спрятался за остатки стены своего укрытия. Сердце колотилось в груди так, что заглушало в ушах все остальные звуки. Вот же влип! Любой мутант просто котенок в сравнении с хищником, использующим человеческий интеллект и снайперскую винтовку. И этот суперхищник сейчас таился где-то совсем рядом со мной... Возможно он уже изучает меня через перекрестье оптики, и поглаживает пальцем триггер своей винтовки.

Я поднял валявшийся на земле кусок трубы, снял свой шлем и, насадив его на ржавый обрезок, осторожно высунул из-за угла. Если снайпер рядом, то моя «сфера» сейчас умрет. А потом я дождусь, когда этот тип заявится сюда, чтобы проверить, как остывает тело, и нападу на него...

— Привет, Бизончик! — голос, неожиданно прозвучавший совсем рядом, заставил меня подпрыгнуть на месте от испуга.

Я уронил свою круглую приманку и, схватившись за автомат, стал панически вращать головой, выискивая источник звука. Никого рядом не было. Шлем, прогремев по битым кирпичам, скатился в яму просевшего пола хатки, и наступила полная, звенящая тишина. И только спустя секунд десять до меня вдруг дошло, что этот голос изрек не что-нибудь бессмысленное, а мое зонное прозвище! Может быть, это мне померещилось, от нервного перенапряжения? Откуда и кто может знать?..

— Да не паникуй ты так, дружище, — опять раздался голос, уже совсем близко.

Я глянул в ту сторону, но опять же, никого там не увидел. В голову уже начали пробираться грустные мыслишки, что этот голос — галлюцинация, вызванная пси-атакой мутанта. Но вдруг метрах в пяти от меня зашевелилась и встала во весь рост куча мха и травы. Маскировочная сеть снайпера приподнялась, открывая его лицо... Моя челюсть отвисла.

— Панкер, ты-ы?!

Я шумно, глубоко вдохнул воздух и не менее шумно выдохнул. То есть перевел дух с огромным облегчением, узрев не оскал врага, а знакомое и улыбающееся лицо.

— А кого ты ожидал встретить? — Димка пристроил на плечо свое обмотанное маскировочными лентами оружие. — Топай за мной, тут еще есть народ, который будет рад тебя видеть.

Панкер хитро подмигнул мне и направился куда-то вглубь поселка, прямым ходом в белое молоко тумана. Я поспешил за ним. Страх, вызванный рассказами о здешней твари, по инерции еще леденил своим колючим и холодным дыханием мне спину. И не особенно помогало осознание того, что тварь, послужившая причиной появления этих страшилок, шагала впереди, показывая мне путь.

Мы остановились возле обгорелого остова большого кирпичного дома. Вокруг него повсюду шипели и вздымались вверх столбы пламени аномалий. Панкер прошел между «жарками» и спрыгнул куда-то вниз. Я последовал за ним и спустился в большой, просторный подвал-гараж.

Сразу же, с первых ступеней, ведущих вниз, я понял — здесь достойно поработала рука хозяйки или хозяина. Ступени эти были аккуратно выложены в шахматном порядке черной и рыжей «плиткой» магазинов от АК. Это уютное гнездышко посреди проклятых земель невольно расслабляло и создавало впечатление домашнего уюта.

— Привет!

— Ух ты, здорова!

— Хай-хай!

Поприветствовали меня Катя-Мышка, Руслан и Яна, девочка с длинными ресницами! Все те, кого Димка увел за собой, прочь от харкающего смертью аванпоста «Долга». Наш киргиз подскочил ко мне, по-дружески стиснул в объятиях и потряс своими ручищами.

— Как я рад тебя видеть! Уже и не думал, что встречу еще кого-то из наших. — Искренне довольный Руслан помог мне снять рюкзак и примостил его под широкую экзотическую полку-вешалку, стоящую у входа.

Девушки оказались более сдержанными — поприветствовав меня, они сразу же вернулись к своим делам. Мышка, напевая какую-то песенку, продолжила копошиться над импровизированной домашней печью, готовя завтрак. Яна же продолжила дизайнерскую работу. Она выкладывала пол мелкой плиткой стреляных гильз.

Я окинул взглядом внутреннее убранство помещения.

Да, дизайнерский ум здесь поработал на славу. Вместо светильников, подобно экзотическим торшерам, по углам возвышались на тонких, красиво изогнутых ножках три сферы артефакта «лунный свет». Счетчик Гейгера в моем детекторе молчал, а значит, все три образования прошли селекцию и теперь были не радиоактивными. Дорогое это удовольствие, однако.

Интерьер состоял из всего того, что в Зоне присутствовало в неограниченном количестве. Это додуматься надо, использовать и сочетать в качестве отделочного материала части орудия, боеприпасы, пулеметные ленты, ткань камуфляжей и элементы брони. Не каждый сумел бы.

— Это все моя Яна, мастерица-кудесница, — Димка, заметив, что я более чем впечатлен оригинальным оформлением их землянки, поспешил похвалить свою девушку.

Солидную часть пространства занимал большущий кольцевой стол. В его центре стояли несколько старых лабораторных штативов с вращающимися дисками полок. На них пристроились разнообразные бутылки со спиртными напитками. Панкер, повесив свой «гилли» на специальную вешалку-стойку, сразу же юркнул под этот стол, проскользнул в кольцо и очутился у импровизированной барной стойки.

— Ну что, сегодня за счет заведения? — Димка подмигнул мне, расставляя импровизированные рюмки на поверхности стола, потом обратился к Руслану: — Пилат, тебе делать?

— А коньяка в этот раз не было? — спросил киргиз.

— Не-а. Сталкер нынче пошел простой, незамысловатый, никто с собой благородных напитков не носит. Все больше водка у них сейчас в ходу, — ответил Панкер, строгая

кожуру лимона в высокие узкие колбы лабораторных мензурок, — но зато джином запаслись, наверное, на год вперед. Прошлый торговый отряд, видимо, кому-то под заказ ящик можжевельники тащил.

Димка подхватил с полки бутылку упомянутого напитка и булькнул его порцию в каждую колбу с цедрой, потом долил сверху еще какой-то алкогольной дряни и протянул нам готовые коктейли.

— Ну, за встречу! — Панкер поднял мензурку.

— За встречу! За встречу! — Я и Руслан поддерживали его тост, опрокинув в себя выпивку.

Коктейль оказался мне не по вкусу, но пить его было все же интереснее и приятнее, чем самогон деда Михея. После пятой стопки к нам присоединились девушки и взяли под контроль процесс употребления алкоголя. А мы, подогретые спиртным, завязали длинную пьяную беседу, делясь впечатлениями и рассказывая о своих приключениях в Зоне.

Мужчины не стали углубляться в тему, как им удавалось уживаться с мутантами, они лишь отметили, что местная живность приносила хлопот гораздо меньше, чем люди, шастающие туда-сюда. Оказывается, когда Димка уводил Руслана и девушек прочь от аванпоста, им на хвост сел небольшой отряд «Долга» и загнал в это относительно безлюдное место.

Тут Панкеру наскучило убегать, и он, спрятав девчонок в укромном уголке, на пару с Русланом принял бой. Пока киргиз отвлекал врагов, хаотично метая гранаты в руины, Димка методично перебил всех преследователей из своей винтовки. Причем все это произошло настолько быстро, а тактика оказалась настолько эффективной, что мужчины этим боем не ограничились.

Они осели здесь и принялись заниматься своим нехитрым промыслом. По сути, они просто разбойничали на тропах Зоны, проходящих поблизости от этого поселка. Они убивали сталкеров и занимались мародерством, но делали все это, будучи совершенно убеждены, что все мы стали участниками бесчеловечной гонки на выживание, организованной «хозяевами жизни». Ведь неизвестно, какой из «прохожих» сталкеров мог оказаться убийцей, заявившимся по их души.

Весь скарб покойных пополнял запасы, и позволял не просто выживать, но и сносно существовать в этом проклятом месте. Руслан создавал разного рода отвлекающие устройства и мины на дистанционном управлении, располагая их вокруг убежища. И чем больше ему доставалось от покойных разного рабочего материала, тем изощреннее становились эти приманки и ловушки. Наладонники погибших позволяли на их основе создавать отвлекающие устройства или приманки любой степени сложности. И Руслан их вдохновенно создавал. Что называется, хочешь жить — умей вертеться. В данном случае — минировать и заставлять вертеться других.

Пришел момент, когда Панкер решил расширить охотничью территорию, накопленные ресурсы уже позволяли это сделать. Димка нападал на одиночных ходячков или небольшие отряды, проходящие по этой территории, и безжалостно убивал всех. Но обвинять его в том, что он поступал бесчеловечно, я бы не стал. В Зоне — лучше самому убить первым, чем быть убитым. Настоящий, блин, закон Дикого Запада. Или Востока... Неважно, главное, что Дикого.

Понятное дело, что этот фрагмент территории оброс легендами о страшной мутной твари. Сюда несколько раз приходили даже охотники на мутантов, но по той причине, что они рассчитывали встретить здесь именно мутированного монстра, а не человека, — они погибли, так и не успев понять, что их убило.

Единственные, кого Димон пропускал, не расстреливал, были отряды «Свободы». Панкер, оказывается, прекрасно знал, что этих ребят постоянно водил наш бывший командир, Седой. Но выходить на связь и тем более присоединяться к новым товарищам Сашки эти четверо выживших не горели желанием. Зачем рваться на огненную линию фронта, если можно вполне успешно вести тихую, скрытую партизанскую войну?

Я, в свою очередь, поведал им о своих злоключениях и поделился планами насчет прорыва за кордон и возвращения к обычной жизни. И, конечно же, я сразу предложил всем присоединиться ко мне, мол, вместе у нас шансов будет побольше. Но на мое предложение Панкер, Руслан и Яна отреагировали как-то вяло. Лишь Мышка хотела бы скорее выбраться отсюда, и то, как выяснилось позже, желание покинуть Зону возникло у нее исключительно под влиянием одного неожиданного, но важнейшего обстоятельства.

Остальных ребят совсем не радовала перспектива вернуться к прежней жизни. Пилата устраивал тот факт, что здесь его не смогут достать службы безопасности его родины, которые разыскивали бывшего подрывника за его прежние грехи. Яна не хотела возвращаться назад к своему мужу-извергу, который ее постоянно избивал и унижал. К тому же эта девушка нашла здесь новую любовь — Димку. А сам Панкер не желал возвращаться в «большой мир» по совсем уж странной и не особо понятной мне причине.

Димке, на самом деле, могли позавидовать многие из тех обеспеченных людей, которых я знал в своей жизни. Его папа был очень состоятельным человеком, хозяином солидного производства, и Панкер мог бы себе позволить все, что душе угодно. Казалось бы, что может быть лучше? Живи себе в кайф, следи за производством и стриги с него денежку.

Но извечный конфликт между отцом и сыном и гордость самого Димки не только не позволяли ему пользоваться всеми благами, которые можно было купить за деньги, но и сделали его жизнь невыносимой. Ну вот не желал строптивый Панкер перенимать опыт своего отца и заниматься наследственным бизнесом! Чем, естественно, вызывал бешенство у родителя и подвергался всякого рода профилактическим трепкам.

Единственное, что нравилось Димке и хоть как-то объединяло его с отцом, — это охота. Оказывается, Панкер был охотником от Бога, что и объясняло его мастерское владение винтовкой, продемонстрированное нам, растерянным «горожанам», в те первые несколько суток, что довелось нам провести в Зоне. Но полного удовлетворения, охотясь на беззащитных и глупых животных, он все же не получал.

— «На свете нет ничего более увлекательного, чем охота на человека; тот, кто не раз охотился на вооруженного противника и полюбил это занятие, уже никогда не сможет увлечься чем-то другим», — Димка процитировал строки одной из книг Эрнеста Хемингуэя, пытаясь объяснить мне одну из причин, которая держала его здесь, а потом добавил: — Да и хорошо нам здесь с Яной. Понимаешь, мы здесь как в раю. Яна нашла себя в дизайне, а я... я тоже себя нашел. Так вот и живем.

— А какой карабин у тебя был дома? — после долгой паузы спросил я.

— Я тебе одну вещь скажу: марка оружия не важна, — Панкер начал разводить философию на одну из своих излюбленных тем, — главное совсем в другом. У каждой вещи, даже у камня, есть душа, есть собственное имя. Нужно только все это увидеть, а точнее, ощутить. Вот лично я чувствую винтовки, карабины и прочий огнестрел.

— Ну да, и у земли под ногами тоже есть душа, — добавил я, вспомнив слова деда.

— Вот-вот! Хочешь, я тебе о твоей винтовке расскажу? — Димка взял протянутую мной СВД, покрутил ее в руках, прислонил к щеке, а потом поморщился и вернул назад. — Избавься от нее, она не твоя. Она тебя не хочет, и в самый ответственный момент может выкинуть каприз, который будет стоить тебе жизни.

— Ну спасибо, порадовал. — Я забрал винтовку и уже невольно стал смотреть на нее как-то по-другому, с... недоверием, что ли. — Как вообще подобные вещи можно знать? А ты сам веришь в то, что сказал?

— Ха-ха-ха! — Панкер залился искристым смехом, а потом опрокинул в себя еще одну стопку. — Нет, конечно! Смотрю, ты ведешься, ну, думаю, дай-ка поприкалываюсь над человеком. Не бери в голову, я пошутил.

— Ладно вам о глупостях болтать. Лучше оцените мою елку, — Яна подбежала к скрытой под брезентом громадине. — Пилат, включай гирлянды.

— Секунду, только свежий аккумулятор из наладонника вытащу, — Руслан поспешил к своему небольшому столику, заваленному разными деталями и разобранной электроникой.

Отыскав батарею, он залез под брезент и еще с минуту там копошился, потом встал на ноги и кивнул девушке. Ткань сползла и упала на пол, открывая нашим взором нечто, спрятанное под покрывалом.

Комнату сразу залило сказочное мерцание. Такой «новогодней» елки я никогда не видел, и вряд ли еще хоть раз увижу. Собранное из «калашей» подобие дерева было увешано всевозможными раскрашенными гранатами, сверкающими артефактами и прочей зонной ерундой. Лучи лазерных целеуказателей красиво пронизывали «ветви» от самого основания до желтого треугольного знака радиационного заражения, который венчал конструкцию. Диоды, видимо, выколупанные из наладонников, циклично мерцали, красиво отражаясь в стеклах противогазов, расположенных внутри конструкции.

— Ух ты! Ну, ты молодчина! — Первым громогласно восхитился этим произведением искусства Панкер, конечно.

Потом и мы присоединились к нему. Настроение у всех сразу сделалось праздничным, новогодним, и неважно, что снаружи была еще глубокая осень, а не зима.

Я опрокидывал в себя колбу за колбой очередного коктейля, приготовленного Панкером, и веселился. Радость от этого неожиданного праздника и встречи с кем-то, кто хоть капельку мне был роднее, чем случайно встреченный сталкер, многократно усилилась на фоне лишений и трудностей всех предыдущих дней.

Я наслаждался этими волшебными моментами, отчетливо понимая, что они могут оказаться в моей жизни последними. Так и прошел весь день, но пропал он не зря. Перед сном я поблагодарил хозяев за гостеприимство, и огорчил их, не дав согласия остаться с ними жить в этом укромном убежище. Поутру я собирался покинуть это уютное гнездышко.

К этой ночи я неоднократно задумывался над перспективой остаться в этих проклятых, но безудержно манящих своей неизведанностью землях. Здесь столько всего необъяснимого, столько загадочного, что очень хотелось с головой погрузиться в местную жизнь и посвятить себя раскрытию всех этих тайн. По натуре своей я всегда был исследователем, человеком любознательным, а потому мысли эти посещали меня все чаще и чаще. Но меня гнали отсюда прочь куда более сильные чувства — чувства долга и любви к маме. И окажись на моем месте кто-либо из этих четверых, то вряд ли и они смогли бы тут прохлаждаться. Радоваться жизни, зная, что там, в «большом мире», без них может сгинуть самый любимый и родной человек.

У этих четверых просто не осталось там ни единого человека, ради которого стоило бы возвращаться. Возможно, им повезло больше, чем мне.

Сраженный хмелем, я упал на выделенный мне матрас, аккуратно обшитый синей тканью комбинезонов наемников, и мгновенно уснул. Но все же горечь одной мысли успела просочиться из реальности в сон. И я всю ночь в своих сновидениях один-одинешенек убегал прочь от стада мутантов, зомбированных сталкеров, наемников, военных и всех прочих, кто жаждал отправить меня на тот свет. Я бежал, а транспарант над заветной лентой финиша с грязной неряшливой надписью «Кордон» оставался таким же далеким и недостижимым, как сам горизонт.

Проснулся я с чувством легкого похмелья во всем теле и с тоской в душе. Опять мне предстоял опаснейший поход в полном одиночестве, без чьей-либо поддержки.

Но оказалось, что утро вечера не только мудренее, но еще и богаче на непредсказуемые сюрпризы. Когда я открыл глаза и смачно потянулся, в подвальном помещении уже стоял галдеж, отчасти радостный, отчасти вызванный суетливой озабоченностью.

— Что случилось? — спросил я и протяжно зевнул.

— Я скоро стану папой, а Катя мамой! — радостный Руслан подскочил ко мне и, смеясь, стал трясти меня, в точности как Панкер накануне тряс свой самодельный шейкер. — Моя Мышка призналась мне сегодня утром!

— Поздравляю, Русик. — Я крепко пожал ему руку и, протерев глаза, стал наблюдать за сборами, которые перевернули здесь все с ног на голову. — А куда это вы намылились? В более надежный схрон перебираетесь?

— Мы с Русланом решили вернуться вместе с тобой, к прежней жизни, — ответила мне Мышка, собирая свой маленький рюкзачок, — не здесь же рожать и растить ребенка!

— А мы с Яной, так и быть, проведем вас до самого кордона, — добавил Панкер, экипируясь походным снаряжением, — но дальше с вами не пойдем. Наше место здесь, в Зоне.

Само собой, обрадованный неожиданной новостью, я кинулся перебирать свое снаряжение и оружие, готовясь к ходьке.

После завтрака и быстрого совещания мы единогласно решили идти в Темную долину, на базу «Свободы». И уже оттуда, с помощью Седого или без нее, прорываться через кордон.

Глава семнадцатая ЭНДШПИЛЬ

Утро опять, как и вчера, выдалось туманным. Все в Зоне или уже спало, или еще спало, и лишь наш маленький отряд тихонечко плыл в пространстве вместе с этим густым белым маревом.

По своим охотничьим территориям нас вел Панкер. Димка уже знал здесь все-все тропы и, как оказалось, обладал бесценным для Зоны природным даром — чувствовать аномальные зоны. Не то чтобы он их видел четко, как звезды на ночном небе, но гнетущее чувство тревоги, как он мне признался, каждый раз возникало в нем, когда рядом была аномалия. После этого оставалось одно — вылупить зенки и визуально определить ее точное местонахождение.

К тому же здесь еще имелось множество других смертельных ловушек, совсем не аномальной природы. Большая часть территории между Темной долиной и руинами была собственноручно заминирована Русланом. Причем растяжками и минами были обложены именно те укромные местечки, в которые так и тянуло занырнуть, чтобы укрыться от окружающих опасностей.

Но, как только мы вышли за пределы разведанного Димкой района, отряд повел я. Благодаря сканеру аномалий в моем детекторе ходька была мало похожа на отчаянный рейд в тылу врага. Хотя прогулкой по парку она не стала, но смертельно опасной — на целый порядок меньше.

Лишь иногда мы останавливались и внимательно изучали пространство через бинокли, высматривая скопления мутантов и бродящих в тумане случайных сталкеров. Ни с теми ни с другими пересекаться желания не было. С мутантами все было просто — они охраняли свою территорию, а вот люди... Все мы уже научены горьким опытом и знаем реальную цену доверия особям своего вида.

Мы поднялись на большой пригорок, отсюда открывался вид на здания ремстройбазы. Вышки, бетонные плиты забора с рядами «колючки» сверху — вот он, лагерь «Свободы». Здесь уже был ощутим весьма специфический запах их любимого курева, и это был далеко не аромат изысканных табачных смесей.

Мы спустились вниз с пригорка, к бетонным столбикам ограждения, и стали прокусывать себе проход в густых плетениях колючей проволоки. А когда уже сделали лаз достаточной высоты, чтобы пролезть под «колючкой», то я вдруг заметил, что кого-то в нашем отряде не хватает.

— Не понял... А где Панкер? — шепотом спросил я остальных.

— Не переживай, он нас скоро догонит, что-то ему там показалось, и он отстал, решил проверить, — ответил мне Руслан.

Ну, Димка мальчик большой, ему виднее. Я придержал проволоку, пока под ней пролезали девушки, и нырнул в дырку следом за ними. Оказавшись на той стороне, мы еще несколько долгих минут ждали Димку, тревожно рассматривая тот пригорок, за которым он остался.

Вдруг там загромыхали выстрелы и разрывы гранат. Мы сжали свое оружие и

приготовились к бою. На вершину холма взбежал Панкер в своем лохматом «гилли» и, прыгнув вниз, быстро съехал на заднице по влажной почве к его подножию, при этом свою винтовку он бережно держал над собой. А вершину пригорка уже вовсю клевали пули, разрывая почву в лохмотья и вздымая фонтаны грязи.

— Уходим! Там целая кодла наемников! — заорал Димка и ласточкой нырнул под проволоку.

— Сталкеры, спрячьте оружие, если не хотите, чтобы мы открыли по вам огонь! — ожил громкоговоритель на базе анархистов.

Мы закинули оружие за спины, подняли на несколько секунд руки вверх, продемонстрировав дозорным на вышках, что они пусты, и ломанулись к виднеющимся воротам. Я бежал впереди и вел за собой остальных, поглядывая на сканер аномальных полей. Было бы жутко обидно и глупо перед самым укрытием влететь в одну из тех «воронок», которых здесь, за забором лагеря, было множество.

Как только мы вбежали на территорию базы, нас тут же окружили бойцы «Свободы».

— Кто такие, какая цель прибытия в долину?! — достаточно грубым тоном обратился к нам боец в желтом экзоскелете, чем-то напоминающий робота из фантастических фильмов.

— Мы вольные сталкеры, нам на хвост наемники сели, — пытаюсь отдышаться, начал тараторить я, — нас знает ваш первый полевой, Сашка Седой. И мы его знаем, мы из его бывшего отряда, скажите ему, что Бизон и остальные «городские» просят убежища.

— Внимание всем! Пригорок на двенадцать часов, там Смайлик! — вдруг загремел с вышки и разлетелся над базой командирский голос Седого.

Да, с такой глоткой можно было и на матюгальнике сэкономить. Услышав знакомый голос и знакомое прозвище преследующего меня наемника, я посмотрел сначала вверх, на Седого, а потом, выглянув за край забора, приник к своему биноклю. Там, на пригорке, стояла фигура в синем комбинезоне с оранжевым смайликом во всю грудь. Именно с этим типом я пересекался на «Янове». Но как он смог меня выследить?

Услышав голос командира, весь народ, который случился поблизости, бросился к дырам в бетонных плитах, а часовые, забыв про нас, выбежали за забор и вскинули свое оружие. Видимо, не только мне встал поперек горла этот товарищ с улыбающейся рожицей на торсе.

Количество стволов, в одночасье заговоривших, красноречиво обозначило число членов фан-клуба Смайлика. Ожили абсолютно все огневые точки «Свободы», которые были расположены по той стороне Периметра, с которой можно было вести огонь по холму. Бойцы изливали туда всю свою накопившуюся «любовь» к наемнику, и холм утонул в потоках трассеров и во вспышках разрывных зарядов крупнокалиберных пулеметов.

— Прекратить огонь, экономим патроны! — гаркнул Седой, заглушая своим голосом стрельбу, и припал к биноклю, осматривая взрыхленное залпами пространство. — И куда этот гусь делся?! Как он меня уже достал, урод! Как заноза в заднице!

Еще с минуту Сашка осматривал дымящийся холм, а потом, повернув бинокль, глянул через него сверху на нас и растянул на своей физиономии широкую-преширокую улыбку.

— Ба-а-а, кто к нам пришел! — Седой развел руки в стороны и сбежал вниз по железным ступеням вышки. — Уже и не думал не гадал вас снова увидеть, ребятки!

Сашка своими ручищами сгреб нас пятерых в охапку и крепко, до хруста в суставах, обнял, тем самым выражая свою крайнюю радость от нашей встречи. Мы тоже были рады его видеть, но выразить это словами не смогли, потому что из наших легких от столь жарких объятий был вытеснен весь-весь воздух.

— Так, народ, а ну все сюда! — крикнул Седой во двор базы после крепкого ритуала приветствия.

Все бойцы, которые были в этот момент ничем не заняты, собрались вокруг нас. А те, что оставались на постах, выглядывали из огневых точек, рассматривая нас.

— А это и есть те brave ребята, о которых я вам постоянно рассказывал и в пример ставил, — Седой, говоря все это бойцам «Свободы», столпившимся у входа возле нас,

незаметно подмигнул нам, дескать, чтобы мы ему немного подыграли. — Именно с ними мы навели шороху в Припяти и дали по сусалам «Монолиту» и военным. И с ними же потом мы построили всю братву в Рыжем лесу. Ну, а про то, как мы на Складах громили «Долг», так это вы не только от меня слышали.

Мы пятеро стояли, нацепив на лица героические выражения, и солидно кивали головами, подтверждая слова Седого. На плече у Руслана сейчас висел его ручной гранатомет револьверного типа, а сам он был обвешан с пяток до ушей гранатами всех мастей, а потому выглядел жутко сурово. У Яны на ремне болталось не менее экзотическое оружие — арбалет с оптическим прицелом, а на ее бедрах красовались черные кожаные колчаны с арбалетными болтами. «Гилли» Панкера и шест его обмотанной камуфляжными лентами снайперской винтовки на конкурсе крутизны были бы вообще вне конкуренции. Несколько скромнее выглядела Мышка в сомбреро, кожаных ковбойских сапогах и с двумя никелированными револьверами «Smith&Wesson» в набедренных кобурах. И совсем уж по обычному выглядел я, в «Берилле» и со стандартными СВД и АКСУ за спиной. Но, несмотря на меня, скромного, мы пятеро сейчас реально выглядели, как некая супергероическая «Команда Зю».

Не знаю, как остальные наши, но лично я в этот момент сжимал челюсти и всеми силами пытался сдержать смех. Какую лапшу на уши анархистам навешал Седой за все это время, я даже представить боялся, потому как матерые, тяжеловооруженные бойцы, уважительно поснимав свои шлемы и маски, сейчас пялились на нас, как на заправских, настоящих легенд Зоны.

Потом каждый из них с благоговением пожал нам руки и вернулся к своим делам. И еще долго «свободовцы», проходя мимо, кивали головами в нашу сторону и тихо о чем-то перешептывались.

А Сашка нас сразу же уволок под крышу местного бара, который расположился прямо здесь, под вышкой. Там мы и засели на длительное время. На этот раз угощал всех я, расплатившись с местным барменом ненужным мне артефактом «вспышка». Седой убедил нас не высовываться из укрепленной базы, пока не будет решен вопрос с наемниками. «Дикие гуси» в последнюю неделю так обложили «Свободу», что он вынужден был отставить все прочие дела и всерьез заняться вычислением местоположения их базы. Но до сих пор успеха в этом предприятии он так и не достиг. Именно поэтому Сашка не явился к браткам в Рыжий лес, за своим очередным заказом.

Но тот факт, что наемники сели на хвост нашему отряду, натолкнул его на мысль, что на ком-то из нас был их жучок. Пока мы заседали в баре, местный мастер-электронщик досконально исследовал и «просветил» своими приборами все наше снаряжение и, закончив исследование, утащил мой наладонник к себе в мастерскую. А тот факт, что он мне сразу же выдал взамен другой гаджет, мог свидетельствовать лишь о том, что прежний наладонник ожидает судьба весьма незавидная.

Спустя двадцать минут он притащил КПК назад, в раскуроченном виде, но в рабочем состоянии. Аппарат был разложен на небольшом планшете по составляющим блоками, и мастер своим профессиональным языком объяснил нам, что «вот эта фиговина, подключенная к этой херовине, получив импульс определенной частоты от ерундовины, расположенной где-то в лагере „диких гусей“, считывала координаты моего местоположения с „маст дая“ и передавала их на какую-то приемную балясину».

Из всего сказанного мастером можно было сделать вывод, что наемники отлично знали про этот пассивный маячок в моем гаджете, и, как только я попал в радиус действия их излучателя, жучок ожил и сдал им мое местоположение.

Как это устройство попало в мой наладонник, я точно не знал. Конечно, сразу же закралось подозрение, что это дело рук того мастера, с «Янова». Видимо, всем, чьи КПК проходили через его руки, он ставил подобные жучки. Однако даже если мастер и делал нечто подобное по своим немислимым соображениям, все равно — не верил я, что Азот мог добровольно сдать человека этим нелюдям! Видимо, у наемников были свои, отработанные и

сто процентно эффективные методы убеждения сталкеров.

Но это обстоятельство неожиданно открыло и способ обнаружить самих «диких гусей». Частота излучателя наемников уже была известна, и Седой мигом выслал отряды своих бойцов на контролируемые «Свободой» объекты, где находились вышки антенн. Все, что им оставалось, — это дождаться следующего импульса, засечь его с трех разных точек и тем самым определить местоположение источника.

А пока «свободовцы» все это исполняли, мы сидели за сколоченным из досок столом и вели неспешную дружескую беседу. Панкер, Пилат и Яна, пользуясь случаем, привычно распивали шаровое спиртное, а я и Седой употребляли исключительно кофе и энергетики. Сашка был на круглосуточном посту, а меня, после вчерашней пьянки, мучило только от одного вида спиртного.

Так мы и просидели до самого вечера. Уже стемнело, и две сонные парочки наших ребят поднялись на второй этаж здания, которое примыкало к бару. Там, как я понял, была ночлежка для всех случайных гостей и для самих анархистов. А я и Сашка, как самые крепкие и сегодня непьющие, остались, чтобы и дальше разговаривать по душам.

Спустя час к нам подбежал радостный боец «Свободы» и сообщил о положительных результатах поиска. В течение дня четыре раза долину накрывал импульс излучателя, на который откликался маячок, и все четыре раза его источник оказывался в одном и том же месте. Седой тут же отдал распоряжения своим замам, чтобы те готовили штурмовые отряды. Удар по базе наемников решено было нанести с восходом солнца.

— Ну хорошо, а как накроете лагерь этих уродов, может, айда со мной к кордону? А что? Что тебя тут держит, Саня, неужели тебе в кайф эта бесконечная война? — спросил я Седого, продолжая нашу беседу «за жизнь».

— Эх, не то чтобы в кайф... — Сашка скривился и на минутку задумался о своем. — У меня тут еще, кроме этих наемников, забот по самое горло. Как разберусь с «дикими гусями», так нужно будет словом или силой принудить «долговцев» к миру. Лучше шаткое перемирие, чем бессмысленная, никому не нужная война. Ведь по сути-то своей что «Долг», что мы преследуем утопические и нереальные цели. «Зона свободна, мы сохраним ее!» — орем мы. «Мы уничтожим Зону любым путем!» — отвечают нам «долговцы». Но это так же смешно, как если бы два муравейника боролись один против другого за полное отсутствие пятен на Солнце, или за то, чтобы одно большое черное пятно поглотило целиком все светило. Зона, как и Солнце, живет своей собственной жизнью и улыбается, глядя на наши жалкие потуги. Не в наших силах влиять на ее развитие, на ее эволюцию.

— Ты так и не ответил, Сашка, — я прервал поток его философских размышлений. — Что ты здесь забыл? Что тебя здесь держит? Неужели твоя предыдущая жизнь в нормальном мире настолько хреновая, что этот постоянный ад стал для тебя лучше мирного существования?

— Понимаешь, Бизон, так сразу этого тебе и не объяснить. То, что я понял здесь, — это мое личное, и тебе этого знать не надо. Просто я допер, что мое место именно тут, — Сашка еще ненадолго замолчал, а потом как-то потемнел в лице и добавил: — К тому же там, за кордоном, я каким-то непонятным образом оставил одну хрень, которая мне все это время жить не давала. Здесь я избавился от нее... Эта хрень из меня саму жизнь медленно высасывала, и пару раз даже подводила к виску руку со взведенным пистолетом. Я был «браузером» в штурмовой бригаде. В смысле взломщиком, и первый врвался в помещения, в которых... в которых плохие ребята держали хороших в заложниках. Тебе этого не понять, но штурм есть штурм. Понимаешь, когда за твоей спиной идут твои боевые товарищи, то ты не только не имеешь право сам умереть, ты еще и отвечаешь за всех тех, кто следом за тобой врывается в помещение. Ну, и накладки случались всякие...

Седой отстранил банку с энергетиком и потянулся за недопитой Димкой и Русланом бутылкой водки. Командир наполнил одну из стопок, стоящих на столе, опрокинул ее в себя, занюхал рукавом и продолжил:

— И потом вот эти самые «накладки» приходили ко мне, настигали меня, но уже на

гражданке. Иду я в туалет, по коридору своего дома, сворачиваю за угол, а там стоит одна из «накладок» и смотрит на меня своими глазищами. А в глазах этих, еще почти живых, вопрос: «За что? За что ты меня?..» А сюда вот, в Зону, даже призраки боятся сунуться. Такая вот фигня, малята.

Больше умных вопросов Седому я задавать не стал, да и беседа наша уже себя исчерпала, зашла в логический тупик. А потому допил я баночку своего напитка, пожелал своему бывшему командиру спокойных снов и потопал по лестнице на второй этаж ночлежки, куда прежде свалил все свое барахло. Спать не хотелось совсем, но полежать на матрасе, чтобы все мышцы тела отдохнули, — это обязательно надо.

Я поднялся по двум секциям бетонных ступеней и уже ступил на скрипучие доски импровизированного мостика, соединяющего площадку лестницы с соседней плитой перекрытия, как услышал за своей спиной шуршание. Там, рядом с грудями ящиков, залегли Руслан и Катя. Они явно не спали.

Вдруг у меня возникло невинное желание спугнуть влюбленную парочку, наверняка занимающуюся в темноте любовью. Мой шлем сейчас был у меня в руках, я тихо развернулся, направил его забралом в сторону матрасов и врубил на всю фонарь, встроенный в него.

Яркий свет фонаря залил тот участок площадки, откуда доносилась беспокойная возня, и то, что я увидел, на миг повергло меня в шок. Над Катей и Русланом склонился сталкер с ПНВ на лице, он методично бил их тела длинным ножом. Как только свет упал на него, мужик вскочил, и, ослепленный, два раза выстрелил в направлении источника света из пистолета с глушителем.

И, то ли я успел правильно отреагировать, то ли убийца стрелял для острастки, но пули просвистели мимо меня. Потом этот ублюдок спрыгнул вниз с перекрытия и тенью метнулся в темноту ангара.

— Ассасин!!! — отчаянно заорал я, натянул на себя шлем и кинулся за ним.

Тут же верный «кольт» очутился в моей руке. Я вбежал в ангар и стал водить пистолетом по корпусам «бобика» и ЗИЛа, ржавеющим здесь. Но в ангаре уже никого не было, кроме полусонных «свободовцев» и обкуренного мастера, занимающегося в лагере ремонтом снаряжения.

Тут же в ангар влетел Седой, а база содрогнулась от рева сирены. Поднялась суматоха, бойцы «Свободы» забегали по лагерю, а лучи прожекторов на вышках стали обшаривать все окружающее пространство... Но убийцы уже и след простыл.

Я услышал истерический женский крик сверху, из ночлежки, и поспешил туда. Седой ломанулся следом. Там, на перекрытии, заляпанном свежей кровью, стояла Яна. Она склонилась над убитыми и надрывно скулила. Ее слезы капали на тело подруги и ее мужа, продолжавшего нежно обнимать любимую даже после смерти.

Эта ужасная картина отчаянно отвергалась моим сознанием. Я отказывался верить в то, что явственно видел. Совсем недавно я смеялся вместе с Русланом над бородатыми анекдотами, которые нам рассказывала Катя. Только вчера я опрокидывал колбу со спиртным, выпивая за их здоровье. А утром пожимал руку и откровенно радовался их неожиданно обретенному счастью. И вот теперь они лежат передо мной в липкой луже из собственной крови.

И у них уже никогда не родится ребенок.

Яна жалобно всхлипывала, Панкер стоял рядом и пытался ее успокоить. А какая-то гнида сейчас отсыпала свои проклятые сребреники в ладони твари, лишившей жизни не только этих двух замечательных и дорогих мне людей, но еще и отобравшей право появиться на свет у третьего человечка, уж точно ни в чем не повинного.

Опять что-то надломилось в моей душе, в который раз что-то безвозвратно порвалось, лопнуло. Меня захлестнула черная слепая волна праведного гнева, и на миг показалось, что за моими плечами вдруг распахнулись крылья, а рука ощутила тяжесть пылающего огнем меча. Мне захотелось кого-нибудь убить, жестоко и хладнокровно. Сейчас мне это было

просто необходимо. И было все равно, кого и какое количество убивать. Я жаждал крови! Крови врага!

— Я иду с вами, мочить этих ублюдков! — крикнул я Седому и опрометью кинулся собирать свое снаряжение.

— Никуда ты не идешь, Бизон... — начал Сашка угрюмо, а потом вдруг заорал на меня, пытаясь децибелами своего голоса выбить из моей головы дурь: — Вали отсюда на хер, к Периметру! Здесь мы и без тебя справимся! Этим тварям уже все одно не жить! И Русику с Мышкой ты уже ничем не поможешь! А тебя дома мать ждет!! Вали отсюда!! Хоть ты вали!!!

Я молча, не обращая внимания на его слова, нацепил рюкзак, затянул лямки на броне и стал перешнуровывать ботинки.

— Панкер-р, скажи ты ему! — последний раз рыкнул Седой и пошел срывать свой гнев на подчиненных ему бойцах.

— Уходи, Бизон. Жажду мести утолишь на кордоне. — Димка поднял с пола перепачканный кровью гранатомет Руслана и широкую ленту патронташа с гранатами к нему. — Вот, возьми это и заставь их всех трястись от ужаса. Вот эти длинные самодельные гранаты идут с дымом, остальные со смертью. Не жалей их. А с Седым пойду я, можешь не сомневаться, наемники получают по заслугам. Я тебе это обещаю.

Его слова были настолько спокойны, что, казалось, через Панкера говорит само вечное, невозмутимое небо. И там, где оказался бессилён ор Седого, там возымел действие спокойный, уравновешенный голос Димки. Слова его достучались до моего кипящего разума и переориентировали мой гнев в сторону других, не менее опасных врагов. Периметр охраняли военные, а эти «товарищи» были ничем не лучше наемных убийц. Даже хуже. «Дикие гуси» все это делали за большие деньги, а эти гады, можно сказать, задаром сеяли смерть. Не думаю, что их годовое жалование по своему абсолютному значению хоть немного приближается к разовой оплате заказа наемников.

Я принял из рук Панкера окровавленный гранатомет и в последний раз по-дружески обнял собрата по несчастью.

— А от винтовки этой все же избавься, — добавил Димка, глянув на ствол СВД, торчащий из-за моей спины.

Я утвердительно кивнул, ветром слетел по ступеням вниз и отправился через бар к воротам. Но, проходя мимо столпившихся вокруг Сашки анархистов, я на секунду задержался послушать, о чем они говорили.

— Кто это был, что за сволочь?! Кто знает?! — Седой отчитывал «свободовцев», которые дежурили в тот момент на посту.

— Обычный нейтрал, таких тьма через нашу базу проходит, — оправдывался боец в желтом экзоскелете, — пришел к нам в полдень, попросился на ночлег. Кто же знал, что он наемник?

— Черт, черт, значит, он мог слышать, что утром мы собрались их атаковать! — Сашка ударил по доскам стола так, что на них подпрыгнули все бутылки, стаканы и вилки. — «Свобода», в ружье!! Выдвигаемся сейчас же!

Анархисты засуетились, готовясь к вылазке, и в считанные секунды вокруг Седого не осталось никого. Я развернулся и отправился дальше к воротам.

— Что, даже не попрощаешься? — раздался за спиной голос Сани.

— Не буду тебя отвлекать, занимайся своими бойцами. — Я остановился и обернулся, кидая прощальный взгляд, наверное, на самого лучшего и достойного командира в Зоне. — И убей там нескольких за меня. А я пойду и верну должок военным.

— погоди, Бизон, — Седой задержал меня еще на минуту, — это тебе лично от меня, передай воякам пламенный привет от бывшего коллеги Сашки Седого.

Саня извлек из чехла свой пулеметный магазин «бубен» и протянул его мне. Я взял его в руки и озадаченно глядел на это громоздкое и тяжелое чудо.

— Здесь семьдесят пять патронов «дум-дум» с «каруселью», одного такого патрона

хватит, чтобы пробить самый навороченный экзоскелет. Когда пойдешь в атаку, пристегни его к своему АКСУ. — Седой вдруг остановил анархиста, толкающего перед собой тележку с армейскими ящиками, и достал из верхнего тубус гранатомета. — А вот этим передай воякам привет от всей группировки «Свобода»!

— Да! Да! Передай, Бизон! — одобрительно загалдели «свободовцы», суесящиеся во внутреннем дворе лагеря.

— Имел дело с «Мухами»?¹⁵ — задал риторический вопрос Сашка и тут же быстро объяснил мне, что делать с гранатометом. — Значит, так: сначала откроешь эту крышку и раздвинешь трубы до упора. Передняя крышка откроется сама, а у прицельной мушки случится «стояк». Потом повернешь эту стойку вниз до упора, отпускаешь, целишься и на спуск жмешь. Только все это делаешь, когда действительно решишь стрелять, потому как назад, в походное положение, он не переводится. А теперь внимание, бонус — внутри заряд с «Электрой»! Довели-таки до ума мы с пацанами эту тему. Вокруг точки попадания все в радиусе десятка метров, точно умрут, а остальных, которые дальше еще в нескольких метрах будут, так переколбасит, что некоторое время они даже пошевелиться не смогут. Так что запусти гранату прямо перед собой в цель, а потом добивай разрывными из «калаша» всех, кто выживет.

— Спасибо, Саня, — я спрятал здоровенный магазин и навесил на себя еще и этот гранатомет, — дай Бог, может, свидимся еще...

— Бог даст, кому ж еще осталось. — Седой крепко пожал мне руку, и когда я отошел на несколько шагов, крикнул в спину: — Топай через мост к южному блокпосту, я предупрежу наших, что ты идешь.

Я не стал оборачиваться и отвечать, лишь поднял вверх руку на ходу, показывая, что слова Седого приняты к сведению, и зашагал в ночь.

Нашлемный фонарик освещал дорогу передо мной, на дисплее детектора были видны все ближайшие аномалии. Я прошел между бензоколонкой и какими-то недостроенными зданиями, пробежал по мосту мимо охраняемой анархистами антенны и, пройдя по дороге рядом с еще одними местными развалинами, оказался у блокпоста «Свободы». Завидев меня, на посту засуетились бойцы. Я шел к ним быстрым и уверенным шагом, несмотря на то, что на мне кроме всего прочего сейчас висели два тяжелых гранатомета и патронташ с гранатами.

— Сталкер, оружие свое... это, э-э-э... — начал было анархист и запнулся на полуслове, завидев арсенал, навешанный на меня. — Ты Бизон? — закончил он.

— А вы еще кого-то ожидаете? — мрачно ответил я и, не останавливаясь, прошел мимо него, глухо бухая подошвами в землю.

— Ладно, проходи, Седой предупреждал, что ты идешь, — уже как-то вяло и неуверенно проямлил анархист, провожая тяжело нагруженного меня взглядом.

Я миновал блокпост «Свободы» и отправился дальше по дороге, ведущей к туннелю, за которым уже начиналась территория кордона.

— Это тот самый Бизон, о котором Сашка рассказывал, тип совсем безбашенный, так что не злите его, — проговорил за моей спиной тот «свободовец», что постарше, своим братьям по оружию. — На его счету немеряно трупов.

Несмотря на мерзкое настроение, я позволил себе улыбнуться, услышав эти слова. Седой не только хороший командир, в нем еще пропадает и великолепный сказочник.

Шел я в полный рост, выпрямившись, не скрываясь. Кипевшая во мне ненависть к наемникам совсем не утихла, она лишь качественно изменилась. Теперь я ненавидел всех, кто потенциально мог желать мне зла, кто хотя бы на минутку подумать об этом мог. Я сжимал свой автомат и высматривал по сторонам кого-нибудь, кого можно было убить. И, как ответ на мою молчаливую просьбу, на дорогу метрах в пятнадцати от поста выскочила

¹⁵ РПГ-18 «Муха» — ручной противотанковый гранатомет.

псевдособака. Тварь зарычала и кинулась на меня.

Эх, то самое, что доктор прописал! Я осатанело рыкнул в ответ и рванулся вперед, грузно побежал ей навстречу, а когда мутант, разинув пасть, прыгнул на меня, ему в глотку щедро сыпанули пули. Я выпустил в эту гадину полрожка! Перезвон гильз, катящихся по старому потрескавшемуся асфальту, сладким бальзамом лег на мои нервы, так же как и испуганный вскрик старшего на блокпосту: «Видели?! Я же говорил вам!»

— Схавала, гнида?! — Я со злостью пнул ботинком труп животного, и, довольный собой донельзя, отправился дальше. Теперь на моем счету уж точно будет «немеряно трупов».

Перед самым туннелем путь мне преградила уродливая плоть, но эта животинка, видимо, почувствовала во мне нечто смертельно угрожающее. Она сорвалась с места и скрылась в зарослях придорожных кустов.

— Топай-топай, свинья, целее будеш-шь, — прошипел я ей вдогонку.

Туннель я преодолел быстро и оказался на противоположной его стороне. Судя по карте моего нового наладонника, здесь начиналась условная граница кордона. Надо же, добрался наконец-то. Но особой радости я в этот момент не ощутил, в душе все еще скребли кошки. Большие такие, саблезубые, размером со льва.

— Оба-на, пацаны, шо за фраер к нам валит на ночь глядя?

У костра, рядом с брезентовым навесом, накрытым сверху маскировочной сетью, зашевелились братки.

Ох, как же вам не повезло, ребята! Я в несколько неуклюжих прыжков оказался у костра и, прежде чем успели встать на ноги двое из троих братков, расстрелял в упор всех. Двое упали замертво, а третий, раненый, лежал на боку и тяжело дышал, пока я менял магазин.

— Мужик, за шо? Шо мы те сделали? — уже совсем другим, жалобным тоном исторг он свои последние слова.

— За что? Этот вопрос я только и задаю с того момента, как в Зону попал. — Выстрелом в голову я успокоил бандита навсегда.

От туннеля между холмов вела грунтовая дорога, по ней я дотопал до руин АТП. Там в остатках зданий у костров сидели люди, звучала гитара, и слышался веселый смех. Похоже, что здесь обосновались простые сталкеры из нейтралов. Я не стал заходить к ним на огонек и миновал руины вдоль ограждения из колючей проволоки, пройдя под самым забором АТП.

За «колючкой» возвышался большой лысый холм, а дальше, если верить карте, начинались лесные массивы. Я внимательно присмотрелся к этой карте и к пометкам на ней, и в голову закралась беспокойная мысль. А почему бы мне прямо здесь не прорубить это ограждение и не смыться из Зоны? Зачем идти к какому-то местному барыге и просить у него помощи?

Я еще раз недоверчиво посмотрел через «колючку» на ту сторону, туда, где уже вроде бы не Зона. Что там может находиться такого страшного, что для защиты хватает этого весьма символического забора, поставленного для ограничения Периметра Зоны? Почему туда-сюда прямо через него не снуют челноки, в любом месте?

Ответы на эти вопросы сейчас я искать не стал и отправился дальше, вдоль обтянутых проволокой деревянных столбиков. Чупакабра не посоветовал бы мне искать помощи на стороне, если бы переход можно было провернуть так просто. К тому же во мне еще не остыло желание поквитаться с военными. Не зря же я на себе, как настоящий бизон, все это время пер столько смертоносной тяжести.

Невдалеке от ограждения еще потрескивало несколько костров и оттуда доносились голоса, но я решил не беспокоить этих людей. Обойдя греющийся у огня народ, я вышел к дорожной насыпи. За ней уже виднелись многочисленные костры сталкерского поселка. Убрав за спину автомат, я спустился с насыпи и вошел в руины.

— Привет, брат, — тут же поприветствовал меня часовой, стоящий на входе в поселок.

Я молча кивнул и прошел мимо него. Здесь все было спокойно. Несколько сонных

патрульных бродили между домов, а один вяло мерял шагами единственную здесь улочку. Вокруг одного из костров сидели сталкеры и травили друг другу байки. В чьих-то руках мелодично пела гитара. Я окинул взглядом скромные по масштабам развалины и не заметил ни одного достаточно укромного и укрепленного места, где мог бы расположиться местный торговец.

— Доброй ночи, не подскажете, где здесь Сидорович обитает? — спросил я у троих парней, сидевших у костра.

— Гы-гы, ты что, с неба в Зону упал? Кто ж не знает, в какой норе старый лис живет? А может, ты мутант какой-то и потому не знаешь элементарщины? — ответил задорно один из сталкеров, и вся троица залилась смехом.

— Не умничай, сопляк, спросил по-людски, так отвечай как человек! — злобно гаркнул я на сталкера и дернулся всем телом так, что звонко брякнули висящие на мне гранатометы и боеприпасы. — Или здесь уже все в зверье мутировали?!

Сталкеры вздрогнули от моего вскрика и прекратили ржать. Испуганно замолчала и гитара.

— Да че ты, че дергаешься? Вон там он, за забором в конце поселка, в своем бункере сидит, — ответил один из парней и проводил меня взглядом.

— Вот до чего Зона народ доводит, — стали переговариваться за моей спиной сталкеры. — Его лучше не злить, а вдруг он немного того. Еще палить начнет прямо в поселке. Нужно Доберману маякнуть, это его обязанность за порядком тут следить.

Я перестал коситься на них и прислушиваться к тому, что они болтают. Прошагал через руины со злобной ухмылкой на губах. Мне понравилось то, что меня убоялись эти трое. Сладкий вкус чужого страха придал мне уверенности и сделал сильнее. А может быть, изначально в Зоне так и следует себя ставить?

Или все боятся тебя, или всех боишься ты.

Железные створки люка, лежащие прямо на земле, были распахнуты, за ними виднелись ведущие вниз ступени. Я оглянулся по сторонам и, не раздумывая, нырнул туда. Сразу стало намного комфортнее. В закрытом помещении можно не думать о пуле снайпера, которая может прилететь из любой точки Зоны.

Здесь, под арками промежуточных лестничных площадок, горели электрические лампы в старых взрывозащищенных плафонах, почти как в бункере Михея. И точно так же под аркой туннеля сбоку шла разводка старых толстых кабелей, подбитая ржавыми скобами арматуры. Видимо, любит здешний торговец комфорт и блага цивилизации.

Я спустился вниз и застыл на последней площадке перед герметичной железной дверью. Состояние легкого дежа-вю заставило на минутку остановиться, я снял свой шлем и вдохнул прелый воздух подземелья. Эта дверь как две капли воды была похожа на двери в бункере деда. Даже воздух здесь был такой же. Может быть, и строили эти два сооружения одни и те же ребята?

Вдруг я услышал за стеной недовольные крики и прислушался.

— Что, теперь они и Болота обложили?! И тебе понадобилась неделя на то, чтобы это понять?! Три моих лучших курьера убиты солдафонами! А этот майор, который на выкуп контейнеры приносит, так вообще весь страх потерял! Говорит, мол, давай еще своих смертничков засылай, а то нам скучно. Ты думаешь, в Зоне кадровый вопрос легко решается?! — орал охрипший мужской голос, явно принадлежащий пожилому человеку. — Если вы, дармоеды, мне в ближайшие дни безопасную тропу не найдете, я вас самих кину блокпост штурмовать!

— А что мы можем сделать? — тут же стал оправдываться молодой голос. — У армии ресурсы почти безграничные, а у нас мало того, что каждый патрон денег стоит, так и осталось в отряде уже семь человек.

Я постучал по железной двери и прервал этот разговор.

— А это еще что за придурок там стучит? Открыто, блин! — гаркнул голос пожилого за дверью.

Я отворил скрипучую дверь и вошел в тускло освещенное помещение, держа «сферу» в руке. Здесь, на маленьком пятачке, отгороженном от остального помещения железной решеткой прилавка торговца, стояли старые шкафчики, а на полу валялся большой ящик. За решеткой сидел практически лысый пожилой мужик в жилетке и сердито стрелял глазами. За ним виднелся целый склад оружия, снаряжения и всевозможных припасов.

Несмотря на то, что на дворе была осень, здесь, в бункере, было жарко и душно. Электронагреватели работали хорошо, а вот с вентиляцией вышел прокол. На шкафу за торговцем шумел вентилятор, гоня спертый воздух по помещению.

Тут же, перед решеткой, стоял мужик в экзоскелете без шевронов и прочих знаков различия. Свой шлем он тоже держал в руках, как я...

Мое сердце екнуло. Это был наемник. Но то, что он сразу не схватился за оружие, увидев мое лицо, несколько успокаивало. Возможно, это был наемный охранник торговца, для которого все остальные движения в Зоне были глубоко плоскопараллельными.

— Доброй ночи, вы Сидорович? — спросил я у пожилого человека, сидящего за решеткой.

— Нет, я Майкл Джексон, собственной персоной! Ты что, новенький? — тут же оживился торговец и принялся выпрашивать интересующие его вещи: — Ты как через заслоны прорвался? Как давно и где прошел? А стволы где уже успел прикупить? Сколько отдал за них? Я бы тебе их дешевле продал.

— Простите, но я не из-за Периметра пришел. Наоборот, мне через него прорваться нужно, обратно в «большой мир», — огорчил я мужика, который обрадовался моему появлению. — Мне один хороший человек посоветовал к вам обратиться за помощью. Сказал, что вы курьеров через Периметр регулярно отсылаете. Ну, и мне туда надо.

— Слыхал, Доберман? Ему туда надо, — ехидно сказал торговец наемнику, а потом обратился ко мне: — А мне-то как туда надо! Вот уже целый сраный месяц надо! Обложили вояки какого-то хрена весь Периметр, никого не впускают и не выпускают из Зоны. А у меня уже все сроки горят! Так что, если ты раньше меня найдешь путь отсюда, то я тебе еще и денег отсыплю щедро. Вот этим дармоедам разок жалование не выплачу! Ы-ых!

Старик погрозил кулаком стоявшему здесь наемнику. Лицо наемника перекосила недовольная гримаса, он отвел взгляд в сторону и уставился на обшарпанные стены.

— Я, конечно, прошу прощения, но разве нельзя в любом месте Периметра колючую проволоку перекусить и отрядом выдвинуться отсюда? — задал я торговцу вопрос, терзающий меня с недавних пор.

— О, еще один умник нарисовался! Ты чего, пацан, с луны в Зону свалился? Или мозги тебе пожгло, и ты совсем забыл, что за колючкой Периметра многие квадратные километры «лепестками»¹⁶ засеяны?.. Что, и вправду пожгло? — Сидорович вдруг прикусил язык и глянул на меня с сочувствием, решив, что я действительно стал жертвой зонной амнезии. — Ну ладно, если забыл, то я напому. Одна такая хрень тебе ступню оторвет нафиг, и военные добивать из жалости не станут. Они просто оставят тебя там медленно подыхать. А если ты вдруг чудом научишься парить над землей, то все равно дальше снайперских вышек в лесу не пройдешь. И потом, еще про патрульные вертушки за Периметром не забывай. Короче, ближайший путь отсюда один — через блокпост военных. А потом еще строго по шоссе добрый пяток километров чесать нужно, пока закончатся минные поля и прочая дрянь.

— Через блокпост — так через блокпост. Я согласен, — выслушав торговца, спокойно ответил я. — Обеспечьте мне огневую поддержку, и я ваш контейнер доставлю, куда скажете.

— Хех, он согласен, слышал, Доберман? — опять съехидничал барыга, обращаясь к наемнику, а потом стал орать на меня: — Зато я не согласен!! Не похож ты на человека,

¹⁶ ПФП-1 «Лепесток» — противопехотная фугасная мина нажимного действия. Имеет две модификации: с механизмом самоуничтожения и без него. При активации разрушает наступившему человеку нижнюю часть ноги. Обычно после подрыва на этой мине требуется ампутация конечности.

способного пробиться через вояк! Повесил на шею пару гранатометов и возомнил себя крутым?! Уже двое таких, с пушками куда побольше твоих, пытались мои контейнеры с товаром из Зоны вынести, и каждый раз пришлось их выкупать у солдафонов! Если еще один раз такое случится, то я не только всю прибыль от сделок потеряю, но еще и свою репутацию подмочу! Так что вали отсюда, Рэмбо хренов, не внушаешь ты мне доверия, и на вид ты — слабак слабаком! Сдохнешь под забором части, не доползешь даже до...

Слова барыги раздули во мне тлеющий огонь ненависти, и на мое лицо упала такая маска ярости, что торговец резко замолчал, а его глаза тревожно забегали по сторонам. Сидорович сглотнул слюну, понимая, что сболтнул лишнего, и покосился на своего охранника. А я облокотился на стойку прилавка, приблизил свое лицо к решетке, прищурился и глянул прямо в зенки барыги, с таким презрением и ненавистью, что торговец слегка отшатнулся назад.

— Иди ты в жопу, дядя, — медленно и четко выговаривая каждое слово, произнес я ему в лицо. — Пережил я не одного такого бздунa, как ты. И тебя переживу. Сиди здесь дальше и нюхай последствия своего метеоризма.

У барыги аж челюсть отвисла от подобного хамства. Стоящий рядом охранник вытаращился на меня, лишившись дара речи, — видимо, раньше никто не позволял себе так говорить с его хозяином.

— С твоей помощью или без нее, но я прорублюсь через блокпост. У меня в этой трубе «электра» живет, и она отправит к праотцам куда больше вояк, чем твой жалкий отряд, — я выпрямился во весь рост и похлопал по гранатомету. — И не шли за мной своих сопляков, а то ненароком на мои «дум-думы» нарвутся. А одному хорошему человеку, который порекомендовал мне обратиться к тебе за помощью, я при случае скажу, что Сидорович...

Я не договорил, просто махнул рукой, развернулся и потопал к выходу из бункера.

— Эй, сталкер, погоди... — в повисшей за моей спиной тишине раздался неуверенный голос торговца.

Глава восемнадцатая МОЕ ПРАВО

Демонстрация силы духа подействовала неотразимо.

После непродолжительного диалога мы с торговцем все-таки заключили договор. Моя задача состояла в том, чтобы пронести через охраняемую границу приличный металлический кейс, набитый артефактами, и, продвигаясь вдоль шоссе, выйти в точку randevu, пятью километрами южнее Периметра. Там, на сигнал маяка, встроенного в контейнер, должен явиться курьер.

Именно этот человек и брал на себя все оставшиеся заботы, в том числе и доставку меня по адресу, чуть ли не под подъезд родного дома. А отряд Добермана должен был отвлечь основную массу военных на себя, чтобы я смог ударить по опустевшему блокпосту неожиданно и в возникшей суматохе проскочить через него.

Сидорович оказался торгашом до мозга костей. Безошибочно учуяв мое сильнейшее желание выбраться отсюда и сообразив, что я совсем не умею торговаться, барыга пожадничал и денег мне в благодарность пообещал отсыпать самую малость. Он знал, что я возьмусь за дело в любом случае. И спорить с ним было бесполезно, да и не было особой нужды это делать.

Покинув бункер, я зашел в указанный Доберманом дом и спустился по лесенке в тесный подвальныйчик. «Номер отеля» на глазок оценивался где-то в минус пять звездочек. Но здесь не было ни единой живой души, а это для меня сейчас важнее, чем прочие удобства.

Лямки рюкзака упали с плеч, освободив меня от ноши, и тяжелый баул опустился на устланную мусором землю. Я расстегнул его и стал раскладывать все содержимое прямо на дробленые кирпичи под ногами. СВД и все причиндалы к ней остались на безвременном хранении у Сидоровича. Поселившаяся в голове мысль о том, что я каким-то непостижимым

образом вернусь сюда, заставила меня совершить подобную глупость. Наивно было полагать, что старый лис будет хранить ее, но в этой вылазке, точно, винтовка мне только помешала бы. К тому же из головы не выходили слова Панкера: «Избавься от нее, она не твоя». Хрен его знает, шутил Димка или совсем наоборот.

Все сменное белье улетело в сторону, туда же брякнулись банки консервов, верный, но больше не нужный «кольт», магазины и патроны к пистолету и все прочее, кроме двух перевязочных пакетов и одной аптечки. С пояса я снял флягу с водой и подсумки для гранат. Нож, сделанный зонным умельцем, я решил оставить. Подаренная дедом сумка с болтами и гайками, содержимым которой я уже давненько не пользовался, тоже опустилась на кучку уже ненужных вещей. Потом, задумчиво посмотрев на гранаты, я все же поднял с кирпичей две «лимонки» и сунул их в карманы брюк. Сумка для сброса магазинов в последней вылазке была вообще лишней, и она тоже улетела в угол подвала. Случится какому-то новичку ценная находочка. И будет потом гадать пацан, недоумевать: почему и кто здесь столько всего полезного просто так сбросил?!

Я освободил все разгрузочные карманы брони от магазинов и всего прочего, что там было, а сами карманы срезал ножом, чтобы они не мешали мне ползти на брюхе. К автомату я пристегнул подаренный Сашкой дисковый магазин с разрывными патронами, а два запасных рожка стянул изолентой и сунул в набедренный карман брюк. Магазины полностью не влезли в карман, и край одного из них торчал из-под клапана, оттопыривая его. Я подергал их рукой — вязанка сидела плотно и не должна была выпасть, а этого было достаточно.

«Фэн-шуй» сейчас не важен, в Зоне он вообще на последнем месте. Главное — не как выглядит, а как работает. Больше боеприпасов я не взял: после того как отстреляюсь из гранатометов, мне предстоит бежать адскую стометровку под пулями, и лишний вес может вылезти боком.

Гранатомет Руслана я зарядил длинными дымовыми гранатами, которые наш киргиз смастерил из стандартного заряда гранатомета и цилиндров РГД-2. Скрытность в данном случае была куда эффективнее огневой мощи. Патронташ с остальными гранатами я опустил на кучу ненужного снаряжения. Мой прорыв сквозь блокпост должен был длиться лишь несколько минут, и у меня там явно не будет времени перезаряжать револьверное чудо. Дай Боже, чтобы я успел без помех отстреляться дымовухами.

Итак, что мы имеем? Пустой рюкзак, в который будет засунут кейс Сидоровича, «Муха» и гранатомет Руслана за спиной, АКСУ с «бубном» в зубах, и все. Ах да! Я вспомнил про КЗС, который мне рекомендовал надеть Доберман. Но его я натяну позже, перед самым выходом. Я расстелил на земле плащ-накидку и лег на нее. Теперь осталось только ждать.

Но ждал я недолго — сверху заскрипели доски пола, спугнув мрачные размышления и тягостные воспоминания. Ко мне спустился Доберман.

— Не бойся, я здесь один, как ты и просил, — начал глава охраны Сидоровича, — не буду спрашивать, почему ты недолюбливаешь наемников, но нельзя же нас всех под одну гребенку чесать.

Мужик прыгнул вниз, большой рост и громоздкий экзоскелет в этом тесном подвальчике очень сильно ограничивали его мобильность. Черканув шлемом низкий потолок и вызвав снегопад из штукатурки, наемник сильно пригнулся и протиснулся к моему лежбищу. Он глянул на кучу сваленного в углу добра, потом на меня и извлек из кармашка «разгруза» какую-то бумажную документацию.

— Вот, смотри, — Доберман развернул передо мной несколько сложенных листиков с детальной планировкой зданий и подсветил своим фонариком, — это наш объект. По обе стороны дороги стоят двухэтажные пристройки, а за ними казарма и стоянка. На стоянке может быть пара «бобиков» и один БТР. Ты занимаешь позицию вот здесь. Твоя цель для поражения — казарма.

— Погоди, а как я в нее попаду, там же везде забор. — Я посмотрел на карту и на мою

позицию, указанную наемником.

— Не торопись, сейчас все объясню, — Доберман продолжил разъяснение деталей, подсвечивая фонариком и тыча пальцем в свою карту. — Мы с ребятами делаем вид, что пытаемся прорваться на Болота через вот этот туннель. Он под самым носом у вояк, а они страшно не любят, когда народ снует туда-сюда. Выйдя к туннелю, мы открываем ответный огонь, а этого военные вообще терпеть не могут. Короче, большая часть их живой силы покидает пристройки и идет щемить нас. Если повезет, мы утянем их за собой на Болота. На блокпосту останется только резерв в казарме, пулеметчик и БТР. Ты ползешь к этому крайнему окошку. Через его решетку можно прострелить сквозь комнату пристройки и попасть четко в стену казармы. Если твоя «Муха» и вправду может создавать «электрику» диаметром двадцать метров, то сдохнут все военные в казарме, во дворе и даже в бронетранспортере. Пулеметное гнездо второй пристройки тебя не накроет, ты будешь в мертвой зоне. Тебе остается очень быстро пробежать по асфальту и за воротами нырнуть в придорожную канаву. А там, укрываясь за тополями и кустами, ты спокойно уберешься прочь. Но только помни, что лишь узкая полоса в пять метров шириной по обе стороны дороги не заминирована. Так что будь предельно осторожен — глупо подорваться на mine в самом конце штурма. И еще, по тревоге поднимется соседний гарнизон, и минут через десять по дороге промчится машина с солдатами. В этот момент ты должен будешь упасть на землю и немного подождать. Ну, а мы с ребятами к тому времени укроемся на Болотах. Так что пока солдатики сообразят, что к чему, «все будет в елку».

На уточнение деталей ушло совсем немного времени, но мы потом еще несколько часов проговорили с Доберманом, чтобы скоротать время до рассвета. Судя по тому, что я услышал, мужиком он оказался вполне достойным и честным. Его рассуждения и взгляды на жизнь были мне близки по духу.

Также я узнал от него, что подобная атака на блокпост предпринимается впервые и сделано это будет по крайней нужде. По словам наемника, такое тотальное блокирование границ случалось и раньше, но длилось оно от силы неделю и не особо мешало делам старика Сидоровича, а вот на этот раз все слишком уж затянулось. Как грянули два злополучных выброса один за другим, с небольшим интервалом, так вот уже с месяц «граница на замке». Никогда раньше такого облома не случалось.

Сидорович терпел страшные убытки за счет неустоек, а это отражалось на заработках ребят, работавших на него. К тому же военные по неизвестной причине озверели вкрай и убивали всех и вся, кто только смел приблизиться к границе Зоны. У меня в голове на миг возникла идиотская мысль, что всему причиной могло быть наше загадочное появление здесь. Что породил весь этот беспредел факт загадочного появления в Зоне нашего отряда «горожан», сейчас почти уничтоженного... Но я тут же отмахнулся от этого откровенного бреда. Не могла жалкая кучка городских неудачников поднять на дыбы такого монстра, как регулярная армия.

Заметив, что я испытываю, мягко говоря, неприязнь к наемникам, Доберман ненавязчиво рассказал о себе и о своих товарищах, пытаясь донести до меня мысль, что «дикие гуси» тоже люди. Каждый из них не от хорошей жизни очутился в Зоне. Почти все деньги, что здесь зарабатывали ребята, они отправляли остро нуждающимся в них родным и близким людям. У кого-то в «большом мире» остался больной ребенок, которому необходимо постоянное и дорогое лечение, у кого-то другой родственник с подобного рода проблемой, а кто-то просто «попал» в свое время на большие деньги и сейчас пытался отработать долги.

Дискутировать с ним я не стал, как и не стал объяснять причин своей неприязни к наемникам. Но к рассвету под воздействием речей Добермана моя натренированная логика уже полностью охладила бесконтрольную ненависть ко всем подряд, кто называл себя наемником.

Доберман презентовал мне, от себя лично, глушитель к АКСУ, заверив, что этот причиндал мне сильно поможет, и притащил из бункера своего хозяина груз — тот самый

кейс. Чемоданчик оказался бронированным и очень тяжелым, с электронным замком высшей степени защиты, маячком и прочими наворотами. К тому же в него была встроена система самоуничтожения, почему, собственно, военные и носили кейс на выкуп старому лису. Вскрыть его и добраться до ценного содержимого они сами не могли. Поэтому довольствовались денежной компенсацией торговца, каждый раз, когда перехватывали и убивали его курьера.

Едва небо над Зоной просветлело и на нем начали растворяться звезды, мы вышли из поселка. Утренняя дымка тумана здесь, на кордоне, была чисто символичной. Это не было то густое молоко, которое заливало охотничьи угодья Панкера. Но здесь, так же как и на пустырях, полностью отсутствовал ветер.

Я минут пятнадцать полз на брюхе, чтобы занять свою стартовую позицию, расположенную возле деревянного забора воинской части. Здесь, между двух низких, но очень густых елок, в двадцати шагах до забора, я и залег. Над «колючкой» виднелась крыша казармы, а правее отлично просматривались двухэтажные пристройки, стоящие по обе стороны баррикады из заградительных бетонных стоек и мешков с песком. Пулеметчик на втором этаже дальней пристройки находился на посту в своем обшитом металлом «скворечнике». Я сейчас был в «мертвой зоне» его обстрела, и потому меня больше волновали патрули. Лишь бы не поднять шум раньше времени, тогда все должно пойти легко, как по маслу.

Я аккуратно выглянул из колючих веток и прикинул расстояние, отделяющее меня от первого окна ближней пристройки, через которое я должен был послать гранату «Мухи» в цель. Риск, конечно, большой. Факт, что дверь в пристройке по-прежнему отсутствовала, подтвердил утренний разведчик. Но стоило кому-либо в ненужный момент встать в проеме двери, и выплеск энергии аномалии поджарит и меня самого. А если кто-то в этот момент займет огневую позицию в этом окне, тогда вообще придется на забор вылезать, чтобы пустить гранату.

Я взял в руки гранатомет и подготовил его к стрельбе, как меня учил Сашка. Мушка подскочила вверх, все готово. Ну что, перед смертью не надышишься. Я сам себя мысленно подогнал и вышел на связь с Доберманом.

— Я на позиции, стрелять готов, — прошептал я в микрофон гарнитуры выданной мне рации, торчащий из-под уха.

— Принял. Мы начинаем. Жди команды, — тут же раздался в наушнике голос Добермана.

Еще несколько бесконечно долгих секунд продлилась тишина, и единственным звуком, разлетающимся по округе, было одинокое щебетание какой-то лесной птицы.

Над блокпостом взвыла сирена, возвещая о начале нашей операции. Сразу же в пристройках засуетились военные. На миг стало страшно, но теперь уже отступать было слишком поздно. Я вжался в землю и с замиранием сердца ожидал команды.

Загромыхал пулемет, а из укреплений высыпали военные. Солдаты открыли огонь в том направлении, где сейчас за камнями и деревьями у туннеля укрылся отряд Добермана. Солдат появлялось все больше и больше, и все они, как муравьи, заполняли собой пространство. Вот еще несколько военных, сбегав по ступеням со второго этажа ближней пристройки, выскочили за бетонные стойки блокпоста и, поливая короткими очередями пространство, двинули к туннелю.

— Бизон, твой выход! Мы долго их не сдержим! Их здесь больше, чем мы рассчитывали! — в наушниках на фоне стрельбы раздался отчаянный крик наемника.

Я вцепился в «Муху», приподнялся и, пригибаясь к земле, быстро перебежал к доскам забора. Вдоль них я прокрался к тому самому окошку. Рев сирены и громы стрельбы не умолкали. Напротив, они раздавались с новой силой, к ним еще добавились хлопки разрывов гранат. Мне сейчас было не просто страшно — холод первобытного ужаса разлился по моему телу. Весь мой праведный гнев скромно остался лежать в засаде под теми двумя елками, а желание выместить все накопившееся зло на военных — спряталось в маленькую и

темную норку где-то в подсознании.

Выступающий угол пристройки полностью скрывал меня от глаз вояк, и я осторожно глянул через решетку окна. Сейчас в пристройке никого не было, все солдаты ломанулись в низину, которая расстилалась на той стороне дороги. Как и говорил Доберман, через окно в пустом проеме двери отлично просматривалась цель. Казарма.

Я выпрямился во весь рост, осторожно просунул трубу гранатомета через решетку и стал целиться, прикидывая на глаз, куда нужно попасть, чтобы меня не задел разряд. И когда я уже был готов выстрелить, отчаянный крик, прозвучавший в наушнике, остановил меня.

— Внимание всем, кто меня слышит, прошу вашей помощи!!! — перекрывая шум стрельбы, орал Доберман. — Военные нас прессуют у туннеля, ведущего на Болота! Путь к топам отрезан аномалиями! Сталкеры, помогите, иначе нам крышка! В долгу не останемся! Помогите хоть кто-нибудь!!!

Этот отчаянный крик, умоляющий о помощи, вмиг разбудил во мне память. Я вдруг вспомнил девушку, хладнокровно убитую в Припяти военным. Вспомнил Анютку, которой я так и не смог помочь. Вспомнил Алину и нашего Доктора, растянувшихся на баррикадах аванпоста «Долга». И последний предсмертный крик Женьки, погибшего в отчаянной попытке спасти нас всех, зазвенел в моих в ушах...

«А вот вам, суки!!!» — эта фраза гроыхнула внутри меня, и вновь поднялась в душе волна ярости и гнева. И последней каплей, сорвавшей мне крышу, оказались лица Руслана и Кати, залитые их собственной кровью. Что-то вдруг щелкнуло в голове, и план действий резко изменился. Все будет так, как Я решу, все будет правильно и честно. Все будет по справедливости, по МОЕЙ справедливости!

Я рывком вытащил тубус гранатомета из решетки, пригнулся и быстро просочился вдоль стены пристройки к самой дороге. Здесь, за углом здания, возле навалов мешков с песком и бетонных стоек я на миг замер. Через дорогу на втором этаже пристройки гроыхал пулемет. Внутреннее пространство блокпоста пустовало, все военные спустились в низину и сейчас уверенно стягивались к туннелю. Отсюда, из-за угла пристройки, почти все пространство просматривалось как на ладони.

— Доберман, это Бизон, — я вышел на связь с наемником, — живо укройтесь в туннеле! У вас есть пять, четыре, три, две, одна...

Закончив отсчет, я нажал на спусковой рычаг шептала. Бахнул вышибной заряд, и граната устремилась к цели. Всю низину и мельтешащих там военных накрыло огромное, ослепительное белое одеяло электрического разряда. Гроыхнуло так, что еще некоторое время в ушах стоял звон. Моментально смолкло многоголосое стрекотание «калашей», и даже пулеметчик, шокированный увиденным, на несколько секунд прекратил огонь.

Все пространство около туннеля вмиг почернело от пепла, а из земли стали подыматься струйки дыма. Почти все солдаты, находившиеся там, погибли, а те немногие, которые выжили, сейчас лежали на земле и стонали от боли.

— Ни хера се... — это единственное, что я услышал в наушниках.

— Все, ребята, не поминайте лихом, — я послал в эфир последнее сообщение, снял с уха гарнитуру рации и сунул ее за воротник кителя, под КЗСом.

А теперь мне пришла пора выгрызть зубами свое долбаное конституционное право на жизнь, то самое право, которая эта гребаная армия и должна была защищать! Я бросил опустевшую «Муху» на землю и схватился за гранатомет Руслана. Шесть дымовых гранат тут же разлетелись по территории блокпоста. Две из них влетели в окна пристроек, остальные засеяли дорогу, ведущую прочь из Зоны. Второй опустевший гранатомет упал мне под ноги.

Выждав несколько секунд, пока дымы разгорятся и хорошенько укутают пространство, я вцепился в АКСУ и шагнул за угол, в этот белесый туман. Перепрыгнув порог пристройки, я пробежал вдоль ее стены и остановился у шлагбаума. Сзади послышался звук шагов, я резко обернулся и расстрелял в спины двух военных, выскочивших из пристройки на дорогу. Подаренный Доберманом глушитель отработал на все сто, и выбежавшие следом за ними

еще двое бойцов умерли, так и не поняв, откуда прилетели пули.

Боковым зрением я заметил движение над дымовой завесой, на втором этаже дальней пристройки. Там, в окне и на лестнице, замаячили враги. Недолго думая, я буквально залил весь второй этаж одной длинной щедрой очередью. Высунувшемуся из окна военному пули разнесли голову, а двух других на лестнице порвали в клочья.

На стоянке взревел двигатель бронетранспортера. Я обернулся и вжался в угол пристройки. Слева от меня, за сетчатыми воротами, из казармы выбегали солдаты, но все они ломились к рычащей машине и взбирались на ее броню. И я метнулся через открытое пространство ворот к доскам забора. Тут же застрекотал автомат. Кто-то из солдат заметил движение и дал несколько коротких очередей по забору, к нему присоединились остальные.

Я не стал отвечать и кидать гранаты через забор, а просто побежал вдоль него, побежал на максимальном пределе своей «мощности». За спиной в щепки разлетались доски, подгоняя меня, как кнут лошадь. Я пулей пролетел до конца забора и укрылся за толстым стволом тополя, растущего на моей стороне дороги. И вот так, от тополя к тополи, я добежал до самых ворот и принялся быстро разматывать цепь, обмотанную вокруг скоб арматуры, приваренных к каркасу сетчатых ворот.

Цепь, звеня, упала на асфальт, и я толкнул одну из створок. Ржавые сетчатые ворота скрипнули и отворились. Но громкий рев двигателя, раздавшийся за спиной, заставил меня обернуться. Там, сзади, разрывая редющую пелену завесы, вырвался на дорогу бронетранспортер с солдатами на броне. Он несся прямо на меня, и я не мог в эту секунду, здесь и сейчас, хоть что-либо противопоставить этому монстру...

Но миг спустя несколько ярких вспышек накрыли машину и она, утопая в огне, резко вильнула в сторону и встряла в ствол старого тополя. Все, кто был сверху на ее броне, как опаленные огнем насекомые, мертвые осыпались на асфальт и землю. Дерево, звонко затрещав, рухнуло на корпус горящего бронетранспортера. Я быстро сообразил, в чем дело, шустро нащупал гарнитуру рации и вернул ее в ухо. А там уже всю «цвели и пахли» высокохудожественные маты Добермана.

— Бизон на связи, — ответил я, прерывая потоки ругани.

— Твою душу, Бизон! Какого хрена я тебе рацию выдал?! — наемник выплеснул остаток своей злобы и, поняв, что я все-таки выжил, спокойнее добавил: — Все, беги, путь чистый. Теперь тебе в спину уже никто не ударит. Но помни про машину с подкреплением, она через несколько минут появится на дороге. И еще... Спасибо, дружище, теперь я и мои ребята перед тобой в долгу. Удачи тебе, братишка сталкер, может быть, еще свидимся!

Рация умолкла, я сорвался с места и юркнул за ворота, потом, спустившись в придорожную канаву, стал пробираться через заросли придорожного кустарника. Там я крысой полз до тех пор, пока уши не уловили рык двигателя армейского грузовика. Переждав, пока машина проедет мимо, я отправился дальше.

Три километра уже остались за спиной, и, судя по метке на карте моего наладонника, мне еще примерно столько же предстояло следовать до точки randevu. Продвигаясь вперед, я не сразу, но все же заметил, как мое самочувствие с отметки «хорошо» съехало на уровень «нормально» и продолжало стремиться к метке «хреново».

Я остановился и ощупал руками все свое тело. Может быть, какая-то шальная пуля задела, а я в состоянии шока не ощутил боли? Нет, все было в норме. Но почему мне все хуже и хуже... Я, не понимая, что со мной происходит, лишь прибавил ходу. Мне бы только добраться до места, а там курьер обо всем позаботится.

С каждым новым метром, отдаляющим меня от Периметра, мне становилось все хуже и хуже, но я упрямо топал прочь от Зоны. В какой-то момент я понял, что уже еле-еле толкаю ноги вперед. Все тело налилось свинцом. Вдруг после очередного шага, мои мышцы стянуло судорогой, и адская боль наполнила тело. Показалось, что голова вот-вот треснет. Уши заложило монотонным гудящим звуком, как будто в них заработал старый трансформатор.

— Верни-и-ись, не уходи-и-и, оста-а-анься-а-а... — вдруг, сквозь весь этот гул, долетел до моих ушей чей-то тихий шепот. До ушей ли?..

Голос, не принадлежащий ни мужчине, ни женщине, тихо повторял одни и те же слова и фразы, прося, умоляя меня вернуться назад. Но я упрямо, преодолевая нечеловеческую боль, поднимал ногу и делал очередной шаг, уводящий прочь от Периметра. И с каждым этим шагом мне становилось еще хреновее, хотя, казалось бы, хуже уже просто некуда... Я постепенно умирал, и умирал тем быстрее, чем дальше отдалялся от Зоны. И в какой-то миг я вдруг понял, что очередной шаг вперед меня попросту убьет. Поверну назад — буду жив, а если шагну вперед, то буду...

— Но мне надо уйти!!! Отпусти!!! — Задрав голову, я взревел из последних сил прямо в небесную бездну, раскинувшуюся надо мной.

Зовущий голос умолк, а боль запульсировала волнами, раскачивая мое парализованное тело... И вдруг все цепи, сковавшие тело и разум, вмиг спали. Я опять ощутил себя здоровым и полным желанием жить. И, ощущая мощнейший прилив сил, побежал прочь, ломая на своем пути ветви кустов и не желая разбираться, что это такое со мной случилось. Что это было? Какая напасть? Что меня схватило прямо за мужское достоинство, когда моя грудь уже коснулась ленты финиша, и грубо потянуло назад, в Зону?

Впрочем, ответы на эти вопросы уже были для меня не важны.

Но несколько раз я все же испуганно, затравленно оглядывался. Но никакой погони за мной не было. Где-то за Периметром, внутри Зоны, как всегда, хлопали звуки выстрелов, слышался приглушенный вой мутантов и даже доносились крики людей. Просто не верится, ей-богу, что все это осталось там, позади!

Я прибавил ходу, и только когда уже мышцы ног совсем забил этот бешеный темп марш-броска, остановился, немного отдышался и в последний раз оглянулся.

Серое небо над Зоной заплелось грязными облаками причудливой формы, рисуя мрачные картины; грянул гром и стал моросить дождик. Небо перечеркнул большой ветвистый разряд молнии, и на мгновение мне показалось, что оттуда на меня смотрят два огромных и печальных глаза размером с полнеба. Смотрят и роняют слезы дождя на землю. И видение это было настолько реальным, что я испугался не на шутку. От страха вдруг открылось второе дыхание, я подскочил на месте и побежал дальше сквозь кустарник, но оборачиваться больше не хотел, ни в коем случае.

Что это было? Причудливая иллюзия, созданная облаками, или плод моего воображения, нарисованный разумом, уставшим и выжатым как лимон? Но и этот вопрос недолго мучил меня, его быстро вытеснили мысли о матери, которая все это время даже не подозревала, в какую задницу попал ее сын. Только бы ты была жива, родная! Только бы твое больное сердечко, мама, выдержало эту нежданную-негаданную разлуку...

Когда я вышел на последнюю контрольную точку, там уже ждал курьер. Он принял кейс Сидоровича, сразу отсчитал положенные мне деньги и провел меня своими тропами через лес, к замаскированной землянке. Здесь я оставил все свое оружие и снаряжение, умылся, побрился и переоделся в нормальную человеческую одежду. Отсюда на «Ниве» курьера мы и отправились прочь из Чернобыльской зоны отчуждения, возвращаясь в нормальный, человеческий мир. Большой, не замкнутый, не ограниченный периметром смерти...

Но что-то все же защемило в моем сердце, когда я понял, что все страхи и ужасы Зоны остались где-то позади. Там, внутри Периметра, вместе со страхами остались и те хорошие люди, с которыми меня свела судьба. Там же остались и миллионы загадок и тайн «страны чудес». Пусть даже и смертельно опасного, но все же действительно, реально наполненного чудесами края...

Утомленный суетой последних дней и ночей, я быстро забылся сном прямо на заднем сиденье машины курьера. Несколько раз я просыпался, вскакивал и тревожно осматривался, когда хлопала дверь машины, но мои тревоги были напрасными — выяснялось, что это просто вынужденные остановки у заправочных станций и продуктовых магазинов. И на меня опять наваливалась дрема. Так я и проспал, пока мы не въехали в мой родной город.

Здесь на конечной остановке городского троллейбуса безымянный мужчина меня

высадил и, пожелав удачи, умчался по своим курьерским делам. Я же, дождавшись «рогатого», уселся на одну из пустых скамеек салона и все время, оставшееся до своей остановки, молча созерцал плывущие за окном городские пейзажи. Теперь, после Зоны, все вокруг казалось каким-то нереальным, выдуманым и до нелепости ярко раскрашенным, как фантики конфет.

Еще не поздно было, но уже стемнело. Осень. Я шел по улице. Мой микрорайон не изменился ни капли, он продолжал жить своей обычной суетливой жизнью муравейника. Но изменился я. И теперь мои глаза смотрели совсем по-другому на все, происходящее по эту сторону Периметра. Из уст прохожих я слышал обычные, каждодневные, будничные фразы, но уже не видел в них прежнего смысла, не понимал их радости, не осознавал их горечи. Слова людей, суетящихся вокруг меня, были похожи на какой-то пустой и бессмысленный гомон.

Стрельнула выхлопная труба проезжающей мимо машины, я нервно дернулся, пригнулся и глянул на колымагу.

— Что, мужик, служил в горячей точке? — заметив мою реакцию, спросил проходящий мимо пожилой человек.

— Нет, хуже, — мрачно пробурчал я и свернул в переулок.

— Хм, а что может быть хуже этого? — удивился подвыпивший мужик и потопал дальше.

— Эх, дядя, лучше тебе этого даже и не знать, — пробормотал я и наконец-то остановился у подъезда родной «хрущевки». На втором этаже, в окне моей квартиры, горел свет. Ну, слава Богу, мама жива!словно тяжелый рюкзачище, пригивавший к земле, спал с моих плеч. Теперь уже все будет хорошо, все будет в порядке. Теперь я о тебе позабочусь, ма...

Сердце радостно забилося от предвкушения долгожданной встречи. Я взлетел по ступеням на второй этаж и несколько раз быстро, почти без пауз, как я это всегда любил делать, нажал на кнопку звонка. Что я сейчас скажу маме? Как смогу объяснить, где я был и что делал все это время? Как я выдержу сейчас слезы, слезы моей мамы?..

Время шло, двери никто не открывал. Я позвонил еще раз и прислушался. Внутри, в квартире, играла музыка и были слышны женские голоса. В душу закралось нехорошее, берedaщее нервы подозрение.

— Уже иду! А вот и гонец с водярой вернулся! — раздался за дверью знакомый голос, и в одночасье треснули и разлетелись осколками все мои мысли о маме.

Этот голос холодком пробежал по моим жилам и на несколько секунд парализовал мое тело и разум ужасом.

Это был не мамин голос.

Дверь скрипнула и отворилась. На пороге стоял... Я.

Мое бледное от длительного запоя лицо высунулось из дверного проема и уставилось на меня своими опухшими глазенками. В зубах этого человека, который был моей зеркальной копией, торчала дымящаяся сигарета.

— Оба-на, а кто ж мне клоуна заказал?! — Довольное лицо моего близнеца растянулось в улыбке. — То есть, я хотел сказать, артиста-двойника. А шо? Похо-о-ож, заходи, братан!

Человек радостно схватил меня за руку и уволок в мою же квартиру.

А здесь вовсю штормила вечеринка. Везде в комнатах висел густой туман табачной копоти. В центре был разложен гостевой стол, на котором громоздились открытые консервные банки, тарелки с бутербродами, полупустые пачки майонеза, колбасные шкурки, грязная посуда и еще черт знает что. Пустые бутылки из-под пива, водки и вина выстроились шеренгами под столом. На полу, кроме всего прочего мусора, валялись разорванные квадратики упаковок презервативов.

На креслах, диване и стульях развалились мои кореша, до бровей налитые алкоголем. На свободном от стола участке комнаты, возле балконной двери, под музыку дрыгали конечностями какие-то незнакомые шалавы. Дверь в спальню сейчас была закрыта, но, судя

по жалобному скрипению моей старой кровати, там полным ходом «шел процесс».

Шок медленно проходил, но его место занимала самая настоящая буря негодования. Что это здесь за хрень такая творится?! Кто этот тип, похожий на меня?! Что он делает в моей квартире?! И где мама?!

— А вот и мы! Та-да-а-ам! — затолкав меня в комнату, закричала моя копия.

— У-у-у! Е-е-е! Ва-ау! — тут же восторженно заверещала толпа.

Какая-то пьяная девка подскочила ко мне, и потянула танцевать. Я поспокойнее, как мог, отстранился и жестами объяснил, что не танцую.

— Круто, да? Признавайтесь, кто нашел человека, а? Кто меня решил порадовать? — вопрошал мой неожиданный-негаданный близнец у моих же корешей.

— Не я! И не я! — все они пожимали плечами.

— Это, наверное, Андрюха меня решил развлечь! — осенила догадка мою пьяную копию. — Сейчас он выйдет, и мы его спросим.

Вдруг в моей голове зазвучал голос деда Михея. Я вспомнил его байки, которые он мне рассказывал по вечерам, о Зоне и обитающих в ней мутантах. В памяти всплыло одно странное словечко — «шатун»... И в тот же миг небо обрушилось на мою голову и мне мгновенно стало дурно. В глазах все поплыло, а ноги сделались ватными. Этого не может быть!!

Я, с огромным трудом переставляя совсем непослушные ноги, шатаюсь и держась за стены, выбрел на кухню, выдернул шпингалеты и отворил окно. Холодный воздух ударил в лицо, и только благодаря этой волне свежести я не упал без сознания на грязный, заляпанный жиром пол.

Этого не может быть! Не может быть! Не может! В голове по кругу летали одни и те же слова. Вдруг в моей голове опять ожил голос учителя.

«„Шатун“ — очень хитроумное создание. Это творение Зоны и не отличишь от реального человека, потому как оно — его точная копия. Сама Зона зачем-то создает себе такие вот игрушки. Сталкеры говорят, что шатунов и не существует вовсе. Но я-то уж многое повидал на своем веку, и скажу тебе, что в Зоне все возможно. Даже то, что ты считаешь откровенным бредом», — слова деда Михея отчетливо, как записанные на диктофон, поднялись из глубин памяти.

Я — самый настоящий шатун. Приговор вынесла мне моя же неумолимая логика. Можно было сейчас отмахиваться от реальности и цепляться за всевозможные соломинки других невнятных объяснений этой ситуации, но... если уже вляпался лицом в дерьмо, то никаким образом не спутаешь его с букетиком фиалок.

И здесь, сейчас я только потому, что Зона зачем-то отпустила меня...

— Тебе шо, плохо, мужик? — в кухню ввалился... мой оригинал.

— Да, немного. Желудок мутит от табачного дыма, — соврал я, стараясь не смотреть в его сторону.

— Тогда я дверку-то закрою. — «Брат-близнец» плотно прикрыл за собой дверь, сел на табуретку и облокотился на кухонный стол. — Слушай, все-таки кто же тебя нашел, такого похожего? Это Андрюха, да?

— Андрюха-бабник? — неуверенно спросил я, вспоминая своего бывшего кореша, с которым давно разругался.

— Да, это он! Есть за ним такое! — обрадовался оригинал, решив, что нашел ответ на свой вопрос. — Подумать только, а я ведь его когда-то считал самым последним гадом на Земле. А он оказался настоящим другом!

Мой оригинал при этих словах едва слезу не пустил, чем сильно поразил меня. Я-то наверняка, и не хуже оригинала, знал, что Андрюха всегда был моральным уродом. Таким уродом он и останется до самой смерти.

— Представляешь, как мать моя умерла, прямо на мой день рождения, ночью, прикинь, так он один из всех товарищей мне помог... — продолжил скулить оригинал. — С той ночи меня не бросает одного...

От этих слов у меня внутри случилось затмение. В этот миг, задрожав, лопнула последняя, невидимая, но самая прочная ниточка души, связывавшая меня с моим прежним «я». Пелена горечи и печали опустилась поверх моих потрескавшихся извилин, поверх нервных клеточек, скрутившихся в узелки от обескураживающего осознания того факта, кто же я есть на самом-то деле.

Оригинал еще продолжал сбивчиво бормотать, восхваляя Андрюху. Но я-то понимал, что тот гад, как шакал, прибежал на запах падали. Тому мерзавцу просто негде было долбить своих шалав, а тут вдруг нарисовалась освободившаяся квартирка. И остальные мои дружки-товарищи тоже молодцы те еще. Быстренько соорудили себе притон. А мой оригинал и рад стараться! Конечно, он ведь может и дальше оставаться в плотном окружении «настоящих друзей». Лучше всю жизнь себя обманывать, чем осознать свое полное одиночество в протухшем течении лет. Никчемность и ненужность.

Для него — лучше, однако для меня этот вариант уже абсолютно неприемлем.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул прохладный воздух вечернего города. Как мне знаком этот привкус гари автомобильных выхлопов и запах жареного подсолнечника с маслобойни, который вечерами извечно накрывал весь наш микрорайон...

Свирепые мысли накатили вдруг. А может быть, дождаться, пока свалят все кореша, и полоснуть «финкой» по горлу это спившееся убожество, не просыхающее со дня смерти матери? А почему нет? Мясорубка есть, за ночь мясо с костями на фарш перекручу и в унитаз смою. А потом разгону все это гребаное сборище существ, деградирующих в животное состояние, и заживу новой жизнью! Хотя бы в память о маме, сердечко которой не выдержало такого забулдыгу-сынка...

Я повернулся и оценивающе посмотрел на своего «оригинала», как смотрит хищник из засады на свою будущую жертву. Поверить не могу, что всего-навсего за один какой-то месяц я превратился вот в это жалкое ничтожество. А может быть, я и был таким всегда? Нет, не может быть! Нет! Или да? Или... все же может?

Мой «брат» упал на самое социальное дно, и не факт, что, проломив его, он не опустится еще ниже. А я за это время поднялся, пусть хотя бы на самую малость, но вверх, и глянул оттуда на это пустое прожигание жизни. Я многое понял, лишь пригубив настоящую реальность, а сколько всего еще мне предстоит узнать! Но самое главное я уже узнал.

Я узнал цену своего законного права на жизнь. Я заслужил это право! Это МОЯ ЖИЗНЬ!!! Не его...

Рука уже нащупала рукоять ножа за поясом, как вдруг мой оригинал, продолжая что-то невнятно бубнить, поднял голову и посмотрел на меня своими глазами. Под маской радости и беззаботного существования, там, глубоко внутри у инженера Костика были одни лишь вселенская пустота и неизлечимая боль. Его губы растягивались в улыбке, но глаза-то соврать не смогли!

Мой оригинал и убивать не нужно, он уже мертв. Мне хорошо знакомо это выражение глаз, такое мне никогда не забыть. Точно такими же пустыми глазами Анютка смотрела на стены старого КБО в Припяти. Но ведь за секунду до этого ее глаза были совсем другими. Она хотела жить, отчаянно хотела! В этом проклятие натуры человеческой. То, что имеем, мы ценим лишь в тот момент, когда теряем.

Анютка это поняла, у нее было время, неуловимый, но достаточный миг, чтобы это понять. Может быть, и жила она по-настоящему совсем чуток, лишь в те короткие мгновенья, пока я стрелял в мутанта?!

Я еще раз заглянул в глаза оригинала. По-прежнему пустота-а-а... Что же такое жизнь с нами вытворяет, что у живых людей глаза становятся как у мертвых?

А мне жаль этого ничтожного слабака, по-человечески жаль. А вдруг когда-нибудь он все же сумеет ожить и очнется от этого дурманного сна. Он — это же я. Ведь если бы меня самого чья-то неумолимая рука не вышвырнула отсюда, из алкогольной иллюзии в суровую реальность, то и я сейчас в точности повторял бы его судьбу.

Ответ на вопрос, что мне дальше делать, пришел сам по себе. Если я убью «близнеца»,

то буду ничем не лучше тех уродов, которые пытались лишить меня самого моего права на жизнь. Ведь даже такое убогое создание, как мой оригинал, тоже имеет это право. Пусть даже оно пока и не реализовано.

— Ладно, дружище, тут мне пора выходить. Бывай.

Я уверенным шагом устремился вон из прогорклой кухни и, пройдя по коридору, очутился у выхода на лестничную площадку.

Я не знал сейчас, что мне делать дальше, чтобы жить, куда идти, куда приткнуться, но то, что места здесь мне уже не осталось, — доказанный факт.

И такой же факт — теперь я несказанно рад тому, что мама тоже отсюда вырвалась. Пусть и в совершенно противоположном смысле.

— Погоди, а ты кто такой? — в коридор вышатнулся довольный, только что перепихнувшийся Андрюха и с подозрением глянул на меня.

Во мне проснулось застарелое желание, реализовать которое в прошлой своей жизни я себе так и не позволил. Я резко развернулся, натянул на лицо издевательскую улыбочку, подошел к пребывающему в смятении корешу и что есть мочи врезал ему берцем прямо в пах. Глазки этого похотливого ничтожества округлились, оно согнулось и что-то пропищало тоненьким-тоненьким голосочком.

— Это тебе от меня за рыжую. — Я схватил его левой рукой за волосы, приподнял голову и заглянул гаду в бесстыжие глаза. — А это за меня и лично от меня.

Сжатый кулак моей правой руки просвистел в воздухе и обрушился на эту опротивевшую мне физиономию. Кровавая юшка брызнула на стены, бесчувственное тело Андрюхи обмякло и шмякнулось на пол. Я выпрямился, развернулся, вышел на лестничную площадку и захлопнул за собой дверь своей бывшей квартиры. Замкнулись ворота в мою прошлую жизнь.

Настроение мое значительно улучшилось от осознания того, что Андрюха, очнувшись, не досчитается нескольких зубов. Я бодро проскакал по ступеням и очутился в тамбуре подъезда. Моя рука потянулась к ручке двери, но в этот момент дверь вдруг сама начала передо мной открываться. Кто-то заходил в подъезд с улицы. Я сместился в сторонку, вглубь тамбура, чтобы не мешать входящему и дать человеку пройти.

Дверь скрипнула, и в подъезд зашел крепкий мужичок в дутой спортивной куртке, с дурацкой угловатой кепкой на голове. Сделав пару шагов к ступеням, он вдруг резко остановился, глянул на меня и... широко улыбнулся.

И то ли эта самая лыба на его блондинистой морде того смазливового образца, что так обожают женщины, мне совершенно не понравилась, то ли движение его правой руки в кармане куртки мне показалось стремным, то ли дурацкий смайлик на его кепочке сыграл свою предательскую роль, но я бросился на него. И успел прижать его к стене, за миг до того, как раздались приглушенные хлопки выстрелов. Куртка мужика возле правого кармана взлохматилась дырками от пуль, но я уже был вне сектора обстрела и пытался развернуть туловище стрелка к себе спиной.

Блондин выхватил из кармана пистолет с глушителем и направил его на меня, но выстрелить так и не успел. Я рефлекторно отработал один из тех приемов, которым меня обучал Стиллет в туннельном логове братвы, и оружие убийцы улетело за перила под лестницу, к подвальному окошку.

Выхватив свою «финку», я ударил мужика в живот, но лезвие лишь скололо штукатурку со стены, к которой мгновение назад прилипла эта изворотливая сволочь. Еще несколько раз я взмахнул ножом, но убийца оказался проворнее. Он перехватил и вывернул мою руку, пальцы сами разжались и нож упал ему прямо в ладонь.

Сейчас этому крепышу ничего не мешало завершать начатое дело и прикончить меня моим же оружием. Но убийца еще раз широко улыбнулся, отпустил мою руку и отступил на несколько шагов назад, помахивая «финкой». Нет, отпускать меня он совсем не собирался. Просто все убийства для него были не больше чем игра, но игра, ставшая смыслом его жизни. И на этот раз он решил получить от процесса максимальное удовлетворение. Имел

право.

Мой взгляд выхватил на стене за спиной наемника одну деталь бытия, знакомую мне с детства. Не раздумывая ни одной лишней секунды, я тараном бросился на убийцу и оттолкнул его всей массой своего тела. Этот подлый гад, взмахнув ножом, отлетел к стене и гулко ударился об нее спиной.

Убийца стоял у стены и смотрел на меня. Его кривая улыбочка очень медленно распрямлялась. А когда его губы совсем обвисли, наемник кашлянул кровью и его глаза наполнились пустотой. Той самой мертвенной пустотой. Из трахеи моего несостоявшегося убийцы торчал окровавленный кончик арматуры. Этот ржавый штырь в стене — все, что осталось от креплений труб, некогда проложенных здесь. В темноте подъезда железяку никто не видел, и она никому не мешала, а потому торчала здесь столько, сколько я себя помнил.

Я поднял свой нож, и лишь сейчас обратил внимание, что на пол капает моя собственная кровь. Рука осторожно коснулась лица и нащупала глубокую борозду от уголка губ до края правой брови. Вот же мразь, достал все-таки!

Кряхтя от натуги, я снял со штыря тело и уволок его под лестницу, а там, вытащив решетку подвального окошка, скинул труп вниз. Потом я подхватил оброненный пистолет, наспех размазал своей курткой лужу крови на полу и разбил глушителем лампу в тамбуре подъезда, чтобы никто в темноте не заметил кровавых следов нашего противостояния. Еще ментов тут не хватало.

Эти нехитрые «процедуры» выиграют мне немного времени, чтобы успеть понять суть происходящего и выработать план действий. Я протиснулся к подвальному окошку и поставил решетку на место.

Здесь, внизу, подсветив себе маленьким тактическим фонариком, я достал из экранирующего контейнера «глаз». Стянул пальцами порез на лице и приложил к нему целительный артефакт. Немного глотну радиации, но зато морду себе залатаю. Когда кровь перестала капать на пол, я ощупал рану. Вроде бы все затянулось.

Вернув «глаз» в контейнер, я пошарил по карманам наемника. Рация, метательные ножи, пистолетные магазины, удавка, опасная бритва и все прочее, что я нашел, было отброшено мной в сторону. Все это ненужное мне барахло.

Ага, вот здесь! Во внутреннем кармане куртки я нащупал прямоугольный предмет и извлек его.

Это был наладонник дохлого наемника. Я вывел гаджет из спящего режима, сразу вспыхнул экранчик. Вместо картинки обоев на белом фоне красовался улыбающийся оранжевый смайлик. КПК не был заблокирован, видимо, убийца был настолько в себе уверен, что даже не предполагал, что его личной вещью воспользуется кто-то другой.

Я стал рыться в базе данных, пытаюсь найти ответы на интересующие меня вопросы. И нашел. Несколько текстовых документов лежали в папке с именем «КОД ФАКЕЛ». Я открыл подряд три файла и пробежался глазами по строкам...

«Отчет № 196-А. Зафиксированное смещение аномальных магнитных полей, стягивающихся в район города Припять, свидетельствует о возникновении очередной экстренной ситуации по коду „Факел“. Ввиду удаленности точки концентрации рекомендую перекрыть Периметр и выслать в указанный район звено вертолетов. Все объекты, обнаруженные в непосредственной близости от эпицентра аномальной активности, подлежат немедленному уничтожению, во избежание проникновения в наш мир созданий, враждебных человеческой расе. Судя по мощности излучений, в указанной точке следует ожидать группу от семнадцати до двадцати двух особей...»

«...операция „Беглый огонь“ провалилась. Связь с вертолетами потеряна. Наблюдение со спутника не зафиксировало остатков упавших машин. Предположительно произошло вмешательство третьих сил. Рекомендую подключить группировку „Долг“ и экстренно выслать в Зону специалиста по

аномальным клонам, для поиска и распознавания особей...»

«...получен отчет специалиста. Особи обнаружены, в наличии имеются их изображения и имена. На данный момент для выяснения обстоятельств ведется поиск оригиналов, послуживших материалом для клонирования. К месту обнаружения клонов выслано звено вертолетов...»

«...операция добилась лишь частичного успеха. Часть особей уничтожена, поиск остальных ведется. Рекомендую усилить охрану Периметра и подключить к операции наемников. При проведении операции героически погиб старший специалист Бабич И. А. Рекомендую посмертно наградить орденом „Золотая Звезда“ и представить к званию Героя Украины...»

«...экстренная ситуация. Зафиксирован прорыв Периметра. Рекомендую выслать группы спецназначения на места жительства оригиналов. Ликвидация оригиналов разреше...»

— Смайлик, что ты там застрял? — вдруг ожила рация, валявшаяся на полу. — Не заморачивайся, мочи сразу обоих. Одной овцой в мире больше, одной меньше. Какая нафиг разница? Поторопись, мы еще сегодня должны на суши успеть.

Я глянул на рацию, потом на дисплей наладонника. На всплывшем окошке радара мигали две зеленые точки системы распознавания «свой-чужой». Еще двое наемников возле моего дома, в засаде. Я запомнил их местоположение, выключил гаджет и вытащил из него батарею. На суши вы, ребята, уже не попадаете. Не покушать вам сегодня морепродуктов, уж извините.

Я перезарядил пистолет покойника и поднял с пола два магазина к нему. «Враждебное человеческой расе создание» идет к вам...

Я шагнул по улице к тому самому крытому рынку, с которого все и началось. Там, у бывшего моего дома, остались сидеть на лавочке еще два трупа наемников. Скоро должна подняться тревога. Нужно рвать когти из этого города, и мне больше не к кому сейчас обращаться за помощью. Только брат-близнец деда Михея может, наверное, что-то придумать... Брат ли он ему?

Только бы на месте застать старика, только бы он сегодня домой не свалил пораньше.

Уф-ф, нет, не свалил! Сидит инвалид, единственную коленку потирает-греет.

— О, сына, чего ж ты так долго? Притомился уже тебя поджидать. — Дед поднялся со своего торгового места и схватился за костыли.

— Ты знал, что я к тебе приду? — спросил я старика.

— Машка, а ну подмени меня! — крикнул дед через ряды матрешке, укутанной в телогрейку, а потом ответил мне: — А как же ж, знал, знал! Топай за мной, у нас обширная программка на сегодня. Или ты гадал, что твое обучение в Зоне закончилось? А вот и нет! Век живи — век учись! Кто сказал, знаешь?

— Ленин? — ответил я неуверенно.

— Ха-ха-ха! — Дед залился добродушным смехом. — Ленин? Не-е-ет, так народ говорит. Это народная мудрость.

Я шел за стариком и в половину уха слушал его шутки-прибаутки, а у самого захватывало дух от того нового пути, от тех новых горизонтов, которые сейчас, вот-вот, еще чуток — и могут открыться передо мной... И я даже не допускал мысли, что возможно отступить назад. Вместо того чтобы подниматься вверх, вновь покатиться вниз.

Я не отступлю. Мною уже сделан первый, самый важный шаг по этой дороге. По дороге, которую осилит лишь идущий вперед.

ЭПИЛОГ

— В стволе патрон! Затвором дернул, живо!

Я безропотно исполнил команду, избегая лишних телодвижений. Не очень-то хотелось получить дурную пулю после всего, через что прошел. Главное, что я уже здесь, что сумел

вернуться.

— Все, сделано... Доберман, ты? — Я присмотрелся и по некоторым специфическим деталям узнал одного из сторожевых псов Сидоровича. Точно, он. — Гляжу, формы не теряешь, даже вон примочками оброс за полгода.

— Ит-тическая сила! Бизон, ты?! — Боец слегка расслабился и оторвал взгляд от красной точки коллиматора.

— А что, сильно изменился? Маску специально снял, чтобы признавали старые знакомцы... — перехватив изучающий взгляд наемника, я коснулся пальцами кривого шрама, пробороздившего мою щеку. — А, это? В индейцев играл с серьезными дядями, вот и получил боевую раскраску, как бонус.

— Ну, проходи, дружище! Не думал тебя снова увидеть, не думал... Ты так резво из Зоны прочь рвался, что я решил, уже и не вернешься никогда, — боец пожал мне руку, крепко, по-мужски. — С меня магар, я все помню! Решай свои дела побыстрее, моя смена через четыре часа заканчивается, сядем в подвальчике, нуль-пять приговорим.

— Обязательно, приговорим. Вот только к барыге наведуясь. — Я подмигнул Доберману, зная, что тот не любит, когда в адрес его «хозяина» отпускают подобные словечки.

— Давай-давай, — боец махнул рукой и потопал назад в свою засаду, под провисший от дождя брезентовый навес, — он как раз с утра собачится. Что-то у него там не сладилось с последним жирным заказом. Так что готовься! Зуб даю, что начнет тебя уламывать на добрую услугу.

Я скрыл свое лицо под капюшоном и быстрым шагом через лужи отправился к бункеру. Хм, «добрая услуга» — это нормально, привычно даже. Если бы кто-то из зонных барыг что-либо бесплатно дал — нужную информацию, метку на карте с хабаром покойника, полезную наводку или вещь какую-нибудь, — то это была бы подстава, без сомнения. А так даже спокойнее как-то, тем более что вопрос к нему имеется весьма щекотливый. Вопрос, от которого он при обычных раскладах отмахнется, да и при нужде великой раз десять подумает, прежде чем дать ответ.

По истоптанной и раскисшей дорожке я пересек руины, каждый кирпичик которых подавляющему большинству новичков знаком до боли. Большинству, но не мне. Первый раз я заглянул к Сидоровичу уже обстрелянным ходок, и дело было ночью. Просидел я тогда ночь в подвале одного из домишек поселка, подальше от посторонних глаз, и ушел на рассвете, вместе с бойцами штурмового отряда. Так что некогда мне тогда было достопримечательности осматривать, как, впрочем, и сейчас. Вдруг захотелось подсесть к ребятам, собравшимся вокруг костра в хатке с уцелевшей крышей, гитару послушать, сотку грамм накатить... Но сейчас есть дела поважнее.

Вот он, сгнивший забор, за которым бункер старого лиса. Иду, опустив вниз голову, но взгляд из-под края капюшона все равно пространство ощупывает на предмет засады. И не важно, что ливень хлещет всюду. Безопасных мест в Зоне для таких, как я, в любую погоду очень мало. Оказавшись у спуска в бункер, я резко пригнул голову и, перепрыгнув пять первых ступеней, исчез под землей. Зарубцевалась в рефлексах привычка максимально быстро укрывать свое тело от вражеского наблюдения и огня. Ссыпавшись по лестнице, я распахнул ржавую дверь. Противный скрежет металла заполнил подвальное помещение.

— Кого там еще нечистая принесла?! Пожрать нормально не дадут!

Сидорович действительно был не в духе — обычно любой барыга радуется появлению своих клиентов.

— Кушай-кушай, дядя, я не гордый, подожду, — демонстративно медленно я развернулся и стал закрывать за собой дверь.

— А ну погодь, сталкер! — Сидорович прищурился. — Голос твой какой-то до боли знакомый. И это твое «дядя»...

Я обернулся к нему, снял капюшон и глянул на торговца, как тогда, полгода назад. Тем самым взглядом.

— Ты-ы-ы? — физиономию барыги на миг перекосило удивление, но тут же во всю ее щекастую ширину растянулась улыбка. — Так что ж ты сразу не сказал?! Заходи давай, без церемоний, таким людям я всегда рад! Что, ужасно скучно там, в большом мире? А я же говорил, что вернешься! Все возвращаются. Ну, рассказывай, какими судьбами тебя ко мне принесло? Помощь нужна? Нужна ведь, да?

Старый лис сверлил меня взглядом, подрагивая от нетерпения. Видать, сильно придавило старика. «Добрая услуга», о которой говорил Доберман, наверняка еще и срочная.

— Конечно, нужна, — ухмыльнулся я, — информация про одного сталкера понадобилась. Пересечься с ним хочу.

— О-о-о, информация в твоё отсутствие значительно подорожала, — Сидорович тут же стал набивать цену, — беспокойные времена наступили, понимаешь. Передел территорий идет полным ходом. Все, что сегодня было так, завтра уже по-другому. А информация — продукт скоропортящийся, с жутко ограниченным сроком годности. И чтобы ее...

— Ладно, дядя, не заливай мне, — я оборвал речугу торгаша, — Доберман уже обмолвился, что у тебя напряг сильный с каким-то серьезным заказом.

— Вот баран! Урежу ему одно из двух: или язык или жалованье! — Сидорович в сердцах отшвырнул недоеденный куриный окорочок. — Или сговорюсь с военными, чтоб вывезли его на фиг из Зоны, без рубля денег. Вот вернется в свою лесную деревню, живо припомнит, что его зовут не Доберман, а... как его там, э-э, Андрюха Андреев.

— Ну, зачем же такое зверство с верными людьми творить? Я-то и зашел к тебе, дядя, только потому, что он мне об этом сказал... — соврал я, выдержал театральную паузу и многозначительно произнес: — Вопрос у меня такой, что не каждый на него ответит, даже если и знает чего-нибудь по теме.

— Хм, ну это все меняет, тем более что дело действительно серьезное и срочное. Уже человек десять за эту неделю брались его исполнить, а назад никто не вернулся. Но ты-то справишься! — Сидорович обрадовался, что я подвернулся ему под руку, но тут же поинтересовался насчет требуемой мною оплаты задания: — А что за вопрос у тебя такой интересный?

— Сталкера одного ищу, Чупакаброй кличут. Да, того самого, про которого мало кто в Зоне знает, — ответил я и добавил, чтобы барыга не стал юлить: — и того, что хабар тебе поставляет эксклюзивный.

— На кой хрен он тебе понадобился? — Сидорович аж почернел в лице. — Говори, иначе сделке не бывать. Таких поставщиков — один на всю Зону. Нет желания рисковать его доверием.

— Как проводник он мне нужен, — честно ответил я, — в этом весь мой интерес. Только он знает тропу в тот край, куда я хочу попасть.

— Как проводник, говоришь? М-м-м. Это, конечно, не мое дело, но за такое он точно не возьмется. Чтоб ты знал, он нехилый лавандос косит на моих заказах, и отвлекаться на копеечную ерунду вряд ли захочет. А перекинуться словами с ним лично, чтобы убедить, ты не сможешь. Я сам его только раз видел. Бр-р-р! — Сидоровича передернуло воспоминание. — Не знаю уж, как та чупакабра¹⁷ выглядит, ежели существует, но этот черт — нереально страшный и уродливый... Мы с ним через проверенных курьеров контактим. Один ходок флэшки с данными в тайниках оставляет-забирает, другой бабки в нужное время в указанном месте сбрасывает и хабар подбирает. И не выследишь ты его, пробовали тут некоторые, земля им матрасом ватным. Я, конечно, могу передать ему весточку, но согласие гарантировать, сам понимаешь, не смогу. Это все я тебе рассказал, чтобы ты понимал, на что

¹⁷ Чупакабра (ударение на третий слог, от исп. *chupacabras*) — мифическое существо, убивающее домашних животных. Достоверных научных сведений, подтверждающих существование чупакабры, нет. Считается, что чупакабра охотится ночью и нападает на беззащитных животных, высасывает кровь и исчезает. Некоторые журналисты условно называют «чупакаброй» животных (лисица, койот, шакал), видоизмененных в результате мутаций или болезней.

подписываешься, и не говорил потом на всех углах, что Сидорович тебя натянул.

— Не бойся, дядя, сплетни разносить — не в моем стиле. Я привык самолично выражать недовольство обидчикам, — кривая улыбка, наверное, прибавила выражению моего лица зловещий оттенок, потому что глазки барыги тревожно забегали.

— Этот момент мне особенно не нравится. Потому и разжевал тебе все подробно. — Старый лис заметно занервничал.

— Все в порядке, дядя. Я согласен на месседж¹⁸ без обещаний, этого более чем достаточно. Считай, что договорились. — Я утвердительно кивнул, прислонился к стене бункера и, сложив руки в замок на груди, приготовился выслушать торговца. — А теперь выкладывай, что за проблема твои волосы осветляет?

— Ну, вот и ладушки. Значит так, случай прост до банальности, но и сложен, потому как не ясна его загвоздка, — начал Сидорович рассказывать о своей беде. — Кейс с заказным товаром для одного очень серьезного клиента застрял между Свалкой и Темной долиной.

— Как это — застрял? Не пропал, а именно застрял? — даже удивился я.

— Именно застрял, — барыга недовольно скривился, излагая известные ему факты, — «висит груша — нельзя скушать», как говорится. Маяк в тот кейс встроен мощный, и сигнал его местоположение однозначно определяет. Что может быть проще? Сбежать по известным координатам и там этот кейс подобрать! А вот уже вторую неделю никто не возвращается, и сигнал на одном и том же месте застыл. Мистика какая-то. А у меня уже все сроки подгорают. Другого заказчика послал бы куда подальше, но этого не могу — он из правительственных деятелей.

— Синхронизируй свой лэптоп с моим КПК, код доступа — семь семерок. Кидай координаты. Все оформим в лучшем виде. — Я достал свой наладонник и включил порт приема-передачи данных.

— Хм, семь семерок... — Сидорович уже копошился над клавишами, вбивая свои пароли и код. — Хорошо, что не три единицы, как у многих тут. Эх, я в натуре рад тебя снова видеть! Простой раз ты меня так же сильно выручил. Вот и теперь история повторяется. А не хочешь ко мне на постоянку устроиться? Как свои вопросы порешаешь, давай. Я не обижаю своих людей, вон у того же Добермана спроси.

— Обещаю подумать, дядя. И это... — Я вдруг вспомнил, что оставлял здесь на хранение свою винтовку. — Верни мне эсвэдэху и причиндалы к ней. Помнишь, ты обещал хранить до тех пор, пока я не вернусь? Особенно я соскучился по глушителю...

— Э-э-э, — глаза барыги забегали по сторонам, как у нашкодившего ребенка, — я это... я подумал, что ты уже не вернешься, и перепродал ее одному орлу. Но готов все компенсировать! Только ты не сболтни кому чего лишнего. Дам тебе «винторез», патроны к нему плюс два магазина повышенной емкости, и еще чего-то отсыплю из снаряги... но немного.

— Годится. Когда подберу кейс, сразу выйду на связь. — Я принял координаты, посмотрел на карту и выключил свой наладонник. — А теперь показывай, что тут у тебя есть.

Если бы не та срочность, с которой нужно было все проверить, хрен бы кому в Зоне светила подобная щедрость от Сидоровича. Но пока удача была на моей стороне, можно было безбожно щемить барыгу. Я пересмотрел все барахло торговца и вдобавок к «винторезу» скромно взял себе еще черный бандитский плащ и черную маску-балаклаву, чтобы скрывать лицо. Брезентовый плащ мне уже был не нужен, но оставлять его барыге я не стал. Сверток накидки пристроился в самом низу на двух лямках плоского рюкзака, пошитого мне на заказ. Натянув на голову маску и накинув черный плащ поверх брони, я развернулся и потопал прочь из бункера.

— Что в сообщении написать, есть пожелания? — Сидорович вдруг кинул мне в спину

¹⁸ Месседж (от *англ. message*) — короткое послание, донесение.

вопрос.

Неужели торговец решил состряпать сообщение авансом, не дожидаясь от меня завершения задания? Ничего себе, какая щедрость. Видать, застрявший кейс ему нужен не по-детски.

— А просто передай Чупакабре, что парень, которого он у деда Михея подобрал и вывел к Припяти, уже вернулся! — крикнул я через плечо. — Сообщи, что на Болотах в старой церкви его будет ждать... э-э-э... — я запнулся на миг, ухмыльнулся и завершил сообщение так: — Кабанчик собственной персоной.

— Как скажешь. И кстати, тебе повезло, этим вечером у нас с ним сеанс связи. Так что если справишься засветло, не придется три недели ждать до следующего раза. — Сидорович как бы невзначай озвучил очень важное для меня обстоятельство.

— Справляюсь, — пробурчал я себе под нос и взлетел вверх по ступеням.

Снаружи ливень уже стих и сейчас едва-едва моросил привычный зонный дождик. Я расстегнул клапан кармана на рукаве, открывая дисплей своего детектора, и рысью побежал между кустов и деревьев, краем глаза посматривая на сканер аномальных полей. Времени в обрез, так что придется обходиться без особых церемоний.

Прямо на ходу изолянткой я сматал вместе два магазина «винтореза» и переложил в левый карман плаща горсть патронов к винтовке. Все сталкеры еще прятались по своим укрытиям, никто не спешил лезть в эту слякоть, и мне оставалось лишь следить, чтобы рядом не нарисовалась зонная живность.

Полдюжина резвящихся кабанов я обошел стороной. Одного безоружного зомби, полуразложившегося бывшего вояку в изодранных камуфляжных штанах и майке, даже обходить не стал. Просто быстро проскочил мимо гниляка, пока тот отвернулся. Зомби пробурчал что-то и попытался меня догнать, но, потеряв из виду в ближайших кустах, отправился дальше бесцельно бродить по Зоне. Ближе к туннелю, ведущему на другую сторону железнодорожной насыпи, кучковалась свора слепых псов. Этих монстров уже никак не обойти.

Я присел за ближайшим кустом, вытащил из левого рукава обычную мочалку-губку, пришитую на резинку для трусов, и крепко обхватил ее пальцами левой руки. Улыбка невольно растянула мои губы при виде губки, пропитанной смолянистой черной субстанцией. Контейнера примитивнее для столь могущественного артефакта и не придумать... Я сжал ладонь, черная жижа «ментальной удавки» ожила-забурлила, растеклась по ладони и слегка оплела своими вязкими щупальцами мои пальцы.

Тут же на рукаве бронекосяма замерцал дисплей детектора, реагируя на мощные энергетические всплески неизвестной ему природы.

Я нагло выбежал прямо к скоплению псов, взметнул вверх левую руку и гаркнул, энергично посылая их в места не столь отдаленные. Псы замерли в недоумении и стали нюхать воздух, пытаясь уразуметь, что это за «монстр» нагло прется прямо на них. А я устоял на тварей испепеляющими ненавистью глазами и очень ярко, как меня учил дед Михей, представил себе, что голыми руками на куски разрываю их облущенную плоть.

Благодаря артефакту мой недвусмысленный ментальный месседж дошел по адресу. Свора, сорвавшись с облюбованной территории, под многоголосый испуганный лай умчалась в руины мельницы. А я, вернув губчатый контейнер с артефактом на положенное ему место, нырнул в туннель.

Здесь аномалия была на аномалии, и пришлось красться очень медленно, внимательно всматриваясь в дисплей сканера. Так, черепашим ходом, я и преодолел всю подземную трубу. На той стороне туннеля, как только моя фигура появилась под аркой выхода, с ящиков подскочили два сталкера и схватились за оружие, завидев мой черный плащ.

— Мужики, все в порядке! — Я поднял руки вверх и ответил первым, на упреждение, избегая тупых и ненужных разговоров. — Я не бандюк, а сталкер, такой же, как и вы. Сейчас иду на Свалку, вот и решил замаскироваться под братков.

— Блин, классная маскировка, — заговорил один из сталкеров, — такие плащи только

бригадиры и матерые бандюки носят. Смотри, аккуратно шагай мимо нашей базы, а лучше вообще обойди ее стороной. Мужики плащ издалека завидят, разбираться не будут, сразу шмальнут.

— Спасибо за предупреждение, братья-сталкеры, — поблагодарил я, подпустив в голос нотки радости и наивности, как будто понятия не имел, что подобное может случиться. Пожелал сталкерам удачной ходки и побежал дальше.

Свернул в сторону от фермы, где укоренились сталкеры, кустами проследовал мимо нее и обогнул холм с крестом. На пути мне еще встретилась парочка зомби и несколько уродливых свиней-плотей, но им я даже на глаза не попался. Перебежав на другую сторону дороги, где заросли были погуще, я так же скрытно добрался до самого КПП перед свалкой. Эту локацию нынче контролировала братва.

Я проскользнул вдоль забора, остановился перед самым шлагбаумом и прислушался. За плитами забора, во дворе, кто-то уже ломал ветки и доски ящиков для костра. А совсем неподалеку месила раскисшую почву одна пара ног. Судя по звукам, дозорный сейчас чавкал к воротам. Я выпрямился во весь рост, пристроил «винторез» на плечо и потопал ему навстречу неспешной «тяжелой» походкой вразвалочку.

— Здорова, братан. — Я приветственно поднял левую руку и остановился.

— Ну, здорова, — часовой вычавкал из-за забора и спокойно приблизился ко мне. — А ты вообще кто, с чией бригады?

— Тю, та ты шо, брателла, не признал меня вообще? — Я старался вести себя непосредственно, как ни в чем не бывало, и не делать резких движений.

— Не, шо-та не очень, — браток уже внимательно присматривался ко мне.

— А так? Оп-па!

Я вскинул руки и сделал вид, что пытаюсь снять балаклаву, сам же скинул с плеча «винторез» и нажал на спуск.

Мой бодрый возглас скрыл тихий хлопок выстрела, произведенного через интегрированный глушитель. Пуля попала братку в лоб, часовой обмяк и кулем повалился в грязь. Я подхватил его автомат и попридержал тело, чтобы оно не шмякнулось о землю слишком громко.

— Ну вот! А то сразу и не раздуплился! — я продолжил вести разговор с покойником, чтобы мой голос слышал тот невидимый отсюда браток, что возился за забором. — Ладно, я заскочу на пару сек, с пацанами поздоровкаюсь, а ты погодь меня тут, тема одна назрела, нужно пошушукать!

Я неторопливо вычавкал из-за края забора, зашел за шлагбаум и проследовал мимо второго братка, аккуратно пристраивавшего дровишки в пылающий деревянный шалашик.

— Здорова, братуха! — радостно поприветствовал я пацана, скрывая этим возгласом второй тихий хлопок.

Бандит, сидящий на корточках перед огнем, так же плавно, как и дрова до этого, опустился на языки пламени. А я, по-прежнему как ни в чем не бывало, зашел в будку КПП и, подойдя к столу, за которым резались в «дурня» трое братков, «поздоровался» и с ними. На этот раз пришлось выпустить пять пуль. Один, самый резвый из бандитов, успел нырнуть под стол.

Без шума не обошлось — скрипнули стулья, и предательски громыхнул опрокинутый стол. Через несколько секунд в будку со стороны Свалки вбежал еще один часовой.

— Шо такое, паца... — Моя пуля, пущенная в висок этому братку, не дала ему договорить.

Бандит, так и не успев понять, что случилось, рухнул на пол. В воцарившейся тишине было слышно только потрескивание костра снаружи. На КПП в живых больше никого не осталось. Ну, кроме меня. Я отстегнул стянутую изолентой спарку магазинов, перевернул ее и прищелкнул к винтовке второй, полный магазин. Пользуясь небольшой паузой, зачерпнул из кармана патронов и дозарядил перевернутый полупустой.

КПП — это полбеда. Дальше на дороге будет еще и блокпост бандюков. Вот там их

тусуется побольше, и все на виду друг у друга, так что вариант, который я провернул здесь, не прокатит... Вдруг мой непрерывно сканирующий окружающую среду взгляд остановился на деревянных ящиках с провизией. В голове мелькнула идея.

По дороге я топал браво, не прячась. Тот братан, который засел на крыше красного облезлого автобуса, навсегда застрявшего в воротах с такой же красной и облезлой звездой, аж подскочил от смешанных чувств радости и неожиданности. Остальная братва высыпала навстречу, издавая звуки, определенные мной как выражения, сопутствующие ощущению счастья.

Целый ящик водки на моем плече притянул абсолютно все внимание бандитов, замерзших и промокших до нитки.

— Эта, братаны! Тут пацаны вам водяру шлют для сугреву!

Я прошел через распахнутые ворота, доковылял к браткам, прозябающим на блокпосте, и аккуратно опустил водку на ближайший навал ящиков.

— Тока эта, — добавил я, — куроуго у нас там закончилось, пошлите гонца к ангару, нехай притащит.

— Мы шо, в тестеры вам набились, шо ли? — начал было шуметь один браток, но бутылка водки, очутившаяся в его руках, несколько умерила пыл бандита. — За водяру, канешна, мерси, но от бугра заполучить маслину за кинутый пост никто из пацанов не захотит. Ты эта, сам туды прогуляйся, да? И нам заодно хавки какой-нить притаранишь.

— От мля, я так и знал, шо усе в такую мулю выйдет. Ну лады, добазарились. Тока если хипеш там у наших подымится, дык вы эта... э-э, зашлите своего бойца, шоб позырил. — Недовольно помахав «распальцованными» ручонками перед «пацанами», я как бы нехотя отправился по дороге дальше, на базу бандюков.

Весело зазвенело стекло бутылок. Оживленная братва, не медля ни минуты, принялась лакать согревающее. Никто из братков даже не обратил внимания на то, что я не прошагал по дороге и сотни метров. Свернул с нее направо и канул за деревьями, в зарослях придорожных кустов.

Прокравшись к укромной ложбинке, через которую можно было пройти в Темную долину, я притаился за толстым стволом сосны и включил на минутку свой КПК. Так и есть, сигнал идет именно отсюда, из этой ложбины. Я вынул бинокль... Там, впереди, должен быть пост «Свободы». Ага, вот упавшие деревья, валуны, сложенные стеной бревна.

А это что?

То, что издадека мерещилось грязными корягами, торчавшими из земли, на самом деле оказалось людьми. Три неслабо вооруженных бойца статуями стояли между деревьев и сжимали в руках оружие. Это были не бойцы «Свободы». Камуфляжей «немецкой» раскраски я не приметил, а это исконный «фэн-шуй» зонных анархистов.

Никто из сталкеров за время наблюдения даже не шелохнулся. Никто не почесался, не поводит по сторонам головой, не закурил. Окаменели, что ли? Новая аномалия появилась в Зоне? Да, есть о чем подумать...

Вдруг к этому «каменному дозору» бросились несколько слепых псов. Мутанты залаяли и понеслись на застывших людей. Сталкеры продолжали торчать недвижимо, не шевелясь. Точно парализованные! Сейчас, по идее, и собак ждет такая же участь. Если там новоявленная аномалия.

И действительно, псы резво ворвались на блокпост «Свободы» и сразу же замолкли. Но не замерли окаменевшими статуями, как люди, а тихо и спокойно рассредоточились по периметру поста. Заняли позиции сторожевых псов у ног застывших сталкеров. И только после этого — тоже застыли.

Ага. Все с вами ясно, бедаоаги. Я еще раз поводит биноклем, пристально осматривая поляну. Слякоть и грязь несколько скрывала тела, что были здесь разбросаны повсюду. Судя по грязевым холмикам, кто-то из них погиб, атакуя пост, а остальные подыхали, его же защищая... Наконец на склоне холма я засек небольшой разлом, расширяющийся к его основанию в небольшую щель входа в пещеру. Вот где ты засел, кукловод хренов!

Веселую забаву себе придумал контролер. Он управлял марионетками людей и мутантов, защищая свое укрытие. Когда же люди оказывались сильнее его стражей, тогда сами становились новыми рабами мутанта, обладающего способностью контролировать поведение других существ.

Я начал готовиться к предстоящей схватке. Перерыв рюкзак, извлек из него толстый широкий обруч, подаренный мне в конце обучения дедом Михеем, одноногим, который из «большого мира». Не думал, что придется так скоро использовать подарок.

Обруч неприятно стянул голову, но не из-за того, что был тугим. Я ощутил побочное воздействие кусочков артефактов, впаянных в него. Легкий звон и странный шум в ушах, непроизвольно стянутая мышцами лица в дебильную улыбку кожа и точечные покалывания боли под черепушкой — ничто в сравнении с той защитой, которую давал мне обруч. А эта защита, помноженная на мою «врожденную сопротивляемость», лишала контролера его главного орудия. Теперь осталось лишь убрать марионеток кукловода.

Я сменил свою позицию. Сместился так, чтобы столбики человеческих фигур попадали в узкий сектор огня. Приняв удобное положение и припав к оптике, я поводил стволом по неподвижным бойцам, «репетируя» атаку. И водил до тех пор, пока руки не стали все это делать достаточно быстро. Затем в очередной раз набрал полные легкие воздуха и медленно вы-выдохнул... «Тум-тум-тум», — быстро прошептал «винторез», и три статуи с простреленными головами опрокинулись на землю.

Сидящие у их ног псы молча, что совсем нехарактерно для этих тварей, метнулись в мою сторону — и мертвыми растянулись в грязи. На собак пришлось потратить гораздо больше патронов — движущиеся цели всегда сложнее поражать.

Я сменил магазин на полный, и прямо на бегу снова нащелкал патронов в тот, что опустел.

За узкой щелью прохода открылась достаточно просторная пещера. В ней стоял столик с тусклой керосиновой лампой, на полу лежали какие-то ящики и широкий матрас. Матрас вспучивался, что-то лежало под ним, как бы спрятанное, и смотрелось большой выпуклостью прямоугольных очертаний. Ничего не скажешь, классно snyкал кейс похититель! Куда уж класснее.

А в самом центре этой пещеры стоял контролер и панически размахивал руками. Наверняка он изо всех сил пытался процарапать через защиту обруча к моему мозгу.

— У тебя есть то, что принадлежит мне, — сказал я грозно, и указал на кейс, засунутый под матрас.

— Не ода-а-ам! Мае-о!!!

Контролер собрал в тугий комок всю оставшуюся ментальную энергию и отчаянно взмахнул рукой.

Тут же по моему сознанию, ухитрившись проломить защиту, хлестнул сокрушительный импульс. Я покачнулся, в глазах поплыла картина мира, но, сильно сжав челюсти, скрежеща зубами, все-таки поднял ствол и успел выпустить очередь в голову мутанта... Хаос, шум и боль, взорвавшиеся в голове, моментально унялись, стихли. Контролер упал на колени, затем опрокинулся назад и несколько раз дернулся в предсмертных судорогах.

Значит, все же моя защита не абсолютная, как утверждал старик.

Я стащил с головы обруч и недовольно посмотрел на него. Хорошо, что узнал об этом прежде, чем столкнулся с какой-нибудь тварью, более опасной, чем контролер.

На подламывающихся ногах я доковылял к матрасу, отбросил его, ухватил кейс за ручку и потащил добычу к столу. Любопытство взяло верх, тем более что с каждой секундой мое состояние улучшалось, организм экстренно восстанавливался после ментального удара.

Угу, нужен электронный ключ, но это уже не проблема. Второй раз я оказался в Зоне уже по собственной воле и основательно подготовленным.

Из недр рюкзака я достал и примостил на столе, рядом с кейсом, небольшую серебристую коробочку декодера. Выбрав под крышкой подходящую насадку, я вставил ее в

USB-разъем прибора, а сам декодер — в слот ключа. Спустя пару секунд электронный аппарат победно пипикнул, взломав код, и лампочки над замками кейса позеленели.

Сейчас глянем, что-о тут у нас...

Я открыл кейс. Внутри содержались любопытные, необычные экземпляры артефактов. Много. Но мой взгляд сразу же притянул один из них — «батарейка» несколько непривычной формы. Я сразу уловил, что это один из тех артефактов, которые были не просто родом из Зоны — они имели и сохраняли с ней самую прямую, непосредственную связь. Это уже не «побочные отходы производства», а плоды целенаправленного творчества, вернее, творения. Дед-инвалид, Михей с рынка, научил меня отличать их по особым признакам.

Именно через такие артефакты, как эта вот «батарейка» или как та «пустышка», которую некогда продал мне сам дед, Зона проникает за пределы себя. Она «ощупывает» весь окружающий мир, раскинувшийся за ее пределами. При помощи этих и подобных артефактов она способна покинуть ограничивающий ее Периметр, и попасть к любому человеку прямо в дом. Посмотреть, чем он живет, послушать мысли, просмотреть многосерийное кино всех воспоминаний, прощупать глубины души.

И, подержав в своих руках, осмотрев со всех сторон и во всех подробностях, Зона способна заполучить точный «слепок» любого из тех людей, которые хотя бы просто прикоснутся к такому сканирующему артефакту. А уже при помощи этого «скана» — может воссоздать человека внутри себя, несколько видоизменив его, улучшая по своему усмотрению. Или ухудшая. В зависимости от того, с какой точки зрения оценивать. Хотя до чего же все относительно... Поди разберись, «что такое хорошо и что такое плохо»!

Я захлопнул чемодан, затем решительно достал и включил свой КПК.

— Проблема устранена. Кейс у меня, скоро буду, — войдя в зашифрованный канал, проинформировал я торговца.

— Ну, ты молоток! Тащи его сюда, быстрее!

Радостный Сидорович ответил моментально, как будто все это время коршуном нависал над передатчиком и нетерпеливо ждал, когда же я выйду на связь. Хотя скорее жирным грифом, а не коршуном.

— И еще, слушай, тут наметился замес с братвой на блокпосте. Зашли несколько человек к их КПП, пускай просто пошумят там, — попросил я барыгу, уверенный, что он обязательно выполнит мою просьбу, — чтобы я смог браткам в спину нежданчик организовать.

— Не вопрос! Трое моих бойцов во главе с Доберманом уже давно у КПП и только ждут команды, — снова удивил меня своим ответом Сидорович. — Сейчас вышлю тебе частоту ПДА Добермана. Он и его ребята поступают к тебе в распоряжение. Ты только кейс не просей по пути!

— Не нервничай, торговец. Ты лучше мой месседж отправь, — ответил я и отключил канал связи.

Открыв рюкзак, я разложил свой «аномальный» арсенал на столе. Назад придется прорываться с боем. Братки уже наверняка знают, что произошло на КПП, и Доберман со своими бойцами смогут сделать не так уж много, разве что отвлечь их внимание на себя. А всю грязную работу все равно придется делать самому. Но, в конце концов, блокпост братвы — не военная часть, набитая солдатами под завязку. Да и времени на мягкие методы уже не осталось. Наведу здесь шороху и укроюсь на Болотах, просочусь в район старой церкви. Эх, много народу поляжет ни за что...

Но с другой стороны, все они — обычные люди.

Я глянул себе под ноги, на мертвого контролера. Этот мутант и то мне куда роднее, чем все они, вместе взятые.

Да, я так называемый «шатун». Не оригинал, а копия... самого себя. «Копия самого себя» — до чего же нелепое словосочетание!

Я закрыл глаза, и передо мной, словно ускоренные кадры фильма, снова проскочили

все безумные дни и ночи, проведенные в Зоне, а потом в «большом мире». И опять я вспомнил то жалкое убожество, скатившееся на самое социальное дно, то ничтожество с мертвыми глазами, в которое превратился мой оригинал.

Узнать и поверить, что я человек не такой, как все, а возможно, и не человек совсем, вначале было жутковато. Как же?! Я ведь всю жизнь считал себя «утенком», пусть даже «гадким». А оказался птицей другого вида, с куда большим размахом крыльев! Теперь я смотрю на людей иначе. Не то чтобы свысока и с презрением, скорее уж с безразличным сочувствием, если не сказать с жалостью.

Я приподнялся над ними, над всеми этими «крысиными гонками» над бессмысленным и бессмысленным сжиганием времени, отмеренного каждому из них. Бесценного времени жизни. Какими же убогими мне теперь казались обыкновенные люди «большого мира»! Какими ничтожными и надуманными виделись мне все их проблемы, беды и радости.

К тому же я продолжаю помнить, и никогда не забуду, что именно люди хотели хладнокровно меня уничтожить. Меня, который достоин жизни больше, чем многие из них. Люди пытались у меня отобрать мое право жить! То единственное право, которое безоговорочно получает каждое живое существо, появляясь на свет.

А мне пришлось это право выгрызть зубами, выпараживать когтями и проливать за него свою кровь. Да, вовсе не человеческая женщина меня родила на этот свет. Но почему это люди решили, что я выродок? Постановили, что я расходный материал, ошибка мироздания, отбраковка матушки-природы? Ведь если хоть кто-то из них вздумает преградить мне путь на узкой тропе, то сам отправится на свалку истории! В сравнении со мной — ни один из них не сумеет выжить по закону естественного отбора.

Так кто же из нас, в таком случае, ошибка мироздания?!

Люди за века существования человечества привыкли себя считать хозяевами мира, и даже понятия не имеют, что заперты внутри «зоопарка». На самом деле все они обитают в «пузыре», пускай и огромном, с их точки зрения, но в действительности — жалком и ограниченном. Они узники замкнутого мирка, урезавшего способности своих обитателей, опустившего их на примитивный уровень обыкновенных животных... Хотя что это я зверушек обижаю ни за что ни про что. У животного нет выбора, а у человека — всегда есть, пока не умер, и только от него самого зависит, кто он сам себе: могильщик или реаниматор. Каждый может или закопаться в землю, или поднять взгляд к небесам.

Жить или существовать.

Почти никто из обычных людей всерьез и мечтать не способен о таких реальностях, где все «как в сказке». О других огромных мирах, полных чудес. Обычные люди разве что в фантастических книжках и фильмах допускают вероятность, что существуют и другие реальности, неизведанные и непознанные, размерами с их «большую» Землю, а то и гораздо более масштабные. Что вполне реальны иные миры, где все прозрачно, даже мысли, где все возможно, где не нужно убивать, чтобы заполучить «кусочек пожирнее».

И ведь это вовсе не обычный человек, а один из наших, пускай даже и случайно, отыскал выход. Путь, что уводит наружу, прочь из этого «пузыря» под названием Земля. Нашел и вернулся. Он не остался по ту сторону, смаковать новую чудесную жизнь, а вернулся назад. Многие ли из обычных людей способны добровольно возвратиться из рая в это грязное болото?!

А он вернулся, чтобы узнали мы. Чтобы рассказать всем нам об этом. Вернулся, четко осознавая, что второй раз может и не найти путь, уводящий из болотной грязи к сияющим звездам.

Именно его, этого проводника, я сейчас и разыскиваю.

А люди... А что люди?

Неожиданная вспышка гнева на обычное человечество прошла так же быстро, как и появилась. Злость утихла, от простого осознания того, что теперь уже никто не сумеет отобрать у меня мое заслуженное право на жизнь. Здесь, в Зоне, на этом перекрестке миров, я могу каждого человека заставить себя уважать и считаться со мной. И я заставлю это

делать!

МЫ заставим...

Нас здесь, в Зоне, накопилось уже достаточно много. За ее пределами — тоже есть наши.

Подробности текущего положения вещей я узнал от наставника, одна копия которого торгует артефактами на рынке, а другая, в поисках выхода из «пузыря», пытается разгадать секрет заброшенной лаборатории. Причем оригинал — так тот вообще живет где-то между Рыжим лесом и Лиманском, известный под зонным прозвищем Лесник.

Да, нас уже много. А сколько еще будет?.. Одной Зоне известно. И если обычным людям нет дела до нее, то это совсем не означает, что ей нет дела до них. Ведь кому-либо из людей, даже случайно, достаточно лишь прикоснуться к одному из артефактов, неотвратимо распространяющимся по всему миру. Сканирующим сенсорам, подобным той «пустышке», которую я неожиданно для самого себя купил в тот судьбоносный вечер... И Зона сразу видит людей, попавших в поле ее зрения. Насквозь «просветит», узрит разум и душу. А если она вдруг решит, что эти люди живут зря? Просто коптят небо, бездарно убивают время жизни, тащатся по замкнутому кругу, вместо того чтобы двигаться по спирали.

Не думаю, конечно, что к каждому из них, таких никчемных, ничтожных человечков, вдруг позвонит в дверь квартиры или дома некто, желающий занять его место.

Но...

Но если и дальше все будет по-прежнему, как сейчас, если ничего не изменится, если протухшее, гнивающее в собственном несовершенстве человечество не поймет наконец-то действительно, а не на словах, в чем истина... тогда уж придется нам собственноручно вбивать понимание жизненной сути в головы людей. Не ценишь по достоинству, не можешь сохранить — уступи место, освободи жизненное пространство.

Я верю, что рано или поздно обязательно наступит час истины, ради которого мы и были сотворены. Мы все как один восстанем и поборемся с людьми. Только уже не просто за право жить, а за исключительное право называться словом ЧЕЛОВЕК. И далеко не факт, что нынешнее человечество, даже имея многократное численное преимущество, победит.

Уж кому-кому, а нам прекрасно известно, как сильно приходится стараться, чтобы сохранять за собой право на жизнь...

Рожденный в Зоне открыл глаза, закончив мысленно просматривать кино памяти, и окинул взглядом разложенный на столе оружейный арсенал.

Война состоит из отдельных битв и схваток. Очередная из них, еще одна в бесконечной цепи, ждала его в ближайшем будущем. Автоматы, пистолеты и гранаты помогут ему победить. И более чем помогут артефакты с аномалиями. Даже другие мутанты при случае. Но он уже понимал, что главное оружие победы заключено в нем самом.

Собственная, однажды сотворенная Зоной жизнь...

Лески — Октябрьский

2010 — январь 2011 г.